

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В РАННЕЙ
РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

С. П. БРАДШОУ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ РАБСТВА
В АНТИЧНОМ МИРЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

К. И. Зельин, А. И. Павловская,
С. Л. Утченко

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва-1971

Е. М. ШТАЕРМАН, М. К. ТРОФИМОВА

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В РАННЕЙ
РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
(ИТАЛИЯ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва-1971

В очередном выпуске из серии работ по истории рабства рассматривается кардинальная проблема античного мира — начало и причины кризиса рабовладельческой экономики. В книге всесторонне исследуется применение рабского труда в различных отраслях хозяйства, анализируется политика римского правительства по отношению к рабам и вольноотпущенникам, влияние рабовладения на классовую и идеологическую борьбу. На материале надписей юридических трактатов, раннехристианских сочинений ставится ряд новых проблем («рабский вопрос», роль «рабской интеллигенции» и т. д.), которые решаются весьма оригинально.

ВВЕДЕНИЕ

Деление истории римского рабства на периоды позднереспубликанский и императорский несколько искусственно. В первый век существования империи рабовладельческий способ производства даже в Италии продолжает развиваться по восходящей линии. Первые симптомы неблагополучия в рабовладельческих хозяйствах здесь обнаруживаются в конце I в., переломным же пунктом следует считать середину II в., когда уже можно говорить о начале кризиса рабства. Суть и причины этого кризиса — одна из основных проблем истории рабства в период ранней империи. В полном объеме она может быть освещена лишь при сравнительном изучении данных по всей империи. Но и итальянский материал в данном случае может играть весьма значительную роль, так как именно в Италии рабство достигло наибольшего расцвета, упадок же рабовладельческой экономики наступил раньше, чем в подавляющем большинстве провинций. Процесс здесь шел в наиболее чистом, если можно так выразиться, классическом виде.

О предпосылках кризиса рабства высказывались различные соображения. Одним из самых распространенных является мнение, что разложение рабовладельческого способа производства связано с отсутствием в период империи крупных войн, из-за чего прекратился массовый приток поработанных дешевых пленных. Теория неразрывной взаимосвязи развития и упадка рабства с числом поступающих на рабские рынки пленных уже подробно разбиралась нами¹. Заметим лишь, что применительно к империи эта теория еще менее убедительна, чем для периода республики. Во-первых, в тех же условиях (т. е. когда сократилось число пленных) рабовладельческое хозяйство развивалось в провинциях до конца II, а кое-где и до первых десятилетий III в. Во-вторых, как мы увидим далее, авторы того времени, подходя к «рабскому вопросу» с самых различных точек зрения, ни разу не посетовали на уменьшение количества рабов, а, напротив, некоторые из них считали, что рабов стало слишком много.

¹ См. *Е. М. Штаерман*. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, гл. I.

Наконец, факты не подтверждают предположения о значительном подорожании рабов в первые века нашей эры, что якобы сделало рабский труд невыгодным.

Другая теория, выдвинутая М. И. Ростовцевым и принятая рядом наших историков, объясняет упадок италийской экономики конкуренцией развивающихся провинций, вытеснявших с рынка продукты, поставляемые латифундиями Италии. В качестве предпосылки здесь принимается взаимосвязь судьбы рабства с судьбой латифундий как типичных рабовладельческих хозяйств, к тому же наиболее зависимых от рыночных отношений. Ни то, ни другое не подтверждается фактами. Латифундии, основанные исключительно на труде рабов, — явление для Италии нетипичное и преходящее. Появились они поздно и существовали недолго. Кроме того, в крупнейших имениях всегда имелась тенденция к некоторой автаркичности. По-настоящему связаны с рынком были мелкие и средние виллы, и именно с их расцветом и упадком связан расцвет и упадок рабства. Последний всегда сопровождался разложением среднего землевладения, а не латифундий, которые, напротив, тем более росли и крепились, чем дальше заходил кризис основанной на рабстве экономики.

Значительно более фундирована точка зрения, согласно которой рабство приходит в упадок из-за несоответствия его возросшему уровню производительных сил. Однако этот тезис иногда в нашей литературе понимался несколько односторонне: дело сводилось лишь к неспособности и нежеланию незаинтересованных в труде рабов применять более сложные орудия производства (изобретенные, но слабо использовавшиеся в условиях господства рабского труда), что и обусловило переход к колонату. Подобная прямолинейная зависимость несколько механистична, так же как и сведение производительных сил только к технике, использование которой, кстати сказать, в мелких хозяйствах колонов было еще менее реально, чем в рабовладельческих имениях, где владельцы располагали известными средствами для покупки усовершенствованных плугов, жаток, косилок, прессов и т. п., чего не могли сделать полунисшие колонны. Весьма важным было, как мы попытаемся показать далее, не только нежелание рабов осваивать более сложные орудия производства и более трудоемкие методы в агротехнике, но и нежелание господ повышать умственный и культурный уровень рабов настолько, насколько это диктовалось новыми, возросшими требованиями. Узость соответственного предела для рабов — характернейшее выражение противоречий рабовладельческого способа производства. Одним из его проявлений было, между прочим, резкое сокращение при империи столь многочисленной при республике рабской интеллигенции.

В данной связи весьма важен вопрос о рентабельности труда рабов по сравнению с трудом наемных работников и колонов.

В свое время мы уже приводили соответственные расчеты различных историков². Однако вряд ли их можно признать бесспорными, поскольку по необходимости приходится оперировать более или менее гипотетическими данными: ценами на рабов, заработной платой наемных работников, стоимостью содержания рабов, возрастом, с которого раб начинал приносить какой-то доход, производительностью труда работников разных категорий и т. д. Видимо, в какой-то мере наемный труд стал считаться более выгодным, чем рабский, судя по широкому распространению найма рабов, постоянно упоминающегося в Дигестах, но мы не знаем, относилось ли это ко всем отраслям и типам хозяйства и каково было в них соотношение наемного и рабского труда. Во всяком случае, если удельный вес наемного труда и возрастал, то обуславливалось это не нехваткой рабов — сплошь да рядом наемниками оказывались те же рабы, — а большей заинтересованностью и усердием сдававшегося в наем раба. Сдача в наем рабов было достаточно распространена при республике; при империи, видимо, можно говорить лишь о количественных, а не о качественных изменениях. К тому же совершенно очевидно, что в основном рабский труд заменялся не трудом наемных работников, а трудом колонов разных категорий, в общем мало совместимым с рациональным интенсивным хозяйством. Возможно, что представление о падении производительности рабского труда как основной причине кризиса рабовладельческого хозяйства преувеличено.

Производительность труда падала скорее не абсолютно, а относительно, т. е. прежде удовлетворительные ее возможности переставали соответствовать новым потребностям, рамки же расширения этих возможностей были весьма узки.

Новые потребности диктовались не только усовершенствованием хозяйственных методов, но и общим направлением развития экономики. К. Маркс, говоря, что превращение натуральной ренты, натуральных податей и повинностей в денежные возможно лишь при определенном уровне производительной силы труда в обществе, указывает как раз на неудачные попытки римских императоров превратить в денежную хотя бы ту часть ренты, которая взималась в виде государственного налога, и на возвращение к натуральным поставкам³. Думается, что это замечание Маркса наиболее полно объясняет характер процессов, подрывавших экономику империи в I—III вв. Та степень развития товарно-денежных отношений, которая была к этому времени достигнута, не соответствовала уровню производительной силы труда и, в общем, натуральной основе хозяйства.

² См. *Е. М. Штаерман*. Указ. соч., стр. 75, 76.

³ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 23, стр. 151—152.

В исторической литературе принято положение о теснейшей взаимосвязи развития товарно-денежных отношений и рабства. По-видимому, положение это слишком общее и нуждается в существенном ограничении. В начале процесса рост товарности хозяйства действительно стимулировал рост рабства. Производство для рынка требовало известной специализации и квалифицированности работников, что предполагало наличие более или менее четкого разделения труда и кооперации, хотя бы только простой. Оптимальные условия в этом отношении в конце республики складывались, с одной стороны, в крупных пастбищных, с другой — в средних земледельческих хозяйствах, причем и те и другие к концу I в. до н. э. основывались на труде рабов и в наибольшей степени были связаны с рынком. Они росли и множились за счет обезземеливания крестьян и расхищения государственного земельного фонда. На первых порах разорение крестьян, уходивших на заработки в города, содействовало оживлению рыночных отношений, хотя, конечно, далеко не в такой степени, как при аналогичных процессах в период становления капитализма. Государственные раздачи плебсу, сравнительно более слабое развитие городского ремесла, известная автаркичность крупных хозяйств, снабжавших всем необходимым владельцев и их фамилии, лимитировали товарно-денежные отношения. Тем не менее условия для работавших на продажу рабовладельческих хозяйств, складывались благоприятные. Такими же они оставались в начале империи, когда, как можно полагать, в результате дробления многих крупных земельных комплексов при триумвирах и Юлиях—Клавдиях, число средних рабовладельческих вилл было максимальным. Наивысшего расцвета достигло и городское ремесло, продукция которого успешно конкурировала с товарами, привезенными из восточных провинций. Покупателями ремесленных и сельскохозяйственных товаров являлись и средние, и крупные собственники, так как возросшая роскошь диктовала необходимость приобретать изысканные вина, фрукты, овощи, рыбу, дичь, одежду и украшения не только для господ, но и для рабов.

Показатель проникновения денежных отношений в экономику — абсолютное преобладание в это время денежной аренды, видимо в значительной мере вытеснившей прежние формы натуральной и издольной аренды. Деньгами расплачивались и свободные колонны, и арендовавшие господские имения виллики, и поставленные во главе торговых и ремесленных предприятий инструкторы, также по существу находившиеся на положении арендаторов. Все эти лица, следовательно, также должны были выступать в качестве продавцов. До известных пределов это им удавалось, но в конце концов чрезмерное развитие денежных отношений стало оказывать на экономику отрицательное воздействие.

Здесь большую или меньшую роль могли играть разные причины. Основа хозяйства оставалась натуральной. Как показали

исследования М. Е. Сергеенко⁴, итальянские виллы, специализируясь на какой-нибудь отрасли, производили и продукты, необходимые для сельской фамилии, следовательно, емкость рынка для сельскохозяйственной продукции была ограничена. Зерно для раздач римскому плебсу поступало в виде дани из провинций. В итальянских городах, правда, постоянных раздач не было, но собственники, владевшие землей на городской территории, обязывались продавать для городского населения какую-то часть зерна по пониженным ценам. При относительном несовершенстве агротехники, особенно в мелких хозяйствах, неурожаи, стихийные бедствия и т. п. надолго подрывали платежеспособность колоннов. Владельцы за долги забирали их инвентарь и скот, что окончательно лишало их надежды расплатиться и выбиться из нужды. Соответственно понижались и доходы землевладельцев. Денежный вопрос становился для них все более острым. Правда, Италия не знала поземельного налога, но существовали многочисленные иные налоги и пошлины, частично исконные, частично вводившиеся императорами заново и взимающиеся в деньгах. Были и различные экстраординарные сборы — в связи с войнами или для выражения верноподданнических чувств. Особенно же много денег муниципальным и крупным землевладельцам требовалось на представительство. Сюда входили расходы, часто очень значительные, на отправление муниципальных должностей, на залоги в казну в связи с управлением казенным имуществом, на постройки для города, на раздачи, зрелища, угощения, пожертвования коллегиям и т. п. Расходы эти росли с ростом городского населения и были неизбежны, так как обуславливались самой природой античной формы собственности, составлявшей базу античного города — не только независимого, но и входившего в состав империи. С начала II в. для тех, кто воспользовался установленной Траяном ссудой под залог земли, прибавилась еще выплата 5%. Жалобы на нехватку денег, на то, как трудно прокормить и одеть рабов, мы постоянно встречаем у современников, и не только у такого небогатого землевладельца, как Ювенал, но и у таких богатых вельмож, как Сенека и Плиний Младший.

Поскольку приток военной добычи сократился и ограблению провинций при империи были поставлены известные пределы, необходимые деньги можно было выколотить только из своих земель. Какими путями? При республике, как известно, наибольшие доходы давало крупное овцеводство. Но для него требовались очень значительные территории под зимние и летние пастбища. Возможность значительно расширять свои владения за счет крестьянских наделов, как это делалось во II—I вв. до н. э., видимо, оставалась лишь в Цизальпийской Галлии. Мы знаем,

⁴ См., например, М. Е. Сергеенко. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958.

что в I в. н. э. там было обширное крестьянское население, значительно сократившееся во II в.⁵, что на севере Италии в основном сосредоточивались владения наиболее видных земельных магнатов⁶ и, наконец, что при империи там были основные центры шерстяной промышленности⁷. Все это позволяет заключить, что в Цизальпийской Галлии с опозданием на два века шел тот процесс «вытеснения пахаря рабами-пастухами», который был одним из определяющих для развития рабства в остальных частях Италии при республике. Крупные пастбища в первой половине I в. н. э. существовали на юге Италии. Затем сведения о них и о местной шерстяной промышленности исчезают. Возможно, многие из тамошних крупных собственников подверглись репрессиям при Юлиях — Клавдиях и владения их перешли к императорам (на юге Италии весьма многочисленны надписи рабов из императорской поместной администрации); возможно также, что на юге были еще очень живы воспоминания о Спартаке и там боялись сосредоточивать большое число «диких» вооруженных рабов-пастухов.

В остальных частях полуострова земель, пригодных для захвата под пастбища, не оставалось: крестьянские, государственные земли и общинные угодья были давно расхищены, наделы же ветеранов и императорских отпущенников, полученные ими от триумвиров и Юлиев — Клавдиев, в период борьбы последних с крупным землевладением являлись объектом, для захвата не подходящим. Скотоводство продолжало играть значительную роль в Италии (по мнению Сираго, даже ведущую — с упадком виноградарства и оливководства), но это было уже не то бурно расширяющееся промышленное овцеводство, которое при республике давало возможность наживать крупные состояния.

Второй путь — максимальная интенсификация хозяйства. Ее, как известно, активно пропагандировал Колумелла. Но он, как мы постараемся показать далее, во многом был утопистом. Его хозяйство требовало практически недостижимых в широких масштабах условий: идеальной организации надзора, столь же идеальной поместной администрации с всеобъемлющими знаниями и бескорыстной преданностью и любовью к хозяину, сочетания системы принуждения с системой поощрения, основанной преимущественно на моральном факторе, рабов — знающих, расторопных, трудолюбивых, покорных и преданных.

Третий путь — его советовали применять противники Колумеллы — сводился к возможному сокращению расходов, переходу к неприхотливым, не требовавшим большого труда и умения культурам. Однако, давая на первых порах известную экономию

⁵ Chilver. *Cisalpin Gaul*, 1942.

⁶ V. A. Sirago, *Italia agraria sotto Traiano*. Louvain, 1958.

⁷ Emilia Romana, v. I—II. Firenze, 1941—1944, v. I, p. 62, 71, 108; v. II, p. 72—73.

на капиталовложениях, он сокращал и доходы, т. е. приток столь необходимых владельцам денег.

Наконец, можно было — и, видимо, такая практика была довольно широко распространена — сдать имение в аренду виллику, без затрат и хлопот получая с него арендную плату. Но эта мера не разрешала стоявших перед рабовладельческим хозяйством трудностей. Хотя виллик как человек более опытный и знающий, чем обычный хозяин, мог более эффективно наблюдать за производственным процессом, подчиненная ему фамилия трудилась не с большей охотой, чем под руководством господина, а норма эксплуатации неизбежно повышалась, так как виллик должен был выколотить из рабов доход и для себя, и для господина. Как и свободные арендаторы, виллики впадали в долги (о чем часто упоминают юристы) и не могли вносить хозяевам деньги.

С конца I в. мелкие и средние собственники начинают разоряться, и земли снова концентрируются. Рост крупного землевладения теперь идет не за счет крестьян, а за счет вымывания того слоя собственников, который наиболее тесно был связан с рабовладельческим способом производства. Иногда виллы, перешедшие в руки одного собственника, не сливались в одно целое, сохраняли свои границы, инвентарь, основную культуру и продолжали эксплуатироваться прежним способом. Возможно, что в таком случае они также сдавались вилликам, и, следовательно, прежние трудности оставались в силе.

Могло крупное земельное владение превратиться и в единый комплекс, обрабатывавшийся рабами. Видимо, это и были те латифундии, которые, по знаменитому изречению Плиния Старшего, «погубили Италию» и которые осуждает Колумелла за отсутствие тщательной обработки земли. К сожалению, мы о них знаем очень мало. У писателей I в. такие латифундии ассоциируются обычно с бесчисленными массами томящихся в эргастулах закованных рабов и запустением, царившим в областях крупного землевладения — Этрурии, Лукании, Апулии. Из случайных замечаний Плиния Старшего, о которых подробнее будет сказано ниже, мы узнаем, что в латифундиях применялись методы, рассчитанные главным образом на экономию труда за счет потерь в урожае и при его сборе, что, по-видимому, диктовалось не нехваткой рабов, а чрезвычайной трудностью организовать большие их массы. Если организационный вопрос так остро стоял перед Колумеллой, имение которого, по расчетам Гуммеруса, занимало примерно полторы-две тысячи югеров с 30—40 рабами, то можно представить, какие непреодолимые затруднения вставали перед владельцем земли в три-четыре раза более обширной, особенно если основная часть персонала состояла из закованных рабов, надзор за которыми, по словам того же Колумеллы, должен был быть особенно неуспешным из-за их постоянной готовности восстать.

Расходы на аппарат принуждения могли поглотить львиную долю и без того не слишком высокого — из-за небрежности и потерь — дохода. Не удивительно, что часть земель в латифундиях пустела, зарастала лесом, превращалась в охотничьи угодья. Крупные рабские плантации могли вообще быть выгодны лишь в таких условиях, какие сложились при капитализме на юге США или в Вест-Индии, т. е. когда производившиеся на них культуры столь высоко ценились на мировом рынке, что все связанные с рабским трудом невыгоды окупались с лихвой. В античной Италии таких условий не было, и чисто рабовладельческие крупные хозяйства быстро оказывались невыгодными. Владельцы их переходили к сдаче земли в аренду, сперва денежную, а затем, так как, по изложенным выше соображениям, и она не давала надежного дохода, — в издольную. Колоны вербовались как из свободного населения, так и из собственных отпущенников и рабов. В отличие от вилков они арендовали не целые виллы с сельскими фамилиями, а отдельные небольшие участки, на которых работали сами. О таких арендаторах из либертинов и рабов мы имеем сведения примерно с середины II в.

Издольная аренда по мере ее распространения способствовала сокращению сферы действия товарно-денежных отношений, так как продавцами сельскохозяйственных продуктов теперь выступали уже только сами землевладельцы. Одновременно крупные имения все в большей мере становятся самодовлеющим целым со своими мастерскими и внутренними рынками. В орбиту их влияния втягиваются окрестные мелкие собственники и небольшие города. Так как хозяйства колоннов не были приспособлены для специализированных культур, преобладающими снова становятся зерновые, рынок сбыта для которых вообще был невелик. Соответственно сокращается и рынок сбыта для ремесленных изделий.

Таким образом, распространение товарно-денежных отношений до известных пределов стимулировало развитие рабства. Но когда эти пределы преодолевались, рабовладельческая экономика оказывалась переобремененной и вступала в период все углубляющегося кризиса. Внешние его признаки хорошо известны: разорение мелких и средних собственников, упадок городов, массовый отпуск на волю не только городских, как при республике, но и сельских рабов, рост крупного землевладения, распространение издольного колоната, натурализация хозяйства, возрождение элементов общины, неизбежных при мелком хозяйстве, будь то хозяйство свободных собственников парцелл или земледельцев, сидящих на чужой земле. В социальной сфере это такие явления, как расслоение и перемешивание прежних классов и сословий, эмансипация части рабов и деградация массы свободных, усиление влияния земельных магнатов, их конфликты с земле- и рабовладельцами муниципального типа, междоусобицы,

частая смена императоров и т. д. В области идеологической жизни — усиление морального нажима правительства на подданных, господ и патронов на их рабов и зависимых от них «маленьких людей» и ответная реакция масс, чем далее, тем более отворачивавшихся от культуры и идеологии правящего класса в поисках духовного освобождения.

Так, еще в рамках ранней империи начал развиваться тот процесс, который два века спустя окончился распадом западной половины империи на составные части и разложением рабовладельческого способа производства и античной культуры. Для понимания этого процесса первостепенное значение имеет исследование истории рабства при империи. К сожалению, хотя, казалось бы, источников здесь больше, чем для времен республики, их все же недостаточно для восстановления сколько-нибудь полной картины. Детали ее остаются нам недоступными, многое весьма спорно и гипотетично. Все же суммирование и сопоставление дошедших до нас данных может дать известные, хотя бы частичные, результаты.

Глава первая

ИСТОЧНИКИ РАБСТВА

Для эпохи империи данных об источниках рабства значительно меньше, чем для предыдущих периодов. Древние авторы, более или менее подробно перечислявшие проданных в рабство пленных во времена республиканских войн, почти полностью обходят этот момент, переходя к войнам I—III вв. Особенно характерен в этом смысле Дион Кассий. Он упоминает лишь пленных бастарнов, розданных Крассом солдатам в 29 г. до н. э. (51, 24, 7), салассов, проданных после подавления в 25 г. до н. э. поднятого ими восстания (53, 25, 4), усмирённых и проданных в 19 г. до н. э. кантабров (54, 11, 2), паннонцев, разбитых Тиберием в 12 г. до н. э. (54, 31, 1), и, наконец, германских женщин, взятых в плен и проданных Каракаллой в 213 г. (78, 14, 2). По его словам, Септимий Север при взятии Ктесифона захватил 100 тыс. пленных, но о дальнейшей их судьбе он умалчивает (79, 9, 4). О пленных, которые несомненно должны были попадать в руки римлян во время крупных и мелких войн на протяжении более чем двух веков, Дион Кассий вообще ничего не пишет. Даже при перечислении огромной дакийской добычи Траяна он ни словом не обмолвился о людях.

Немногим больше мы узнаем и из других авторов. Страбон упоминает пленных, проданных Петронием во время похода в Эфиопию (XVII, 1, 54). Тацит, дававший подробный отчет о войнах I в. н. э. и особенно о военных действиях Корбулона, лишь однажды отмечает продажу Корбулоном «негодной для военного дела черни» после взятия крепости Воанда¹. Второе его свидетельство относится к продаже Вителлием «многих гельветов», не желавших признавать его власть², но она имела место не во время внешней, а во время гражданской войны. По свидетельству Светония, Август продавал пленных из народов, особенно часто восстававших, с условием, чтобы они не оставались в соседних со своей родиной районах и не получали свободы ранее, чем через 30 лет³. Ни о каких других продажах пленных у него речи нет.

¹ *Tac.*, *Ann.*, XIII, 39.

² *Tac.*, *Hist.*, I, 68.

³ *Suet.*, *Aug.*, 21.

Из Евтропия мы узнаем, что император Луций Вер при взятии Селевкии захватил 40 тыс. пленных⁴, но что он с ними сделал, неизвестно. Авторы SHA приписывают Александру Северу продажу пленных персов, вскоре, однако, выкупленных персидским царем⁵. Тот же император, по словам его биографа, обычно дарил детей и подростков из числа пленных своим друзьям, а знатных пленников зачислял на военную службу⁶. Клавдий II, разбив готов, «отправил их в рабство к римлянам», но приводимые далее подробности довольно сбивчивы: каждому солдату император роздал по две-три готские женщины, и не было района, где не имелось бы раба-гота; провинции наполнились рабами-варварами, земледельцами-скифами. Однако биограф Клавдия тут же говорит, что готы были в качестве колоннов поселены на лимесе⁷.

По версии Зосима, все скифы, уцелевшие после поражения, нанесенного им Клавдием, были или включены в легионы, или посажены на землю⁸. Согласно SHA, Аврелиан в бытность свою трибуном VI Галльского легиона разбил бродивших по Галлии франков и триста из них продал⁹, а в дальнейшем «обогатил Фракию пленными рабами» и послал императору Валериану для его частной виллы около 30 тыс. голов скота и 500 рабов¹⁰.

Чем же объясняется почти полное молчание римских авторов времен империи о порабощенных пленных? Можно было бы думать, что продажа пленных прекратилась, однако это не так. Тот же Дион Кассий мимоходом упоминает пленных британцев, сражавшихся в качестве гладиаторов в 47 г.¹¹ Иосиф Флавий в «Иудейской войне» неоднократно пишет о проданных в рабство повстанцах: при взятии Сепфоры (II, 5, 1), Гадары (III, 7, 1), Яффы (III, 7, 31), Иотапаты (III, 7, 36), Тивериады, откуда 6 тыс. человек Веспасиан послал Нерону для работ на Коринфском перешейке, а 30 400 человек продал (III, 10, 10); при осаде Иерусалима, когда Тит продавал бежавших к нему иудеев в таком количестве, что цена на них сильно упала (VI, 8, 2). После взятия города распоряжавшийся пленными по приказу Тита Фронтон тех, кто был старше 17 лет, отправил в оковах на работу в Египет или в гладиаторские школы, тех же, кто был моложе 17 лет, продал. Всего, по подсчетам Иосифа Флавия, за время войны было взято в плен 97 тыс.

⁴ *Eutr.*, VIII, 10.

⁵ SHA, Alex. Sev., 55, 3.

⁶ *Ibid.*, 58, 4.

⁷ SHA, Cl., 8, 2; 6; 9, 4—5.

⁸ Zos., I, 46.

⁹ SHA, Aur., 7, 1.

¹⁰ *Ibid.*, 10, 2.

¹¹ *Dio Cass.*, 60, 30, 2.

человек (VI, 9, 3). Цифра эта, даже по масштабам республиканских войн, довольно значительна, но другие авторы, в той или иной связи писавшие об Иудейской войне, ее не упоминают. Это дает право предположить, что отсутствие у них сведений о продаже пленнх в других войнах еще не означает полного прекращения соответствующей практики.

Скорее можно думать, что материал, относящийся к продаже пленнх, не возбуждал особого интереса ни у римских историков, ни у их читателей, так как, в противоположность распространенному мнению, о котором речь шла выше, потребности в притоке новых рабов не ощущалось. Поэтому захват и продажа пленнх внимания не привлекали.

Об этнической принадлежности рабов в I—III вв. судить весьма трудно. Некоторые писатели того времени отмечают, что среди римских рабов имеется много варваров. О толпах разноплеменных рабов, поклоняющихся своим богам или не почитающих никаких богов, говорил Гай Кассий, когда выступал в сенате по делу рабов Педания Секунда¹². Плутарх осуждал обычай приставлять к детям рабов-варваров¹³; философ Фаворин советовал не поручать выкармливание детей рабыням, обычно происходящим из чужой, варварской среды¹⁴.

Все это, однако, достаточно неопределенно. В надписях национальность рабов указывается в единичных случаях. Имена же не являются сколько-нибудь надежным свидетельством. М. Гордон, специально занимавшаяся этнической принадлежностью италийских рабов, замечает, что из 5 тыс. рабских имен, содержащихся в CIL, 2174 — греческие и 2126 — латинские, но это ничего не доказывает, так как рабов, независимо от их национальности, могли назвать любым именем. Так, рабов германцев, галлов, испанцев из императорской стражи звали Феб, Гност, Эрот, Синтроп и т. п.¹⁵

Кроме иноплеменников, попадавших в империю в качестве пленнх, многие импортировались с «варварской» периферии. Страбон отмечает значение Аквилей и Танаиса как рынков, на которых соседние племена продают рабов (V, 1, 8; XI, 2, 3). Тацит рассказывает, что когда во время войны с царем Боспора Митридатом римляне осадили крепость сираков Успе, те предложили в виде выкупа 10 тыс. рабов, но римляне их не взяли, так как столь большую толпу трудно было стеречь¹⁶. Меньшие партии рабов римляне, однако, ввозили. За границу, т. е., скорее всего, в империю, продавали своих попавших в рабство со-

¹² Tac., Ann., XIV, 42.

¹³ Plut., De ed puer., 7.

¹⁴ Aul. Gell., XII, 1.

¹⁵ M. Gordon. The Nationality of Slaves under the early Roman Empire. — «Slavery in Classical Antiquity», ed. by M. Finley. Cambridge, 1960, p. 96—104.

¹⁶ Tac., Ann., XII, 17.

племенников и взятых в плен в межплеменных стычках германцев¹⁷. Например, когорта узипетов, отправленная в Британию, восстала, а затем была разбита свевами и фризами. Солдат когорты продали как рабов, и, «меняя владельцев», они оказались на границе империи¹⁸. Рабов у германцев покупал Домициан¹⁹. В известном таможенном тарифе из Зараи в Африке значатся и привозившиеся из пограничных областей рабы. Об импорте рабов из-за границы говорится в одной Псевдоквинтиллиановой декламации, построенной на разборе случая обмана работорговцем публиканов, взимавших пошлины на ввозимых для продажи рабов. Автор замечает, что подобные дела нередко разбираются в судах²⁰. Но никаких данных, позволяющих судить о численности привозившихся из-за границы рабов, мы не имеем. Тем менее можно судить об их распространении по римскому миру — оставались ли они в пограничных провинциях, продавались ли в Италию и т. д.

Постоянным источником рабства оставалась «внутренняя периферия» — провинции. При всех попытках императоров ввести эксплуатацию провинций в известные рамки случаи произвола наместников были нередки, а нищета населения во многих провинциях — волюющей. Тацит рассказывает, например, о хозяйничании примипалария Оления в области фризов, доведенных им до восстания. Переобремения фризов налогами, он сперва уводил у должников скот, а затем продавал в рабство их жен и детей²¹. В Британии ветераны, римские дельцы и т. п. сгоняли туземцев с земли, навязывали им займы под огромные проценты, а когда те не могли расплатиться, продавали их²². Филострат презрительно отзываясь о легкости, с которой расстаются со свободой геты, фракийцы, мизийцы, лидийцы и карийцы: они охотно продают своих детей и сами их массами привозят на продажу²³. Дело здесь, конечно, не в пренебрежении «варваров» к свободе, а в бедности малоазийских крестьян и живучести на востоке разных форм долгового рабства, делавшего возможной продажу должника на рабском рынке.

Весьма значительная часть рабов, несомненно, рождалась рабами. Резко противопоставлять в этом отношении время империи периоду республики неправомерно. Распространенная ссылка на частое упоминание в эпиграфике I—III вв. верн является плодом недоразумения: в подавляющем большинстве случаев верны в надписях не рабы, а малолетние дети сво-

¹⁷ Tac., Germ., 24.

¹⁸ Tac., Agric., 28.

¹⁹ Ibid., 39.

²⁰ Quintill., Dec., 340.

²¹ Tac., Ann., IV, 72.

²² Tac., Ann., XIV, 31; Agric., 31.

²³ Philostr., Vit. Apoll., VII, 3; VIII, 7.

бодных родителей; только в надписях императорских рабов и отпущенников верны действительно выросшие в доме рабы августов и членов их семей. Естественное воспроизводство рабов имело место и при республике, и при империи. Насколько роль его с годами возрастала, мы судить не можем. Но возможно, что при империи оно стимулировалось признанием — сперва фактическим, а затем, как мы увидим далее, и юридическим — родственных и семейных связей рабов. Уже в одной из Контроверсий Сенеки Старшего как нечто само собой разумеющееся говорится, что при продаже рабов с аукциона братьев не разлучают²⁴. Мусоний Руф, осуждая связи господ с рабынями, пишет, что большинство не видит в них ничего зазорного, особенно если рабыня вдова²⁵. Следовательно, даже в его времена некоторые, хотя бы теоретически, считали недопустимой связь со своей замужней рабыней, признавая ее брак и права мужа. Ульпиан, комментируя закон о возвращении продавцу раба, о болезни или пороке которого он не предупредил покупателя, пишет, что часто из-за такого раба приходится возвращать и других, вместе с ним приобретенных, «если их нельзя разлучить, не погрешив против благочестия, ибо разве можно отдать сына и удерживать родителей или наоборот? То же следует соблюдать относительно братьев и лиц, состоящих в сожительстве» (Dig., XXI, 1, 35). В надписях рабыни и рабы очень часто называли своих супругов не сожителями и сожительницами, а мужьями и женами, упоминали своих детей, родителей, сестер, братьев. Как мы увидим далее, рабов и на волю обычно отпускали целыми семьями. Правда, по некоторым свидетельствам, рабыни с согласия мужей и господ или в тайне подкидывали своих детей²⁶, но подкидывали и свободные бедняки, так что считать, будто подобная практика препятствовала росту рабского населения в большей мере, чем свободного, не приходится, тем более что подкидыши независимо от статуса родителей становились рабами тех, кто их воспитал. Такие воспитанники фигурируют в надписях часто.

Число рабов или лиц, чрезвычайно близких к рабам, пополнялось и за счет свободных не только из числа peregrini, но и римских граждан. У юристов сплошь да рядом фигурируют свободные, находящиеся в рабстве на законном основании (*qui bona fide serviunt*). Категория эта была неоднородна и не всегда можно решить, о ком именно идет речь в каждом конкретном случае. Иногда это люди, которые, будучи свободнорожденными, считались рабами по ошибке²⁷. О других было известно, что они свободнорожденные, и все же они находились на положении рабов. Гай, говоря о рабах, на которых «мы имеем узурфрукт

²⁴ *Seneca. Contr.*, IV, 26.

²⁵ *Mus. Ruf.*, Reliq., 66, 7—10.

²⁶ *Seneca. Contr.*, V, 33; *Dio Chrys.*, Orat., XV, 8.

²⁷ *Fragm. iur. Rom. Vat.*, 307; *Dig.*, XII, 4, 3, 5; XI, 12, 12, 1; XLI, 3, 44.

и которые делают нашим то, что изготовили на наши средства или своим трудом», приравнивает в этом смысле к ним и тех, кем «мы добросовестно владеем», будь то чужие рабы или свободные²⁸. Эдикт об уничтожении сделок, совершенных в ущерб отсутствующему, упоминал и свободных, находившихся в рабстве вследствие насилия или на законном основании (Dig., IV, 6, 11). В доме, на который человек имел *usus*, он мог проживать со своей семьей, отпущенниками и теми, кто у него работал на положении рабов, будь то свободные или чужие рабы (Dig., VII, 8, 4). В понятие фамилии, говорит Ульпиан, включаются все, находящиеся у ее главы в рабстве, и свободные, состоящие в рабстве на законном основании (Dig., XXI, 1, 25, 2). Последних он включал и в понятие «свои рабы», т. е. рабы, принадлежащие завещателю на полном праве (Dig., XXXII, 75, 1). По толкованию Требатия, к свободному, купленному *bona fide*, не относился интердикт, предписывавший выдавать свободного человека, удерживаемого насильственно и злонамеренно (Dig., XLIII, 29, 4, 1). За побои, нанесенные такому лицу посторонним человеком, хозяин мог вчинить иск, как и за обиду, нанесенную служащему ему чужому рабу (Dig., XLVII, 10, 15, 48). Служащих кому-нибудь чужих рабов и свободных нельзя было пытаться в деле, направленном против их хозяина (Dig., XLVIII, 18, 1, 9). Свободных, находившихся в рабстве, а также выкупленных у врагов и еще не отработавших свой долг выкупившему, не принимали в армию (Dig., XLIX, 16, 8). По мнению Юлиана, эти лица могли в некоторых случаях — например по закону Аквилы — вчинить хозяину иск, но Павел это отрицал (Dig., IX, 2, 13, 1; XI, 1, 13, 1). С другой стороны, хозяин не мог вчинить иск за моральную порчу служащего ему свободного и не отвечал за совершенное им убийство (Dig., IX, 2, 27, 3; XI, 3, 1, 1). Спорным среди юристов был вопрос, обязан ли находящийся в рабстве свободный, подобно рабу, принимать оставленное ему наследство по приказу господина (Dig., XXVIII, 5, 60; XLI, 1, 54). Всевозможные сделки он мог заключать от своего имени (*ipso iure obligari*) и отвечал сам по искам за причиненный им ущерб (Dig., XLI, 1, 54, 1—3). Он должен был исполнять все взятые им на себя относительно хозяина обязательства, причем дело не менялось от того, что он был куплен, получен по завещанию, принадлежал хозяину или тот владел им как фруктуарий (Dig., XLI, 1, 54, 3a; XLV, 1, 118). Вместе с тем Гордиан в рескрипте на имя Помпеи разъясняет, что свободнорожденную рабская служба (*servitutis obsequium*) не делает рабыней, а отпуск на волю — отпущенницей (CJ, VII, 14, 2). Диоклетиан в рескрипте от 294 г. упоминает свободных, из-за нужды несущих рабскую службу (*servilia ministeria*), что не должно отражаться на их статусе, а в ответе Аристоклее

²⁸ Gai., Inst., II, 91—92; ср. Dig., XLI, 1, 19; 1, 54, 4.

пишет, что статус свободнорожденной не может измениться из-за того, что она была дана в приданое как рабыня (*velut ancilla*), — свободного нельзя сделать рабом частным договором или фактом исполнения им службы (CJ, VII, 14, 2; 14; 16, 10; 16).

Из приведенного материала можно заключить, что частично свободные, о которых идет речь, были наемными работниками, сближавшимися, с точки зрения их взаимоотношений с хозяином, с нанятыми им же рабами. Несмотря на неоднократные разъяснения законодателей, наниматели, если такой работник служил им более или менее долгий срок и, вероятно, скорее всего не ограниченный определенным договором, приравнивали его к своим рабам и распоряжались им по собственному усмотрению (например, давали в приданое и т. п.). Но видимо, была и другая категория свободных, находившихся в рабстве на законном основании, права на которых их господ и юридически почти не отличались от прав на рабов. Их можно было удерживать у себя силой, продавать, завещать. Они сближались с теми лицами, которые, будучи выкуплены кем-либо у врагов, должны были отрабатывать сумму выкупа и, хотя не считались рабами в собственном смысле, практически таковыми оказывались (CJ, VIII, 50, 2; 11). Скорее всего это и были неоплатные и закабаленные должники.

В работе, посвященной рабовладельческим отношениям в Римской республике, мы уже приводили данные о долговой кабале во II—I вв. до н. э. Не положил ей конец и закон Юлия *de cessione bonorum*. Закон этот, судя по комментариям, содержащимся в Дигестах (XLII, 3) и Кодексе Юстиниана (VII, 71), давал право должнику отказаться от своего имущества в пользу кредитора и сохранить, таким образом, свободу. Если его имущество было меньше суммы долга, он был обязан вносить кредиторам и то, что наживал впоследствии, за исключением необходимого прожиточного минимума. Вероятно, многих, особенно имевших семью, такие условия не устраивали, и они предпочитали расплачиваться своим трудом, т. е. идти в кабалу, не отличавшуюся от рабства. Возможно, именно к таким случаям относится рассматриваемый Ульпианом вопрос, может ли господин продать имение, полученное в приданое человеком, затем обращенным в рабство? По мнению Ульпиана, не может (Dig., XXIII, 5, 2). Следовательно, какая-то часть имущества оставалась семье человека, ставшего рабом или кабальным.

Отличие второго от первого было весьма несущественным. Квинтиллиана интересовало, есть ли разница, и в чем она состоит — между рабом и должником, присужденным кредитору, аддиктом, которому «закон повелевает быть в рабстве, пока он не расплатится». Ответы на столь тонкий и сложный вопрос, говорит Квинтиллиан, могут быть разные, как различны мнения и о том, является ли рабом ребенок матери-кабальной. Некоторые

скажут, что «раб — это тот, кто находится в рабстве согласно праву» (*servus est, qui est iure in servitute*). Другие дадут такое определение: «раб — тот, кто в рабстве по тому же праву, что и раб» (*qui in servitute est eo iure quo servus*), или тот, кто «рабствует» (*qui servitutem servit*). По мнению Квинтилиана, хотя такое определение подходит к кабальному, он все же отличается от раба, так как, во-первых, получив свободу, считается не либертином, а свободнорожденным; во-вторых, он может, в отличие от раба, стать свободным и помимо желания господина; в третьих, он имеет три имени и трибу, и, наконец, закон принимает во внимание кабальных и не принимает рабов. Из всего этого Квинтилиан делает вывод, что быть рабом (*servum esse*) — не то же самое, что быть в рабстве (*servire*) (*Inst. Orat.*, III, 6; V, 10; VII, 4). Заметим, кстати, что он применяет к аддикту тот же термин *servire*, который применяется в Дигестах к свободным *qui bonafide serviunt*. Что последние не всегда были идентичны с наемными работниками, показывает толкование, которое Гай дает закону о похищении свободных людей: к таковому относятся кража детей, находящихся *in potestate*, жены, состоящей *in manu*, аддикта и нанявшегося на работу — *auctoratus* (*Inst.*, III, 199).

Некоторые дополнительные подробности об аддиктах мы узнаем из риторических сборников. Кабальный, говорится в одной из Псевдоквинтилиановых декламаций, — почти раб, почти не-свободный (*repe servus, vix liber*)²⁹. Другая декламация посвящена следующему казусу: закон гласит, что кабальный, пока не расплатится, находится в рабстве. Некто, имевший в доме аддикта, отпустил по завещанию всех своих рабов, аддикт также претендует на свободу. Наследники возражают, доказывая, что он не раб, а только находится в рабстве. Его природу свободнорожденного не могут изменить никакие превратности судьбы. Далее повторяется аргументация Квинтилиана — аддикт имеет три имени, трибу, ценз; расплатившись станет не либертином, а свободнорожденным. В свое нынешнее положение он попал не так, как прочие рабы, а из-за долга. Рабы заслужили свободу верной службой, господин полюбил их. Аддикт же, кроме гнева, ничего в нем вызвать не мог. Самый закон против неоплатных должников может быть суров, но справедлив, так как без него ничье имущество не было бы в безопасности³⁰. Из того же закона исходит и Кальпурний Флакк, предлагая для разбора такое дело: некто отверг одного из своих сыновей, лишив его тем самым права на наследство. Затем, впав в долги, был присужден кредитору, выкуплен отвергнутым сыном, который отпустил его на свободу (*manumittit*) и приобрел в качестве патрона права на его имущество. После его смерти сыновья спорят об этом имуществе,

²⁹ *Quintill.*, *Declam.*, VIII, 17.

³⁰ *Ibid.*, 311.

один — как патрон, другой — как наследник. Отвергнутый сын ссылается на то, что только по его милости отец получил свободу и права гражданства (*civitas*). Кабальный обычно никогда не надеется на свободу, так как, не умея «рабствовать» (*servire*), ведет себя дерзко и небрежно выполняет свои обязанности. Если бы он не был отпущен отвергнутым сыном, состояние отца принадлежало бы ему как пекулий раба. Когда отец стал рабом (*venalis*), заключает оратор, любимый сын не спешил его выкупить, и если бы кабальному можно было пользоваться правами отца, то я был бы теперь наследником, а он отвергнутым³¹. Как видим, на практике кабальный ничем не отличался от раба, а его надежды на свободу оказывались ничтожными.

Мы так подробно остановились на аддиктах потому, что в современной исторической литературе этот источник рабства не учитывается. Между тем, видимо, он играл немаловажную роль. О кабальных, работающих в оковах на землях крупных собственников, пишет Колумелла (I, 3). Авл Геллий, комментируя древний суровый закон о должниках, замечает, что вряд ли он когда-либо применялся, теперь же «из-за испорченности людей», презирующих наказания, многих приговаривают к кабале и оковам (*addicti... et vinciri multos videmus*) (XX, 1). Ритор Фортунатиан различает три возможных статуса человека: свободный, раб и аддикт³².

Нередкими, вероятно, были и случаи, когда влиятельные люди разными мерами вынуждали маленьких людей признать себя их рабами. Перечисляя сделки, совершенные под угрозой, Павел называет и угрозу порабощения посредством уничтожения документов, подтверждающих статус свободнорожденного пострадавшего лица (*Dig.*, IV, 2, 4; 8, 1). Свободных, которых силой или страхом заставили признать себя рабами, упоминает и Ульпиан (*Dig.*, XLI, 2, 16, 1). Валериан и Галлиен в письме Вазументию разъясняют, что он может восстановить свой статус свободнорожденного, хотя был принужден признать себя рабом (*CJ*, VII, 16, 6). Иногда гонимые нуждой бедняки, несмотря на противозаконность таких сделок, отдавали кредитору или продавали своих детей (*CJ*, IV, 10, 12; 43, 1; VII, 16, 1; VIII, 16, 6). Если дело доходило до суда, их восстанавливали в правах, но, конечно, они могли пребывать в рабстве и неопределенно долгий срок. Насколько часты бывали различные случаи незаконного порабощения, показывают, во-первых, постоянные судебные дела о статусе, которые дозволялось начинать всем родным попавшего в рабство человека, даже если они не имели права выступать в других тяжбах (*Dig.*, XL, 12, 1, 1 — 4; 12, 7); а во-вторых, замечание Помпония о том, как часто люди покупают свободных, считая их рабами. Из-за этого пришлось ввести правило, соглас-

³¹ *Calp. Flacc.*, *Declam.*, 14.

³² *Fortunat.*, *Ars rhetorica*, II, 1.

но которому все приобретенное ими за время пребывания в рабстве принадлежит господам, ибо иначе возникло бы множество недоразумений и затруднений (Dig., XLI, 3, 44).

Все это были незаконные пути порабощения свободных, но, очевидно, с середины II в. был открыт к тому и юридически признанный путь — узаконена ранее безусловно запрещавшаяся самопродажа совершеннолетнего свободнорожденного римского гражданина. Если раньше юристы считали покупку гражданина столь же невозможной, как покупку принадлежавших римскому народу храмов и священных участков (Dig., XVIII, 1, 6), то уже Адриан постановил, что, если кто-нибудь старше 25 лет позволил себя продать с тем, чтобы получить данную за него сумму, он законным образом становится рабом. Если продала себя женщина, рабами становились и ее рожденные после продажи дети (Dig., XLI, 13, 3; 14, 2). Юрист III в. Марциан, останавливаясь на происхождении рабства, пишет: рабы подпадают под нашу власть или по обычному праву, или по гражданскому. По гражданскому праву — те, кто, будучи старше 20 лет, допустили самопродажу, чтобы получить свою стоимость; по обычному праву — захваченные на войне или родившиеся от рабынь (Dig., I, 5, 5, 1). Как видим, возрастной ценз здесь по сравнению с законом Адриана снижен. Папиниан, Ульпиан и Модестин называли то 25, то 20 лет, но подтверждали, что достигшие соответственного возраста свободные, продав себя, становятся рабами, а будучи отпущены, «не возвращаются к своему прежнему статусу, от которого отказались», а становятся либертинами (Dig., I, 5, 21; IV, 4, 9, 4; XL, 12, 7). В рескрипте Александра Севера на имя Сабина подтверждается, что римский гражданин, согласившийся отдать себя в рабство, с тем чтобы получить свою стоимость, становится рабом (CJ, VII, 16, 5).

Юридически оформленное превращение свободных граждан в рабов стало столь обычным, что Диоклетиан несколько раз в ответах на различные прошения подчеркивал нестабильность статуса людей. Некто Исидор, ссылаясь на то, что он свободнорожденный и даже отправлял магистратуры, просил признать свободнорожденной его дочь, но император ответил, что положение Исидора не препятствует тому, чтобы его дочь была рабыней (CJ, IV, 19, 10). Из-за многих причин и случайностей, писал Диоклетиан Регину, у братьев, рожденных свободными, может впоследствии оказаться разный статус, поэтому то обстоятельство, что Регин — свободный, не мешает господам его брата удерживать последнего в рабстве (CJ, VII, 16, 17). Аналогичный ответ дал он и на просьбу Эвримедонта: то, что дед со стороны отца был магистратом, не доказывает прав внука на свободу, ибо в делах о свободе учитывается положение матери, а не отца. Но и положение деда со стороны матери ничего не доказывает, ибо перемена статуса из-за многих причин обычна (CJ, VII, 16, 28).

Таким образом, можно говорить для нашего периода о следующих источниках рабства: естественное воспроизводство, продажа пленных, импорт рабов из-за границы, порабощение свободных — сперва перегринов, а затем и римских граждан, как путем закабаления должников, так и — с середины II в. — путем узаконенной самопродажи совершеннолетних. Мы не имеем данных, чтобы судить о роли каждого из этих источников в пополнении рабского населения. Думается, что естественное воспроизводство стояло на первом месте. Продажа пленных постепенно сокращалась, так как вытеснялась практикой испомещения их на земли, сперва государственные, а затем и частные. Первые соответствующие сведения относятся уже ко времени Августа: Тиберий перевел 40 тыс. пленных германцев в Галлию и поселил их на берегу Рейна³³. При Веспасиане были посажены на землю разбитые Плавтием Сильваном бастарны. Со времени Марка Аврелия такая практика становится обычной и особенно укрепляется в III в. С конца III и в начале IV в. пленных уже раздают в качестве колонов частным землевладельцам. Правда, в Италию такие иноземные колоны не попадали. Марк Аврелий попробовал расселить там маркоманнов, но, так как поднятое ими восстание показалось опасным из-за близости к Риму, от расселения пленных колонов в Италии пришлось отказаться³⁴. Впоследствии Аврелиан намеревался разместить фамилии пленных на невозделанных италийских землях, с тем чтобы владельцы этих земель сдавали вино для раздач плебсу, но план этот осуществлен не был³⁵. Колоны из числа пленных поступали в провинции, но приток рабов за счет пленных должен был резко сократиться для всей империи, а следовательно, и для Италии. Возможно, что с конца II — начала III в. в связи с общим ослаблением заграничных торговых связей более или менее заглох и импорт рабов. Зато, видимо, возрастало значение порабощения свободных. В этом смысле рабство в последний век принципата приближается по типу к рабству восточному.

Внутриимперская торговля рабами была, видимо, достаточно интенсивна. Рабов продавали на специальных рынках, в лавках, с аукционов, не говоря уже о сделках между отдельными владельцами и покупателями рабов. Иногда продажа сопровождалась особыми условиями — например, чтобы раб был вывезен и не находился в том или ином городе или Риме (Dig., XVIII, 7, 5) или чтобы покупатель не отпускал его на волю и содержал в оковах (Dig., XXI, 1, 17, 19), или, напротив, чтобы он через определенный срок получил свободу. Вообще же правила, регламентирующие продажу рабов и ответственность продавца,

³³ Suet., Tib., 9; Eutrop., VII, 9.

³⁴ SHA, M. Aur., 22, 2.

³⁵ SHA, Aurel., 48, 2—3.

оставались теми же, что и при республике. Некоторые изменения и уточнения, внесенные в соответствующие законы, будут рассмотрены ниже, в другой связи.

Большой интерес представляет вопрос о ценах на рабов. Как мы пытались показать в предыдущей работе, при республике средняя цена на раба составляла от 500 до 1500 денариев, тогда как рабы квалифицированные, интеллигентные, отличавшиеся талантами и красотой, стоили гораздо дороже. При империи в этом отношении, вопреки общепринятому мнению, резких изменений не произошло. Вообще данных о ценах на рабов у нас немного; надо еще учитывать общее колебание цен, имевших тенденцию возрастать, особенно в III в., в связи с порчей монеты.

Наиболее полно данные о ценах на рабов собраны в работе И. Чешки³⁶. Для I в. он приводит как исключительно высокие суммы, уплаченные за некоторых особо выделявшихся рабов — в 100—200 тыс. сестерциев (т. е. 25—50 тыс. денариев). Они не показательны, так как свидетельствуют лишь об общем вздорожании предметов роскоши. О стоимости рабов, занятых в производстве, красноречиво говорят 8 тыс. сестерциев (2 тыс. денариев), в которые Колумелла оценивает высококвалифицированного виноградаря. Те же 8 тыс., по Горацию, стоил родившийся в Италии красивый юноша, хорошо умевший прислуживать и даже петь. За слугу Дава Гораций заплатил 500 денариев. Марциал оценивает в 600 сестерциев низкопробную проститутку; 5 тыс. денариев за погонщика мулов представлялись ему ценой баснословной; некий Каллидор, по его словам, продал раба за 300 денариев. Такая же стоимость раба встречается и у Петрония. Согласно документам из Помпей, два мальчика были куплены за 362 денария, а два взрослых раба — за 1325 денариев. Для II в. за отсутствием данных в литературных источниках Чешка использует эдикт Марка Аврелия об ограничении расходов на гладиаторские игры, в котором дан подробный перечень максимальных цен на гладиаторов разных категорий. Они колеблются от 15 до 3 тыс. сестерциев (3750—750 денариев). Автор ссылается еще на 625 денариев, уплаченных за раба в Равенне, на договоры о продаже рабов в Дакии со стоимостью в 205, 420 и 600 денариев и на постановление о штрафах за потравы полей в Африке, в котором раб-пастух оценивается в 500 денариев.

На основании собранного таким образом материала И. Чешка составил таблицу примерной стоимости рабов в первые два века. Рабы высококвалифицированные, выдающиеся в каком-нибудь отношении, стоили 5000—2500 денариев; хорошо обученные рабы — 2500—2000 денариев; квалифицированные, способные самостоятельно работать, — 2000—750 денариев; сильные, годные для простой работы, — около 500 денариев; наконец, ме-

³⁶ *I. Češka. Diferenciace otraců v Itálii. Praha—Brno, 1959, p. 58—65.*

нее пригодные рабы, дети и т. п. — около 250 денариев. Убедительно аргументированные выводы Чешки показывают, сколь необоснованна теория упадка рабства из-за сильного подорожания рабов, поскольку в первые два века империи цены на них оставались примерно такими же, как в последние века республики. Не было, следовательно, и заметного сокращения предложения по сравнению со спросом. Уэстерманн, один из приверженцев теории кризиса рабовладельческого хозяйства в связи с уменьшением количества рабов, признает, что судит скорее на основании общего впечатления, чем конкретных фактов. Ссылается он, правда, на надписи из склепа фамилии Статилиев, свидетельствующие, по его мнению, что даже такая высокопоставленная семья, давшая в I в. нескольких консулов, имела в общем не так уж много рабов. Но аргумент этот шаток, так как, во-первых, далеко не все рабы и отпущенники из городской фамилии Статилиев были похоронены в этом склепе; как мы увидим далее, многие из них были погребены отдельно, надписи других могли и не дойти (например, погребальная коллегия германцев из личной стражи Статилиев состояла из 130 человек, надписей же ее сочленов известно примерно полтора десятка). Во-вторых, городская фамилия составляла лишь какую-то неизвестную нам часть рабов этой семьи; надписи их рабов и отпущенников встречаются во многих районах Италии, где у Статилиев были земли. Наконец, Уэстерманн исходит из предпосылки о тесной связи рабства с латифундиями. Для него поэтому число рабов, принадлежавших крупным собственникам, является решающим для суждения о численности рабского населения. Но посылка эта — лишь малоубедительная гипотеза.

Что касается «общего впечатления», то дело это вообще субъективное. Со II в. число рабов-слуг несомненно сокращается, но это еще не доказывает сокращения всего рабского населения. Среди надписей в некоторых районах Италии от 30 до 75% приходится на надписи отпущенников. До 30 лет (таков был, согласно закону Элия—Сентия, минимальный возраст для освобождаемых рабов) они были рабами. К тому же, как ни развилось вольноотпущенничество, нельзя думать, что на свободу отпускали всех рабов. Следовательно, процент рабов среди населения Италии был довольно высок. Итальянское хозяйство было скорее перенасыщено рабами, чем страдало от их недостатка.

Из всего вышеизложенного мы можем заключить, что источники рабства для императорской Италии были разнообразны и никогда не иссякали, хотя их соотношение в разное время было различным. Вряд ли можно говорить о сокращении численности рабов. Не подтверждается и тезис об их вздорожании. Ни тот, ни другой фактор не мог оказывать влияния на состояние рабовладельческой экономики и на положение рабов. Здесь действовали иные причины, которые следует искать в иных закономерностях рабовладельческого способа производства.

Глава вторая

РАБСТВО В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Несмотря на то что аграрной истории Рима, в частности в эпоху ранней империи, посвящено достаточно много работ, она остается довольно туманной. Неясно даже, какой преобладал тип хозяйства — крупное землевладение, среднее или мелкое. Обусловливается это неполнотой и противоречивостью наших источников. Возьмем, например сочинения римских землемеров¹. Мы встретим здесь указание на густоту землевладельческого населения Италии — *densitas possessorum* (стр. 56), на редкость в Италии территориальных споров между городами и частными собственниками, которые обычны в провинциях вследствие огромного размера сальтусов, принадлежащих там отдельным владельцам (стр. 53), на обилие общих для многих имений выпасов на оставшихся неподеленными землях (стр. 15, 79, 201). Все это, казалось бы, свидетельствует в пользу преобладания в Италии среднего и мелкого землевладения. Но, с другой стороны, агрименсоры говорят и о могущественных лицах, покушающихся не только на общие пастбища, но и на городские и даже освященные земли (стр. 15, 17, 21, 79), о владельцах многих смежных имений и об их столкновениях с малоимущими соседями (стр. 130), что может быть истолковано в пользу интенсивной концентрации земли. Далее, Сикул Флакк пишет, хотя нельзя сказать с уверенностью, имеет ли он в виду провинции или Италию, что нередко одинаковым образом возделанная земля имеет многих владельцев, среди которых она была поделена после изгнания прежнего владельца, но может случиться и так, что по-разному культивировавшиеся участки, ранее принадлежавшие многим хозяевам, оказались в руках одного (стр. 161). В другом месте, разъясняя, что представляют собой экзимированные, т. е. изъятые из городской территории, имения, он замечает, что такие земли даются по специальному разрешению заслуженным лицам, так как не дозволено любому и каждому владеть большим, чем установлено по эдикту

¹ Die Schriften der Römischen Feldmesser, v. I. Berlin, 1848.

(стр. 197). Судя по этим двум отрывкам, земли могли как концентрироваться, так и дробиться; существовал какой-то (нам неизвестный) максимум земельного надела, но соблюдался он далеко не всегда.

Таким образом, даже такой официальный и компетентный источник, как труды агрименсоров, может быть использован для обоснования разных и даже противоречивых точек зрения. Тем более это относится к случайным упоминаниям древних авторов, специально аграрными отношениями не занимавшихся и сплошь да рядом находившихся под влиянием общих мест, прочно вошедших в фонд риторических и моральных сочинений, на что совершенно справедливо обратил внимание В. Сираго².

Соответственно различны и мнения о земельных отношениях в Италии I—III вв. у современных исследователей. М. Ростовцев считал, что гражданские войны не изменили характера «крупного капиталистического» землевладения в Италии. В Апулии, Самнии и части Лация преобладали огромные пастбища, в Этрурии, Умбрии, Пицене, долине По — крупные хозяйства, возделываемые колонатами. Ветераны, получившие наделы от триумфаторов и Августа, быстро разорялись. Мелкие и средние виллы, подобные раскопаным в Помпеях и имению Горация, особой роли не играли. Попытки императоров возродить мелкое землевладение оставались безуспешными. Из числа их приближенных выходили все новые и новые крупные собственники латифундий, действительно «погубивших Италию». Особенно быстро пошла концентрация земли с развитием экономики провинций, вытеснявших италийских землевладельцев с рынка. Она обусловила возвращение к колонату и зерновым культурам, типичным для хозяйств колонатов³.

Т. Франк считал, что крупные земельные владения были сильно подорваны проскрипциями, колонизацией Августа и анти-сенатской политикой Юлиев — Клавдиев. Но, так как императоры раздавали земли своим приближенным, крупные имения снова возникали. Для их владельцев писал, между прочим, Колумелла. Во II в., с прекращением гонений на земельных магнатов их число растет. Подтверждением тому являются земли Плиния Младшего и Веллейская таблица: из 232 лиц, владевших там участками при Августе, осталось лишь 52, в руки которых и перешла вся земля. Менее заметна концентрация земли в алиментарной таблице из Лигуров Бебианских, где на 89 имений приходится 50 владельцев. Латифундии распределялись по Италии неравномерно, и судьба их в различных областях была неодинакова, хотя в общем все они довольно быстро стали жертвами начавшегося кризиса. Наиболее процветающей областью была

² V. A. Sirago. *L'Italia agraria sotto Traiano*. Louvain, 1958, p. 18—20.

³ M. Rostovtzeff. *Gesellschaft und Wirtschaft im Römischen Kaiserreich*, v. I. Leipzig, 1932, S. 28, 54, 85, 161, 164, 324.

долина По. Этрурия рано пришла в упадок. Районы Пицена, умбров, сабеллов, где население вело еще примитивную деревенскую жизнь, большой роли в экономике не играли, крупное землевладение было развито здесь лишь в плодородных долинах. В Лации и Кампании существовали разные типы имений. В Южной Италии преобладали большие пастбища. Упадок крупных хозяйств Т. Франк тоже приписывает конкуренции провинций⁴.

Очень подробно аграрные отношения I—II вв. рассмотрены в упоминавшейся уже монографии В. Сираго. По его мнению, крупное землевладение росло главным образом в Северной Италии, пользовавшейся особым покровительством Юлиев—Клавдиев. В Центральной Италии и Кампании они, напротив, старались насаждать мелкое и среднее землевладение. Отражением их политики были частые в литературе нападки на латифундии, заимствованные писателями I в. у популяров конца республики. В общем их политика увенчалась успехом, и латифундии не были типичным явлением. Лишь в долине По имелись крупные земельные комплексы. В остальных районах преобладали средние виллы, не сливавшиеся в единое хозяйственное целое, даже переходя в руки одного владельца. В I в. преобладал труд рабов, доказательство чему Сираго видит в многочисленности относящихся к этому времени надписей виликов, управлявших сельскими фамилиями. Во II в. нехватка рабов заставляла владельцев переходить к издольному колонату. Преобладающими становятся надписи надзиравших за колонами акторов.

В. И. Кузищин на основании анализа писем Плиния⁵ приходит к выводу, что в начале II в. латифундии играли значительно большую роль, чем при республике. Несмотря на распространение колоната, латифундии эти были еще в основном рабовладельческими хозяйствами. О падении производительности рабского труда и кризиса рабства для этого времени говорить еще не приходится.

Как видим, точки зрения на состояние землевладения в Италии весьма различны, так же как на время и причины упадка итальянского сельского хозяйства. Наиболее обоснованной представляется концепция М. Е. Сергеевко, выдвинутая ею в ряде работ: в итальянской агротехнике существовали две школы. Одна из них, представленная Колумеллой, стояла за максимальную интенсификацию и рационализацию рабовладельческого производства, независимо от размеров имения. Другая, известная нам по Плинию Старшему, сознавала, что при господстве рабского труда осуществление чаяний Колумеллы невозможно, так как рабы не будут работать в полную силу, и предлагала упрощать и удешевлять хозяйство. Незаинтересованность рабов в труде, а

⁴ T. Franc. An economic Survey of Ancient Rome, v. V. Baltimore, 1940, p. 29—30, 107, 121, 124, 126, 137, 142, 164.

⁵ В. И. Кузищин. Хозяйство Плиния Младшего.— ВДИ, 1962, № 2.

не нехватка или дороговизна рабов предопределила победу второго направления и упадок интенсивных культур.

При всех расхождениях между исследователями по разным вопросам общепризнанным можно считать тот факт, что в I в. удельный вес рабского труда в итальянском сельском хозяйстве достиг своего максимума. Колумелла лишь мимоходом упоминает батраков, например советуя сажать сорта винограда, поспевающие в разное время, чтобы не приходилось, если весь виноград поспеет сразу, брать слишком много наемников, невзирая на высокую плату (III, 21). В некоторых отношениях то место, которое у Варрона занимали батраки, Колумелла отводит колонам. Так, Варрон советовал посылать наемных работников на особо трудоемкие, мало плодородные или нездоровые участки. Колумелла же рекомендует сдавать такие земли колонам (I, 7). Колонов он советовал держать в отдаленных имениях, где господин бывает редко и где преобладают зерновые культуры, которые колоны будут возделывать добросовестнее, чем вороватые и небрежные без надзора рабы. Во всех же остальных случаях, особенно когда дело шло о виноградниках и плодовых деревьях, Колумелла считал труд хорошо организованных рабов более выгодным, чем труд колонов, «портящих» лозы и деревья, видимо, из-за отсутствия тех специальных знаний, которые должны были иметь, с точки зрения Колумеллы, виноградарь и садовод.

Очевидно, в I в. н. э. итальянское сельское хозяйство было наиболее однотипно, независимо от размеров имения. Клиенты, игравшие значительную роль на землях знати конца республики, в это время мало заметны. По словам Горация, богачи изгоняли со своих земель испокон века сидевших на них клиентов⁶, вероятно предпочитая иные формы труда. Правда, иногда земли давались новым клиентам. Гораций рассказывает, как некий Филипп дал глашатаю Вультею 7 тыс. сестерциев и обещал еще 7 тыс. взаймы, с тем чтобы тот купил землю. Вультей стал клиентом Филиппа, но извелся от тяжелых трудов и всяких неудач⁷. Ювенал упрекает богача, не желающего подарить бедному клиенту несколько югеров⁸. Однако подобные отношения не были похожи на древнюю патриархальную клиентеллу, а скорее сближались с колонатом.

Колоны были необходимой принадлежностью каждого имения независимо от его размеров. В сравнительно небольшом имении Горация, где на несданной в аренду земле трудились 8 рабов, проживало и 5 колонов⁹. Колонов постоянно упоминает Марциал

⁶ *Horat.*, Od., II, 18.

⁷ *Horat.*, Epis., I, 7.

⁸ *Iuv.*, IX, 60.

⁹ Комментаторы Горация, правда, считают их не колонами, а собственниками, владевшими землей Горация до проскрипций (*Porphyr.*, Epis., I, 14, 3; Schol. in *Horat.*, I φ, Ψ, id.).

наряду с рабами. На вилле Фаустина в Баях имеются и выросшие в доме рабы, и колоны, приносящие хозяину сельские дары (III, 58); чуждый всему изящному Лин, проживая в деревне, удовлетворяет свои страсти с грубой женой вилика или колона (IV, 66); Регулу из его имений в Умбрии и Этрурии посылают плоды его вилики и колоны (VII, 31). Своих виликов и колонов упоминает Сенека (Epis., 123). Однако в это время колоны, в отличие от более позднего периода, еще не участвовали в производственном процессе на несданной земле. Судя по Колумелле, обязанности их, помимо взноса причитающейся с них платы, сводились лишь к некоторым натуральным поставкам дров и т. п. Ни о каких отработках в господской части хозяйства речи нет. На своих участках они должны были работать добросовестно, и Колумелла настоятельно рекомендует землевладельцам следить, чтобы колоны не оставляли землю необработанной и не истощали ее. Но органической частью господского хозяйства, «инвентарем имения» они не являлись. Здесь господствовал рабский труд — как в больших, так и в средних и мелких имениях.

Рабы возделывали маленькое имение Марциала, который, по его словам, ежедневно задавал им справедливый урок (IV, 90). В помпеянских виллах имелись соответствующие их размерам каморки для рабов. Наибольшее их число — на вилле Агриппы (18) и на вилле у Стабий (19); в меньших виллах их меньше — по 4—6¹⁰. Рабов своего скромного именица упоминает Ювенал, однако, в отличие от помпеянских вилл, они жили не в каморках, а в отведенных им отдельных хижинах с семьями и имели своих коз (XI, 145—160).

В огромных латифундиях, по словам Колумеллы, трудились или закованные рабы, или кабальные должники (I, 3). С такими владениями — по Марциалу, они насчитывали сотню упряжек, что по нормам Колумеллы составляло 10 тыс. югеров — ассоциировались толпы закованных рабов и «звонящие оковами эргастулы» у Марциала (IV, 64; IX, 23) и Сенеки¹¹. Сервий, комментируя стих Вергилия *laudato ingentia gura, exiguum solito*, ссылается, между прочим, на то, что латифундии имеют известные преимущества перед меньшими имениями, так как там можно давать отдых частям земли¹². Следовательно, у крупного землевладения были свои защитники и теоретики, но в дошедших до нас сочинениях оно в общем осуждается не только по моральным, но и по экономическим соображениям. Колумелла подчеркивает, что латифундии запущены и обрабатываются небрежно. Плиний Старший, помимо общих рассуждений о том, что закованные рабы;

¹⁰ М. Е. Сергеевко. Указ. соч., стр. 283—306; М. Rostovtzeff. Op. cit., S. 84, 276.

¹¹ Seneca. De ben., VII, 10.

¹² Serv., Georgic., II, 412.

трудясь из-под палки, не могут обрабатывать землю так, как это делали некогда свободные граждане, дает и некоторые конкретные указания на положение дел в латифундиях. Ранней весной, пишет он, не следует подрезать виноградники, так как возврат холодов может погубить ослабевшие от операции лозы. Но в латифундиях такие подрезки производят, считаясь не с природой, а исходя из расчета работы (*operarum, ista computatio est in latifundiis, non legetima naturae festinatio*¹³). Переходя к сенокосу, он замечает, что нормально, за один рабочий день, должен быть скошен один югер и связано 1200 снопов весом по 4 фунта. В латифундиях же применяются особые косилки, которые производят эту работу быстрее, но зато часть сена пропадает, так как траву косят по середине стеблей, короткая же трава остается вовсе нескосенной (XVIII, 67, 10). В латифундиях, по его словам, применяется и двухколесная жатка, также дающая экономию труда (XVIII, 72, 1).

Таким образом, в крупнейших имениях для владельцев на первом месте стояли соображения организации и экономии труда за счет тщательности работы, что вызывало осуждение и Колумеллы, и Плиния Старшего, несмотря на их расхождения по другим вопросам. Соображения эти диктовались, однако, не недостатком и дороговизной рабов, а скорее всего, с одной стороны, попытками избежать простоев и занять рабов в любое время года, с другой — невозможностью добиться, чтобы массы рабов трудились тщательно. Поэтому и отдавалось предпочтение методам убыточным, но зато обеспечивавшим максимальную занятость рабов и облегчавшим их организацию и надзор за ними.

Те же трудности стояли и перед владельцами таких, если и не относившихся к категории латифундий, то все же крупных имений, как вилла Колумеллы. Владельцы развивали там различные подсобные промыслы и ремесленные мастерские, чтобы использовать не занятых в сельском хозяйстве рабов и иметь под рукой все необходимое. Колумелла специально не говорит о ремесленниках, но они на его вилле несомненно были: вилик, по его словам, должен был следить за тем, чтобы орудия производства своевременно ремонтировались ремесленниками (XII, 3). Юристы I в. Сабин и Кассий разъясняли, что человек, получивший узупфрукт на имение, имеет право эксплуатировать имеющиеся там каменоломни, залежи мела, серы и рудники (Dig., VII, 1, 9, 1—3; 1, 13, 5). Ульпиан, не отрицая соответствующих прав фруктуария, считает только, что он не должен для разработки каменоломен, рудников и т. п. заводить слишком большой штат работников и надзирателей, который владелец имения затем не сможет содержать (Dig., VII, 1, 13, 6). Видимо, разработка природных богатств имения силами наличных рабов уже счита-

¹³ *Plin.*, NH, XVII, 35, 32.

дась естественной, хотя для разработки рудников и требовалось иметь специальное разрешение¹⁴.

Лабеон и Требатий упоминают гончарные мастерские при имениях, в которых работали рабы-гончары лишь часть года, в остальное же время они были заняты на сельскохозяйственных работах (Dig., XXXIII, 7, 25, 1). Гончарные мастерские, входившие в состав имений, несколько раз отмечены в Веллейской таблице (CIL, XI, 1147, 14, 44; 47). В одной надписи из Парентия назван раб кузнец, принадлежавший консулу 16 г. Статилию Сисенне, имевшему там земли (Inscr. Ital., X², № 225). Ремесленников на вилле имел и Плиний Младший (Ер., II, 19). Отец императора Партинакса завел в своей лигурийской вилле дававшую ему неплохой доход мастерскую войлока¹⁵. Некоторые владельцы устраивали в своих имениях для окрестного населения бани, о чем извещали в соответственных, рекламировавших бани надписях (CIL, XI, 721; XIV, 4015).

Интересный материал об организации имения можно извлечь из суждений юристов о разных видах расходов, произведенных в имении, и об инвентаре, необходимом для благоустроенного хозяйства. Так, к обязательным расходам, без которых вилла стала бы убыточной, причислялись: устройство плотин, мельниц, амбаров, ремонт зданий, восстановление оливковых рощ, расширение виноградников, насаждение рассады, лечение больных рабов (Dig., XXV, 1, 1, 3; 1, 2—4). К полезным расходам, имевшим целью улучшить имение, относились: посадка молодых деревьев, приобретение скота для навоза, обучение рабов ремеслу и организация таберн, т. е. мастерских и лавок (Dig., XXV, 1, 6; 14).

В инвентарь имения Ульпиан, ссылаясь на Сабина, включал людей, возделывающих землю, и тех, кто за ними надзирает — виликов и мониторов, быков и скот для унавоживания, различные сосуды, плуги, мотыги, кирки, серпы, ножи для подрезки теревьев, вилы, прессы, косы, корзины, бочки, амфоры. От себя Ульпиан добавляет мельницы, зерновые машины (*machina frumentaria*) с обслуживавшими их осликами, повозки и суда. В некоторых имениях к инвентарю причислялись привратники, подметальщики, садовники, а если при имении имелось пастбище — стада, пастухи и сальтуарии¹⁶.

Если доход приносило пчеловодство, птицеводство, охота, в инвентарь входили собаки, охотники, пчелы, птицы (Dig., XXXIII, 7; 10; 11). По Требатию и Сервию, к инвентарю относились также пекари и цирульники, обслуживающие сельскую фамилию, ремесленники, ремонтирующие виллу, погребщики, привратники, погонщики мулов, стряпухи, мельники, пряжи, тка-

¹⁴ Dig., XXXIX, 4, 16, 3; Anonymi br. exp. Verg. Georg., II, 165.

¹⁵ SHA, Per., 3.

¹⁶ Dig., XXXIII, 7, 8; Paul., Sent., III, 6, 34—35.

чихи, сукновалы, а также жены и дети этих лиц и вскармливающие детей рабов кормилицы (Dig., XXIV, 1, 28, 1; XXXIII, 7, 12, 5; 6; 7; 9; 10) и даже блудницы — scortae (Paul. Sent., III, 6, 40).

В известной мере понятие инвентаря расширилось. Так, Нераций исключал из него мельницу и прикрепленного к ней осла (Dig., XXXIII, 7, 18, 2), Сцевола же и Ульпиан их включали. Лабеон и Требатий не включали в инвентарь тех рабов, которые лишь часть времени были заняты на сельскохозяйственных работах, а остальное время трудились в организованных при имении мастерских (Dig. XXXIII, 7, 25, 1). Напротив, Ульпиан причисляет к инвентарю даже рабов, уходивших на несколько месяцев на заработки, а Павел — и отосланных из имения в учение (Dig., XXXII, 78; XXXIII, 7, 12, 8). Павел называл также принадлежащих к имению землекопов, дровосеков, плотников, кузнецов¹⁷. В представлении юристов имение становилось все более сложным производственным целым с различными отраслями.

Вместе с тем мы видим, что собственно инвентарь, т. е. орудия производства, с течением времени изменяется очень мало. Зато растет число специализированных работников, занятых в сельском хозяйстве и поместном ремесле, и обслуживающий персонал. Де Робертис собрал имеющиеся в разных источниках упоминания специальностей сельскохозяйственных рабов¹⁸: bubulci, oratores, asinarii, domitores, occatores, sarrinatores, runcatores, messorum, foenisicae, leguli, factores, turcularii, capulatores, salictarii, vinitores, fossores, sutores, pastinatores, alligatores, pampinatores, vindemiatores, collectores, palangarii, armentarii, caparii, opiliones, suarii, equitarii, hortulani, arboratores, alifores, topiarii, apiarii, mellarii, columbarii, gallinarii, phasanarii, pastores anserum, curatores pavonum, fartoires, venatores, piscatores, aviarii, aucupes. Конечно, далеко не во всех имениях были представители всех перечисленных профессий, и на практике один и тот же раб должен был участвовать в нескольких трудовых процессах, так как держать рабов, умеющих, например, только жать или только косить, было бы крайне невыгодно, но все же тенденция ко все более дробной специализации несомненна. Именно за ее счет, как и за счет накопления опыта, а не в результате отдельных технических усовершенствований шло развитие производительных сил. Специально обученный работник мог сделать больше и лучше, чем необученный. Он же мог наблюдать за работой неквалифицированных рабов-чернорабочих (mediastini). По Колумелле, для 200 югеров зерновых требовалось иметь двух специальных пахарей и шесть медиастин. Если же участок был особенно труден, — то трех пахарей и 12 медиастин (II, 12).

¹⁷ Dig., XXXIII, 7, 18, 8; Paul., Sent., III, 6, 50.

¹⁸ F. De Robertis. La organizzazione e la tecnica produttiva. La forze di lavoro e i salari nel mondo romano. Napoli, 1946, p. 28.

Однако, несмотря на углубление разделения труда и специализацию, нормы выработки, приводимые Колумеллой и Плинием Старшим, неособенно изменились по сравнению с нормами предыдущих веков; в некоторых случаях они даже понизились. Так, для 100 югеров виноградника Катон считал нужным иметь 10 рабов, занятых только самой культурой винограда, т. е. по одному на каждые 10 югеров. Сазерна для Цизальпийской Галлии предполагал одного виноградаря на 8 югеров, что, по мнению Варрона, не соответствовало условиям гористой Лигурии¹⁹. По Колумелле, один опытный виноградарь мог справиться с участком в 7 югеров²⁰. При жатве Варрон исходил из одного рабочего дня на югер²¹, а Колумелла — из полутора дней²². Возможно, это объясняется требованиями большей тщательности в работе, предъявлявшимися Колумеллой, обуславливавшими также некоторое расхождение в нормах Колумеллы и Плиния Старшего. Согласно Колумелле, обработка одного югера земли под пшеницу должна брать: два дня на первую вспашку, один день на вторую и день на третью вспашку и посев²³. По Плинию Старшему: первая вспашка — один-два дня, вторая — от двух третей до одного дня. Норм для дальнейших операций он не приводит, но замечает, что одна упряжка быков может обработать за год 40 югеров легкой и 30 югеров тяжелой почвы²⁴, т. е. два пахаря справятся с 60—80, а три с 90—120 югерами, вместо 200, предлагаемых Колумеллой. Правда, Плиний ничего не говорит о числе меднастинов, придававшихся пахарям, что делает сравнение не вполне надежным. На югер виноградника Плиний принимает 60 рабочих дней²⁵, Колумелла — 40—80, в зависимости от глубины вспашки²⁶. Для косьбы нормы Плиния и Колумеллы также совпадают — по одному рабочему дню на югер²⁷.

Хотя эти цифры и не очень надежны, так как варьировались в зависимости от многих условий, все же можно думать, что Колумелла исходил, согласно своим общим установкам, из соображений наибольшей рационализации хозяйства. Тем не менее, хотя у него рассчитан каждый час деятельности рабов, что должно было сократить потери времени (хотя бы по сравнению с расчетами Сазерны, учитывавшего, что треть времени уйдет непроизводительно), хотя рабы его были более квалифицированными, чем у Катона, выжать из рабов намного больше ему,

¹⁹ Varro, I, 18.

²⁰ Colum., III, 3.

²¹ Varro, I, 50.

²² Colum., II, 12.

²³ Ibid., II, 4.

²⁴ Plin., NH, XVIII, 48, 2; 49, 3.

²⁵ Ibid., XVIII, 64, 2.

²⁶ Colum., XI, 2.

²⁷ Plin., NH, XVIII, 67, 10; Colum., XI, 2.

видимо, не удавалось. Весь его трактат показывает, как трудно было организовать представлявшееся ему идеальным хозяйство.

По сравнению с Катонem и даже Варроном у Колумеллы возрастает численность администрации, которая теперь привлекает особенно пристальное внимание владельцев. В ее штат входили и надзиратели за отдельными видами работ и за декуриями, на которые делились рабы, и ведавшие закованными рабами эргастулярии, и осуществлявший верховный надзор прокуратор и, наконец, вилик и вилика, на обязанностях и необходимых качествах которых Колумелла останавливается особенно подробно, считая, что от них во многом зависело все состояние хозяйства.

В небольших имениях, по словам Колумеллы, виликов часто нанимали, в крупных — назначали из числа рабов. Неопытный, физически непригодный к сельским работам вилик наносит хозяйству большой ущерб. Поэтому назначать на эту должность человека надо очень осмотрительно. Самое правильное — начать готовить его еще с детства, чтобы развить в нем необходимые физические и душевные качества. Не следует переводить на должность вилика городского раба, который будет тосковать по привычным развлечениям и научит сельскую фамилию пьянствовать и развратничать (таков, кстати сказать, по словам Горация, его вилик, ранее служивший в городе и скучавший по кабакам и публичным домам)²⁸. Вилик должен быть человеком в расцвете лет, привычным к труду, опытным в сельском хозяйстве. Хорошо, если он пройдет курс учения у самых опытных земледельцев. Быть грамотным ему необязательно, если он обладает хорошей памятью. Неграмотный вилик даже предпочтительней, так как не сумеет фальсифицировать счета и отчеты по имению. Он должен быть добродетелен, «насколько это доступно рабской природе», дабы уметь повелевать фамилией без жестокости, но и без попустительства, неусыпно наблюдая за ней и неукоснительно требуя выполнения наложенных по справедливости работ. Однако все его знания и способности не принесут никакой пользы, если он не будет проявлять любовь и преданность к господину, и потому его следует прежде всего подвергнуть в этом смысле всяким испытаниям. Изучив все отрасли сельского хозяйства настолько, чтобы уметь научить любого из занятых в них работников, будь то виноградарь или ветеринар, он все же не должен воображать, что знает больше хозяина. Он должен забыть обо всех личных делах, удобствах и развлечениях, сосредоточив все помыслы на интересах господина. Он не должен стремиться к общению с посторонними, принимать гостей или сам отлучаться из имения, общаться с гаруспиками и ворожеями, «толкующими простой народ на постыдные деяния», не должен

²⁸ *Horat., Sat., I, 14.*

вести собственную торговлю и использовать для своих целей подчиненных ему рабов. Встав раньше всех, с рассветом, он ведет в поле рабов, подгоняя отстающих, взбадривая ленивых, пресекая всякую медлительность и расхлябанность, наблюдая, чтобы надзиратели за работами добросовестно исполняли свои обязанности, тогда за ними потянутся и остальные рабы. В сумерки он, как пастух стадо, загоняет рабов домой. Там он должен позаботиться, чтобы рабы были как следует накормлены, собравшись у очага семейного Лара, больные отведены в домашнюю больницу, закованные — надежно устроены в эргастулах. По признанию самого Колумеллы, таким виликом может стать лишь один из многих (I, 8; XI, 1). Столь же подробно Колумелла останавливается и на обязанностях жены вилика, хотя они и не требовали столь тщательной подготовки, поскольку сводились к наблюдению за домашними работами и порядком на вилле.

Без тщательного надзора со стороны вилика, а еще лучше — господина рабы, по словам Колумеллы, портятся, воруют и бездельничают (I, 1). Особенно плохо обстоит в таком случае дело с зерновыми. Рабы небрежно пашут, не заботятся о скоте и посевах, сдают на сторону быков, истощают почву и обесценивают имение (I, 8). Но и в виноградарстве, где, по мнению Колумеллы, рабы выгоднее колонов, почти невозможно было добиться оптимальных результатов. Очень важно, пишет Колумелла, уметь отбирать черенки. Небрежность в этом деле приводит к уменьшению плодородия и даже бесплодию виноградников. Но рабы, которым поручается отбор черенков, даже если они обладают необходимыми познаниями, скрывают их, работают без интереса, заботясь лишь о том, чтобы поскорее выполнить заданный виликом урок; в результате их небрежности большая часть посадок гибнет. Ни я и никто другой, признается Колумелла, не могли добиться от своих рабов, чтобы они, разобрав лозы по сортам, сажали каждый сорт на особом участке. Соответствующая операция требует наивысшего внимания, старания и предусмотрительности. Выполнить ее мог бы только сам хозяин, ни на вилика, ни на виноградаря положиться нельзя (III, 10; 16; 20). Между тем виноградарь Колумеллы должен был быть работником наивысшей квалификации: его купили за 8 тыс. сестерциев (III, 3), т. е. в четыре раза дороже простого сельского раба.

Почему же все-таки на такого ценного специалиста нельзя положиться в деле, которому он обучен? На этот вопрос Колумелла дает ответ в другом месте.

Перечисляя свойства, которыми должны обладать рабы, представленные к тем или иным работам, он пишет: виноградарям менее, чем другим, требуется порядочность (*frugalitas*), так как они работают толпой (*in turbe*), под присмотром надзирателя.

И большей частью требуемый этой отраслью работы живой ум оказывается у негодяев. Поэтому виноградники обычно возделываются закованными рабами (II, 9).

Здесь-то и крылось непреодолимое противоречие рабовладельческого хозяйства: достигнув определенной ступени развития, оно требовало инициативных работников. Работников обучали, добивались их максимальной специализации, но они или не хотели проявлять инициативу, или внушали недоверие господам, твердо уверенным, что раб, наделенный живым умом и сообразительностью, обязательно употребит свои способности во зло. Даже преданному, покорному виллику, с точки зрения Колумеллы, лучше было не знать грамоты. Спустя три века после Колумеллы аналогичную мысль весьма ярко сформулировал последний из известных нам теоретиков рабовладельческого хозяйства Палладий. «Не знаю,— писал он,— у всех ли хозяев так получается или только у меня, но я скорее опасюсь, чем желаю ума своим рабам. Тупость всегда ближе к покорности, сообразительность же — ко всякому злодеянию»²⁹. Из Дигест мы знаем, что рабов-«новичков», т. е. простых и грубоватых, покупали охотнее, чем ветераторов, занимавших у прежних хозяев какой-нибудь административный пост и обученных наукам. Первые считались покорнее и способнее к службе, чем «тертые рабы» (Dig., XXI, 1, 37; 65, 2).

Получался заколдованный круг: хозяйство требовало людей с известной сметкой, образованием и неотделимым от них уровнем культуры, хозяева же боялись, что «живость ума» толкнет рабов на «злодеяния». Те самые более толковые виноградари, которых держали в оковах, внушали Колумелле особые опасения. Он советует особенно внимательно относиться к нуждам закованных рабов, обеспечить хорошее состояние эргастул, самому пробовать предназначенные для их обитателей питье и пищу. Эти рабы, говорит Колумелла, подчиненные и виллику, и эргастуляриям, и надзирателям за работами, терпят от них много несправедливостей. Оскорбленные, они становятся опасными, чего нельзя допускать. Господин поэтому должен выслушивать их жалобы на чинимые им обиды и мстить за обиженных. Но сурово следует карать тех, кто клеветает на своих начальников и подстрекает фамилию к мятежу. Хорошо, если к вечеру рабы устанут настолько, чтобы думать только об отдыхе, а не о злодеяниях³⁰.

Вся система организации труда на вилле Колумеллы преследует две цели: принудить рабов тем или иным способом трудиться и пресечь всякие попытки выйти из повиновения, из-под контроля. Господину следует часто приезжать на виллу или хоть

²⁹ *Pallad.*, XIV, proem.

³⁰ *Colum.*, I. 8; XI, 1.

извещать о своем приезде, дабы вилик и фамилия, опасаясь его появления, исполняли свой долг (I, 2, I). Рабам не следует допускать без крайней необходимости отлучаться из имения. Их каморки должны быть расположены в тесном соседстве, чтобы вилик мог все время за ними наблюдать (I, 6). Тщательно продумывается распределение рабов по специальностям и видам труда. Магистры работ выбираются из дельных и исполнительных; погонщики быков из способных внушить повиновение скоту, но обходиться с ним милосердно (т. е. действовать по тому же принципу, по которому вилик управляет рабами); пахари из рослых людей; виноградари из широкоплечих и мускулистых, медиастины могут быть любого сложения, лишь бы обладали достаточной силой.

Ни в коем случае не следует допускать, чтобы рабы исполняли все работы без разбора, так как тогда никто не считает порученного дела своим и старается от него увильнуть, и не удастся выявить прилежных и ленивых. Рабов надо делить на группы (не менее двух и не более десяти человек), чтобы за ними было легко наблюдать. Между группами и отдельными работниками полезно вводить соревнование, тогда они не сетуют на наказание ленивых и небрежных (II, 9). Виноградники лучше всего делить на участки по пол-югера: когда работа обозрима, люди трудятся быстрее и прилежней, меньше устают, чем если предстоящая работа кажется очень большой (IV, 18). Нельзя допускать никакой расхлябанности, но нехорошо и перегибать палку. Так, если раб утром не выйдет на работу, притворившись больным, пусть вилик отведет его в больницу, ибо полезнее дать день-другой отдохнуть усталому рабу под надзором, чем довести его переутомлением до настоящей болезни (XII, 3). Рабыням, имеющим трех детей, дается освобождение от работ, а больше трех — вольная.

Рабочий день продолжался 12 часов. Если сумерки наступали рано, рабы выполняли домашние работы. Праздники соблюдались, однако, с довольно существенными оговорками, так как ряд работ позволялось исполнять и в праздник³¹. Вилик, обычно евший в присутствии фамилии, но за особым столом, в праздник мог, в виде поощрения, пригласить особо отличившихся рабов к своему столу. Для рабов, занимающих в фамилии более почетное положение, вилика и рабыни сами изготавливают одежду; это льстит их самолюбию и экономит хозяйские деньги³². С сельскими рабами Колумелла советует вести себя более фамильярно, чем с городскими, пошутить с ними, поговорить о предстоящих работах, сделать вид, будто их мнение принимается во внимание. Таким образом господин, во-первых, выявит

³¹ *Colum.*, II, 21; *Serv.*, *Georg.*, I, 270.

³² *Colum.*, XII, 3.

наиболее опытных и старательных, а во-вторых, рабы, ободренные его снисходительностью, будут старательнее работать³³.

Всю свою систему Колумелла характеризует как требование и предоставление того, что справедливо. В отличие от Варрона, он ничего не говорит о пекулии не только рядовых сельских рабов, но даже и административного персонала. Его поощрения носят скорее моральный, чем материальный характер, моральный фактор играет основную роль и в поведении виллика. В этом смысле Колумелла, несмотря на всю свою опытность, был в своем роде утопистом, так как именно моральный фактор во взаимоотношениях господ и рабов начисто отсутствовал. Господин боялся дать простор инициативе раба, хотя и сознавал, что безынициативный работник уже не отвечает современным требованиям; раб не хотел работать и применять свои знания, если они у него были. «Снисходительность» хозяина не могла заставить его забыть, что он все же в его глазах немногим выше быка и что в любую минуту он может оказаться на мельнице, в эргастуле или еще того хуже.

Нереальность рационального интенсивного рабовладельческого хозяйства отлично сознавал Плиний Старший. Как и Колумелла, он нигде не говорит о нехватке или дороговизне рабов³⁴. Он считает, что рабовладельческое, особенно крупное, хозяйство само по себе невыгодно. Достаточно известны его суждения на вытеснение труда свободных трудом рабов: в древности, когда на своих маленьких участках работали граждане, когда прославленные полководцы сами шли за плугом; земля давала богатые урожаи. Теперь же, когда ее возделывают легионы закованных, клейменных рабов, она перестала родить и можно ли удивляться, что колодники не проявляют того же рвения, что Цинциннат (XVIII, 4, 5). Все, что делают отчаявшиеся люди, не дает результатов, поэтому хуже всего обрабатывать землю трудом закованных рабов. В таких условиях большие затраты на хозяйство только разоряют владельца, примером чему может служить судьба консула Тария Руфа, вложившего в пизенскую землю 100 миллионов сестерциев и умершего неоплатным должником. Хорошая обработка земли прибыльна лишь тогда, когда владелец работает сам со своими домочадцами или с небольшим числом рабов, которых хозяин хорошо содержит и с которыми сам вместе трудится, как то делал отпущенник Фурий Кресцин, добившийся на своем небольшом участке таких урожаев, что его даже обвинили в колдовстве (XVIII, 7, 4—6; 8, 1—5).

³³ *Colum.*, XII, 1, 8.

³⁴ Плиний, правда, говорит о больших расходах на рабочую силу при сборе некоторых культур (XVIII, 7, 5), но, по убедительным соображениям М. Е. Сергеевко, речь здесь идет, как и у Колумеллы, не о рабах, а о наемных рабочих.

По-видимому, итальянские землевладельцы, как и Плиний Старший, понимали, что, не заинтересовав рабов материально, ничего не добьются. Некоторые пошли по-тому же пути, по которому шли владельцы городских ремесленных предприятий. Подобно тому, как последние ставили во главе мастерских пользовавшегося широкой самостоятельностью инситора, они поручали имение вилику, который должен был вести дело на свой риск и страх, внося господину часть дохода. Такие вилики-арендаторы существовали уже в конце республики, теперь же эта практика расширяется.

Юристы проводили разницу между обычным виликом, «назначенным для выращивания плодов, а не для получения прибыли», и виликом, находящимся на положении инситора с правом торговать и заключать сделки (Dig., XIV, 3, 16). Сцевола рассматривает такой случай: некто заложил имение со всем, что там имеется; часть имения, не сданная колонам, была дана должником его актору вместе с рабами, виликом и викариями вилика (Dig., XX, 1, 32). Здесь вилик и актер — разные лица, но часто оба термина употребляются равнозначно, в смысле рабов, арендовавших имение. Сцевола различает вилика, работавшего «по доверию господина» (*fide dominico*), причислявшегося к инвентарю имения, и вилика, получавшего определенную плату и к инвентарю не относившегося (Dig., XXXIII, 7, 18, 4). Можно было бы думать, что здесь подразумевается свободный наемный вилик, но из другого отрывка Сцеволы явствует, что это мог быть и раб. Некто, пишет Сцевола, завещал своему отпущеннику Сею оборудованное имение с долгами колонов, салтуариями, их сожительницами и детьми. Спрашивается, должен ли Сею раб Стих, который обрабатывал одно из этих имений и задолжал большую сумму? Если он обрабатывал его за плату, как посторонние колоны, то не должен (Dig., XXXIII, 7, 20, 1).

Далее Сцевола рассматривает завещание, включавшее оборудованные имения с рабами, их пекулиями, акторами, долгами колонов и виликов (Dig., XXXIII, 7, 20, 3). Здесь, видимо, акторы — не арендаторы, а управители, возможно, нескольких имений — об использовании одного актора для смежных имений пишет Плиний Младший, — вилики же выступают в качестве арендаторов наряду с посторонними колонами. В других случаях арендаторами являются акторы. Папиниан говорит об имении, оставленном с долгами акторов и колонов, и разъясняет, что имеются в виду те долги, которые подобны доходам с имения (Dig., XXXII, 91). Вообще, долги, будь то долги колонов или других контрагентов завещателя, по легату без специальной на то оговорки не передавались (Dig., XXXII, 91, 1—2), но здесь правило изменено, возможно, именно потому, что речь идет об акторах. Возможно, что под долгами, находившимися на том же положении, что и доходы с имения, и переходившими

вместе с ним к наследнику, подразумевались обычные арендные взносы, тогда как долги, в легат не включавшиеся, состояли из денежных и натуральных ссуд, выданных хозяином колонам или находившимся на положении колонов актерам. Так, по словам Сцеволы, к легатарии не переходил инвентарь колонов, оставленных ими в залог за долги, когда они ушли из имения по истечении срока аренды (Dig., XXXIII, 7, 20, 3). Об арендных платежах речь здесь идти не может, поскольку колоны, не выплатив их полностью, уйти из имения не могли. В отношении же долгов по ссудам, колоны и акторы приравнивались к посторонним должникам владельца, с имением ничего общего не имевшим (Dig., XXXII, 78, 1; 92).

Интересно завещание, разобрванное Павлом, по которому Госидий передает своему актору по легату свободу, пекулий, имение и долги — как колонов, так и его собственные (Dig., XXXII, 97). Здесь, видимо, актер пересдавал по частям арендованное им имение колонам. Такой актер мог даже жить не в имении, а в городе (Dig., XXXIII, 7, 20, 4). Акторы вообще иногда вели широкие дела, для которых даже отлучались из имения в провинцию (Dig., XXXIII, 7, 12, 38).

Раб, скорее всего тот же актер или вилик, мог получить имение в качестве пекулия. Такой пекулий господина иной раз завещали рабу, и он становился владельцем имения, погасив долги господину и товарищам по рабству, т. е. рабам своего хозяина, с которыми вел какие-то дела (Dig., XXXIII, 8, 6). Если актер умирал раньше господина, его пекулий, как и пекулий всякого другого раба, возвращался к хозяину³⁵. Если же такой, обработавший господское имение раб был отпущен на волю без пекулия, с него нельзя было взыскать то, что он задолжал, находясь в рабстве (CJ, IV, 14, 5). К началу III в. актер и колон стали уже совершенно равнозначны. Актер, или колон, пишет Павел, переведенный из другого владения в имение, завещанное по легату со всем инвентарем, передается легатарии лишь в том случае, если завещатель хотел, чтобы он был вписан в устав его имения³⁶.

Таким образом, практика использования виликов и акторов как инститоров или арендаторов приобретает все большее распространение. Если такие вилики и акторы продолжали вести хозяйство с помощью рабов, то по сути дела положение оставалось тем же, что и на вилле, управляемой самим господином, и стоявшие перед рабовладельческим хозяйством трудности не снимались. По-видимому, с середины II в. в быт входит и иная практика — наделение рядовых сельских рабов участками земли и инвентарем, с тем чтобы они часть доходов вносили хозяину, а часть оставляли себе. Первое соответствующее свидетельство

³⁵ *Paul.*, Sent., III, 6, 47.

³⁶ *Ibid.*, III, 6, 48.

ство мы находим у Сцеволы: он рассматривает вопрос, могут ли сонаследники вчинить иск лицу, получившему по завещанию имение с рабами, оставшимися должными господину, о пекулии этих рабов (Dig., XV, 1, 54). Ясно, что то не были обычно сельские рабы, подобные трудившимся на вилле Колумеллы, так как они не имели пекулиев и никак не могли быть должниками господина. Выше уже приводилось упоминаемое Сцеволой завещание, по которому имение передавалось с рабами и их пекулиями. Пекулий сельского раба упоминает Павел (Dig., XVIII, 1, 40, 5). Ульпиан, перечисляя лиц, которые держат в имении землю, называет прокураторов, колонов и рабов (Dig., XLIII, 16, 1, 22). В пекулий сельских рабов входили иногда и рабы-викарии (Dig., XXXIII, 7, 12, 44). Перевод рабов на положение колонов был принципиально новым шагом, чреватым многими последствиями. Он знаменовал полный разрыв с принципами Колумеллы.

Судя по всему, землевладельцы отказывались и от его методов организации рабов как своего рода рабочего скота, долженствующего только трудиться, есть и спать. Сплошь да рядом их фамилии выступают организованными в коллегии; вилки и рядовые сельские рабы участвуют в различных культах, что «классики» рабовладельческого хозяйства от Катона до Колумеллы считали недопустимым. Видимо, примером в этом смысле послужили императорские имения. Об императорских землях в Италии мы знаем очень мало. Но некоторые, довольно характерные данные все же имеются. Около Путеол находилась императорская вилла Баули. Из двух дошедших оттуда надписей мы узнаем, что там существовала коллегия бауланцев, к которой принадлежала рабыня Эвней, похороненная Артиком с разрешения прокуратора Коринфа (CIL, X, 1747), и что вилик Деметрий купил для погребения некоего Герода, сына Афродисия, аскалонца, участок у совета бауланцев — *ab ordine Baulanorum* (X, 1746). В соседней, также императорской, Лукулланской вилле императорский отпущенник Лаг соорудил гробницу для своего сына Юлия Геликона на участке, предоставленном ему по декрету декурионов фамилии Лукулланской виллы (CIL, X, 1748). Там же императорский вилик Мист вместе с подчиненной ему фамилией поставил благодарственную надпись Юлие Эротине (X, 1750), скорее всего дочери какого-нибудь императорского отпущенника из администрации имения. Судя по именам Юлий и Юлия, все эти надписи относятся к первой половине I в. А следовательно, уже в столь раннее время здесь имелись не только объединяющие рабов коллегии, но и совет, распоряжавшийся предоставлением, хотя бы и очень незначительной, части территории виллы. Каковы бы ни были реальные полномочия этих декурионов и магистратов, самое их существование должно было давать рабам известное удовлетворение. Несколько позже в имении жены Домициана Домиции извест-

на коллегия героизированного Домиция Корбулона, в которую входили раб Януарий и отпущенница Домиция Атенаис, похоронившие своего родича, раба Феба (Ае., 1912, № 221). Эта коллегия носила не только погребальный, но и культовый характер, имея целью почитать память предка императрицы.

По образцу таких семейных организаций создавались коллегии в сельских виллах частных владельцев. В 22 г. возле Луны вилик Илларион, будучи магистром, составил по годам список декурионов рабской коллегии имения: в 16 г. декурионами были Гилар, Ваккий, Скорип, Нервий; в 17 г. — Тибуртин, Филон, Капитон, Солумар; в 18 г. — Тигран, Фелицион, Гермипп, Прим; в 19 г. — Габиний, Оптат, Аполлоний, Колотнем (CIL, XI, 1356). В Теате Марруцинской вилику Плавта Гиппократу посвятила надпись сельская фамилия, которой он «управлял с умеренностью» (IX, 3028). В Пелтине известны магистры сельской фамилии Ларов, диспенсатор Филерот и погребщик Мелантий (IX, 3424). В паге района Пелтина коллегия похоронила Феликса, раба Аррии Тигриды (IX, 3447). В Фификуланском паге какая-то культовая коллегия почтила память раба викария, имя которого не сохранилось (IX, 3577). В Церринине вилик Феликс и фамилия Фавиллианского имения позаботились о погребении жены вилика Нервии Плекузы (IX, 3651). В Эквикули актер Л. Юлия Фронтин Геллий с коллегией имения (*collegius agellanus*) похоронил сына Януария (IX, 4129). Около Стабий раб Антерот, магистр, принес дар Ларам и фамилии (X, 773). В Аквине два Анимизия, Приск и Присцин, подарили участок для погребения площадью в 6600 кв. футов коллегии Геракла Победителя в Домицианском имении (X, 5386). В районе Фабратерии господского сына похоронили отпущенники и охотничья фамилия жрецов Дианы (X, 5671). В Теате отпущенники и охотничья фамилия Утия Бебиана посвятили надпись пяти либертам (V, 2541). В области трумплинов Друин, актер консула 201 г. Нонния Аррия Муциана, ведавший его Тублинатскими владениями, выстроил за свой счет часовенку и для охраны ее выдал 200 сестерциев товариществу по очищению Веттианского имения (V, 5005). Между Бергомом и Комом раб Секундиона Валентин принес дар Митре в память отца, состоявшего членом коллегии (V, 5082). Особенно интересна надпись из Южной Италии, посвященная Сильвану и Диане виликом Урсулом с восемью рабами, названными кандидатами Сильвана (X, 131-8271).

Весьма значительно число надписей виликов и актеров³⁷. Они встречаются в разных частях Италии, но очень редки на

³⁷ В Брундиции эпитафия сына вилика Эреллиона Прокла (CIL, IX, 163); в Калах Родана, актора Сальвин Репенты (IX, 322); в Венусии Сагарис, актер Бриттия Презента, посвятил латинскую и греческую надпись Меркурию и Митре во здравие господина (IX, 425); в Луцерии вилик Антипатр сделал

юге, где, по всем данным, преобладали пастбища, более многочисленны на севере Италии и особенно часты в центральных районах. Довольно значительная часть акторов и виликов принадлежала владельцам сенаторского сословия, т. е. крупным землевладельцам, у которых некоторые из них, возможно, арен-

гробницу жене и сыну (IX, 820); в районе Беневента найдена эпитафия Эпигона, «преданного актора» (IX, 1717), и надпись актора Трофима, исполнившего обет Сильвану Цезарианскому (IX, 2113). По соседству с Беневентом, в Ветоланах, актер Политим принёс дар Фортуне Фолланской во здравие Либерала Умбрия; его посвящение заканчивается словами: «да живешь ты, Верцобий, и все твои!» (IX, 2123). Верцобии было прозвище некоторых знатных беневентских семей, в том числе и Умбриев, актором которых, видимо, был Политим. В Сепине Константину, вилику, и Потенту, погребщику семейства Нератиев, «отцу и брату», сделали надгробие Пот и Латом (IX, 2484); там же вилик Нератия Прокула Примигений с восемью детьми и неким Фи-зием Суллою поставили эпитафию матери Примигения (IX, 2485); в Лигурах Бебианских в II г. вилика Ти. Клавдия Нерона была магистрой Беллоны и принесла ей в дар светильник (IX, 1456); в области френтанов найдена эпитафия вилика Стефана (IX, 2829); в области пелигнов—жены Констратегика, актора сенатора времен Марка Аврелия Статилия Барбара (IX, 3052), и Фирма, вилика Вария Амбибула, сделанная его дочерью Варией Фирмой, очевидно отпущенницей (IX, 3056); в Сульмоне дар Сильвану Хранителю принес актер Фелициссим (IX, 3076), а Фот, вилик Цервии Психи, сделал эпитафию своему воспитателю (IX, 3103); в Пелтине Арекуса, жена Дафина, вилика Вибулени Квартиллы и Антонии Тертуллы, сделала гробницу ему и себе (IX, 3446), а Памфил, вилик Бебии Априллы, исполнил данный его отцом обет Сильвану (IX, 3517); в Фификуланском паге Фест, вилик консула 96 г. Катия Фронтинна, принес дар отцу Либеру (IX, 3571); в другой надписи тот же Фест именуется актором и сообщает, что выстроил гробницу для себя, дочери Цессии Урсиллы, зятя Секунда, аркария Ти. Цессия Фронтонна и жены Цессии Нимфы (IX, 3579); в Авее вилику Непота Главку сделала гробницу его дети Логий Гимн, Логий Главк, Либерал Логисм и жена Витуласия (IX, 3617); в Цереннии жена актора Сукцесса сделала ему эпитафию (IX, 3652), а вилику Патерну—его сын Камерий Приск (IX, 3701); в Альбе Фуценс вилики Эрот и Клад принесли дар Ларам (IX, 3908); в Карсиолах Филаргир, вилик Карра, за свой счет соорудил Ларам часовню (IX, 4053); в районе Амитерна актер Задумениана поставил надгробие товарке по рабству (IX, 4326), а актер Бетуления Апра Никефор исполнил обет Юпитеру, Либеру и Либере за господина и его детей (IX, 4513); там же известны посвящения Юпитеру и Сильвану от актора Олимпа, отремонтировавшего за свой счет часовню, и Сильвану от Феста, актора Лаберия Криспина (А. е., 1919, № 56; 1934, № 235); в Фирме Пиценском сыновья похоронили актора Филумена (CIL, IX, 5377), а в Фалериях вилик Аполлион похоронил своего сына (IX, 5460). Из тех же районов происходят печати актора Марция Катра, Эпафродита, актора Эмилия Карикла, Эрга, актора Тития Либерала, Пицентина, актора Басилия, актора Кальпурния Ротона, Салутара, актора Майаны Валерианы (IX, 6083, 43; 48; 49; 111; 124; 130). Из других областей Италии известны: в Локрах эпитафия Квинтиона, вилика Флакка (X, 25); в Грументе—брата актора сенатора Бруттия Криспина Фусцина (X, 238), там же актер Геркуланий исполнил обет Эскулапу (X, 284); в 177 г. актер Идей исполнил обет, принесенный им за его госпожу Бруттию Криспину (X, 285); в районе Аттины похоронена жена актора Дионисия Бруттия Гелицена (X, 420) и его сын Бруттий Дионисий (X, 419); очевидно, Дионисий принадлежал той же семье Бруттиев и женился на их отпущеннице; там же известна жена актора Квинта (X, 421); из Путеол дошли надписи актора жены сенатора Цецилии Матерны, Гиерокла (X,

довали входившие в состав их владений отдельные виллы. Арендовали они, возможно, также виллы средних и мелких землевладельцев; в других случаях они управляли имениями и пользовались довольно широкими полномочиями, имея даже свои печати для скрепления деловых документов. В Веллейской таблице в ряде случаев земли от имени господ закладывают не только их отпущенники, но и рабы, очевидно также вилики и акторы. Вилики и акторы достаточно активно участвуют в культе, строят и ремонтируют святилища и алтари, что указывает на известное благосостояние, возглавляют фамильные коллегии. Некоторые имеют своих рабов-викариев. Некоторые женаты на

1909); актора Гая Прокула, Эпафродита (X, 1910), актора неизвестного владельца и его дочери Гигии (X, 1911); актора Малла, похороненного своей госпожой (X, 1912); в Венафре известен Нарцисс, вилик Титуция Флориана (X, 4917); в Атине вилик либертин Обиний Эпикад и его жена Требия Афродисия сообщали, что занимали должность виликов 13 лет (X, 5081); в Велитрах Юлиана сделала надгробную надпись своему мужу Ономасту, «актору и наилучшему земледельцу» (X, 6592); в Равенне — эпитафия Филомелла, актора Романия Форты (XI, 140); в Аримине — вилика Зоила принесла дар Гению господ (XI, 356); в Форуме Попилия Ферокс похоронил своего родственника актора Верекунда (XI, 576); в Мутине Дама вилик Статуллия Нишина сделал надгробие своей викарии, занимавшей должность вилики (XI, 871); в Луне вилик Флора Айтал исполнил обет Траяну Августу и Юпитеру (XI, 1320); Гермес, вилик Бебия Нимфодота, принес дар Сильвану (XI, 6947), а вилик Феликс — Благоразумию (XI, 1327); в Перузии Гранния Урбана написала эпитафию мужу Номикку, актору Постумиев (XI, 1952); в Сатурнии актор Карп сделал надгробие жене (XI, 2657); в Витирбенском районе Антигон, актор сенаторов Руфиев Феста, Марцелла и Прокула, принес дар Фортуне во здравие господ (XI, 2997); в Викарелло актор Поллиен похоронил жену Колумбуллу (XI, 3299); в Интерамне найдена эпитафия вилика Росчиев Глафира (XI, 4422); две эпитафии акторов найдены в Тудере (XI, 4661; 4752); в Урине Матуренском — эпитафия Феликса, актора женщины сенаторского звания Постумии Варии, свою должность он занимал 15 лет (XI, 6076); из Сассины дошла эпитафия Примитивы, жены актора Александра (XI, 6545); солдат VII преторианской когорты Сурий Сабин завещал, чтобы о его гробнице имели попечение работники актора — *opifices actori* (A. e. 1911, № 199), возможно, викарии, а возможно, и свободные батраки, работавшие в имении под наблюдением актора; в Поле был похоронен Фортунат, актор Юлия Фронтон (CIL, V, 90); в Аквилее актор Гигин посвятил алтарь Честности (V, 1035); в Аусуге дар Диане принес Ант, актор консула (V, 5048); в районе Кома найдена эпитафия викария актора Трофима, Суриона; посвящение Юпитеру и всем богам и богиням во здравие господ от Азеллиона, вилика Аврелия Луцилиана, и надпись вилика Фульвиус Евтиха, отремонтировавшего во здравие господ храм Геракла с его статуей (V, 5318; 5500; 5558); в районе Медиолана вилик Букол принес дар Диане (V, 5668); в районе Верцелл эпитафию викария вилика Зосима Северина сделал его брат Север (V, 6673); в Варадакте вилик Фирмиев исполнил обет Диане (V, 7449); в районе Генуи алтари Ларам сделали вилики Теллия Цензорин и Петинии Пузиллы — Клар (V, 7739; A. e., 1961, № 175); в районе Индустрии вилик сенатора Дестиция Юбы посвятил Минерве алтарь во здравие семьи господина (CIL, V, 7476); в Лации известны надписи актора Руфины Каллиста, принесшего в районе Альбы дар Доброй Богине, согласно видению (XIV, 2251); надгробие, сделанное там же госпожой «вернейшему актору» (XIV, 2301); эпитафия вилика Мосха в Тускуле (XIV, 2726) и надпись актора Вера, соорудившего алтарь (XIV, 2792).

отпущенницах и даже свободнорожденных женщинах. В общем они уже далеко отошли по своему положению от обезличенного виллика Колумеллы.

Среди поместной администрации встречаются также диспенсаторы, рабы-казначей, ведавшие приходо-расходными книгами, сбором платежей и долгов, отдачей денег в рост и т. п. Юристы упоминают как городских, так и сельских диспенсаторов. (Dig., L, 16, 166). Близки к диспенсаторам были кассиры — аркарии. Диспенсаторы занимали в рабской иерархии одно из высших мест. Тримальхион рассказывает, как он благодаря своему уму и услужливости поднялся у господина до должности диспенсатора (Petr., 29). В одной эпиграмме Марциала, посвященной статуе Приапа из богатого имения, говорится, что ее сделал не грубый колон, она произведение диспенсатора (XI, 39). Диспенсатор Дар в посвящении Гераклу говорит, что раньше был виликом (CIL, VI, 278), по примеру свободных отмечая продвижение по службе. Надписи диспенсаторов и аркариев имеются в разных сельских районах³⁸. Их значительно меньше, чем надписей виликов и акторов. Скорее всего, они ведали имениями, целиком сданными колонам, с которых собирали арендные взносы, тогда как акторы и вилики сами расплачивались с хозяевами.

Из других занятых в поместной администрации рабов Лабейон называет негоциаторов, назначавшихся начальниками над каким-либо определенным делом (*praepositi negotii exercendi causa*), между прочим, и связанным с арендой (Dig., XXXII, 65). Их упоминает Плиний Младший, но в надписях из имений негоциаторы не встречаются. Зато попадаются салтуарии. По Дигестам, это были рабы, назначенные для «охраны плодов» и отличные от сторожей, стерегших границы имения (Dig., XXXIII, 7, 12, 4). Возможно, они также исполняли должность учетчиков. Сходны были функции и целлариев, «назначавшихся для того, чтобы счета были правильными» (Dig., XXXIII, 7, 12, 9).

³⁸ В районе Кампсы аркарий Прим посвятил надпись Венере (CIL, IX, 969); в области вестинов в 156 г. диспенсатор консула Латерана Евтих вместе с отпущенником прокуратором написал большое метрическое посвящение Сильвану (IX, 3375); в области вестинов же диспенсатор Кресцент принес дар Ларам за благополучное возвращение какого-то лица (A. e., 1927, № 107); там же найдены эпитафии диспенсатора Биолены Кварты Камнистра и Сперативна, диспенсатора Сальвиена Павла (CIL, IX, 3445; 3448); в области самнитов Сатурнии, диспенсатор Мунации Медии, похоронил жену, отпущенницу Волунту (IX, 2558); в районе Амитерна диспенсатор Реститут и Претиоза, дочь Марка, сделали надгробие Реституте, рабыне Педулейи (IX, 4523); в районе Нуцерии в 5 г. до н. э. Синистр, диспенсатор жены сенатора Сабидии, принес дар Лимфам и Диане (IX, 4644); там же во фрагменте надписи упомянут Евпл, диспенсатор Саррены Паулины (IX, 4665); в Анконе диспенсатор Кар принес дар Вертумну (IX, 5892), в районе Альбы Помпен упомянут диспенсатор Урбан (V, 7638); в районе Пренесте диспенсатор, принадлежавший отпущеннику Марцию Эсхину, принес какой-то дар фамилии и отпущенникам хозяина (XIV, 3033).

Довольно многочисленны и надписи рядовых сельских рабов³⁹. Как и надписи представителей поместной администрации,

³⁹ В районе Венусии Януарий сделал надгробие товарке по рабству Кассии (CIL, IX, 654); в Теане Апулийском сохранилось надгробие салтыурия Эпафры и его сыновей, один из которых был весовщик — *ponderarius* (IX, 705); там же другой весовщик Марсуа похоронил свою товарку по рабству Георгию (IX, 703); в районе города скотник сенатора Клавдия Севера Витал исполнил обет Гераклу Ахерунтийскому (IX, 947); в районе Лигуров Бебианских имеется эпитафия рабыни Эпихариды, сделанная ее товарищем по рабству Гиперионом (IX, 1471); в районе Беневента раб Патульций Тих похоронил сына (IX, 2104); из имения Ваккия Витула в области френтанов дошла датированная 19 г. н. э. расписка его раба Куста, получившего с кого-то какую-то сумму (IX, 6312); в паге у города Суперэква был похоронен раб, принадлежавший Серрану (IX, 3319); в Ауфине Веминасий Приск и отпущенник Афиений Стабилион соорудили портик на деньги салтыуриев (IX, 3386); в паге города Пелтина салтыурий Ороний Юлиты Хрест исполнил обет Сильвану во здравие госпожи (IX, 3421); там же, помимо упоминавшихся уже эпитафий диспенсаторов, виллика и раба, похороненного за счет коллегии, имеется эпитафия раба Мартина, похороненного вместе с господином Блесием Лидом (IX, 3456), рабыни Септимина Диктины и ее сестры Спендузы (IX, 3446), раба Цесенния Вестины Юкунда, женатого на отпущеннице Цесеннии Примигении (IX, 3471), раба и рабыни Нония (IX, 3527), рабов Пекулиара и Примигения, похороненных товарищем по рабству Амарантом (IX, 3547), и посвящение Венере от четырех магистров, из которых две были свободнорожденными, одна отпущенница и одна рабыня, принадлежавшая Авлу Мунатидию (IX, 3518); в Фификуланском паге раб Корнелии Сабини Нимфодот совместно с Меммием Ипатом сделал надгробие родителям Клавдии Лексиде и Эглогену, себе и Клавдии Донате (IX, 3583); возможно, он был сыном свободной женщины, вышедшей замуж за раба и считавшейся, в соответствии с законом Клавдия, рабыней, как и ее дети. Там же Феб похоронил брата Эвхариста, раба Райана Руфа (IX, 3585), а рабы Ветуласия Непота Агре и Смарагд соорудили гробницу для себя и еще каких-то рабов (IX, 3587); в Маррувии марсийском наряду с упоминавшейся уже эпитафией виллика Патерна имеется эпитафия Целерии Афродиты, жены Фуцентия, раба Кальвентии Клементины (IX, 3714), Лола, раба П. Бебия, Ласция, годовалого раба Тирона Кресцента и Рецепта, мальчика раба Дивия Анхнала (IX, 3731; 3732; 3754); в Супинском селе около Акция раб П. Деция и его коллеги, магистры Геракла, соорудили трибунал, отремонтировали театр и просцений и устроили двухдневные игры (IX, 3857); там же найдена эпитафия Сальвины, сожительницы раба Эпника (IX, 3875); в районе Амитерна раб Нуммия Альбина Кресцент сделал надгробие жене и другой товарке по рабству (IX, 4330); другой раб похоронил свою сожительницу, бывшую надзирательницей в шерстоткацкой мастерской (IX, 4350), видимо, при имении, а раб Кассии Постумы Кресцент соорудил алтарь Сильвану и Гераклу (IX, 4499); в селе Форулы мать похоронила раба Г. Дидиена — Клемента (IX, 4407); в районе Аскула раб Анхария Персея Арген похоронил жену, отпущенницу Анхарию Сукцессу (IX, 5280); рабы Басса Номад и Прим — товарища по рабству Феликса (IX, 6416); в районе Атины найдена эпитафия рабыни Гавия Руфа — Критонии, сделанная ее товарищем по рабству Пробом (X, 395), и раба Гавия Севера — Пелора, сделанная его женой и сыном (IX, 397); около Геркуланума салтыурий Г. Петрония Коммун исполнил обет Сильвану (X, 1409); в районе Атины отпущенник Обиний Кресцент сделал гробницу себе и рабу-пастуху (X, 5151); в районе Тускула раб-кассир Итей принес дар Эскулапу (XIV, 2493), а Филерот и Антиох — Ларам (XIV, 2494); в районе Парентия рабыня исполнила обет Сильвану и богиням Флоренциям за свою госпожу Северину и Луциллу Плавциану (V, 408); в районе Тергесте раб Абией принес

они в основном сконцентрированы в центральных и северных районах; на юге Италии, в Кампании, Этрурии, они единичны. На севере сельские рабы, имевшие возможность оставить по себе память «сакральными или надгробными надписями», были, вероятно, связаны с крупными имениями, где и обрабатывали отдельные участки или, не имея звания вилика и актора, все же были приставлены господами для наблюдения за колонами. Таковы были, например, те «дельные рабы», которых Плиний Младший считал нужным поместить в хорошее, но разоренное недоимками колонов имение, в случае если он его купит (Ер., III, 19); надзиратели за работами, назначенные им для охраны и учета плодов в имении, предназначенном им для сдачи колонам в издольную аренду (Ер., IX, 37); городские рабы, приставленные Плинием для надзора за сельчанами (*rustici*, т. е., по обычной терминологии Плиния, колонами) во время сбора винограда (Ер., IX, 20). Все эти категории рабов тем или иным способом могли накопить достаточно денег и на дары богам, и на собственные гробницы. К ним относились и сальтуарии. Между прочим, на пиру Тримальхиона зачитывались завещания его сальтуариев, «с похвалой лишивших Тримальхиона наследства»⁴⁰. Как ни карикатурно это известие, оно показывает, что сальтуарии считались рабами зажиточными. Из приведенной выше надписи (CIL, IX, 3386) мы видим, что сальтуарии располагали средствами, достаточными даже для сооружения в складчину портика.

дар Минерве (V, 704); в районе Кремоны раб Нонния Агатоника Сперат сделал гробницу для себя и сожительницы Либеры (V, 4139), а Дентон — для товарки по рабству Лесбии (V, 4175); в районе Кома раб Цензорина Тертулл со своими родными исполнил обет Сильвану (V, 5457), Вер и Валерий, рабы Валерия Максимиана, принесли дар Юпитеру и Либеру, хранителю виноградников (V, 5543); отпущенник того же господина Валерий Северин и принадлежавшие Валерию Максимиану рабы Примитив, Прим, Пуп и Пула принесли дар Юпитеру (V, 5545), а сальтуарий Грацил, Скимп и какие-то другие сальтуарии, имена которых не сохранились, исполнили обет Сильвану (V, 5548); там же найдены надписи Ветта, раба Фульвия Рустика (V, 5557), видимо, из того же семейства Фульвиев, вилик которых Евтих уже упоминался, и раба Кассиев Германа, посвятившего надпись Сильвану (V, 8900); в районе Медиолана Юпитеру и всем богам и богиням посвятил надпись раб Фирм (V, 5633), а также Вегенещиан, раб Мацеллиона (V, 5669); Пиллад, сальтуарий известного деятеля I в. Вергиния Руфа, принес дар Юпитеру за благополучие и победу своего господина (V, 5702); в Пеннинских Альпах во здравие господина и своих родных принес дар Юпитеру Пеннинскому раб Геллия Априкул (V, 6865), а также Феб, раб Фуска (V, 6884); там же Трофим, раб Меропа, посвятил надпись Гению своего хозяина (V, 7143); около Сегусиона раб Прим сделал надпись Гению господина Валерия Северина и Юноне госпожи и господских дочерей (V, 7237); Гению господина посвятил надпись раб Мосх в районе между Индустрией и Бадинкомагом (V, 7471); в окрестностях Асты раб Валерия Азиатика принес дар Диане (V, 7592).

⁴⁰ *Petr.*, 53.

В областях вестингов, марсов, сабинов и т. п. сельские рабы вообще, видимо, пользовались значительной самостоятельностью. Показательна в этом смысле одна, к сожалению, сильно фрагментированная надпись из Фификуланского пага. Она составлена в честь некоего Секста Айадия Агатема, завещавшего местной коллегии юношества, состоявшей под покровительством Геракла, 100 югеров земли; среди членов коллегии наряду со свободными названы отпущенник некоего Феба и рабы — Рестут и Секунд, принадлежавшие Квинту и Луцию Лоллиям, Никефор, видимо императорский раб, и, возможно, некоторые другие (CIL, IX, 3578). Обычно в коллегии юношества, довольно многочисленные в городах Италии, входили только свободнорожденные, здесь же — не только либертины, но и рабы. Возможно, в этих районах вследствие живучести патриархальных отношений сельские рабы находились на особом положении, жили своим хозяйством, как рабы в имении Ювенала, и участвовали в жизни свободных. Но, может быть, они, как и рабы, известные из надписей долины По, жили в имевшихся и там крупных имениях на тех же основаниях. Как известно, Плиний писал, что соседние с ним землевладельцы не употребляют закованных рабов (Ер., III, 19). И вряд ли случайно, что многие из приведенных надписей сельских рабов происходят из района Кома и окрестных земель. Организация хозяйства в упомянутых областях явно отличалась от организации в имении Колумеллы.

Видимо, с середины II в. развивается и новая для Италии практика эксплуатации имений, а именно передача их группе отпущенников. Первое ее упоминание мы встречаем у того же Сцеволы. Он разбирает завещание, по которому отпущенникам передается имение с бывшими там рабами и таберной (Dig., XXXII, 35, 2; 93, 2). Юристы уделяют такого рода случаям довольно много внимания. Мы узнаем, что на наследство таких отпущенников имели право их дети, даже рожденные в рабстве (Dig., XXXI, 88, 12), что отчуждать свои наделы отпущенники и их наследники не могли и должны были ежегодно выплачивать наследнику завещателя определенную сумму (Dig., XXXIII, I, 18). Если кто-либо из совладельцев умирал бездетным, его часть переходила к остальным; если совладельцы нарушали условие и продавали свои наделы, те, кто не продал свои части, могли требовать аннулирования сделки и возвращения им проданного (Dig., XXXI, 77, 13; 15; 27).

Юристы рассматривают казусы, возникавшие в связи с завещаниями, так как только тогда такие случаи могли попасть в сферу действия закона. Но надо думать, что передача имения группе отпущенников могла иметь место и при жизни господ. Судя по условиям соответственных завещаний, имение отдавалось с инвентарем, рабами и, конечно, принадлежавшими к не-

му угодиями. Свои участки отпущенники не имели права продать, но могли завещать детям. Поскольку, как мы увидим далее, инвентарь разделу не подлежал, можно полагать, что совладельцы пользовались им сообща, так же как лесами, пастбищами, водными источниками. Таким образом, создавалось некое подобие общины. Совладельцы были обязаны патрону и его наследникам взносами, возможно раскладывавшимися в соответствии с наделом каждого, при круговой ответственности всего коллектива. Каковы были санкции при неуплате взносов, мы не знаем. Скорее всего, в таком случае земля отбиралась, так как вообще владение отпущенников было не особенно прочным. Характеризуя сферу действия интердикта об изгнании кого-либо силой из имения, Ульпиан оговаривает, что интердикт этот неприменим, если отец изгоняет детей или патрон отпущенников, за исключением случаев, когда изгоняющий применил оружие (Dig., XLIII, 16, 1, 43).

Передача земли отпущенникам на условии неотчуждаемости отражена и в эпиграфике⁴¹. В надписях обычным было требование, чтобы такие отпущенники отправляли заупокойные обряды по патрону и его семье. Но, как видно из приводившейся статьи Дигест, не этот мотив был главным в соответственных актах. Основной целью было получение определенных доходов. В этой связи можно привести известную надпись воинского трибуна

⁴¹ В Мантуе всадник Кл. Амазоник по желанию жены и согласно ее завещанию передал ее отпущенникам и их потомкам сад при гробнице, с тем чтобы это имущество никогда не ушло из фамилии. Если же кто передаст или продаст его посторонним, то заплатит в виде штрафа 200 тыс. сестерциев в казну понтификов (CIL, V, 4057); в Остии Юния Либерта отдала узупфрукт на принадлежавшие ей Гиларианские Юнианские сады со зданиями и табернами своим отпущенникам, чтобы они никому не продавали и не отдавали свои наделы, пока узупфрукт не перейдет к кому-нибудь одному. Если же из них никого в живых не останется, имущество перейдет к гражданам Остии, которые должны будут заботиться о гробнице завещательницы (А. е., 1940, № 94); в 67 г. в Фундах Домиций Фаон, отпущенник Домиции Лепиды, передал землю с ведущей к ней дорогой и водными источниками в неотчуждаемое пользование тех членов ее дома, которые будут носить имя Домициев, т. е. ее отпущенников и их потомков (А. е., 1914, № 219); в Велитрах Ти. Клавдий Целад, подрядчик по внутренней отделке зданий, сделал гробницу для себя, жены и отпущенников, кроме заслуживших его немилость Фауста и Сабинны, и придал гробнице участок в 8 югеров с таберной, чтобы они владели им без права отчуждения (А. е., 1925, № 87); в Америке отпущенница и жена Г. Мазония Лета Мазония Фауста завещала четырем отпущенникам и их потомкам узупфрукт на Трезнианское Мазонийское имение (CIL, XI, 4488; 4489); в Вардакате отпущенник Веттий парфюмер Гермес завещал сады кураторам своей гробницы, с тем чтобы они не делились и не отчуждались (V, 7454); в Риме Т. Флавий Синтроп передал своему отпущеннику Айталу Эпагатовы Дадуховы сады по Лабиканской дороге со строениями, инвентарем и виноградниками с условием, чтобы они находились в собственности его и его соотпущенников, не отчуждались и переходили по наследству лишь к потомкам и отпущенникам первоначальных владельцев. Они должны были делить между собою доход и заботиться о гробнице завещателя (VI, 10239).

Кастриция Кальва Агриколы из Форума Ливия, сделанную им на гробнице двух его отпущенников. Он называет себя благожелательным патроном хороших отпущенников, особенно тех, кто тщательно обрабатывает землю, питает себя и сохраняет то, что имеет; тем из них, кто хочет жить свободно, хорошо и справедливо, он советует быть благочестивыми, желать добра патрону, почитать родителей, быть честным, не злословить; не ученые, а сама природа свидетельствует, что верные и невинные проживут без обид, приятно и весело (CIL, XI, 600). Можно полагать, что отпущенники, которых поучал Кальв, сидели на его земле в качестве колонов или фруктуариев.

Весьма вероятно, что к такой же категории отпущенников относятся довольно многочисленные индивидуальные и коллективные надписи либертинов, проживавших в сельских местностях, хотя они могли быть и самостоятельными землевладельцами⁴² (сведения, бесспорно относящиеся к последним, будут приведены ниже).

⁴² В районе Канузия найдена гробница трех отпущенников Арториев и пяти Райев (IX, 356), четырех Аквилеев (IX, 359) и еще шесть коллективных гробниц (IX, 361, 363, 373, 375, 392, 403), возможно принадлежавших коллективу совладельцев; в районе Кампсы — Цесия Трипа и его семьи (IX, 998); в районе Бария — Фульвия Триумфа с женой (IX, 308); в Фификуланском паге — Кальвена Фортуната с семьей (IX, 3538); около Альбы Фуценс — пяти соотпущенников Веттиев (IX, 4157); в районе Амистерна — Рутилия Филаргира и его пяти соотпущенников (IX, 4462); в районе Интерамны отпущенник, имя которого не сохранилось, сообщает в своей эпитафии, что был дорог господам, а получив свободу, — патронам (IX, 5059); около Трени имеется гробница шести отпущенников Тукциев (IX, 5673); в Лации ряд эпитафий отпущенников имеется в районе Тускула (XIV, 2529, 2533, 2535, 2539, 2554, 2556—2559); в районе Тибура Флавий Гилар и Кордий Гилар были магистрами пага (XIV, 3462); там же найдены эпитафии других отпущенников (XIV, 3467, 3495, 3506, 3520, 3524, 3526); в районе Вибо — четырех отпущенников Цесиев, двух свободнорожденных женщин, Цесии Секунды и Цесии Примы, дочери внучки одного из отпущенников, и Мамерция, сына Марка, видимо мужа Цесии Секунды (IX, 69); там же — гробница шести отпущенников Пуллиев и двух свободнорожденных Вариев (X, 88); в районе Атины — эпитафия Плотия Никона (X, 398); в районе Салерна Апулей Сальвий и Феликс, отпущенники двух Луциев, соорудили гробницу, на которой сохранились имена 60 отпущенников Апулеев, из них 38 одного, 10 — двух Луциев и трое — двух Луциев и женщины; имена патронов остальных не сохранились (X, 557). Видимо, братья Луции Апулей с сестрой владели имением, в котором имелись как общие, так и принадлежавшие каждому из них рабы. Затем они передали и это имение весьма внушительных размеров не менее чем семи десяткам отпущенников, похороненных в общей гробнице. В районе Атины — эпитафия Цециния Эванта, сделанная патроном (X, 5375); гробница шести отпущенников Манлиев (X, 5376) и П. Манлия Лигара, сооруженная, согласно его завещанию, за 60 тыс. сестерциев тремя отпущенниками (X, 5377); около Аквина — гробница семи отпущенников Луциев и отпущенницы Темпии Авги (X, 5490). Весьма многочисленны эпитафии отпущенников в районе Арпина. На севере Италии, в районе Пиквента, — эпитафия отпущенников Цесерния Македона (V, 482) и Кальпурния Фруги (V, 495), происходивших из видных сенаторских семей; в Арусинатском паге отпущенник Кассий Трофим исполнил обет Юнонам (V, 3901), а отпущенник сенаторской семьи Сервиев Каллиморф исполнил обет

Надписей сельских отпущенников довольно много в районах не только крупного, но и среднего землевладения. Видимо, практика испомещения отпущенников на землях владельцев была повсеместной.

Таким образом, за счет рабов и либертинов с середины II в. беспрерывно пополняется число колонов. Процесс этот играл первостепенную роль в истории рабовладельческого способа производства. Расслоение рабов начинается среди прежде монолитного основного эксплуатируемого класса — класса сельских рабов. Именно этот момент, а не колонат, всегда существовавший, вопреки мнению тех, кто относит его появление к первым векам нашей эры, представлял собой качественно новое явление, свидетельствующее о начале кризиса рабовладельческого способа производства. Что касается собственно колоната, то, хотя ему посвящено немало исследований, охарактеризовать его состояние в Италии I—III вв. весьма затруднительно из-за недостаточности и неясности источников, особенно основных наших источников — юридических. Часто невозможно определить, имеет ли тот или иной юрист в виду крупного съемщика или мелкого колоната; арендатора по договору, заключенному на обычный пятилетний срок, или колонов, сидящих на земле из поколения в поколение (как те, которых упоминает Колумелла). Последними юристы ранней империи вообще мало занимались, так как их отношения с землевладельцами регулировались скорее обычаями,

Юпитеру, Юноне, Минерве и прочим богам во здравие господ (V, 3902); там же отпущенник Ариовид Катон принес дар какому-то божеству (V, 3908); в районе Мантуи найдена эпитафия отпущенника Квинтия Прима (V, 4040); в районе Кремоны — Папирия Теодора с семьей (V, 4124) и Корнелия Стефана с семьей и отпущенниками (V, 4138); там же отпущенник Цецилий Калам принес дар богиням Матронам (V, 4160), а Биррий Абаскант позаволил о выполнении какого-то дела (V, 4168); в районе Бергомо найдены эпитафии отпущенника Сертория Фауста с женой (V, 5107) и Секстилия Секунда, патроном которого был отпущенник Секстилий Седалис (V, 5109); в районе Кома имеется эпитафия отпущенницы Плинии Модесты (V, 5448) и посвящение Юпитеру от отпущенника Вирия Монима (V, 5449); в районе Медиолана за произрастание плодов и здоровье жены сенатора Меммий Приски отпущенник Меммий Онезис исполнил обет Юпитеру (V, 5609); отпущенник Музиниев Сукцессор посвятил надпись богине Виктории (V, 5617); Басс сделал надпись в честь своего патрона Л. Сентия Филомуза, отпущенника Апра (V, 5622); отпущенник Азелий Клемент выстроил гробницу для себя, отпущенников Азеллиев Клемента и Латина и жены Статия Сатуллы (V, 5663); в районе Парентия — эпитафия Вибия Сальвия с женой соотпущенницей (*Inscr. Ital.*, X², 205), Метры Левки с сыном и соотпущенником (*ibid.*, 250) и отпущенника Флавия (*Ibid.*, 262); из сельских местностей Северной Италии — фрагмент эпитафии отпущенников Магольпинов, содержащей девять имен (*ibid.*, X³, 30) эпитафия отпущенника Сардия Прудента (*ibid.*, 33), Цеппулея Бриттона с женой (*ibid.*, 72), Сестии Урсы (*ibid.*, 90), Центинии Эротиды (*ibid.*, 97); в районе Тергесте отпущенник Каосий Эрот исполнил обет Минерве (*ibid.*, X⁴, 300); там же имеется эпитафия отпущенника Лурия Аполлофана (*ibid.*, 302); в районе Пола — эпитафия Мецената Руфа (*ibid.*, 575), Попилия Гиллара (*ibid.*, 576), Горация Феста (*ibid.*, 605), Марона (*ibid.*, 636).

чем правом. По словам Юлиана, если по истечении срока аренды ни владелец, ни колон не выражают желания прекратить свои отношения, аренда считается продленной на прежних условиях, причем такое молчаливое соглашение не нуждается ни в каких документах (Dig., XIX, 2, 13, 11; XIX, 2, 14). Очевидно, оно по типу напоминало прекарий, не входивший в сферу гражданских исков (Dig., XLIII, 26, 14). Согласно Помпонию, аренда и прекарий, длящиеся, пока того хочет владелец, уничтожаются с его смертью (Dig., XIX, 2, 4). Но, если хозяин не отнимал у колона и прекариста данное ему во владение, то они оставались в прежнем положении (Dig., XLIII, 26, 4, 4). Лабейон, Сабин, Цельс и Ульпиан считали, что прекарий остается за держателем и после смерти хозяина и держатель становится прекаристом его наследника, а если имение продано, — покупателю (Dig., XLIII, 26, 8, 1—2). Соответственно, по словам Гая, человек, продающий имение, должен заботиться, чтобы колон оставался у покупателя на тех же условиях (Dig., XIX, 2, 25, 1).

Однако к наследнику прекариста держание не переходило (Dig., XLIII, 26, 12, 1); видимо, он должен был снова получить его у владельца. С точки зрения владельческих прав, Ульпиан отождествляет проживающих в имении колонов, инквилинов и прекаристов (Dig., XLIII, 26, 6, 2). Трудно сказать, распространялись ли на такого подобного прекаристу колона права, предоставлявшиеся колону по договору, например право требовать с владельца возмещения за внесенные в обработку имения усовершенствования (Dig., VII, 1, 34, 1) и вообще того, что должно быть ему предоставлено по условию (Dig., II, 14, 56). Вряд ли можно думать, что колон получал весь тот сложный инвентарь, который давался арендатору по договору (Dig., XIX, 2, 19, 2). Он мог получить от господина приписанного к нему раба (Dig., XIX, 2, 54, 2), но, вероятно, только если иначе не имел сил справиться со своим хозяйством: не случайно в соответствующем параграфе Дигест речь идет не о мужчине, а о женщине-колоне. Крупный арендатор приводил своих рабов или даже пересдавал землю субарендаторам (Dig., XLIII, 16, 20). Судя по тому, что Колумелла советует иметь мелких, наследственных колонов и избегать крупных съемщиков, с которыми неизбежны многочисленные тяжбы, последние пользовались защитой закона в большей мере, чем всецело зависимые от хозяина колоны-прекаристы.

Вряд ли вполне справедливо предположение, что издольная аренда появилась лишь со времени Плиния Младшего, чуть ли не первого «изобретателя» этой формы аренды. Юрист I в. Цельс, рассматривая взаимоотношения лиц, вступивших в товарищество, приводит в пример сдачу поля политору «для совместного добывания плодов» при общей ответственности обеих сторон (Dig., XVII, 2, 52, 2). Так же толкует взаимоотношения господина и издольщика Гай: издольный колон делит с господи-

ном убыток и прибыль, как компаньон в товариществе (Dig., XIX, 2, 25, 6). Но можно полагать, что с начала II в. издольная аренда приобретает все большее распространение, особенно в крупных имениях.

Вместе с тем колоны, первоначально исключавшиеся из производственного процесса, совершавшегося в господской части имения, постепенно втягиваются в него. Как мы видели, все чаще оборудованное имение, завещанное по легату, передается с долгами и взносами виликов, акторов и колонов, хотя раньше последние не считались его органической частью. Для Ульпиана уже несомненно, что колоны вписаны в устав имения и составляют наряду с рабами источник его дохода (Dig., V, 3, 29). Тацит сравнивал положение рабов у германцев с положением колонов: германцы дают своим рабам определенный участок, взимают с них плату зерном, скотом, одеждой и лишь изредка наказывают наложением работ⁴³. Павел же уже учитывает обязанность колонов исполнять в установленные дни оговоренные работы, за уклонение от которых господин может преследовать их по суду (Dig., XIX, 2, 24, 3). Следовательно, в его время ранее отсутствовавшие отработки колонов вошли в быт. Весьма возможно, что здесь сыграла роль все растущая задолженность колонов, из которых могло пополняться число кабальных, обязанных работать на господина-кредитора.

Тот же Павел пишет, что имение, завещанное по легату с инвентарем, включает и инвентарь колона, за исключением того случая, когда никакого господского инвентаря у него не было (Dig., XXXIII, 7, 24). Так как такой случай мыслим, лишь если колон был крупным съемщиком, располагавшим полным комплектом необходимых орудий производства, то ясно, что инвентарь мелкого арендатора уже включался в инвентарь имения. Так начался процесс, закончившийся в IV в. отождествлением имущества колона с рабским пекулием. Во второй половине III в. законодатели уже были вынуждены разъяснять, что колоны не отвечают за долги господ, а господа за долги колонов (CJ, IV, 10, 3; 11), т. е. на практике в это время достояние колона считалось, как и пекулий рабов, частью имущества хозяина. Александр Север ставит на одну доску ребенка рабыни и ребенка адскрипции (CJ, VIII, 51, 1). Согласно рескрипту Гордиана, наследник колона обязан был становиться его преемником, как при вечной, так и при временной аренде (CJ, IV, 65, 10). Колон становился наследственным клиентом господина. Если продавец, пишет Папиниан, по тайному сговору для обмана покупателя имения представит мнимого колона, ему вчиняется иск. Его не защитит и то обстоятельство, что он для укрепления обмана получил от колона плату за пятилетие и принял его под свое по-

⁴³ Tac., Germ., 25.

кровительство — *in fidem suam recipiat* (Dig., XIX, 1, 49; Fr. iur. Rom. Vatic., 13). Здесь, как видим, употреблен тот же термин, которым обозначалось принятие под патроциний клиента. Приведенная цитата показывает также, что к концу II в. земля, продававшаяся вместе с колоном, ценилась выше, чем не сданная в аренду, и что колоны теснейшим образом были связаны с имением. Последнее явствует из рескрипта Марка Аврелия, разъяснявшего, что легат, передающий инквилинов без имения, к которому они относятся (*sine praediis quibus adherent*), аннулируется, но следует произвести оценку — очевидно, завещанных инквилинов (Dig., XXX, 112). Инквилины вообще первоначально означали съемщиков жилья, но в имении были равнозначны колонам. Как видим, при Марке Аврелии они были приписаны к имению и могли быть завещаны вместе с ним, а по представлениям лиц, мало осведомленных в законах, — и без имения, т. е. как рабы. Так, с середины II в. намечалось сближение колоноз и рабов со включением первых в инвентарь имения.

В результате мелкие и средние виллы, обрабатывавшиеся трудом сельских фамилий и вносивших денежную плату колонов, снова по типу хозяйства начинают все больше отличаться от крупных имений, все дальше отходивших от образца, данного Колумеллой.

В латифундиях состав их населения становился очень пестрым. Здесь могли быть рабы господина, занятые в его личном хозяйстве; рабы-ремесленники; вилики и акторы, арендовавшие отдельные виллы, входившие в состав латифундии, со своим персоналом; посаженные на землю отпущенники; колоны, инквилины и прекаристы разных категорий, наконец, члены разветвленной поместной администрации — различные надсмотрщики, учетчики, весовщики, счетоводы, писцы и т. п. В этом смысле очень любопытны две датированные II в. свинцовые таблички, найденные в гробнице в сельском районе города Пола. На них написаны имена Цецилия Гонората, семи Миндиев с различными *сoɡnoṡina* (два из них повторяются на обеих табличках); Марция Сотера, Децидиев Истера и Цирты (на обеих табличках), Минервия Эпафродита, Сабиниана, Флавия Эдиста, Анниев Кальвия и Цивилиса и десяти рабов, из которых семь значатся на обеих табличках: Менандр, Луцифер-диспенсатор, «другой Луцифер» (на второй табличке обозначенный как помощник колона), Виталий-диспенсатор, два Трофима (один из них диспенсатор) Анконий-виллик, Терций, Аманд (на второй табличке значащийся как диспенсатор) и Виатор-колон (Inscr. Ital., X¹, 592). Таблички по типу подобны *tabella defixionis*. Видимо, перечисленные на них лица были кем-то преданы проклятию, хотя, возможно, список был составлен и по какому-либо иному поводу. Все они принадлежали к одному имению, судя по многочисленности диспенсаторов, очень большому. Может

быть, семь Миндиев были посаженными на землю в какой-то части имения отпущенниками; другие носители двух имен — колоны, проживавшие в имении наряду с колонами-рабами, состоявшие под присмотром диспенсаторов или вилика, хотя вилик мог иметь в своем подчинении рабов, занятых непосредственно в господском хозяйстве. Во всяком случае состав населения имения очень пестр и напоминает в этом отношении население некоторых африканских сальтусов.

Из того же района, хотя неизвестно, из того же ли имения, происходит эпитафия отпущенника Целия Реститута, сделанная колоном Целием Галисом (*ibid.*, 599). Интересны также три надписи из Маррувия Марсийского. Одна из них — эпитафия Атили Реституты, колоны, сделана Альфеном Аттиком и фамилией Тирионианского имения; вторая, эпитафия самого Альфена Аттика, севира августала, бывшего в продолжение 50 лет колоном Тирионианского имения, сделана его отпущенником, Альфеном Секундом; третья — эпитафия двух севилов августалов Альфенов Урсона и Клемента — сделана их отцом, также севилом августалом Альфеном Венафраном (*CIL*, IX, 3674—3676). В каком отношении Альфены последней надписи стояли к Альфену Аттику, колону, были ли они его родственниками, потомками, отпущенниками, — неизвестно. Но ясно, что семья Альфенов осела здесь прочно и что Альфен Аттик находился в тесных взаимоотношениях с фамилией арендуемого имения, очевидно составлявшей также фамильную коллегию. Видимо, он был подобен тем «хорошим хозяевам», которые жили на земле Горация и отправляли какие-то должности в городе Варии⁴⁴.

Вообще надписей колонов в Италии немного. Можно привести эпитафию императорского раба Аметуза, ставшего колоном, однако неизвестно, на императорской или частной земле (А. е., 1913, № 210), эпитафии из района Парентия сына колона Леонтииска и колонов Энтелла и Елены (*Inscr. Ital.*, X², 222; 229), возможно, из императорского имения; посвящение из Луны, сделанное Авлу Октавию Эрону колонами и инквилинами (*CIL*, XI, 1346), видимо составлявшими в его имении коллегию; из Луцерии эпитафию Статерия Гемина, колона Пакцианского имения, сделанную его женой, императорской рабыней, и сыном (IX, 888); из Треи эпитафию отпущенника Сертория Антиоха, именующего себя «бедным колоном», хотя он имел двух отпущенников, Бальба и Европу, которые, согласно его завещанию, соорудили ему гробницу совместно с сестрой Бальба Еленой, отпущенницей сенатора Нонния Асперната (IX, 5659); наконец, метрическую эпитафию из Мутины, в которой муж покойной Саллустии Афродиты Кандид просит владельца или колона не допустить, чтобы могила заросла лесом, за что их наградят

⁴⁴ *Horat.*, Sat., I, 14

Церера и Бромий (XI, 911). Надпись эта показывает, что по крайней мере для Северной Италии колон был столь же обычной фигурой, сколь и посессор. Не исключено, что сюда же можно отнести и эпитафию Валерии Максимы из Лация, *domniproaedia* на земле, входившей в состав земельного комплекса Манделаны, принадлежавшего Сепретам — *masse Mandelane Sepretorum* (XIV, 3482). Правда, Максима названа не колонной, а госпожой, но в больших имениях участки могли предоставляться на разных правах, иногда приближавшихся к посессорским, примеры чему имеются в Африке. В Веллейской таблице неоднократно упоминаются хутора — *casae* и *coloniae*, принадлежавшие к имениям (XI, 1147, 2; 3; 6; 12; 13; 14; 16; 22; 37; 39; 40; 45), раз в большом комплексе земель, принадлежавших Корнелии Севере, назван *agellus* (XI, 1147, 31), как обозначал Плиний Младший участки своих *rustici*. В таблице из Лигурии Бебинских *casae* упомянуты при семи имениях (IX, 1455). Скорее всего, то были участки, сдававшиеся на тех или иных условиях колонам⁴⁵.

Немногочисленность надписей колоннов свидетельствует не о слабом их удельном весе в итальянском сельском хозяйстве, а, скорее, о бедности, лишавшей их возможности оставить по себе память. На деле колонатные отношения все более распространялись, втягивая в свою сферу все большее число людей. Согласно Псевдоакрону⁴⁶, глоссаторам⁴⁷, Поллуксу⁴⁸, такие понятия, как «бедняк», «батрак», «клиент», «колон», «сосед», были равнозначны, что довольно ярко характеризует отношения между богатыми землевладельцами и их маломощными соседями. В провинциях мы имеем довольно много примеров связей крестьян с соседними влиятельными «благодетелями». Что скрывалось за последним термином, лучше всего видно из афоризма Павла: «Да не оказывается благодеяние нежелающему» (*Dig.*, L, 17, 69). «Облагодетельствованные» обычно попадали в зависимость от «благодетеля», становились его клиентами, обязанными ему всевозможными дарами и услугами. К числу «благодеяний» относился, между прочим, и прекарий.

Аналогичные случаи известны и для Италии II—III вв. Там, где еще сохранились села и не утратили своего значения паги, они попадают под влияние крупных землевладельцев. В. И. Кузищин в упоминавшейся уже статье наглядно показал, как имение Плиния Младшего с его храмом и рынком стало центром

⁴⁵ О *casae* см. A. Steinwenter. *Fundus cum Instrumento*. Wien, 1942, S. 16—24. Ссылаясь на Дигесты и источники IV в., Штейнвентер доказывает, что такие хутора были самостоятельными парцеллами, включенными в имение или, напротив, выделенными из него и составлявшими с виллой единое хозяйственное целое, так же как хозяйство колона, инвентарь которого включался в инвентарь имения.

⁴⁶ Schol. in Horat. Carm., II, 18, 8.

⁴⁷ Corp. glos. lat., t. VI, p. 14, 232, 397.

⁴⁸ Pol., Onomas., III, 22, 111.

целой округи и как влияние Плиния распространилось и на соседний небольшой городок Тифери. Впоследствии процесс втягивания окрестностей в сферу действий владельцев латифундий становился все более заметным. Эпиграфически он засвидетельствован различными «благоденствиями», оказывавшимися сельским жителям, приобщением свободнорожденных к коллегиям, почитавшим Ларов и Гения глав фамилий, посвящениями от свободнорожденных Гению того или иного лица, которого они, по примеру отпущенников и рабов, именовали «наш Гай», «наш Луций» и т. п., и надписями свободнорожденных клиентов в честь своих патронов⁴⁹.

⁴⁹ Посвящение консулу 140 г. Македону от клиента Цервония Иеронима (А. е., 1957, № 135); Цензору Манлию от группы клиентов (CIL, XI, 3616); Солнцу от Л. Аписоция Суксеса во здравие трех патронов (V, 4948); Гераклу от Л. Домиция Германа за спасение патрона (V, 5645); Сильвану от клиента в честь патрона Л. Анния Эвпора (V, 8244); Чести всадника Сенния Вера, кваттуорвира Лаврента, куратора вицентинцев, альтрианцев и опитергианцев, от клиента Л. Акутия Марцелла (А. е., 1956, № 33); Сильвану от клиента в память патрона, августала Аквилеи (CIL, V, 828); Телезину от клиента Гемината (IX, 582). В Висентии отец дуумвира Минатия Галда принес в честь сына дар местной богине Виртуте и устроил угощение для сельчан (XI, 2911); в Витербиенском районе Квадрат и Клемент дали пир сельчанам в честь посвящения храма (XI, 2998); в Вероне всадник Гавий Валерий подарил жителям пага святилище или статую Юпитера (V, 3249); в Арузинатском паге член видной местной семьи Октавий Капитон, жена которого была фламминикой пага, подарил пагу землю (V, 3926; 3928); в районе Трумплинов сенатор Квадрат принес дар богам за обитателей Вербассийского кастелла (V, 5059); в районе Бергома некто подарил сельчанам пастбище (V, 5203); в Милане какой-то человек подарил 4 тыс. денариев Корогеннатским сельчанам (V, 5907); ветеран Веттий Максим завещал для ухода за своей гробницей 900 сестерциев жителям Мисквельского пага (V, 2090); в районе Кома М. Кальвизий Сатуллиан принес дар Юпитеру вместе с себуинскими сельчанам (V, 5471); сеvir Гн. Теренций Прим подарил баню сельчанам, проживавшим на территории Фирронианского салтуса, принадлежавшего городу, так как известно, что им ведал кваттуорвир (V, 5503, 5504); Л. Целий Лаваний исполнил обет для мунтунатских сельчан (V, 5604); Г. Секстилий Профутур подарил 600 денариев *gentilitas Argeni* (V, 4871); Корбас принес дар Матронам и сельчанам (V, 5716); Петрония Мерсилла завещала Бордоматийским сельчанам 400 денариев для ухода за гробницей патрона (V, 5878); в районе Наварин Г. Атилий Мар... сделал какой-то подарок жителям агаминского пага (V, 6658); Антистия Прима и отпущенник Попилий Каллист подарили участок и арену боутиям, видимо, также жителям пага или села (V, 6473); в Коттийских Альпах Т. Юлий Квадрат завещал нечто сугусамским сельчанам (V, 7261), а кваттуорвир Вардагаты Сулий Вер — 400 денариев иодантинским сельчанам (V, 7450); в районе Беневента декуршон Сафроний Секунд, патрон Вейанского пага, построил для его жителей триклиний (IX, 1503); член богатой и знатной беневентанской семьи Населлиев сделал для жителей пага портик, придал ему участок и 125 денариев с тем, чтобы они совершали ритуальное очищение пага и пировали в день рождения дарителя; в случае несоблюдения условия, дар отходил к его отпущенникам и коллегии врачей (IX, 1618); актер другой видной беневентанской семьи Умбриев, Политим, принес дар Фортуне села Фолиана (IX, 2123); в области пелигнов квестору Варию Гемину посвятил надпись Вецеллианский паг (IX, 3305), а квинквенналу Октавию Сагитте —

Подавляющее большинство соответствующих надписей происходит из Северной Италии, но они встречаются также в центральных областях, особенно в районе Беневента, где крупное землевладение играло большую роль и где вместе с тем сохранялось еще и крестьянство. В Веллейской таблице неоднократно упоминаются села, в которых расположены владения, входившие в комплексы заложенных собственниками земель (CIL, XI,

Бединский паг (IX, 3311); какой-то неизвестный паг почтил надписью трибуна, имя которого не сохранилось (IX, 3428); в Амитерне жители пага посвятили надпись своему патрону Сальвию Прокулу, патрону нескольких городов и Фаруланских сельчан, также почтивших его надписью (IX, 4206; 4399); патрон Толентинского пага сделал для него люстрационные тессеры (IX, 5565); сельчане села Дианы поблагодарили в надписи всадника Г. Феселлия Руфина, патрона Аримина и семи сел за то, что он пожертвовал каждому селу по 20 тыс. сестерциев на покупку земли, на доходы с которой они должны были пировать в день его рождения (XI, 379); в районе Камерина Центорглаценские сельчане отблагодарили всадника М. Агриппу Тусидия, «друга императора Адриана», за выхлопотанные им для них у Антонина Пия привилегии (XI, 5632). Примерно в тех же районах нам известны коллегии: почитателей Ларов сенатора М. Нонния Аррия Паулина Апра (V, 4340, 4341), которому ряд надписей посвятили граждане Бриксии; почитателей Ларов какой-то патроны, причем в эту коллегию входил свободнорожденный Юний Эвира (V, 4432); почитателей Ларов Марцеллина, получившая от кого-то 500 денариев (V, 4440); почитателей Ларов. Кв. Теренция Ласцива (А. е., 1928, № 118); почитателей Гения Бриттия Корда — коллегия эта озаботилась погребением Авла Амаранта (CIL, IX, 6320); почитателей статуи и щитов Абуллия Декстра, занимавшего ряд видных должностей при Адриане и Пие; этой коллегии Требеллия Тертулла подарила участок для погребения (IX, 2654, 2655); почитателей Ларов Марцеллина, возможно идентичного вышеупомянутому, к которой принадлежала Гаволена Киприда (IX, 2481); почитателей Фламинниана, озаботившаяся погребением городского раба Зосима (IX, 2483); обожателей Ромулиев (XI, 7805); почитателей Ларов отца и сына Фуллониев, которой последние подарили участок для погребения в 1400 кв. футов, а надпись сделал Сведий Примегений, член коллегии (XI, 8098); друзья и почитатели посвятили надпись всаднику Т. Цедию Атинию Кресценту по прозвищу Сминтий, патрону Пизавра и многих коллегий (XI, 6362). Несколько коллегий, связанных с местными видными семьями, имелось в Беневенте (IX, 1590, 1640, 1641, 1682—1686, 2123); посвящения Гениям и Юнонам от свободнорожденных: в районе Аквилеи — Гению «нашего Тита» от Варены Сервиллы (А. е., 1962, № 180); в области Тауринов Гению Энния Вибиана и Юноне Лартидии Присцианы от Вибия Марцелла (CIL, V, 6950); Гению М. Кассия от М. Сатрия Витула (V, 7142); в Коттийских Альпах, Гению дуумвира Тиб. Клавдия Авр... от Валерия Ин... (V, 7236); в районе Индустрии — Юноне «нашей Юлии» от Лоллия Эвсеба и Акутии Перпузы (V, 7472); в районе Статилиевых Акв — Гению Азиатика от Л. Энния Секунда с сыновьями (V, 7514) и от Целлия Мансуэта с дочерьми (V, 7512, 7513); в районе Асты — Гению «нашего Луция» и Юнонам Кливаны и Аннеи от Вителлия Ресститута (V, 7593); сюда же может быть отнесено посвящение из Теана Апулийского Laribus Casanicis от Г. Сальвия Эвтиха за возвращение «нашей Ректины» ((IX, 725) и посвящение консулу Марию Титию Руфину из Беневента от Фида с родителями Терцием и Элладой (IX, 1584). К сожалению, сильно испорчено посвящение из Витолан возле Беневента, датированное 236 г., Сильвану Лузиану от Сатрия Секунда, сделавшего ларарий и сидения для Сиантоннианцев (IX, 2125), видимо, фамильной коллегии, в которую он вошел.

1147, 3, 5, 18, 14, 34, 35, 41), и один раз земли, принадлежавшие жителям пага Амбитребия (44). По большей части это небольшие участки: две колонии, стоимостью в 9000 и 10 000 сестерциев, имения, стоимостью в 23 000, 23 800, 26 000, 57 000 сестерциев; только два из них более значительны — одно стоило 60 000, другое 158 800 сестерциев. Видимо, более богатые собственники прибирали к рукам крестьянские земли; колонии, возможно, они затем сдавали бывшим владельцам на правах аренды или прекария. Естественно, что, приобретая земли в селах, они вступали в некие взаимоотношения с сельчанами, становились их «благодетелями», т. е. постепенно превращали крестьян в своих более или менее зависимых клиентов.

Те из приведенных надписей, которые датированы или о дате которых мы можем судить по некоторым косвенным признакам (например, по появлению прозвищ), относятся к середине II и III в. В то же время земельные магнаты становятся патронами мелких городов, также попадавших в известную от них зависимость. Все эти данные позволяют заключить, что крупные собственники расширяют с середины II в. свое влияние за счет подчинения себе мелких и средних землевладельцев и что особенно быстро этот процесс шел там, где еще сохранялось жившее по селам и пагам крестьянство, попадавшее от них в зависимость, индивидуально или коллективно. Возможно, к последним относятся слова Ульпиана о запрещении раздела общего имущества колоннов, хотя они и владеют «по природе» — *naturaliter* (Dig., X, 3, 7, 12), что могло быть связано с круговой порукой, выгодной владельцам земли, на которой сидели колонны. Внешне их зависимость от господ выражалась в клиентских отношениях, обязывавших их, коллективно или индивидуально, вместе с фамильными коллегами почитать Ларов и Гениев своих патронов, что и морально сближало их с рабами.

В районах с крупными пастбищными хозяйствами, где возможна была лишь издавна практиковавшаяся аренда стад (Dig., XIX, 2, 9, 5), с преобладанием средних, чисто рабовладельческих вилл, и там, где отсутствовало значительное крестьянское население, такие отношения не развивались, и хозяйство в большей мере испытывало кризис и упадок.

Во II—III вв. наблюдается еще одно явление, нашедшее свое завершение в период поздней империи, а именно — укрепление связи имения с инвентарем, в который включались рабы, а впоследствии и колонны. Как мы видели из приводившегося выше отрывка из Павла⁵⁰, актер или колон вписывались в устав имения и считались к нему тогда прикрепленными. Колонны и рабы с указанием их профессий и должностей вносились вместе с другими показателями имения в ценз. По словам Сцеволы, если

⁵⁰ *Paul., Sent., III, 6, 48.*

должник обещал считать заложенным вместе с имением все, что туда будет внесено и ввезено, то сюда не включались рабы, посланные в имение на работу временно (Dig., XX, 1, 32). Папиниан подтверждает, что в понятие «оборудованное имение», включавшее, в отличие от «имения с инвентарем», и не причислявшихся к сельской фамилии слуг, не входят рабы, которые жили там временно и которых хозяин не имел в виду сделать инвентарем (Dig., XXXIII, 7, 12, 37). Рабы из городских фамилий или других вилл становились инвентарем того имения, в которое были переведены, только если прикреплялись к нему навеки⁵¹. Ребенок городской рабыни, посланный для вскармливания на виллу, в ее инвентарь не входил (Dig., XXXII, 99, 3). Напротив, раб, посланный из имения в учение или бежавший, продолжал в инвентаре числиться⁵². Только раб-ремесленник, не живший в имении, а работавший где-то на стороне и вносивший хозяину часть заработка, из инвентаря исключался (Dig., XXXIII, 7, 19, 1). Если один и тот же инвентарь, писал Ульпиан, использовался владельцем в разных имениях, то по легату он передавался с тем имением, к которому его приписал завещатель. Если же воля покойного была неясна, то инвентарь вовсе не передавался легатария, ибо инвентарь разделу на части не подлежит (Dig., XXXIII, 7, 12, 14). Как мы видели выше, к инвентарю имения стал причисляться и инвентарь колона. В рескрипте от 293 г. Диоклетиан пишет, что к оборудованному имению относятся вилик и люди, и все, что находится в имении не на время (CJ, VI, 38, 2). Здесь разница между колонами и рабами не проводится. Так имение, в первую очередь крупное, превращается в некое самодовлеющее целое с неразрывной связью между землей, орудиями производства и работниками, независимо от их статуса. Процесс этот был завершен в IV в., когда колоны были прикреплены к земле и когда было запрещено продавать сельских рабов и колонов без земли, к которой они были приписаны. Но развивался он уже с середины II в.

Подведем некоторые итоги.

По-видимому, непосредственно после гражданских войн существовавшая при республике разница в методах эксплуатации крупных и средних или мелких земельных владений временно стирается. Во всех видах имений основным становится труд рабов в сочетании с трудом колонов, которые вносили арендную плату деньгами и из производственного целого, каким было рабовладельческое имение, исключались. В большинстве латифундий — возможно, за исключением Северной Италии — широко применялся труд закованных рабов и кабальных должников. Здесь методы принуждения стояли на первом месте. Однако до

⁵¹ Dig., XXXIII, 7, 12, 37; *Paul.*, Sent., III, 6, 70.

⁵² Dig., XXXII, 78; 82; *Paul.*, Sent., III, 6, 52.

вольно скоро эти методы обнаружили свою несостоятельность. Не говоря уже о том, что скопление многих рабов, озлобленных своим тяжелым положением, в одном месте представлялось опасным, практически невозможно было найти нужное количество достаточно добросовестных членов многочисленной поместной администрации, требовавшейся для надзора за рабами, латифундии обрабатывались небрежно, а частично и вовсе не обрабатывались. Выгоды, связанные с возможностью применять более совершенный инвентарь, содержать большое число ремесленников, оставлять часть земли под паром, возделывать разнообразные культуры, заводить подсобные предприятия и т. п., в значительной мере сводились на нет незаинтересованностью в труде работавших из-под палки рабов. К этому добавлялось и недоверие господ к более толковым, знающим, наделенным живым умом рабам, которые со своей стороны отнюдь не стремились обнаруживать и применять собственные знания и способности. Вместе с тем росла задолженность колонов и денежная аренда оказывалась все менее рентабельной. Те же трудности стояли перед средними виллами.

Начинались поиски новых путей. Развивалась известная уже при республике практика сдачи в аренду имения виллику или актору. Это снимало с хозяина заботы об управлении имением, но не уничтожало противоречий рабовладельческого хозяйства. Постоянно упоминаемые юристами долги вилликов и акторов показывают, что дела их шли не особенно успешно. Делаются попытки оказать какое-то моральное воздействие на рабов, так как значение морального фактора сознавали даже такие приверженцы классического рабовладельческого имения, как Колумелла. На виллах создаются коллегии, в которых рабы отправляют почетные должности, широко допускается коллективное и индивидуальное участие их в культе. Владельцы постепенно перестают использовать закованных рабов, заключенных в эргастулы. Однако меры эти вряд ли могли полностью примирить рабов с их положением и внушить им желание преданно трудиться на господ. Тогда с середины II в. их стали переводить на положение колонов и сажать на землю отпущенников, иногда организованных в некое подобие общины. С этого времени начинается расхождение сельских рабов, их сближение с свободными колонами. Последние в свою очередь деградируют до близкого к рабскому положения. Их сближению с рабами способствовало распространение издольной аренды и отработок (что втягивало колонов в производственный комплекс имения), фактическое их прикрепление к своим участкам, растущая зависимость от землевладельцев и поместной администрации. Экономически это выразилось в еще юридически не оформленном, но вошедшем в быт отождествлении имущества колона с рабским пекулием; социально — во вновь возникшем отождествлении колона с клиентом; идео-

логически — в участии их в обычных для рабов и отпущенников культах Ларов и Гениев господ.

Пройдя долгий путь, колонат как будто вернулся к тому, с чего начал, — к колонату-клиентеле, характерному для периодов разложения первобытнообщинного строя. В провинциях колонат в ряде случаев вырос именно из этих еще не успевших исчезнуть отношений. В Италии, где пережитки ранних времен, во всяком случае в начале империи, были сметены, дело обстояло иначе. Только там, где еще сохранилось организованное по пагам и селам крестьянство, а именно на севере Италии, в областях вестинов, марсов, самнитов и т. п., это крестьянство попадает в зависимость от крупных собственников в качестве должников-прекаристов, колонов-клиентов, и распространение колоната идет тем же путем, что в некоторых западных провинциях⁵³. В других

⁵³ Напомним еще раз, как распределяются по районам надписи земледельческого населения: в Калабрии их вовсе нет. В Бруттии 1 вилик (C1L, X, 25) и, может быть, два союза сельских отпущенников (X, 69; 88); в Лукании — диспенсатор (X, 237); акторы (X, 238, 284, 285, 420, 421); кондуктор (X, 422); сельские рабы (X, 395, 397); сельские отпущенники (X, 180, 197, 398). В Кампании — вилик (X, 4917), сальтуарий (X, 1409), диспенсатор (X, 4594), союз отпущенников Апулеев (X, 557). В новом Лаци — вилик (X, 5081), актор (X, 6592), раб-пастух (X, 5151), фамильная коллегия (X, 5386), охотничья фамилия (X, 5671), сельские отпущенники (X, 5153, 5375, 5376). В Апулии — вилик (IX, 820), акторы (IX, 322, 425), сальтуарий (IX, 705), сельский раб (IX, 654), отпущенник (IX, 308), колон (IX, 888). В области гирпинов — вилик (IX, 1456), акторы (IX, 1717, 2113, 2123, 2125), раб (IX, 2104), паги (IX, 1503, 1618). В области самнитов — диспенсатор (IX, 2558), вилики (IX, 2484, 2485), коллегии почитателей Ларов частных лиц (IX, 2418, 2483, 2654, 6320). В области френтанов — вилик и вилик с сельской фамилией (IX, 2829, 3028), паг (IX, 2828). В области пелигнов — вилики (IX, 3056, 3103), акторы (IX, 3052, 3076), раб (IX, 3319), паги (IX, 3305, 3311, 3312). В области вестинов — диспенсаторы (IX, 3405, 3424, 3445, 3448), вилики (IX, 3446, 3517, 3571, 3617), актор (IX, 3579), сальтуарий (IX, 3386, 3421), рабы (IX, 3577, 3578, 3585, 3587), паги (IX, 3428, 3523). В области марсов — вилик и вилик с сельской фамилией (IX, 3651, 3701), колон и фамилия (IX, 3674), рабы (IX, 3714, 3731, 3754, 3875). В области эквов — вилики (IX, 3908, 4053), актор и поместная коллегия (IX, 4129). В области сабнинов — диспенсаторы (IX, 4186, 4523, 4644, 4665, 5892), вилик (IX, 5460), акторы (IX, 4326, 4513, 5377, 5859), рабы (IX, 4330, 4350, 4407, 4499, 5280, 6416), колон отпущенник (IX, 5659), паг и село (IX, 4206, 4399). В старом Лаци — диспенсаторы (XIV, 3033, 3716), вилик (XIV, 2726), акторы (XIV, 2251, 2301, 2792), рабы (XIV, 2493, 2494), сельские отпущенники (XIV, 2523, 2529, 2559, 3462, 3524, 3467, 3495, 3506, 3520, 3524, 3526). В Эмилии — вилики (XI, 356, 871), акторы (XI, 140, 576), отпущенники (XI, 600). В Этрурии — вилики (XI, 1320, 1327, 6947), вилик и поместная коллегия (XI, 1356), акторы (XI, 1952, 2657, 2997, 3299), диспенсаторы (XI, 1359, 7092, 7251), сальтуарий (XI, 3232), паги и села (XI, 1947, 2911, 2998, 3040, 3196), коллегия почитателей Ларов частного лица (XI, 6362, 8098), колоны и инквиллины (XI, 1346). В Умбрии — диспенсаторы (XI, 4103, 5065), вилик (XI, 4422), акторы (XI, 4661, 4752, 6076, 6545). В Истрии и Цизальпийской Галлии — диспенсаторы и прокураторы (V, 91, 1034, 2883, 4241, 4347, 6407, 7638), вилики (V, 5500, 5558, 5668, 5858, 6673, 7449, 7739), акторы (V, 90, 1035, 5005, 5048, 5318, 8237), сальтуарии (V, 2383, 5548, 5702), рабы (V, 408, 704, 3950, 4139, 4175, 5316, 5457, 5537,

областях Италии таких возможностей было мало. Здесь переустройство хозяйства шло медленно. В крупных пастбищных хозяйствах юга оно вообще было невозможно, так как, помимо расширения практики сдачи в аренду отдельных стад, вряд ли что-либо поддавалось изменению. В исконных областях мелких и средних рабовладельческих вилл — Кампании, новом и старом Лацин, Умбрии — видимо, владельцы хозяйничали по старинке, применяя труд своих небольших сельских семейств или сдавая имения виликам и акторам, может быть, иногда отпущенникам. В Этрурии, где издавна существовали крупные рабовладельческие хозяйства в сочетании с колонатом, кое-где замечаются поиски новых форм, расширение колоната за счет сдачи земли виликам, акторам, сельским отпущенникам и рабам. Но, видимо, большого распространения они не получили.

Наибольшую активность проявляли землевладельцы восточных и северных областей, откуда происходит большая часть приведенных надписей. Между этими областями существовала, с одной стороны, значительная разница: северные районы были, если можно так выразиться, значительно моложе, развитие там, более позднее, шло более бурными темпами. Но, с другой стороны, между ними существовало и сходство: сохранялось значительное крестьянское население, паги и села, которых мы в других районах, за исключением Этрурии, почти нигде не встречаем, во всяком случае в их старом качестве организаций сельского населения, а не просто территориальных единиц. Это крестьянское население и стало питательной почвой для зарождения и развития новых отношений, когда рабовладельческий способ производства перестал себя оправдывать. Так снова наметилась и постепенно стала углубляться разница в типах хозяйства между земельными владениями разной величины и, соответственно, между теми областями Италии, где тот или иной тип хозяйства преобладал. Для Северной Италии благоприятным оказывалось еще и то обстоятельство, что, как видно из Веллейской таблицы, там существовали сальтусы, превращавшиеся в виллы, т. е. имения могли возникать за счет обработки нови, чего не могло быть в старых, издавна поделенных между землевладельцами областях. Освоение же новых земель давало возможность сразу начать хозяйствовать там иными, отличными от обычных способами, например раздавать землю участками займщикам из числа свободных, отпущенников и рабов на разных условиях.

5543, 5557, 5633, 5669, 6865, 6884, 7237, 7592), сельские отпущенники (V, 482, 495, 3901, 3902, 3908, 4040, 4124, 4138, 4160, 4168, 5107, 5109, 5448, 5449, 5622, 5663, 5703), охотничья фамилия (V, 2541), коллегия в имении (V, 5005), клиенты и почитатели Ларов и Генев частных лиц (V, 4340, 4432, 4440, 4948, 5096, 5645, 5892, 6950, 7142, 7236, 7472, 7512—7514, 7593, 7599), паги и села (V, 2090, 3249, 3915, 3926, 3928, 4451, 4871, 4909, 4911, 4962, 5059, 5203, 5471, 5528, 5604, 5616, 5872, 5878, 5907, 6617, 7261, 7450).

Если наши выводы в какой-то мере справедливы, то они показывают, что как только крупное землевладение стало чисто рабовладельческим, оно быстро становится нерентабельным и связывать судьбу рабства с судьбой латифундий неправомерно не только для республики, но и для империи. Крупное землевладение могло оказаться устойчивым и расти, лишь базируясь на освоении свободного крестьянского труда, что давало возможность земельным магнатам перейти к новым методам хозяйства, используя соответствующим образом труд своих рабов и отпущенников. Там, где достаточно многочисленного крестьянского населения не было, латифундии приходили в состояние застоя и упадка. Мелкие и средние рабовладельческие виллы были более жизнеспособны с точки зрения собственно хозяйственной, но владельцы их не могли быть никакими искусственными способами и мерами спасены от разорения, обусловленного противоречием между чрезмерным развитием товарно-денежных отношений и натуральной основой хозяйства при ограниченных возможностях повышения производительной силы рабского труда. Коренное переустройство хозяйства — массовый перевод рабов на положение колонов, переход к издольному колонату, требовавшему большого персонала по сбору и реализации продукции и т. п. — среднему и мелкому хозяину было не под силу. Его могли осуществить лишь крупные землевладельцы. Последние же не могли вести рабовладельческое хозяйство в его классических формах. Поэтому концентрация земли неизбежно вела к падению значения чисто рабского труда в сельском хозяйстве Италии.

Глава третья
РАБСТВО В РЕМЕСЛЕ.
ГОРОДСКИЕ ФАМИЛИИ

В первый век империи италийское ремесло достигает своего наибольшего расцвета и совершенства. Чрезвычайно дробной становится специализация ремесленников. Например, в ювелирном деле помимо золотых дел мастеров известны позолотчики, резчики гемм, кольцовщики, граверы, жемчужники, чеканщики и литейщики серебра, инкрустаторы, резчики по слоновой кости, специалисты по изготовлению глаз для статуй, шлифовальщики, золотошвей, золототкачи, позументщики. В текстильном производстве — шерстобиты, валяльщики шерсти, чесальщики, прядильщики и ткачи шерсти и полотна, шелковщики, красильщики, портные и швеи, специализировавшиеся на различного рода изделиях, вышивальщики. В кожевенном деле — дубильщики, скорняки, ременьщики, бурдючники, сапожники, сандаальщики. В строительстве и обработке дерева помимо плотников, каменщиков и архитекторов известны корабельщики, конопатчики, кровельщики, мраморщики, среди которых выделялись скульпторы и мастера по надписям на камне, стекольщики, зеркальщики, специалисты по внутренней отделке зданий, маляры, штукатуры, рисовальщики, обжигатели извести, черепичники, кирпичники, гвоздовщики, клеевары, бочары, каретники, колесники, мастера по изготовлению лестниц, различных видов мебели, музыкальных инструментов, автоматов и машин. Столь же дифференцирована была металлургия, где имелись специалисты по обработке разных видов металлов — железа, меди, бронзы, свинца — и по разным видам предметов вооружения, орудий труда, инструментов и т. п.¹

Такая дробная специализация обуславливала высокую квалификацию ремесленников и ряд достижений в ремесле. По словам Сенеки, в его время появляются все новые и новые изобретения — зеркальные черепицы, подвесные трубы для передачи тепла и поддержания постоянной температуры, новый способ выдувания, особенно тонкого стекла, особо тонкая полировка мрамора и т. д.² Правда, техническому творчеству был положен

¹ *De Robertis. La organizzazione e la tecnica produttiva*, p. 92—101.

² *Seneca. Ep.*, 90.

известный предел. В этом смысле характерны два анекдота. Один о том, как Тиберий казнил изобретателя ковкого стекла, опасаясь, что конкуренции с ним не выдержат металлурги³; другой о том, как Веспасиан отказался использовать предложенную неким изобретателем машину для переноски тяжелых блоков и колонн, ссылаясь на то, что такая машина лишит заработка простой народ, занятый на строительстве⁴. Судя по «Соннику» Артемидора, ремесленники очень опасались остаться без работы: ряд снов он толкует как предвестие отсутствия заказов и застоя в делах (например, видеть себя во сне новорожденным, обучающимся грамоте, занимающимся упражнениями эфэбов, видеть белую одежду, собак, возвращающихся с охоты)⁵ или, напротив, как изобилие работы (например, видеть себя во сне солдатом или человеком со многими ушами и руками)⁶. Правительство поэтому старалось обеспечить ремесленников работой, между прочим, и на многочисленных государственных постройках; на изобретения же, которые казались для работников невыгодными, смотрели косо. Тем не менее ремесло в это время несомненно процветало.

Подавляющее большинство италийских ремесленников, известных нам по надписям, — отпущенники или свободнорожденные, но это не значит, что удельный вес рабского труда в ремесле был невелик. В книге о рабстве в эпоху республики мы уже приводили составленные Гуммерусом и Комфортом таблицы по клеймам арретинской керамики, производство которой началось в I в. до н. э., но наибольшего развития достигло в первые десятилетия I в. н. э. Из этих таблиц явствует, что занятые в производстве художественной керамики мастера — исключительно рабы. Клейма с именами рабов сплошь да рядом встречаются и на других изделиях — амфорах, черепицах, водопроводных трубах⁷, и у нас нет оснований полагать, что в других отраслях

³ *Plin.*, NH, XXXVI, 46, 3.

⁴ *Suet.*, *Vesp.*, 14.

⁵ *Artemid.*, I, 13; 53; 55; II, 3; 11.

⁶ *Ibid.*, I, 24; 42; II, 31.

⁷ На изделиях Цепионских гончарных мастерских — клейма Евхора, раба Плотия Исаврика, Пекулиара, раба той же госпожи, раба Фарнака (CIL, XV, 54, 64^a, 100); на изделиях из мастерских Домициев, Лукана и Тулла, впоследствии перешедших в собственность императоров; клейма: раба Амена, принадлежавшего Домициям, Хресима, раба Л. Мунация Кресцениа, очевидно работавшего в мастерской по найму, Никомаха, раба Домиция Тулла, Априла, викария Агатобула, принадлежавшего Домицию Туллу, и его же викария Трофима, который затем был отпущен на свободу и в клейме от 123 г. именуется Гн. Домицием Трофимом; еще раньше свободу получил Агатобул; в клейме 115 г. упомянут Росцион, раб Домиция Агатобула; из тех же мастерских известны раб Домиция Либерал, раб двух Домициев Лигд, рабы различных Домициев Приск, Сальтуар, Секунд, Феб (XV, 116, 121, 259, 258, 263, 269, 274; X, 8048°, 14—18). На изделиях из других керамических мастерских известны клейма рабов Сатрания Целера (Каллист, Целер, Клемент, Феб), рабов М. Стация Луцифер (Прими-

дело обстояло иначе. Правда, в надписях рабы-ремесленники в общем упоминаются сравнительно редко⁸, если не считать тех, кто работал в хозяйстве господ, а не в отдельной мастерской и о которых речь пойдет ниже. Но, как мы увидим в главе об от-

гений, Фуск, Секунд, Тогней), рабов Кальпетана Ливиана (Кресцент, Виктор), раба Проба (Ахилл); раба Л. Эмилия Форта (Кат); рабов Л. Цейония (Гилар, Эрот), на клеймах которых стоят еще два сокращенных имени, возможно их викариев; раба Госидия Геты Аполауста и его же рабов Гермерота и Патробия; рабов Бетилина Макра Лукриона и Пилада; рабов Л. Фанния Апеллы и Диодота; раба Эргилия Тита Пилада; раба Г. Эпидия Эрота; раба Серия Гилара Фуска; раба Апулея Гилариона Фуска; раба Серия Гилара Фирма; раба Клуэнция Амплимата Коринфа; раба М. Фульвия Филерота; раба Валерия Эрота; на свинцовых трубах имеются клейма рабов: Флавия Сульпициана Ницефора; Сатора, раба М. Сальвия; виликов Циннама, Кампана, Дина, Лауса, Пекулиара; Априла, раба Ти. Клавдия Секунда; рабов Комина и Евтихиана; раба Л. Целия Януария; раба Т. Геркуллея Менофила; Тирона, раба Муция; Принцепса, раба Глабриона; Эрота, раба Рутилия Фелика; Апеллеса, раба Стертиния Бассулы; на различных сосудах: Авкта, раба П. Сертория; Фавентина, раба Л. Рубрия Феликса; Филерота, раба Катона; Антиоха, раба С. Тоссия из мастерских Теттия Бальба; Приска, раба Вибия Доната; рабов Лекания Басса Виатора, Аметиста, Кресцента, Пиера, Барба, Кома, Датия, Гиера, Амикла, Эвхара, Феликса. Сюда же можно добавить клеймо на ошейнике «Демократ, раб Л. Котты, сделал эту вещь» и клейма на каменных межевых столбах, изготовленных в мастерской Пандиона под надзором раба Мартнала (X, 8048, 29, 31, 32, 38—43, 9; 8043, 61, 72; 5080; IX, 6078, 35; 6079, 44; 6079, 27, 28, 43; XIV, 2838; IX, 6079, 11, 14, 43; XI, 6689, 10, 12, 68, 70, 77, 83, 96, 124, 154, 160, 195, 208, 233; 6091, 10, 11, 19, 22, 26; 6695, 40; V, 8112, 37, 41; A. e., 1911, № 31; 1952, № 142).

⁸ В Путеолах Анцей раб Гилариона, и Ономаст, цирюльники (CIL, X, 1963, 1964), в Капуе Евтих, турарий (X, 3966), в Кайатии Госпид, раб Антии, архитектор (X, 4587), во Флоренции Адиект раб-инститор, парфюмер (XI, 4621), в Урвине Квартин, сукновал, и его викария (XI, 6078), в Поле Прим, плотник (V, 97), в Бриксии Ацепт из коллегии чесальщиков шерсти (V, 4501), в Остии в списке корабельных плотников значатся три раба: Хрисипп, принадлежавший Птоломею, Сервилий, раб Баллия и Антиох, раб Бервия (XIV, 256), в Тибуре Симмах, мраморщик (XIV, 3560), в Иване Элегант — архитектор, ставший затем отпущенником Ницием Элегантом (IX, 2986, 2988), в Теате Марруцинов Дионисий, раб — инститор сапожника (IX, 3027); в Риме: мальчик Паг, который уже в 12 лет был искусным ювелиром (VI, 9437); инститор Попилия, парфюмер Фавст (VI, 10007), маргаритарии Феб и Клемент (VI, 7884), Синтроп, аквариий, женатый на свободной женщине (VI, 9131), Квартин, ткач (VI, 9290), Антерот, аргентарий (VI, 5982), геммарий Ант (VI, 245), механик Герма (VI, 9105), несколько чеканщиков и литейщиков (VI, 9245—9253), несколько поваров (VI, 9261, 9264—9266), надзиратели в шерстоткацких мастерских (VI, 9495—9497), пряжи (VI, 9849—9850), швеи (VI, 9875—9883), портные (VI, 9963, 9965; 9966, 9979, 9980), ювелиры разных специальностей (VI, 5199, 9149, 9155, 37381), хлебопёки (VI, 6687, 9292, 9462^a); плетельщик венков (VI, 7009), мраморщик, плотники, живописцы (VI, 9102, 9788—9791, 9462^a, 37814, 37815), строители (VI, 9621, 9462^a), олеарий и турарии (VI, 9719, 9728, 9929, 9931, 9932), садовники (VI, 9943—9949), цирюльники (VI, 9938, 9939); погонщик мулов (VI, 9646, 33884); ветеринары (VI, 9510, 33097, 37300); чернорабочий (VI, 33877); горничные, возможно работавшие в самостоятельных мастерских в качестве цирюльниц (VI, 7656, 9462^a, 9726—9736, 33425); комедийные актёры (VI, 2217, 7013).

пущенниках, ремесленников из числа либертинов было очень много, а так как отпущенники обычно продолжали заниматься ремеслом, которым занимались и будучи рабами, то можно полагать, что число рабов-ремесленников было весьма велико. Некоторые из них имели узкую специальность, которая вряд ли могла найти себе применение даже в самом большом частном хозяйстве. Следовательно, рабов учили соответственным профессиям в расчете на то, чтобы использовать их не дома, а в мастерских, собственных или чужих, куда раб-ремесленник сдавался господином или сам нанимался на работу.

Сдавались на сторону именно рабы-ремесленники, а не, скажем, слуги. По Лабеоу, сдача труда — *опере locato* — подразумевает труд по изготовлению какого-нибудь тела, а не иную работу *ἀποτέλεσμα*, а не *ἔργον* (Dig., L, 16, 5, 1). Рабы, работавшие на стороне, часто упоминаются юристами. Павел говорит о рабе, на которого некто имеет *узуфрукт* и который сдает свой труд за определенную плату (Dig., VII, 1, 26). По словам Гая, *узуфрукт* на человека состоит из его работы и из платы за его работу (Dig., VII, 7, 3—4).

Сдача рабов в наем могла стать для человека малоимущего основным источником существования. Сцевола разбирает завещание, по которому некто оставил своему воспитаннику раба-сапожника, с тем чтобы тот его кормил, отдавая плату за свой труд (Dig., XXXVI, 1, 80, 12). В принципе считалось, что помимо своих рабов можно сдавать и тех, на которых кто-либо имел *узуфрукт*; тех же, на которых имелся только *usus*, можно было использовать лишь в своем хозяйстве или во взятых на себя подрядах, например по тканью шерсти, постройке дома или судна. Но Лабен разъясняет, что все же и в таком случае можно было предписать рабу или рабыне вносить вместо работ плату (Dig., VII, 8, 12, 6; 8, 13). Видимо, так как такая форма использования рабов была в ряде случаев более выгодна, допускалось некоторое отступление от правила. Но раба сдавал не тот, кто имел на него *usus*, а раб сам нанимался на работу и вносил *узуарию* плату.

Сдавались рабы в самые разные предприятия, например на мельницу, в актёры и т. п. (Dig., XXXII, 73, 3). За раба, работавшего на постороннего человека, господин отвечал лишь в том случае, если сдал его сам. Если же раб нанимался на работу от своего имени, то причиненный им нанимателю ущерб покрывался из его *пекулия* или суммы, внесенной господину (Dig., IX, 2, 27, 34; XIX, 2, 60, 7), очевидно, с тем, чтобы потом раб ее хозяину возместил. Некоторые права на нанятого раба имел также и его наниматель, так как такие рабы причислялись к его фамилии (Dig., VII, 8, 4; XXI, 1, 25, 2; XXXII, 73, 1).

Обучение рабов у ремесленников начиналось уже в очень раннем возрасте. Юристы считали, что только раб моложе пяти

лет не приносит никакого дохода (Dig., VII, 7, 6), а как мы видели из вышеприведенной эпитафии раба Пага, он уже в 12 лет считался искусным ювелиром. Учитель мог наказывать ученика, но не настолько, чтобы искалечить его, например избить так, чтобы раб стал кривым (Dig., IX, 2, 5, 3). В учении, видимо, рабам приходилось нелегко: юрист Вивинан предусматривает случай, когда ученик убежит от учителя из-за жестокого обращения (Dig., XXI, 1, 17, 3). Однако считалось, что раб, изучив ремесло, приносит выгоду не только господину, но и себе самому. Так, в Дигестах говорится о том, как некто завещал обучить ремеслу намеренного к освобождению раба, чтобы он мог в дальнейшем сам о себе позаботиться (Dig., XXXII, 12).

Не менее, чем сдача рабов в наём, было распространено и предоставление рабу-ремесленнику самостоятельного дела. Раб мог быть поставлен во главе какого-нибудь предприятия в качестве инститора. По Лабееону, инститорами считались те, кто ведал доходными домами (т. е. инсуларии), покупкой и продажей товаров, ростовщическими операциями, меняльней, мастерской с занятыми в ней работниками (*operarii*) и учениками (*discipuli*), торговлей в разнос хлебом, одеждой и т. п. (Dig., XIV, 3, 5, 1—14). Инститорами являлись лица разного пола и возраста, свободные и рабы (Dig., XIV, 3, 7, 1), но, видимо, чаще это были рабы.

Инститор мог иметь более или менее широкую свободу деятельности. Если хозяин не хотел, чтобы тот заключал какие-нибудь сделки, он должен был написать соответственное объявление и повесить его на таверне, подведомственной инститору, что освобождало его от всякой ответственности (Dig., XIV, 3, 11, 3; XV, 1, 47). Могло быть так, что господин отвечал по контрактам инститора и взыскивал должное с его контрагентов (Dig., XIV, 3, 1). Но так как господин не всегда мог постоянно наблюдать за действиями инститора, иногда проживавшего в другом городе, то инститор получал самые широкие полномочия и заключенные с ним договора имели полную силу (Dig., XIV, 3, 5, 1). Предприятие, во главе которого он был поставлен, включалось в его пекулий, и тогда контрагенты раба в случае невыполнения им обязательств могли вчинить господину иск о пекулии или о той сумме, которую господин получил от раба (Dig., XIV, 4, 11). Если в такое предприятие включалась торговля товарами, то господин обязан был за них платить, как посторонний. По мнению Педия, закон этот распространялся на все дела; Ульпиан же делал исключение для дел, которые вели рабы-сукновалы, портные, ткачи и работорговцы (Dig., XIV, 4, 1, 1). Такой товар не включался в пекулий, и в случае, если кредиторы раба требовали уплаты долга, мог быть разделен между ними независимо от пекулия, с тем, однако, что господин, если раб был что-либо и ему должен, удовлетворялся в первую очередь (Dig., XIV, 4, 1, 2; 5;

4, 11; XV, 1, 41). Если инвентарь мастерской, к которому причислялись и рабы-викарии, был куплен на деньги, вырученные от продажи товара, он также поступал в раздел (Dig., XIV, 4, 5; 13—14). Раб мог сделать инситором своего викария, за которого, если господин об этом назначении был не осведомлен, отвечал собственным пекулием (Dig., XIV, 4, 5, 1; 3).

Викарии также могли иметь свои пекулии, отдельные от пекулия их ординария, так же как пекулий последнего отделялся от имущества господина. О таком пекулии судили по приходе-расходным книгам его владельцев, которые вели счета по пекулиям самостоятельно, независимо от счетов ординариев или господ (Dig., XV, 1, 4, 1; 2; 6). В пекулии викариев также иногда входили рабы; юристы упоминают таких викариев викариев (Dig., XXXIII, 8, 6, 3; 8, 25).

Зачастую раба покупали из-за его пекулия или из-за его викария, который стоил дороже, чем ординарий (Dig., XXI, 1, 44). В пекулий могли включаться расписки должников — как господских, так и тех, кто задолжал самому рабу (Dig., XV, 1, 7, 4; 5). Для ведения дел по пекулию рабу дозволялось иметь прокуратора. Он не имел права сам вчинять иск, но мог защищаться, если иск вчиняли ему. Иск же за раба должен был вчинять господин (Dig., III, 3, 33, 1). Признав свой долг рабу, господин тем самым включал его в пекулий раба, так же как и то, что тому были должны обладавшие пекулиями товарищи по рабству (Dig., XV, 1, 7, 6—7). Долг раба господину и тем, кто находился под властью и опекой господина, вычитался из пекулия раба, но если выяснилось, что они злонамеренно уменьшали пекулий раба и мешали ему расплатиться, то несли за это ответственность (Dig., XV, 1, 9, 4). Пекулии имели и рабыни, особенно занимавшиеся ткачеством, швейным делом и т. п. (Dig., XV, 1, 27). Рабы имели право вступать в деловые товарищества со свободными (Dig., XVII, 2, 18). По словам Цельса и Ульпиана, товарищества часто образовывались на том условии, что более состоятельные компаньоны вкладывали имущество, бедные же — свою силу и искусство (Dig., XVII, 2, 52, 2). Возможно, что рабы-ремесленники наиболее часто выступали именно в последнем качестве, что могло быть для них выгоднее, чем просто наняться на работу. Инситоры составляли неотъемлемую часть предприятия. Если, пишет Ульпиан, по легату завещана мастерская пурпура, то с ней отходят пурпур, рабы и инситоры (Dig., XXXII, 91, 2). Сцевола разбирает случай, когда завещается винный склад с инвентарем и инситорами (Dig., XXXIII, 7, 7). В инвентарь трактира включались поварахи и инситоры, в инвентарь бани — банщик, в рыболовный инвентарь — рыбак, с птицами передавалась и птичница. Юристы объясняли эти правила тем, что без людей подобные предприятия будут бесполезны (Dig., XXXIII, 7, 13; 13, 1; 7, 15; 7, 17, 1, 2).

Видимо, судя по тому, что в Дигестах приводятся по этому поводу ссылки на таких ранних юристов, как Сервий и Нератий, связь предприятия с его живым инвентарем, к которому относились и инститоры, окрепла в ремесле раньше, чем в сельском хозяйстве. Вероятно, обусловлено это тем, что для нормального функционирования предприятия особенно необходимы были опытные и квалифицированные работники и руководители, хорошо знавшие дело и друг друга. Продавались мастерские также с рабами: в клеймах иногда один и тот же раб, работавший в мастерской, значится как собственность разных владельцев. Очевидно, один из них покупал у другого мастерскую вместе с рабами. По Ульпиану, инвентарь таберны состоит из вещей и людей для ведения дела (Dig., L, 16, 185). Любопытное разъяснение дает Павел: когда завещан инвентарь, пишет он, то иногда следует учитывать личность завещателя. Например, в хлебопекарный инвентарь включается пекарь, если хозяин сам эксплуатировал пекарню, ибо есть разница между тем, что инвентарь был приобретен для пекарни или для пекарей (Dig., XXXIII, 7, 18, 1). Т. е. хозяин мог специально оборудовать мастерскую для своих рабов и никак не вмешиваться в ее функционирование, ограничиваясь лишь тем, что получал с инститора определенную долю дохода, как в договорах о товариществе, или твердо установленную сумму, как с арендатора по договору. Такие рабы-арендаторы не причислялись к инвентарю, как первоначально не причислялись к нему и сельские колонны. Возможно, арендаторами мастерских были акторы, имена которых иногда встречаются в клеймах, например Эпафродит, актер Марианы Валерианы; Салютар, актер Эмилии Каринны (CIL, IX, 6083, 48; 130). Если бы они просто стояли во главе мастерской, их бы именовали инститорами.

Разнообразие положения рабов, поставленных во главе какого-либо дела, породило и различие в исках, которые могли предъявлять контрагенты раба. Если раб назначался магистром корабля и господин получал от него ежедневный доход от сделок, заключенных рабом по его приказу, то вчинявшийся хозяину иск назывался экзерциторным иском. Инститорный иск вчинялся владельцу, поставившему раба во главе таберны, с тем чтобы сделки заключались с рабом. Трибуторный иск касался господина, раб которого вел дела за счет входившего в его пекулий товара. Когда такой раб вел дело без ведома господина, был возможен иск о пекулии и о сумме, вложенной рабом в хозяйство его владельца, если раб взял ее у кого-либо в долг, чтобы купить что-нибудь для господина, отремонтировать принадлежавшее ему здание и т. п. За эту сумму целиком отвечал последний. Если же раб брал займы деньги для своих дел, то, хотя иск тоже вчинялся господину, отвечал за него раб своим пекулием. Судья должен был выяснить, как раб использовал взятые в долг деньги,

а затем оценить его пекулий, вычтя из него долг раба господину, и удовлетворить истца за счет оставшегося⁹. За договоры учеников, работавших в мастерской или таберне, отвечали их учителя или инситоры¹⁰.

Внимание, уделявшееся юристами как сдаче в наем рабов-ремесленников, так и рабам, поставленным во главе ремесленных предприятий, свидетельствует о значительной роли рабов в ремесле и о широком распространении соответствующих методов использования обученных ремеслу рабов. Методы эти были хорошо известны и при республике. Как и прежде, рабы могли работать в немногочисленных крупных или очень многочисленных небольших мастерских своих хозяев, под руководством самих владельцев или их инситоров; могли открыть собственную мастерскую, входившую со всем живым и мертвым инвентарем в их пекулий; могли сдаваться господином или сами наниматься в чужие мастерские, выплачивая владельцу часть заработка. Для раба последнее условие было довольно тягостно. Артемидор упоминает сны, сулящие рабу освобождение от этой повинности, например если рабу снился мертвый кредитор, мертвый наниматель или что у него выпали зубы¹¹.

Рабы, знающие ремесло, видимо, дорого ценились и приносили хороший доход. Гален, горячо выступая против тех, кто презирает хороших мастеров, говорит, что господа тратят большие деньги, чтобы обучить раба специальности, и в результате раб стоит 10 тыс. драхм, а господин ни одной. Бедный клиент, по словам Ювенала, мечтает иметь раба-чеканщика, быстро изготавливающего много статуэток (IX, 140—147), вероятно рассчитывая безбедно жить на счет его доходов. Лампридий рассказывает, что Александр Север отдал в рабство бедной старухе оскорбившего ее солдата, чтобы тот ее кормил, так как он был мастером по изготовлению повозок¹². Выше уже приводились аналогичные свидетельства Дигест. Но о размере заработной платы нанимаемых рабов у нас никаких данных нет. Очевидно, она сильно варьировалась в зависимости от квалификации рабов. Говоря о тяжбах по возмещению доходов с имущества, Мела и Ульпиан пишут, что если дело идет о работах раба-ремесленника, то возмещение должно быть пропорционально им, за работы же необученного раба-медиастина возмещение определяется его службой (Dig., VII, 7, 6). Возможно, каждый раз производилась оценка в связи с заработком рабов. Де Робертис считает, что в I в. средняя поденная плата составляла 20—30 ассов¹³, но цифра эта весьма гипотетична. Де Робертис ссылается

⁹ *Gai*, Instit., IV, 71—74; *Paul.*, Sent., I, 4; 5; II, 8, 1; 2; II, 9, I.

¹⁰ *Paul.*, Sent., II, 8, 3.

¹¹ *Artemid.*, I, 31; III, 41.

¹² SHA, Al. Sev., 52, 1.

¹³ *De Robertis*. Op. cit., p. 200.

также на Сенеку, упоминавшего, что рабы получают, кроме прокорма, по 5 денариев в месяц, т. е. по два асса в день¹⁴. Но Сенека говорит о рабе-актере, который на сцене представляет царя, в жизни же получает по 5 модиев зерна и по 5 денариев¹⁵. Неясно, насколько такой заработок типичен для рабов других профессий и платил ли актеру его господин или наниматель. Тримальхион покупал бронзовые сосуды у своего раба-бронзовщика Коринфа¹⁶, т. е. считал нужным оплачивать изделия, вышедшие из мастерской принадлежавшего ему ремесленника. Плиний Старший, сетуя на упадок качества художественных изделий из бронзы, отмечал, что вместе с тем бесконечно возрастает стоимость работы¹⁷, но и здесь неясно, имел ли он в виду расходы на содержание собственных ремесленников или повышение заработной платы.

Видимо, значительно больше, чем при республике, использовался труд ремесленников непосредственно в крупных частных хозяйствах. Мы уже приводили данные о подсобных предприятиях и ремесленниках на виллах. Ремесленники разных специальностей входили и в фамилии, обслуживавшие городские дома господ. Штат ремесленников включался в понятие «оборудованного дома» наряду со слугами городской фамилии (Dig., XXXIII, 7, 12, 42). Ремесленники и слуги не всегда четко дифференцировались, так как и последние отдавались в учение и приобретали особую специальность. Так, юристы разбирали вопрос, переходят ли по легату, согласно которому легатария передавались горничные (*ognatrices*), рабыни, пробывшие в учении всего два месяца. Одни считали, что не переходят, так как они еще не успели изучить свое дело; другие же возражали, утверждая, что они могут быть причислены к горничным, так как впоследствии усовершенствуются в своем искусстве под руководством более опытных (Dig., XXXII, 65, 3).

К ремесленникам юристы иногда относили не только поваров, но и рыбаков, погонщиков мулов и даже лектикариев (Dig., XXII, 60, 1; 65, 1—2). Действительно, повара, например, учились готовить не только кушанья, но и изысканные сладости. Марциал упоминает кондитера, придававшего сладким изделиям вид затейливых фигурок (XIV, 122), Ювенал говорит о сервировщиках (*structores*), специально обученных искусству разрезать кушанья (XI, 145). Рабов переводили с одной должности на другую, из слуг в ремесленники и наоборот, что подчас создавало трудности при толковании завещаний. Однако такой перевод, видимо, был ограничен. По закону человек, имеющий узупфрукт на рабов, должен был использовать их согласно их положению. Считалось,

¹⁴ Ibid., p. 195.

¹⁵ Seneca. Ep. 80.

¹⁶ Petron., 50.

¹⁷ Plin., NH, XXXIV, 3, 1.

что он злоупотребляет рабами, если заставляет библиотекаря таскать корзины с известью, актёра назначает банщиком, музыканта — привратником и вообще требует неподобающих и непривычных работ (Dig., VII, 1, 15, 1; 17, 1). Очевидно, и сами господа избегали такой «порчи» квалифицированных рабов. Фруктуарию предписывалось также кормить и одевать рабов в соответствии с их положением и рангом — *ordinem et dignitatem* (Dig., VII, 1, 15, 2), что, вероятно, соблюдалось и господами. Так среди домашних рабов создавалась своеобразная иерархия. По словам Филострата, рабы делятся на классы и имеют свою генеалогию (Ер., 41). Поэты, посвящавшие стихи рабыням-наложницам и мальчикам-наложникам, обычно отмечали, что они выделялись из простой «домовой черни»¹⁸. Дорогие рабы из Малой Азии и Греции занимали более высокое положение, чем рабы из придунайских провинций и Африки¹⁹.

Возглавляли рабскую иерархию диспенсаторы, ведавшие финансовыми и торговыми операциями²⁰. Клиенты богатых и влиятельных господ заискивали у их диспенсаторов²¹, делали им подарки. К диспенсаторам близки были ординарии, т. е. рабы, имевшие собственных рабов-викариев, а также различные секретари, счетчики, актеры, музыканты, врачи, педагоги, спальники (кубикулярии) и т. п. За ними по рангам шли остальные, вплоть до чернорабочих и челяди, видимо, никакой определенной профессии не имевшей. В результате, по словам Тацита, в больших фамилиях каждый руководствовался своими интересами, не заботясь об общей пользе (Hist., I, 90).

Представление о таких городских фамилиях мы получаем из надписей фамильных колумбариев. Но сведения эти несколько односторонни, ибо происходят только из Рима, относятся в подавляющем большинстве к фамилиям знатных семей первой половины первого века империи; кроме того, далеко не все рабы и отпущенники таких семей похоронены в этих колумбариях. Некоторые были погребены отдельно, эпитафии других вовсе не сохранились. Все же некоторые сведения об организации городских фамилий надписи из подобных склепов дают.

В каждой большой фамилии рабы и отпущенники были организованы в коллегии с разнообразными выборными магистратурами, декурионами, жрецами фамильных культов. И здесь, видимо, как для сельских коллегий, образцом послужило императорское хозяйство. Некоторые из колумбариев невелики, например: колумбарий Цестилиев (CIL, VI, 33392—33397), из которого известны отпущенник-педагог, две отпущенницы-камеристки — вестиплики и раб кассир; колумбарий Левиниев

¹⁸ *Horat.*, Od., II, 4; *Mart.*, VI, 29.

¹⁹ *Mart.*, VII, 80; *Iuv.*, V, 52—67.

²⁰ *Petr.*, 30.

²¹ *Seneca.* De ben., III, 28.

(VI, 33398—33412) с эпитафиями отпущенника живописца и рабов — вилика и кубикулария; колумбарий консула 2 г. н. э. Каниния Галла (VI, 7987—7990) с эпитафиями отпущенника Филомузы, ведавшего вьючным скотом (*supra iumenta*), двух рабов-лектикариев и раба Батрака, занимавшего должность декуриона; колумбарий Лартидиев (VI, 37461—37463, 9271, 10313, 10373), с эпитафиями отпущенника-номенклатора Лартидия Урбана, занимавшего в фамильной коллегии должность трибуна, магистра и квестора; Лартидия Дионисия, дважды бывшего квестором, Лартидия Меногена, квестора и магистра, Лартидия Гама, магистра, префекта и дважды квестора, Лартидия Тамира, декуриона, и повара Генециана Доместика, отпущенника, видимо служившего Лартидиям по найму; колумбарий Стертиниев (VI, 37719—37740) с эпитафиями рабов: кубикулария, диспенсатора, педисеквы, пекаря, портного, рабыни-фиссалийки, ведавший шерстоткацкой мастерской, и отпущенника, магистра и квестора; колумбарий Аррунтиеv, к семье которых принадлежали консулы 6 и 32 гг., в котором были похоронены только два раба, остальные же эпитафии принадлежат отпущенникам, из которых названы должности кормилицы, жены кубикулария, учителя фехтования; колумбарий Анния Поллиона (VI, 7395—7429), в котором также преобладают отпущенники, один из которых был декурионом фамилии; из рабов названы ремесленник, инсуларий, погонщик мулов, педисеква и вышивальщик; колумбарий консула 46 г. Юния Силана и его сына (VI, 7600—7643), из рабов названы серебряник, кассир, банщик, женатый на отпущеннице Юние Каллисте, кубикуларий, конюх, лектикарый, водопроводчик, рисовальщик, гончар, кормилица и служитель при палестре, остальные — отпущенники, из которых трое — врачи; только отпущенники были похоронены в колумбариях Абуцииев (VI, 8117—8172) и Саллюстиев (VI, 8173—8210), из них по специальностям названы инкрустатор, врач и повивальная бабка.

Гораздо обширнее колумбарий Волузиев, в основном использовавшийся в середине I в., хотя там имеются более ранние и более поздние погребения (VI, 7281—7394). Среди рабов Волузиев фамильные коллегии были особенно деятельны. Нам известны жрецы Пенатов Сабин, а после смерти последнего его брат Нин, имевший викария Виталика; жрец Гения господина, отпущенник Элайн, аппаратор цензора (VI, 7283, 7283^a, 7366), особая коллегия Ларов Волузиев, в которую входили и свободнорожденные; из декурионов этой коллегии известен раб Гимн, перешедший затем в собственность императора (VI, 10267); домашняя коллегия — *collegium castrense* (VI, 7281, 7281^a). Коллегия ведала погребением своих членов, но иногда в надписях говорится, что место для погребения дано декурионами и господами или только господами, что, вероятно, знаменовало особую

милость последних к покойному. Из кураторов коллегии известны кассир Дафн и секретарь Гилл. Как и в других колумбариях, многие рабы и отпущенники свои должности не указывали, другие их называли: Каллистион-кладовщик, Филомуз-сукновал, два актора, один из которых был женат на отпущеннице, Хрисанта-певица, Лог-кифаред, похороненный братом и викарием, кубикюларии Цердон, Ифий и Гебен, хорреарий Феликс, Прими-гений, педагог при малолетних рабах, зять которого был свободнорожденным, Евтих-инсуларий, Никефор-лектикарый, Сурилл-библиотекарь, Зосим, сын Гимна, — врач, сделавший надгробие своей родственнице и викарии — жене Тирания Дафна, горничные Элата, Панопы, Феба, зеркальщик Анит, викарий педагога Феб, садовник Цердон, камердинер (*vestiplicus*), брат которого был дворецкий (*atriensis*), секретарь; из отпущенников известны Волузий Геракла, провожавший господина в школу, а затем ставший его кубикюларием, Парид, кубикюларий и прокуратор, контролер Панкарп, Гемилл — табуларий. Рабы здесь нередко имели своих рабов, отпущенники — отпущенников.

Большой разницы между рабами и отпущенниками не было; например, раб Фортунат называет отпущенницу Волузию Пиериду товаркой по рабству — *conserva*. Положение в фамилии скорее определялось не столько юридическим статусом, сколько занимаемой должностью и личной близостью к господам таких лиц, как кормилицы, кубикюларии, педагоги и т. п. Из относившихся к дому Волузиев рабов и отпущенников, похороненных не в семейном склепе, а отдельно, можно назвать: троих женатых на отпущенницах Волузиях рабов, ведавших зерном, — *a frumento* (VI, 9423—9425), Филогия, межевщика Волузиев (VI, 9621), Эвксина, негоциатора, отпущенника Волузия Сатурнина (VI, 9653), Волузия Гимна, отпущенника консула 12 г. до н. э., квесторского писца, жреца Генция господина (VI, 1833^a), раба Эпигона Волузиана, надзирателя за работами в роще Феронии, по-видимому, в качестве служащего некоего Нумитория Гилара, который называл его своим клиентом и похоронил вместе с собственным отпущенником Секундом и Гиларом, рабом Крупспития (VI, 37422—37423); по найму у Волузиев, возможно, служил свободнорожденный диспенсатор Лициний Эвтих, женатый на отпущеннице Лицинии Олимпиаде (VI, 9327).

Наиболее обширен колумбарий Статилиев, содержащий погребения с середины I в. до н. э. (начало ему положено было при Т. Статилии Тавре, консуле 37 и 26 гг. до н. э.) до середины I в. н. э. (VI, 6213—6619). В доме Статилиев также существовали погребальные коллегии. Одна из них дважды названа коллегией «соумирающих», в другом случае упоминается товарищество из 130 человек, внесших 235 денариев на погребение сочлена. Последний был солдатом германской стражи Статилиев, и речь, возможно, идет о составлявших особое товарище-

ство германцах. В одной надписи говорится, что на похороны отпущенника Антиоха 490 денариев внесли его друзья при кураторах — отпущенниках Пансе, Циссе, Гераклионе и рабах — Теофиле, Митридате, Сальвии, Никархе, Агафоне, Филотиме и Музее. В некоторых надписях просто упоминается коллегия или фамилия и ее магистры, декурионы, квесторы, кураторы. Среди них известны отпущенники Диодот, Амарант красильщик, раб-привратник (*ostiarius*) Музей, ведавший делами по аренде (*ad locationes*) Зена, инсуларий Эрот. О жрецах коллегий известий нет. Только одна сильно испорченная надпись упоминает поставленные кем-то, скорее всего в домашнем святилище, изображения.

Из других надписей известны должности и профессии отпущенников и рабов: инсуларии Кердон и Эрот; дворецкие Батилл, Антигон, Филолог, Феликс, похороненный своим учеником Гиларом, Прим и дворецкий, из садов Лентиск; массажисты (*unctores*) Филокал, Яцинт и др.; интересно, что группа массажистов поставила надпись Антиоху, магистру, возможно, их учителю, а возможно, магистру их корпорации; наблюдавший за тишиной в доме силентиарий Хий; лектикарий Антиох; отпущенник Анопт — пекарь; полтора десятка германцев из стражи (один из них, Феликс, был оруженосцем Тавра, сына); аркарий Эрот, похороненный викарией Сосикрата; другой Эрот, отпущенник, ведавший ремонтом здания (*ad aedificiis*); Харитон, сторож при амфитеатре, выстроенном Статилием Тавром в 29 г. до н. э. на Марсовом поле, и отпущенник Менандр, привратник при том же амфитеатре; Эвент и Аполлинарий, викарии Хреста, аукциониста при амфитеатре; Памфил, конюх; Неон, банщик; Неон, мальчик, носивший книги господских детей в школу; повара, из которых один, Филерот, был отпущенником и имел своего раба; красильщик Лицин; комедийные актеры Миланий и грек Тиранн; кубикуларии и надсмотрщик над кубикулариями отпущенник Синистор; диспенсаторы, из которых один был отпущенником; секретари и библиотекари; Феликс, табелларий из Альбанской виллы; садовники, плотники (*fabri*); сукновалы; надзиратель за шерстоткацкой мастерской, мраморщик, межевщик, ткачихи, прядильщицы, швеи, пряжи, пекари, штукатур, сапожники, цирюльники, садовники; отпущенник Юкунд, ведавший наследствами (*ad hereditates*), получаемыми Статилиями от друзей и отпущенников; хорреарий Гиппарх со своими викариями; инсуларии, один из которых, Эрот, был инсуларием в Помпеевых садах; лектикарии и их начальник отпущенник Спинтер; врачи и повивальная бабка; Боэт, сторож при гробнице; кормилицы; педагоги, из них один отпущенник; Оптата, привратница; педисеквы; сервировщик; музыкант; курьеры; закупщик провизии; три отпущенника-гардеробщика (*a veste*).

Многие рабы имели викариев, а отпущенники — своих отпущенников. Ряд эпитафий принадлежит рабам и отпущенникам отпущенника Статилия Посидиппа, видимо, человека состоятельного, ведавшего крупными делами. Из них по специальностям названы повар Эрот, кубиккулярный Гиларнион и другой кубиккулярный домородный раб Юкунд, три диспенсатора, один из которых имел викария, и, кроме того, четыре раба и семь отпущенников, профессии которых не указаны. Некоторые рабы указывали свою национальность: Мессия — дардана и Яцинт — дардан, Лаодика — киликийка, Премия — африканка, Прима — каппадокийка, Руфин — сикул, Секунд — фракиец. Некоторые прибавляли к своему имени имя бывшего господина: Антигон Кандидиан, т. е. принадлежавший ранее Кандидию, Гилар Барбиан, Эрот Тевкриан, Хресим Тевкриан, Донат Тирониан, Астрагал Африан, Филаргир Катуллин, Зена Суториан, Феликс Габиниан, Сцирт Корнелиан, Секунд Тариан, Эрот Филеротиан, принадлежавший ранее кубиккулярию Статилию Филероту и скорее всего перешедший к его патрону по наследству.

В колумбарии был похоронен также некто Тиранн, наемный работник, возможно нанятый Статилиями или, напротив, отдававшийся в наем. Здесь же была и урна отпущенника консула 45 г. Корвина Статилия Эпафры, состоявшего глашатаем при жреческой коллегии квиндецимвиров, но не порвавшего связей с фамилией.

Вне колумбария были похоронены принадлежавшие Статилиям Феликс, отпущенник политора Статилия Филерота (VI, 9820), Агриматион, шут Статилии старшей (VI, 9842), швея Статилия Каллиста (VI, 9883), кассир Статилий Тиранн (VI, 9913).

Внутри столь большой фамилии складывались не только семейные, но и дружеские связи. Друзья нередко ставили умершему надгробие с эпитафией. Наиболее характерна эпитафия лектикария Юкунда, сделанная Каллистом и Филологом: пока он жил, он был мужчиной и умел постоять за себя и других; пока он жил, он жил честно (VI, 6308). Как ценились такие дружеские связи, видно из одной, правда не относящейся к склепу Статилиев, надгробной надписи отпущенника Меммия Клара, сделанной его соотпущенником Урбаном: между ним и покойным никогда не было ссор; они встретились еще на рабском рынке, попали в один дом, вместе там получили свободу и никогда не разлучались (VI, 22355^a).

Некоторые члены городской фамилии упоминаются и во фрагментах завещания Дасумия от 108 г. (VI, 10229): отпущенники, должность которых неизвестна, Арр и Венуг, рыбаки; Диадумен и Евтих, кубиккулярии; Диадумен и Сабин, стенографы; Эрот, портной; Фауст сапожник; Стефан, цирюльник;

Тал, камердинер; повар, диспенсатор, кассир, два врача и педагог.

Возможно, список какой-то фамилии, организованной в коллегию, представляет собой фрагмент надписи, содержащей около 20 имен, после каждого из которых стоит знак L — скорее всего, взнос в 50 сестерциев. Помимо лиц, должности которых не обозначены, в списке числятся Гесиод, лектикарий, Амбакт, штукатур, Синтроп и Мист, хорреарии, Прима, горничная, Фауст, пекарь, Хресим, плотник, Фауст, крестьянин (*rusticus*) и Алцим, политор, возможно, арендатор на вилле; как и Фауст, он мог оказаться в городе по каким-то делам и вместе с ним принял участие в не известном нам мероприятии своих городских сотоварищей. Некоторые рабы из списка носят имена своих прежних господ — Эрот Махетиан, Примигения Махетиана, Фортуната и Медуза Антеротианы и Лиха Тертиана (VI, 9462^a). В другом списке отпущенников и рабов господ, имена которых не сохранились, значится около 85 частично стертых имен. Среди них есть свободные, вероятно, служившие по найму, либертины, и из рабов Эрот «с поля» (*de campo*), Руфион, мраморщик, Арта, Антерот, Филерот, Мах, плотники, Артион, живописец и сторож при храме, Мама, структор, Антерот, банщик, Александр и Обиед, вилики, Тиранн, чернорабочий (VI, 9102).

Многие рабы из городских семей были похоронены не в общих колумбариях, а отдельно²². Помимо Рима их надписи

²² Много надписей принадлежит диспенсаторам и актерам (CIL, VI, 272, 278, 306, 365, 561, 649, 688, 1429, 1464, 3687, 3714, 6995, 9110, 9112, 9114, 9113, 9120, 9122, 9124, 9130, 9319—9369, 30902, 30977, 33472, 36888, 37790—37792, 33822—33828, 33849—33852); владельцы некоторых из них происходили из видных сенаторских семей — например, известны два диспенсатора Норбанов, консулов 15 и 29 гг., четыре актора сенаторов I и II вв. Ближе к диспенсаторам стояли кассиры и казначеи (VI, 9911, 9912, 9146, 9148, 33912, 31663), также часто принадлежавшие сенаторам. Очень многочисленны надписи виликов, приставленных к амбарам, садам и различным другим делам, о характере которых более точных сведений нет (VI, 203, 586, 623, 662, 666, 679, 696, 754, 758, 718, 9472, 9483, 9983—9990, 10251, 36778, 36786, 37827—37830). Диспенсаторы, акторы, казначеи и вилики нередко были женаты на отпущенницах и даже свободнорожденных женщинах и имели своих рабов викариев. С должностью виликов были сходны должности служивших при амбарах хорреариев (VI, 9462, 9462^a, 9455, 9466, 9469, 9470, 36778, 37796, 37797), а также управлявших доходными домами инсуляриев (VI, 9292, 9383, 9479—9483, 33863); один из последних, Диофант, женатый на отпущеннице Автрание Витале, назван *exactor ad insulas*, т. е. ведал несколькими домами и производившимися там работами. Служили рабы также и при храмах сторожами (VI, 2209, 2217), куда их жертвовали господа; так, при храме Дианы служил раб Азиния Галла. Довольно значительны группы занятых в домашней администрации табуляриев (VI, 6869, 7013, 9916, 9917, 9922—9926), либрариев (VI, 9294, 9516—9525, 33474) и дворецких и кладовщиков (VI, 9192—9199, 9246—9253). Многочисленны надписи кубикюляриев (VI, 9285—9291, 9296—9312, 33842, 33844), занимавших одно из самых почетных мест в фамилиях, где они нередко отправляли почетные должности в домашних коллегиях. Так, кубикюлярий Анхиал, умерший 20 лет от роду, успел быть эди-

встречаются и в итальянских городах, но значительно реже, лишь в единичных случаях: в Беневенте эпитафия кравчего Марона, знатока палестры (CIL, IX, 1880), в Эклане — Сатурнина, аркария Марцеллы (IX, 1248), в Суперэквах — вестиплики Пелсы (IX, 3318), в Монтелеоне — секретарей Плетория Фора (IX, 4909), в Плаценции — библиотека Аттика, знавшего латынь и греческий (XI, 1236), в Перузии — Калама, кассира Анния Галла (XI, 1953), в Тудере — Вонисия, сервировщика (XI, 4753), в Локрах — Эдисты, кормилицы (X, 30), в Путеолах — горничной Харистины (X, 1935), Климены, горничной при рабах мальчиках (X, 1941), Марциала, магистра сервировщиков (X, 1959), Урбана, табеллария (X, 1961), и циркульников Акция и Ономаста (X, 1963, 1964), в Велитрах — аркария сенатора (X, 6566), в Тускуле — Мансуэта, секретаря Стертиния Кварта (XIV, 2654), и сервировщика Зосима (XIV, 2656), в Остии — счетчика Мелиора, превосходившего, по словам господина,

лом, трижды квестором и декурионом, избранным «с согласия декурионов и по желанию фамилии» (VI, 9288); кубикюларий Панклит по декрету декурионов был эдилом, декурионом, промагистром, судьей и удостоился погребения на деньги, собранные фамилией (VI, 9289). Кубикюларии Мида и Деметрий были триумвирами (VI, 9290, 9291). В некоторых домах кубикюлариев было так много, что имелись начальники над ними. Выше уже упоминался такой глава кубикюлариев у Статилиев; можно назвать еще занимавшего ту же должность раба Эбурнии Алексу (VI, 33842). Круг деятельности кубикюлариев неясен. Судя по тому, что в завещании Дасумия какой-то кубикюларий должен получить свободу после сдачи счетов, они иногда имели и управленческие функции. Но, вероятно, в их высоком положении среди других рабов главную роль играла непосредственная близость к господину. Если последний был человеком высокопоставленным, кубикюларии могли приобрести вес не только в фамилии, но и среди свободных, так или иначе от господина зависевших. Той же близостью к господам, а также известным образованием объяснялось высокое положение секретарей. Когда Нерон во время восстания Виндекса потребовал сдавать в войско часть рабов, произвело неприятное впечатление, что он забирает даже диспенсаторов и секретарей. Среди надписей секретарей (VI, 9534—9542) имеются как рабы, так и рабыни, обычно секретарши женщин. Выборных должностей секретари в фамилиях не занимали, возможно, считая себя выше этого. Врачи, составлявшие неперемнную принадлежность большой фамилии, в эпитафиях обычно выступают уже в качестве отпущенников. В виде исключения можно назвать раба-врача Агриппа, принадлежавшего консулу 16 г. до н. э. Тарнию Руфу или его сыну, магистра и декуриона фамилии (VI, 37805) и ветеринаров Аполлодора, Фауста и Апеллу (VI, 9510, 33097). Из других рабов интеллигентных профессий известны грамматик Реститут (VI, 9449), комедийные актеры Феликс и Атимер (VI, 2217, 7013). Довольно велико число надписей педагогов (VI, 7657, 9741—9764), но среди них больше отпущенников, чем рабов. К категории собственно слуг относятся довольно многочисленные педисеквы, сопровождавшие господ при выходах (VI, 5983, 9767, 9782, 30851, 33476, 33477, 37812), лектикарии (VI, 7988, 7989, 9505—9513, 33424), среди которых имелись и, видимо, служившие по найму свободные; номенклаторы (VI, 9687—9712, 37808, 37809), горничные (VI, 5876, 7656, 9690, 9726—9736, 9901, 33425, 37811), массажисты (VI, 9202, 9788), привратники (VI, 9737, 9738), сервировщики и рабы, ведавшие приемом гостей (VI, 9474, 9904—9908), кравчие (9635—9640).

всех прочих (XIV, 872); в Тибуре педисеква Опат вместе с мраморщиком Симмахом принес дар Ларам (XIV, 3560); в Помпеях аркарий Антерот посвятил надпись господину (X, 865). Сюда же можно добавить Примитива, раба Аллея Нигидия Мая из Помпей, видимо, также инсулария, поскольку с ним должны были договариваться желавшие нанять жилые помещения, лавки и конюшни в доме его хозяина (IV, 138). Зато по итальянским городам рассеяно весьма значительное число надписей рабов, профессии и должности которых неизвестны²³.

²³ В Поле — Асклепий, раб Антистия, Тесей, раб Гая (V, 119, 237), в Тергесте — Гермес, раб Юлиев (V, 605), в Аквилее — Аполлоний, раб Сервия Гилара, Синистр, Ктет, раб Барбиев, Марциал, Нимфодот, раб отпущенника Августа Плокама, рабы Постумей Юкунда Натал, Прокул, Талл (V, 1076, 1081, 1182, 1271, 1319, 1326, 1408), в Конкордии — Потентин, раб Филодема, отпущенника сенатора Дестиция Юбы (V, 1876), в Асоле — Верекудин, раб сенаторской семьи Рагониев (V, 2089), в Тарусии — несколько рабов тех же Рагониев (V, 2112), в Атесте — раб ветерана Аллиена сардинец Авкт, пробывший в рабстве 11 лет (V, 2500), в Вероне — Авлоген, Урбана, Поликлет, раб отпущенницы Гавии Примы, Новиций, раб Рабутиев (V, 3509, 3630, 3679), в Бриксии — раб Валерии Юсты Никетик, Акцепт, раб Юлия Таппона, Эпафра, раб Постума, Августин, раб Муциана, Секунд, раб Сея Страбона (V, 4227, 4513, 4596, 4598, 4716), в Раве — раб Весумия Бритта с дочерью Корнелией Приской исполнил обет мужским Фатам (V, 5002), в Триденте — раб Луция Гермеса, женатый из свободной Тулии Викторине, Приск, раб Болония Кара, женатый на свободной Ульпии Гетулике (V, 5044, 5041), в Медиолане — Януария и Клемент (V, 6021), в Сегуссии — раб Прим, принесший дар Гению господина Валерия Северина и Юноне госпожи (V, 7237), в Индустрии раб Мосх принес дар Гению господина (V, 7471), в Кома раб Кассиев Герман принес дар Сильвану (V, 8900), в Каллиполисе — раб Максимина Музык (IX, 9), в Брундизии — Алцим, раб Лэлия, Алцим, викарий Тиранна, Эпиктет, раб двух Гаев, Эризия, рабыня Лацены, Эвтих, раб Марцеллона Фуска, Марциал, раб Лициниана, Феб, сын вилика, Реститут, раб Вегиллии Секунды, два Сатурнина (IX, 69, 70, 106, 108, 110, 142, 163, 174, 178, 179), в Канузии — Теспида и Евтихий, Максима, рабыня Пакция (IX, 400, 419), в Венузии — Евгам, раб Помпеи Фесты, похороненный матерью Помпеей Пелагией, Прима, домородная рабыня Ауфидия Филаргира, Сатрий, раб Суперанта, и его жена Верекунда, рабыня Аппии Руфы, Сильвия, рабыня Бетиттия Прима, и ее сожитель Альфей, Валентин, раб Акувии Луцинианы (IX, 510, 557, 567, 573, 591), в Теане Апулийском — Эвпия, рабыня Ульпия Аполауста, ее сожитель и мать (IX, 709), в Эклане — раб Марцеллин и его «товарка по рабству» отпущенница Бетиттия Хлиада (IX, 1232), в Беневенте — Эпихарида и Халимара (IX, 1471, 1776), в Телезии — Марцелл и его товарка по рабству (IX, 2293), в Алифе — раб Пилада Юкунд и его сын, Виталлий, раб Сервиллии (IX, 2398, 2424), в Сепине — Пелорид и товарка по рабству (IX, 2526), в Бовиане — Энних и его товарищ по рабству (IX, 2571), в Тервенте — Каллист, похороненный господином (IX, 2609), в Эзернии — Волунтата и товарищ по рабству (IX, 2715), в Гистонии — Сопя и ее товарищ по рабству, Хрисиды, рабыня Бетулли, Гиалисс, викарий Гиацинта, раб Флавии Прокулы, похороненный кормилицей (IX, 2903, 3031, 3033), в Интерломии — Клемент и Педимен, рабы Меттии Кварты, похороненный отцом Корнелием Федимом, матерью Луциферой и братьями Апром и Океаном, Фавентин, раб Аттидии Тертуллы, Феликс, раб двух господ, Гомер, раб Альфия Лициния, похороненный сожительницей отпущенницей Меттней Приской, Муллион, раб Аккава, и его жена отпущенница

Трудно сказать, чем занимались все эти городские рабы. Многие из них принадлежали женщинам и, возможно, вели их дела, так же как и те, господа которых были людьми богатыми и знатными. Какая-то их часть, возможно, жила самостоятельно, с семьями, среди свободного плебса. Юристам бы-

Лукция Руфа, Прим, раб Тетидии, похороненный матерью Гимнидой и отцом Райем Антеротом, Секур (IX, 3051, 3054, 3055, 3057, 3059, 3063, 3066), в Сульмо — Рестут, похороненный госпожей Аннией и дочерью Анниями Трофимой и Генерозой, воспитанницами госпожи (IX, 3105), в Корфинии — Агатемериан, раб Авиллия Приска, Гезих, раб Деции Полимнии (IX, 3199, 3235), в Суперэквах — раб Атилия Серана и его товарка (IX, 3319), в Пинне — рабыня, родившаяся в районе Гадрумета, и ее товарищ по рабству (IX, 3365), в Пелтине — Феликс, раб Аррии Тигриды, похороненный коллегией (IX, 3447), Мартин, раб Блезия Лиды, похороненный госпожей, Диктоном, рабыня Септимины, и ее сестра, Юкунд, раб Цецины Вестины, похороненный женой Цецинией Примигенией (IX, 3466, 3456, 3471), в Фурфо — Улла, рабыня Нонния, его же раб Акут, Руфа, Пекулиар и Примигений, похороненные господином (IX, 3527, 3547), в Авейе — раб преторианца Песценния Максима Ресгитут, похороненный отцом Песценнием Латомом (IX, 3611), в Амистерне — Сурион, его товарка по рабству Дафнида, рабы Валерия Руфа (IX, 4301), в Форули — Клемент, раб Дидиена (IX, 4407), в Нурсии — Секунд, раб Федения Басса (IX, 4594), в Монтелеоне — Гермет, раб Бруттия Презента (IX, 4920), в Фирме пиценском — Икар, раб Тигидиев, викарии Нумизии Сильвины, Сир, раб Суэдии Дориды, погребенный вместе с Суэдией Коммунией патроном (IX, 5398, 5404, 5411), в Фалерии — Руфилла, викария (IX, 5491), в Септимпеде — Госпит, раб Мартина (IX, 5608), в Трее — Фаустина, рабыня Реммия Марцелла, похороненная сыновьями (IX, 5665), в Ауксуме — Америмн, раб Абнати Кипры (IX, 5863), в Аримине — раб Фелицион, похороненный госпожей, Феста, похороненная товарищем по рабству (XI, 437, 460), в Форуме Попилия — раб Фортунат и рабыня Метоха со своим товарищем по рабству Кларом (XI, 578, 585), в Форуме — Ливия Фелицата, похороненная товарищами по рабству Эвбулом и Примом (XI, 606), в Мутине раб Аврелии Агатоники Сабиниан сделал гробницу госпоже (XI, 880), в Парме раб менялы Агатагела Донат похоронил товарища (XI, 1069), а группа рабов сделала гробницу своему воспитателю (XI, 1074), в Луне раб Филокал принес дар Гераклу Помощнику за здоровье Помпония Ро..., рабы Приск и Гелл вместе с отпущенником Клеантом исполнили обет Юноне Юсты и принесли дар Ларам, раб Эрот похоронил свою сожительницу Пиекузу (XI, 1319, 1324, 1370), во Флоренции — рабыня Зосимена, похороненная товарищем по рабству (XI, 1655), в Арреции Сильвану Непобедимому принес дар раб Мирон за здоровье Прунициана (XI, 1821), в Перузии братья похоронили раба Латра, погибшего от укуса змеи, а раб Сулькания Гермы Агатемер похоронил свою товарку по рабству Мосхиду (XI, 2061, 2056), в Клузии — Целад, раб Турии Фаусты, Аметист, раб Альфия Гилара, Эпафродит, раб Целия Горма, женатый на Целие Перегрине (XI, 2266, 2315), в Вольсиниях — раб Тронл (XI, 2795), в Цонтумцелле была похоронена 20-летняя вифинянка Полихрония, пробывшая в рабстве 4 года, эпитафию ей сделали Валерий Максим, господин, Флавий Капитон, соотечественник, Эравлий Валент, друг (XI, 3541), в Капене раб Корнелия Харитона Абаскант вместе с господином и еще двумя свободнорожденными принес дар Сильвану (XI, 3863), в Фалериях рабыня Регины Тиха сообщает, что, родившись в сабинской земле, умерла в земле фалисков (XI, 7534), в Мевании — рабыня Лартия, похороненная господином Ауфидием Примигением (XI, 7940), в Сентине Приск, раб Гельвекатия Целера, исполнил обет, а раб Адиект похоронил свою кормилицу и товарку по рабству Венерию (XI, 5793, 8062), в Интерамне — рабыня Пробитата, похороненная мужем (XI, 4294), в Гипселле рабыню Симилу похоронил господин (XI, 5339), в Асисе раб Фосфора Панник

ла известна категория рабов, находившихся на свободе с ведома и разрешения господина. При Диоклетиане уже существовал закон, согласно которому раб, проживший таким образом 20 лет, автоматически становился свободным, но еще Марк Аврелий запретил расследовать статус умерших по истечении пяти лет после их смерти. Один из участников пира Тримальхиона рассказывает, что он сорок лет пробыл в рабстве, но никто не знал, раб он или свободный (Petg., 57). Дети таких рабов могли добросовестно заблуждаться относительно своего статуса, считая себя свободными, и лишь по какой-нибудь случайности выяснялось, что они рабы. Такие казусы также предусматриваются в законах.

Некоторые рабы располагали средствами, достаточными не только для сооружения гробниц, но и для различных приношений богам. Диспенсаторы, видимо, нередко становились организаторами фамильных коллегий и делали им подарки²⁴. Актор Муммии Леониллы Аристид принес дар Гераклу (VI, 272), актер Пезон с дочерью Пезузой — Юноне и Долихену (VI, 365, 366), диспенсатор Дафн — Сильвану (VI, 649), так же как и актер Аврелия Веряна Секур (VI, 688); диспенсатор и негоциатор Флавиан принёс дар Гераклу (VI, 3686, 30902); актер Орфита Кресцентин по обету выстроил в храме Сильвана вестибул (VI, 3714), актер двух Юлиев Эффикакс выстроил портик (VI, 9112), актер Онесим принес дар Изиде (VI, 30997).

и раб Прима Примигений сделали за свой счет алтарь Янусу (XI, 5374), в Пизавре Юпитеру Серену исполнили обет рабы Сева, Артемон и Ронэ (XI, 6312), а Фауст, раб Версенния, за счет своего пекулия поставил статую в храме Приапа (XI, 6314), в Регии Юлия — рабы Тезей и Эпагат (X, 9, 12), в Докрах эпитафию Алимме сделали отец и товарищ по рабству с разрешения господина (X, 26), в Грументе — раб Авкт (X, 247), в Вольцеях — Клементилла, похороненная товарищем по рабству (X, 425), в Нуцерии — Герма, похороненный товарищем по рабству (X, 1094), в Путеолах раб Регула Асклепиад сделал гробницу товарке по рабству Эвхе, Калибене и Филодему; Пол похоронил Цесонию Лукцею, названную им товаркой по рабству, там же эпитафии товарке по рабству Кале, рабу Фебу от господ, викарию Кресцента, рабу Деметрию от госпожи, Гаме от товарища по рабству, Галее, рабыне Ортогены, Гелиодору от госпожи, Лацене от товарища по рабству, Юлии Пепузе от мужа раба Лула, рабу Кальвизия Тулла, деда Марка Аврелия, Юнии Зосиме от мужа Фауста, раба Юния Гемелла Препузе от товарища по рабству, Профутуру от госпожи, рабыни Абасканта Ресституты (X, 2199, 2203, 2297, 2349, 2363, 2471, 2494, 2496^a, 2515, 2625, 2630, 2890, 2896, 2914), в Капуе — Гилар, раб Клодия, «любившего господина и услужливого к друзьям» (X, 4167), в Формиях раб Эрот сделал гробницу себе и господину (X, 6181), в Террацине раба Карпофора похоронили товарищ по рабству и сынновья (X, 6352), в Акции эпитафия Кладу от двух товарищей по рабству (X, 6711), в Остии эпитафии рабу Агатоу, сделавшему гробницу жене и своим (XIV, 551), Эргилии Фелицитате от товарища по рабству Карпофора, Гомонеи (XIV, 1463). В Пренесте раб Нот принес дар Фортуне за выздоровление (XIV, 2862).

²⁴ CIL, VI, 561, 9320—9323; XI, 7092.

Интересны надписи трёх акторов — Кресцентиана, Тихия и Флора, исполнивших обет Гераклу (VI, 306) и осуществивших какое-то аналогичное мероприятие четырех диспенсаторов разных господ (VI, 9319).

Возможно, иногда, теряя непосредственную связь с фамилией, такие рабы объединялись с товарищами по профессии.

Весьма активными в делах культа были вилики. Служившие при амбарах вилики Пирам и Фосфор вместе с двумя свободными принесли дар Сильвану (VI, 36786), вилик Ливiana Алцим принёс дар Солнцу (VI, 718), вилик Артемидор — Фортуне (VI, 203), вилик императорского отпущенника Гилар — Сильвану (VI, 586), Онесим, вилик Атилия, подарил коллегии Сильвана кратер с постаментом (VI, 612), другой Онесим принёс дар Сильвану вместе с товарищами по рабству (VI, 36823), вилик Гигин вместе с Квинтием Зосимом отремонтировал старую статую Сильвана и сделал новую, мраморную (VI, 615), обет Сильвану исполнили вилики Тихик, Аст, Каррист (VI, 623, 662, 666), вилики Геврет и Каллиморф отремонтировали храм Сильвана, а Хресип и Тит сделали статую (VI, 679), вилики Валерия Евфранид и Пергам принесли дар Сильвану Восстановителю (VI, 696), в 154 или 177 г. Виктор, вилик Мецианских владений, с товарищами по рабству принёс дар Митре (VI, 745); вилик Абаскант совместно с Флавием Трофимом, Флавией Луциской и Запоном принёс дар богине Надежде (VI, 758), викарий вилика Косма Гермес принёс дар коллегии Возвращенной Фортуны (VI, 10251). Как видно из приведённых выше надписей, найденных в итальянских городах, рабы и там посвящали богам дары.

Можно полагать, что те рабы, которые обладали пекулием, вели дела довольно самостоятельно. В одной табличке из Геркуланума (А. е., 1952, № 162), представляющей собой акт на покупку раба за 900 сестерциев, даёт обязательство уплатить и вносит деньги Гамилл, раб Вибии Прокулы, причем, судя по контексту, он действует не от имени госпожи, а от своего имени. В помпеянских табличках рабы обычно действуют от имени господ. Так, в табличке от 15 г. Филадельф вносит от имени господина Цецилия Феликса 520 сестерциев за мула, купленного отпущенником Помпонием Никоном у отпущенника Церрения Евфрата, с переводом долга на господина Филодема (CIL, IV, 3340¹). В 56 г. раб Попидии Вестал получил у Цецилия Юкунда причитавшиеся ей за распродажу ее рабов деньги (IV, 3340²⁰); в том же году 645 сестерциев получил у Цецилия Юкунда, раб Умбриции Антиохида, за распродажу её вещей (IV, 3340²³).

Иногда долг рабу взыскивается от имени господ. Так, раб Юния Аквилы Нимфий в 54 г. выдал Цецилию Юкунду расписку в получении 1567 сестерциев за распродажу с аук-

циона его вещей, но даёт эту расписку по поручению господина (IV, 3340⁷). В недатированной табличке Истрия Ихимодис расписывается в получении с Цецилия Юкунда 6456 сестерциев за распродажу с аукциона вещей ее раба (IV, 3340²²). В 56 г. Умбриция Антиохода получила у Цецилия Юкунда 6252 сестерция за аукцион имущества ее раба Трофима (IV, 3340²⁴). В одном только случае раб выступает и от своего имени: в табличке от 54 г. Сальвий, раб наследника Насенния Нигидия Ваккулы, даёт расписку, что получил от Цецилия Юкунда 3059 сестерциев за продажу его вещей с аукциона (IV, 3340⁶). Любопытно, что в уставе коллегии Дианы и Антиноя из Ланувия (CIL, XIV, 2112) упоминаются рабы, не оставившие завещания (*tabellae*). Видимо, хотя юридически никакой силы завещание раба не имело, фактически они в какой-то мере могли своим пекулием распоряжаться. Как известно, Плиний Младший, хвалясь своим гуманным отношением к рабам, пишет, что позволял им составлять некоторое подобие завещания, с тем чтобы свое достояние они распределяли внутри фамилии (*Epist.*, VIII, 16). Возможно, что рабы, работавшие на стороне и с фамилией мало связанные, имели более широкие возможности.

Таким образом, среди городских рабов, как занятых в ремесле или торговле, так и работавших непосредственно в господских хозяйствах, дифференциация становилась всё более резкой. Часть рабов наживала более или менее значительные состояния и, если то были приближённые рабы видных лиц, пользовалась известным влиянием и самостоятельностью. Мы не имеем данных, чтобы судить об изменениях удельного веса труда рабов в ремесле. По общепринятому мнению, итальяское ремесло после расцвета в I в. н. э. постепенно приходит в упадок: прекращается выделка арретинской керамики, изделия в других отраслях становятся более грубыми, рассчитанными скорее на массовый сбыт, чем на художественный вкус. Трудно сказать, объяснялось ли это состоянием рынка или несовершенством рабского труда. Думается, что действовали обе причины. Правда, рабы-ремесленники, особенно квалифицированные, были более самостоятельны, чем сельские рабы, и более заинтересованы в результатах своего труда. Но распространение, которое получают в период ранней империи сдача и наём рабов, позволяет полагать, что заинтересованность эту приходилось все время стимулировать и что особенно ощутимых результатов такие стимулы не давали.

В развитии практики найма работников такие исследователи, как Уэстерманн и его последователи, видят один из симптомов угасания рабовладельческих отношений и чуть ли не приближения к отношениям капиталистическим. Однако наёмный труд в Риме ни о каком зарождении последних свидетель-

ствовать не может. Поступая на работу к постороннему лицу, рабы все же оставались рабами, а свободные, именно по мере распространения сдачи рабов в наем, все более с ними сближались, что достаточно известно как из приводившихся выше высказываний юристов о тех, кто *bona fide serviunt*, так и из положения *humiliores* в конце II и в III в. Положение было то же, что и в сельском хозяйстве: появление или распространение отличных от, так сказать, классических форм эксплуатации рабов вело к их расслоению, к сближению какой-то их части со свободными, но, с другой стороны, обуславливало втягивание масс свободных в сферу действия рабовладельческих отношений.

Особенно характерно сближение свободных трудящихся плебеев с рабами в сфере наказаний за разные проступки и преступления. Так, за порчу надписи, содержащей выставленный ко всеобщему сведению закон, члены высших сословий платили штраф, рабов же и тех, кто работал вследствие нужды, пытали (Dig., II, 1, 7, 3). Наемного работника, причинившего нанимателю ущерб или обокравшего его, тот, так же как раба или отпущенника, должен был наказывать сам, не обращаясь в суд²⁵. Согласно юристу конца III в. Гермогениану, бедняк, имевший менее 50 золотых, не мог выступать обвинителем на суде (Dig., XLVIII, 2, 10), а следовательно, и в этом отношении приравнивался к рабам. Юрист Мацер сформулировал общее положение, согласно которому рабы караются по примеру *humiliores*. Если последнего за что-нибудь бьют палками, то раба секут розгами. Если, кроме порки, плебей ещё приговаривают к общественным работам, то раба отдают хозяину, с тем чтобы он в течение такого же срока держал его в оковах; если же господин его не хочет брать и на него не находится покупателя, раба тоже отдают для общественных работ (Dig., XLVIII, 19, 10). В III в. плебеев иногда сжигали, как рабов, злоумышлявших на господ (Dig., XLVIII, 19, 28, 11). Как мы видели выше, императорам в III в. приходилось неоднократно разъяснять, что «рабская служба» не делает человека рабом. Следовательно, на практике наниматели считали, что наемник в общем от раба не отличается. Таким образом, если часть рабов подтягивалась до положения свободных плебеев, то последние опускались до положения рабов. О вытеснении рабовладельческого способа производства каким-то иным, основываясь на распространении в ремесле наёмного труда, в таких условиях говорить не приходится.

Не говорит о падении значения рабского труда и сокращение числа рабов-слуг. Вообще уменьшение городских фамилий

²⁵ *Gai.*, Inst., IV, 78; Dig., XI, 1, 13, 1; XLVII, 2, 17; 2, 90; XLVIII, 19, II, 1; CJ, IV, 14, 6.

несомненно. В I в. н. э. они, как и в конце республики, были очень велики. Об этом свидетельствуют как надписи из колумбариев, так и отдельные упоминания у авторов. Гораций пишет о некоем Тигеллии, у которого было то 10, то 200 слуг (Sat., I, 3). Претора Тиллия обвиняли в скупости за то, что по дороге в Тибур его сопровождало всего пять рабов (Sat., I, 6). В городской фамилии Педания Секунда насчитывалось 400 человек. По словам Ювенала, адвокат, чтобы преуспеть, должен появляться в сопровождении не менее, чем восьми рабов (VII, 140). Даже осужденным сенаторам оставляли сопровождавших их в изгнании слуг, число которых Август установил в 20 человек²⁶. Калигула, выслав Кальпурния Пизона, позволил ему иметь 10 рабов, но затем по его просьбе увеличил их число²⁷. Тацит считал, что городские фамилии уменьшились со времени правления Флавиев, когда в сенат вошли многие представители италийских муниципий, не привыкших к такой роскоши, какой отличалась римская знать, и следовавших в этом отношении примеру самого Веспасиана²⁸. Мы не имеем данных для II в. У Плиния Младшего на вилле было, видимо, немало слуг. Он упоминает специально выстроенное для них солнечное помещение с гимнасием, дортуар малолетних рабов, рабов, с которыми он прогуливается после обеда, так как среди них имелось немало образованных людей (Ер., II, 17; VII, 27; IX, 36). Однако число его слуг на вилле и в городе неизвестно. В SHA поражает незначительность обслуживающего персонала, который получали различные высокопоставленные особы вместе с другими выдачами от государства. В данном случае не имеет значения, подлинны ли приводимые авторами SHA документы, так как если они и выдуманы, то выдуманы все же на основании того, что можно было наблюдать в действительности. Так, биограф Александра Севера сообщает, что президы провинций получали по одному повару, одному погонщику мулов и одной рабыне-наложнице²⁹; Валериан, назначив Клавдия дуксом для обороны Пелопоннеса, дал ему одного повара, одного погонщика мулов, двух наложниц, одного нотариуса, одного возничего, водоноса, рыбака, кондитера, банщика и двух охотников³⁰. По сравнению с I в. это, конечно, совершенно ничтожный штат.

Однако сокращение городских фамилий вызывалось, скорее всего, не нехваткой рабов, а трудностью их содержания. Уже Тиберий сетовал на то, что для содержания господ и их многочисленных рабов приходится надеяться на провинции³¹. Юве-

²⁶ Plin., Ер., III, 16; Dio Cass., 56, 27, 3.

²⁷ Dio Cass., 59, 8.

²⁸ Tac., Ann., III, 55.

²⁹ SHA, Alex. Sev., 42, 4.

³⁰ SHA, Claud., 14.

³¹ Tac., Ann., III, 54.

нал жалуется, что прокормить и одеть рабов стоит очень дорого (III, 166—168; IX, 62—69). Об этом же пишет и Сенека (Ер., 17; *De tranquill. an.*, 8). Для городских фамилий приходилось покупать и пищу, и одежду. Так, в Лигурии и Плаценции производилась на продажу шерсть для одежды слуг, по словам Марциала, занимавших в фамилии не первое место³²; в Галлии покупался пурпур для окраски одежды рабов³³. Рабов привилегированных, очевидно, одевали в более дорогие одежды, покупали им украшения и т. п. Недаром Плиний Старший иронизирует по поводу того, что в его время даже рабыни требуют серебряных зеркал, а рабы привыкли носить кольца, тогда как в старину кольца носили только свободные, матроны же довольствовались простыми оловянными зеркалами. Недостаток наличных денег, видимо, и ограничивал во II—III вв. размеры челяди.

Как уже говорилось, с середины I в. исчезают большие семейные колумбарии. Тем не менее домашние коллегии продолжали функционировать и в это время. Такая коллегия имелась, например, во владениях претора начала II в. Ларгия Македона: некто Флавий Сукцесс, возможно, клиент Македона, с семьёй принесли ей в дар изображения Юпитера, Минервы и богинь Фат (CIL, VI, 404). Известна коллегия в доме Сергии Паулины, дочери консула 168 г. Эта коллегия сделала надгробие рабу Кердону и казначею Гермероту через посредство его братьев Агатемера и Хреста Арескона (VI, 9448, 10260—10264). Фамилия Симилия, префекта претория времён Траяна, совместно посвятила надпись его Гению (VI 259). Декурионы фамилии А. Лициния Сильвана соорудили вместе с его отпущенниками гробницу (VI, 10258). Отпущенник Лициний Гилар, трижды бывший магистром в коллегии Лицинии Полы, сделал за свой счет надгробия для коллегии и соотпущенников (VI, 33428). Выше уже упоминались дары диспенсаторов коллегиям, кубикуларий Анхиал, занимавший в семейной коллегии трижды должность квестора, эдила и принятый по желанию фамилии и декурионов в число последних (VI, 9288), и кубикуларий Панклит, эдил фамилии, сделанный по декрету декурионов промагистром-судьей, которому фамилия собрала деньги (VI, 9289) то ли на погребение, то ли чтобы помочь ему внести какую-то сумму, возможно взимавшуюся с фамильных магистратов, так же как с магистратов городов и коллегий «маленьких людей». Магистры какой-то домашней коллегии принесли дар фамильным Ларам (A. e., 1909, № 55).

Домашние коллегии существовали и в италийских городах. В Стабиях Антерот, казначей Л. Гераклея, будучи магистром,

³² *Strabo*, V, 1, 12; *Mart.*, XIV, 158.

³³ *Plin.*, N. H., XVI, 31, 2.

принес дар семейным Ларам (CIL, X, 773); в Пuteолах два раба были похоронены коллегией Валериановой фамилии (X, 1588); в Аквине почитатели Геракла Победителя из Домициевых владений имели свое место погребения, полученное в дар от двух Антимизиев — Приска и Присциана (X, 5386); в Луцерии эпитафию Петроние Октавие сделала городская фамилия (IX, 825), видимо, также организованная в коллегию; в Анксане магистр Дракон принес в дар семейным Ларам часовню с изображением (IX, 2996); в Новом Форуме отпущенник консула 76 г. Фульфия Гилла Фульвий Лет был похоронен декурионами дома его патрона (IX, 4794); сам же патрон принес дар семейным Пенатам, возможно, служившим объектом почитания коллегии (IX, 4776).

Распространение семейных коллегий как в имениях, так и в городских домах показывает, что владельцы в своих хозяйствах в некотором роде подражали политике, проводившейся императорами в общегосударственном масштабе: создавали видимость известного демократизма и возможностей продвижения по лестнице почетных должностей, выдвигали одних, чтобы легче держать в узде других, старались поставить под контроль не только действия, но и мысли и интересы своих подчиненных. В этом смысле особенно характерно тождество религиозной политики «отцов отечества» и «отцов семейств». И те и другие обязывали подданных считать самым священным культ своего Гения. Трималхион распял раба, оскорбившего его Гения³⁴; клятву Гением господина упоминает Сенека (Ер., 12). Плиний Старший говорит о новом обычае, согласно которому отпущенники посвящают статуи Гению патрона. Посвящения от рабов и отпущенников Гениям господ хорошо засвидетельствованы эпиграфически (CIL, VI, 257, 259, 3684; V, 1868, 6502, 7143, 7237, 7238, 7471, 7505; X, 860, 861; XI, 356).

С Гением господина в фамилии сочетались Пенаты и Лары, как в государстве с Гением государя — исконные римские боги капитолийской троицы, а несколько позже — богиня Рома. И подобно тому как для граждан во время империи всякое божество становилось Augustus и Augusta, в семейных культах боги получали эпитеты, произведенные от имен господ или названий их имений. Мы знаем такие эпитеты Геракла, как Cosselianus, Fundanus, Aelianus, Romanillianus, Aemilianus, Frontonianus, Esichianus; Фортуны — Crassiana, Flavia, Iuveniana Lampadiana, Torquatiana, Tulliana, Claudia Iusta, Domus Furianae; Сильвана — Naevianus, Flaviozum и т. д. Такое внимание к организации духовной жизни рабов было новым явлением по сравнению с временами республики. Вместе с тем оно сопровождалось постепенным отстранением рабов от участия в организациях плеб-

³⁴ *Petron.*, 53.

са, в которых городские рабы I в. до н. э. играли столь заметную роль.

Как известно, согласно установлению Августа, рабы наряду с отпущенниками и свободнорожденными плебеями участвовали в культе компитальных Ларов, занимая должность министров, как это имело место и при республике. Первое время установление это соблюдалось. В Риме во 2 г. до н. э. Ларам квартала *Statae Matri* принесли дар министры 6-го года, рабы разных господ Феликс, два Флора и Поликлет (А. е., 1907, № 16). Проб, раб Фиктора Фауста, министр 31-го года, вторично отправлявший эту должность, принес дар Эскулапу (CIL, VI, 12); отпущенник Лаберий Феликс, магистр и раб двух Нунниев Терций, министр 52-го года, принесли дар Аполлону (VI, 35). Более поздние римские надписи компитальных магистров и министров уже имен рабов не содержат. В Помпеях до введения культа Ларов отпущенники и рабы отправляли должности магистров и министров Меркурия и Маи. К 3 г. н. э. относится первая надпись министров Ларов, рабов разных господ: Агатемера, Суависа, Пота и Антерота, принесших дар Фортуне по приказу дуумвиров (X, 824); в том же году министрами были один свободный и один отпущенник — Децидий Ауст, парфюмер (X, 892). В 23 г. министрами были четыре раба разных господ: Ювент, Феликс, Нимфодот и Сперат (X, 895); в 32 г. — четыре раба: Филипп, Януарий, Юкунд, Аукт (X, 899); в 34 г. — один свободный и два раба: Фроним и Плацид (X, 901); в 56 г. — один свободный и два раба Олия Примма: Марциал и Примигений, которые принесли дар Фортуне по приказу дуумвиров (X, 826). В недатированной надписи все три министра свободные (X, 827); в другой два министра — рабы (X, 908); наконец, известен еще министр Аполлоний, раб Бадиа Прима (X, 907). В Субурбанском паге Помпей первыми министрами в 7 г. до н. э. были четыре раба, из которых один, Дама, принадлежал Агриппе Постуму, другой, Антерот, дуумвиру Стаю Руфу (X, 924); известны магистры пага Агатемер и Геракла, видимо, рабы, принесшие дар Ларам (X, 927).

Отдельные сведения о рабах-министрах и магистрах Ларов и других богов дошли еще из некоторых городов. В Неаполе в I г. н. э. магистрами Ларов, сделавшими за свой счет их изображения, были два либертина и два раба: Содал и Эсхин (X, 1582); в Калах недатированная, но, вероятно, ранняя надпись перечисляет 13 министров-рабов богини Благоразумия (*Mens Vona*); шесть из них принадлежали известной из других надписей видной местной семье Витрасиев, трое — Марсию и двое — Клодию (X, 4636); в Венафре фрагментированная надпись магистра-раба Недима датирована 32 г. (X, 4847), впоследствии Недим был отпущен на свободу своим господином Секстом Авлиеном, примипиларием и трибуном легиона при Августе и Тиберии, дуумвиром Венафра (X, 4868); в Анции в надписи, датированной име-

нами дуумвиров, свободные магистры, квесторы и министры-рабы Терпи, Эрот, Нот и Никефор сообщили, что построили за свой счет каменную часовню и первыми устроили игры (X, 6679); Эрот был рабом Норбана, по-видимому, из известной сенаторской семьи I века. В Цере между 30 и 14 гг. до н. э. магистры соорудили алтарь Сильвана Марса, из них 10 были либертины, трое — рабы (XI, 7602). В Аквилее дар Ларам принесли магистры, из которых несколько были отпущенниками и по крайней мере трое рабами (V, 792). В Юлии Карнике 10 магистров, из них 9 либертинов и один раб, Гилар, выстроили за свой счет храм Гераклу при магистрах квартала отпущенниках Эрбонии Дифиле и Квиетиллии Донате (V, 1830); возможно, сами дедиканты являлись магистрами другого квартала. В Вероне в I в. до н. э. три свободнорожденных магистра и министры-рабы Бланд, Муран и Аукт за свой счет перестроили перекресток и подарили Ларам крытое святилище (V, 3257). В Поле сохранился отрывок надписи магистров, соорудивших алтарь, из них трое были либертинами, один свободнорожденный и трое — рабами (V, 8252). В Тибуре в недатированной, но ранней надписи три раба-министра, один из которых принадлежал Латерану, отремонтировали святилище Геракла (XIV, 3562). В Пинне три магистра — один свободнорожденный, один либертин и один раб — выстроили за свой счет лестницу (IX, 3359). В Супине раб Деция Милант и его коллеги-магистры отремонтировали трибунал Геракла, театр и просцениум и дали двухдневные сценические игры (IX, 3857). В Анконе известен министр раб Юлия Мелиора Александр (IX, 5898); в Каудии — три раба-магистра Ларов, из них двое принадлежали Постумию (IX, 6293). В Интерамне магистры Ларов рабы Гел, Метродор, Артемидор, Ком, Филосторг и Бит вместе с кваттуорвиром города Л. Литтой принесли дар богу Весоннию (A. e., 1911, № 204). В Альтине магистрами были три отпущенника и три раба (A. e., 1958, № 13). В Корфинии рабы-министры Гилар, Руфин Филаргир и Дама соорудили алтарь богу Фонту (A. e., 1903, № 157).

Как видим, большинство из приведенных надписей, которые датированы или поддаются датировке, относятся к началу империи, когда рабов, особенно рабов более или менее видных лиц, привлекали к участию в культе Ларов. Затем эта практика постепенно сходит на нет. Надписи рабов, занимавших должности министров и магистров других богов, немногочисленны. В Тудере Квиета, рабыня Аттии Пиериды, была магистрой Доброй Богини (CIL, XI, 4635). В Форуме Семпрония дар Аполлону с женой и каким-то Титиром принес диспенсатор Аллия Кордиллы, магистр неизвестного бога (XI, 6108). В Фурфо рабыня Сперата вместе с двумя свободнорожденными и одной отпущенницей была магистрой Венеры (IX, 3518). В Альба Фуценс рабы были магистрами Благоразумия (IX, 3910, 3911). Министрами бога Фон-

та, в Риме между 69 и 166 гг., при свободнорожденных магистрах были рабы (VI, 154 — 166; А. е., 1958, № 262).

Немногочисленны и данные об участии рабов в коллегиях, не связанных с фамилиями. На одном алтаре из Рима, относящемся к началу нашей эры и стоявшему, по предположению Гуммеруса³⁵, в школе коллегии плотников наряду с изображениями Минервы и различных инструментов, имеется надпись: министры второго пятилетия и четыре имени рабов, принадлежавших Юлиам Милону и Амфиону, Антонию Андронику и Фикторию Флакку (CIL, VI, 30982). В Остийском списке коллегии корабельных плотников на 360 имен приходится три имени рабов разных господ, вероятно, имевших свои мастерские (XIV, 256). В Риме Онезим, раб Атилла, входил в коллегия Сильвана, который подарил кратер с постаментом (VI, 612). Возможно, из рабов состояла коллегия Сильвана Могучего, 96 сочленов которой, выстроивших богу храм, носили, как рабы, только одно имя (VI, 647). В Пельтине коллегия Сильвана участвовала в погребении дочери раба и рабыни Цессии Аканта (IX, 3526). Там же какая-то другая коллегия сделала надгробие Феликсу, рабу Аррии Тигриды (IX, 3447). В Тускуле погребальная коллегия сделала надгробие Кресценту, рабу Силия Италика (XIV, 2653). Несколько рабов занимали различные должности в римских погребальных коллегиях: декурионы коллегий (VI, 10369, 10377); Ликс, квинквеннал, с общего согласия избранный декурионом и куратором коллегии и сделавший ей ограду (VI, 10333); Лукрион, трижды магистр (VI, 10315); викарий вилика Гермес сделал какой-то подарок коллегии Фортуны (VI, 10251). Одна надпись из Остии содержит имена двух императорских, трех частных рабов и шести свободных, из которых четыре носят имя Сервилиев, осуществивших совместно какое-то мероприятие (XIV, 204), но неясно, принадлежали ли они к какой-то коллегии или составляли частную группу. Надпись из Аквилей, датированная 165 г., представляет собой посвящение Меркурию от ряда свободных и шести рабов, но это вряд ли были члены коллегии, так как надпись датирована именами публиканов (V, 798); скорее всего, то было объединение служащих при каком-то откупном ведомстве.

Любопытна одна надпись из Остии, сделанная на свинцовой табличке и представляющая собой перечень 14 имен горничных разных владелиц (А. е., 1911, № 195). Вряд ли это проклятие, так как трудно себе представить, по какому случаю кто-то мог предать проклятию этих рабынь. Может быть, скорее, они входили в некое объединение, имена членов которого и были записаны на табличке. В таком случае можно полагать, что существовали какие-то подобию коллегий рабов разных господ, но одной

³⁵ H. Gummerus. Darstellungen aus dem Handwerk auf Römischen Grab- und Votivsteinen aus Italien.— JDAI, 1913, v. 28, p. 102.

специальности. Однако так как остийская надпись уникальна (если не считать упоминавшейся выше совместной надписи четырех диспенсаторов), то ничего определенного по этому поводу сказать нельзя. Вообще же участие рабов в общих с либертинами и свободными коллегиях очень незначительно по сравнению с последним веком республики.

Какого-либо общего запрещения принимать рабов в коллегии маленьких людей не было. Известный устав от 136 г. ланувийской погребальной коллегии Дианы и Антиноя предусматривает членство в коллегии рабов. Их принимали, если они могли, так же как и другие сочлены, внести в виде вступительного взноса 100 сестерциев и амфору вина и ежемесячно вносить 5 ассов. Согласно уставу, к коллегии не могли иметь претензии патроны и господа ее членов по поводу этих взносов. Если раб умирал и из-за «несправедливости господина» не был похоронен должным образом, коллегия устраивала ему мнимое погребение. Раб, получивший свободу, должен был угостить коллег амфорой хорошего вина. Так как магистры коллегии назначались по списку членов, в их число, естественно, попадали и рабы. Магистры обязаны были устраивать трапезы в дни, посвященные Диане и Антиною, в дни рождения патронов города и коллегии. Для трапез они выставляли по амфоре вина, по четыре сардины и по два асса хлеба на человека, обеспечивали сотрапезникам воду и обслуживание. Магистр, не выполнивший своих обязанностей, облагался штрафом в 300 сестерциев (CIL, XIV, 2112). По словам юриста III в. Марциана, в коллегиях «маленьких людей» рабов можно было принимать только с разрешения господ; если кураторы коллегий примут рабов без такого разрешения, то будут караться штрафом в 100 золотых за каждого человека (Dig., XLVII, 22, 3, 2). Видимо, это был новый закон, изданный в конце II или начале III в. В вышеприведенном уставе о нем ничего неизвестно, напротив, рабам гарантируется некоторая самостоятельность. Тем не менее рабы в коллегиях участвовали мало.

Думается, объяснялось это разными причинами. Господа могли неохотно отпускать рабов в коллегии, предпочитая держать их дома под надзором, что и привело к изданию закона о приеме рабов в коллегии только с разрешения господ. Для рабов, не имевших средств или имевших их очень мало, вступительные взносы и расходы, связанные с магистратурами, были обременительны, рабы же состоятельные не стремились участвовать в коллегиях. Несмотря на сближение рабов и плебса, далеко не все коллегии принимали рабов. Так, устав римской коллегии Эскулапа и Гигии от 153 г. членство рабов исключает (CIL, VI, 10234). Кстати сказать, такая дискриминация рабов видна и из других примеров. Среди огромной массы надписей о различных раздачах и подарках городскому плебсу только в двух упомянуты рабы: дуумвир и патрон города Суасы Октавий Руф, выстроив город-

скую баню, оговорил, что там могут даром мыться не только граждане и приезжие, но и их рабы (XI, 6167); в надписи из Ферентина жертвователю дает деньги на раздачу орехов и сладкого напитка всем городским детям, как свободным, так и рабам (X, 5853). Как мы увидим далее, в семейных гробницах либертинов никогда не упоминаются рабы, хотя невероятно, чтобы никто из их родных не оставался в рабстве или чтобы господа не разрешали хоронить рабов вместе с отпущенными на волю родственниками. Видимо, даже бывшие рабы отделяли себя от еще пребывавших в рабстве. В таких условиях и сами рабы могли не слишком стремиться входить в организации свободных.

Наконец, имело значение и общее положение в империи. При республике коллегии были активной политической силой, их старались привлечь на свою сторону, так же как плебс и городских рабов, различные претенденты на власть и влияние. В первое время императоры продолжали ту же политику. Но постепенно они переставали интересоваться массами плебса и сосредоточивали все внимание лишь на его верхних слоях, к которым принадлежали и богатые отпущенники. Вряд ли можно считать случайным, что по мере возвышения организаций этих слоев — севиоров августалов, различных ремесленных коллегий, объединявших владельцев мастерских и т. п., — падало значение квартальных организаций компитальных Ларов и других коллегий низших слоев городского плебса. И сами низы уже не очень охотно участвовали в коллегиях, поставленных под строгий контроль и превратившихся по существу в корпорации для прославления императоров, патронов и «благодетелей», т. е. в орудие морального воздействия правительства.

Из всего изложенного можно заключить, что в первые века империи продолжался и усиливался процесс дифференциации городских рабов, начавшийся уже в конце республики. Низы рабского городского населения, работавшие в качестве слуг, ремесленников в мастерских господ и посторонних лиц, нанимавшиеся на подсобную и черную работу, вели довольно жалкое существование, не имея средств ни на участие в культе, ни на оставлявшие по ним память надгробные надписи, лишь изредка участвуя в общих со свободными коллегиях и не играя никакой роли в коллегиях фамильных. Напротив, привилегированные рабы-институты, деловые агенты господ, приближенные слуги — имели более или менее значительные пекулии (включая собственных рабов), вели различные дела, занимали почетные должности в фамильных коллегиях, рождались со свободными, сплошь да рядом и сами жили, как свободные одной с ними профессии и положения. В особенно выгодном положении оказывались рабы высокопоставленных господ, перед которыми открывались возможности выдвинуться, если им удавалось завоевать расположение владельцев.

Глава четвертая

ЧАСТНЫЕ ВОЛЬНООТПУЩЕННИКИ

Число отпущенников в Италии в период ранней империи было чрезвычайно велико. В некоторых районах до 75% всех надписей принадлежит либертинам. Правительство чем далее, тем более старалось всячески облегчить отпуск рабов на волю. Общественное мнение, во всяком случае среди высших кругов, также склонялось в пользу максимального развития отпущенничества. Плиний Младший, сам давший свободу многим рабам, одобряет своего тестя Фабата, воспользовавшегося визитом проконсула, чтобы оформить виндиктой отпуск рабов, прежде отпущенных *inter amicos*. «Я жажду, — пишет он, — чтобы на нашей родине умножалось все, особенно же число граждан, ибо в этом состоит прочнейшая опора городов» (Ер., VII, 16; 32). Дион Кассий приписывает ту же мысль Августу: в речи, обращенной к нежелающим вступать в брак и иметь детей, Август укоряет их в недостаточной заботе об увеличении числа римлян и ссылается на практику освобождения рабов, благодаря которой становится больше граждан (56, 7, 6). Слова эти противоречат общеизвестным и отмеченным самим же Дионом Кассием мероприятиям Августа по ограничению вольноотпущенничества, но, видимо, созвучны точке зрения крупных собственников II — начала III в., к которым принадлежали и Дион Кассий, и Плиний Младший. Приводимая ими мотивировка — забота об увеличении числа римских граждан — конечно, не исчерпывала причины массового отпуска рабов и скорее служила неким идеологическим оформлением явления, обусловленного иными обстоятельствами, различными в разных случаях.

Попытки найти в данном случае какую-то общую причину затрудняются как несходством положения и целей различных слоев рабовладельцев (крупные и средние землевладельцы, собственники торговых и ремесленных предприятий разных размеров), так и крайним несходством положения отпущенных на волю рабов с точки зрения их имущественного, социального и правового положения. Даже оставляя в стороне императорских отпущенников, о которых речь пойдет в следующей главе, мы имеем здесь целую лестницу, на верхней ступени которой стояли бо-

гательшие собственники, получившие «право кольца», что приравнивало их к свободнорожденным во всем, за исключением обязанности выделить патрону часть своего имущества по завещанию; на нижней же ступени — оплетённая множеством обязательств относительно бывших господ масса рядовых отпущенников, часть которых, отпущенные *inter amicos*, стояла ближе к рабам, чем к свободным. Между ними находились люди разных профессий, занятий, образа жизни, благосостояния. Однозначное решение для всего пёстрого сословия либертинов, очевидно, невозможно.

С точки зрения юридической, либертины делились на две основные категории: отпущенные с соблюдением установлений закона Элия—Сентия (принятого при Августе) и прежде действовавших юридических формальностей, т. е. виндиктой, по цензу, по завещанию, и отпущенные *inter amicos*, или вопреки закону Элия—Сентия, нормировавшего возраст отпускающего господина (не менее 20 лет) и отпускаемого раба (не моложе 30 лет). Исключения из этого закона допускались лишь с разрешения специальных, рассматривавших такие дела советов. В Риме советы состояли из пяти сенаторов и пяти всадников; в провинциях — из 20 рекуператоров, римских граждан. Советы удовлетворяли ходатайство господ и признавали причину манумиссии законной, если отпускаемые рабы были фактическими родственниками хозяина (дети, братья, сестры), их педагогами, кормилицами, воспитанниками; если патрон намеревался жениться на бывшей рабыне, назначить раба прокуратором; если свобода давалась в награду за какую-нибудь выдающуюся услугу; если господин хотел отпустить раба в предвидении грозящей его жизни опасности. Отпущенные без санкции совета, или *inter amicos*, становились не римскими гражданами, а попадали в категорию так называемых *latini Juniani*. Их нельзя было вернуть в рабство, но они не могли наследовать иначе, как по фидеикомиссу, и составлять завещания, так как их имущество, подобно рабскому пекулю, после их смерти отходило господину¹.

К сожалению, ни литературные, ни эпиграфические источники не дают нам никаких дополнительных сведений о либертинах этой категории, и мы не можем установить, в каких именно случаях владельцам было выгодно включить в нее своих рабов и каковы были ее численность и удельный вес в сословии отпущенников.

Рабы, отпущенные с дозволения советов, или с соблюдением норм закона Элия—Сентия и в присутствии магистрата — претора, проконсула, легата — хотя бы отпуск произошёл на улице, по которой магистрат в это время проходил, или в бане, где он

¹ *Gai.*, *Inst.*, I, 19—24; II, 275; III, 56—58; *Scaevol.*, fr. 5; 6; 8; *Ulp.*, *Fragm.*, I, 7—10; XXV, 7; *Dig.*, XL, 2, 9; 11, 74.

мылся (Dig., XL, 2, 7.), — становились римскими гражданами. Муниципальные повинности они несли в тех городах, из которых происходили их патроны, но по желанию могли быть вместе с патронами или без них кооптированы в число граждан другого города и должны были тогда нести повинности в обоих городах². Столь острый во времена республики вопрос о распределении отпущенников по всем или лишь по нескольким трибам при империи, в связи с упадком роли народных собраний, потерял актуальность. Из одной статьи Дигест, упоминающей выраженное в завещании желание патрона, чтобы наследник купил его отпущеннику трибу, в которой он будет получать раздачи и субсидии от принцепса (Dig., XXXII, 35), можно заключить, что за приписку либертина к трибе взималась особая плата. В надписях отпущенники крайне редко указывают трибу. Моммзен считал, что все либертины включались в одну трибу, но материала для окончательного суждения по этому вопросу недостаточно.

Категория отпущенников, ставших римскими гражданами, в целом отличаясь от латинов-юнианов, внутренне далеко не была однородна. Юридически чем далее, тем более резкая разница проводилась между теми из них, кто выкупился за собственный счет, и теми, кто был «отпущен по милости господина». Большая разница, говорится, например, в рескрипте Септимия Севера, куплен ли кто-нибудь за свои деньги и отпущен покупателем или заслужил свободу от господина (CJ, VI, 4, 1). И те и другие отпущенники равным образом были ограничены в гражданских правах. За исключением тех, кто получал от императоров «право кольца» (Dig., XL, 10, 5; CJ, IX, 21, 1; X, 33, 1), они не могли отправлять ни общегосударственные, ни муниципальные выборные магистратуры, не принимались на военную службу, кроме как в когорты римской городской стражи и во флот. Лишь в исключительных случаях, как, например, во время панноно-далматского восстания, мятежа Виндекса при Нероне, войн Марка Аврелия, императоры брали в армию бывших рабов. Не могли отпущенники, без особого разрешения претора, привлекать к суду патронов и свидетельствовать против них; они были обязаны патрону «почтительностью» (CJ, VI, 6, 6) и должны были завещать патрону установленную часть имущества, если у них не было двух (у отпущенника) или четырёх (у отпущенницы) законных детей-наследников³. Патрон, дабы не потерпеть ущерба в своем праве на наследство, имел возможность контролировать действия отпущенника, и закон аннулировал совершенные последним сделки (продажа, манумиссия и т. п.), совершенные с целью уменьшить часть наследства, причитающуюся патрону⁴. От связанных с завещанием ограничений не освобождались и получившие «пра-

² A. e., 1947, № 44; Dig., L, 1, 6, 3; 1, 22, 2.

³ Dig., II, 4, 25; IV, 3, 11, 1; Gai., Inst., III, 43.

⁴ Dig., XXXVIII, 5, 1; Gai., Inst., I, 37; Paul., Sent., III, 1.

во кольца», которые, по словам-Ульпиана, жили, как свободно-рожденные, а умирали, как отпущенники (Dig., XXXVIII, 2, 3; XL, 10, 5). Только дарованное императором право свободного составления завещания уничтожало притязания патрона (Dig., XXXVIII, 2, 3, 1).

Зато выкупившийся за свой счет при жизни не должен был содержать нуждающегося патрона, тогда как отпущенные даром были обязаны предоставлять нуждающимся патронам, их родителям и детям алименты в сумме, установленной арбитром (Dig., XXV, 3, 5, 19; 20; 23; 25; 26; CJ, VI, 3, 1). По словам Павла, даже отпущенник, свободный от приношений патрону и работы на него, должен был кормить его в меру своих возможностей (Sent., II, 32, 1). Отпущенник, оставивший бедного патрона без помощи, так же как проявивший словом или делом «непочтительность», подвергался наказаниям, варьиовавшимся в зависимости от обстоятельств от словесного замечания или легкой порки до ссылки в рудники с конфискацией имущества в пользу патрона. Дела о «неблагодарных отпущенниках» в Риме разбирались префектом столицы, в провинциях — наместниками (Dig., I, 12, 2; 10; 16, 9, 3; XXXVII, 14, 1; 14, 7, 1). Требования «почтительности», помимо всего прочего, обуславливались и древней традицией, причислявшей отпущенников к фамилии патронов, и приравнивавшей их до известной степени к детям последних, поскольку считалось, что они находятся под властью (*in manu*) патронов⁵. Отсюда происходил ряд последствий, о которых подробнее будет сказано далее.

Раб, выкупившийся на свободу, не был обязан патрону отработками или имущественными повинностями (Dig., XXXVIII, 1, 13; 2, 3, 4; CJ, VI, 3, 2—3). Выкуп раба за его счёт был оставлен довольно сложными формальностями. Так как в принципе раб не мог иметь своих денег, то совершалась мнимая покупка раба при условии, что покупатель должен отпустить его на волю. Уплачиваемые за раба деньги не должны были принадлежать покупателю: они могли быть взяты из пекулия раба или даны третьим лицом в дар или в долг, например в счёт платы за будущую работу (Dig., XL, 1, 4; 1; 2; 6; 8; 9; 10). В такие сделки не могли вступать рабы, которым по действовавшему законодательству запрещалось получать свободу. Во всех остальных случаях они были действительны, даже когда возраст раба и мнимого покупателя не отвечал требованиям закона Элия—Сентия. Если мнимый покупатель не отпускал раба, раб мог жаловаться префекту Рима или президу провинции. Тот, выяснив правоту раба, приказывал его отпустить, но если жалоба оказывалась ложной, ссыла л его в рудники (Dig., XL, 1, 5).

Поводы к отпуску рабов даром были весьма различны. В обычае было отпускать рабов, достигших определенного возраста.

⁵ Quintill., Inst. or., VII, 7.

Лукиан в «Философах на жаловании» (20) говорит о тех из них, кто, поступая в богатые дома, продает себя в рабство в том возрасте, когда и прирождённые рабы получают свободу. Раб в басне об Эзопе и беглом рабе жалуется, что стал уже седым, а все еще не получил заслуженную свободу⁶. Господа, идя на дело, грозившее им смертью, например гладиаторы перед боем, заговорщики времен Юлиев — Клавдиев перед решающим выступлением, отпускали на волю любимых рабов. Отпускали и рабов, находившихся при смерти, чтобы те «спустились в Аид свободными».

Весьма распространен был отпуск рабов по завещаниям, legataм и фидеикомиссам. Иногда свобода давалась рабу сразу же после смерти завещателя, иногда — спустя известный срок или после выполнения рабом определенных условий. Рабам-управителям, вилликам, инсититорам и другим деловым агентам свобода обычно завещалась после того, как они «сдадут наследнику счета», т. е. выплатят все причитающиеся с них долги (Dig., XXXV, 11, 32; CJ, VII, 2, 4). В случае каких-нибудь недоразумений между рабом и наследником назначался арбитр (Dig., XL, 1, 5, 1). Иногда раб завещателя получал свободу, если вносил наследнику определенную сумму (Dig., XL, 4, 11, 1.), или служил ему определенный срок, «оставаясь достойным свободы» (Dig., XL, 4, 20; 7; 21), или, будучи сдан на сторону, выплачивал наследнику в течение этого срока часть заработка, или отработывал определенное число дней у названного завещателем третьего лица (Dig., XL, 5, 23, 4; 7, 4, 4; 7, 14, 1; CJ, VI, 3, 10). Примером подобного завещания может служить упоминавшаяся уже надпись 108 г., содержащая последнюю волю Дасумия, по предположению Моммзена, отца квестора 138 г. К сожалению, она сильно испорчена, однако ясно, что некоторые из рабов завещателя должны были получить свободу после «сдачи счетов» и, видимо, выполнения еще каких-то условий. Это стенографы Сабин и Диадумен, повар, кассир, портной Эрот, педагог, кубикюларий Диадумен, цирюльник Стефан, сапожник Фаст, диспенсатор Филаргир и врач (CIL, VI, 10229). Так как сдать счета по управлению домом могли только диспенсатор, кассир и, может быть, кубикюларий, то, вероятно, остальные имели собственное дело или работали где-то на стороне и должны были перед освобождением погасить задолженность по причитавшейся с них части дохода или заработка.

Раб, который должен был получить свободу после выполнения тех или иных условий, назывался статулибером (Dig., XL, 7, 1). Статулиберы находились в том же положении, что и остальные рабы, но закон охранял их права на свободу независимо от того, оставались они у прежнего господина или переходили к другому (Dig., XL, 7, 3, 17; 7, 25; 29; 8, 1; CJ, IV, 57, 1; 2). Отпущенные на

⁶ Riese. Anthol., 817.

таких условиях по завещаниям и фидеикомиссам рабы были свободны от обязательств по отношению к наследникам завещателя, осуществившим манумиссию.

В привилегированном положении оказывались рабы, отпущенные государством за раскрытие заговоров или готовившихся против господ преступлений (Dig., XXXV, 2, 39; XXXVIII, 2, 4). Они считались ничьими отпущенниками, т. е. не имели патронов, а следовательно, не были никому ничем обязаны. Таких, вероятно, было немало в те периоды, когда правительство охотно принимало доносы от рабов на неугодных ему представителей знати. Но, конечно, сколько-нибудь заметного процента среди либертинов они не могли составить, тогда как выкупившиеся за свой счет, т. е. имевшие известное состояние еще в бытность рабами, были довольно многочисленны, как можно заключить из приводившихся в предыдущих главах данных о пекулиях рабов, составлявших верхушку сословия.

Все же, вероятно, большинство составляли рабы, отпущенные с тем, чтобы извлечь из них в дальнейшем какие-то выгоды. Правда, некоторая часть «отпущенных по милости господина» не только не приносила доходов, но переходила на содержание патрона, который по закону обязан был предоставить алименты бедным отпущенникам. Под алиментами понимались прокорм, одежда и жилье, которыми должны были обеспечить отпущенников не только патроны, но и их наследники и даже фиск, если имущество покойного отходило в казну (Dig., XXXIV, 1, 2; 3; 4; 6; 1, 13, 1; XXXVII, 14, 5, 1). Известно распоряжение Плиния Младшего, передавшего городу Кому 1866666 сестерциев с тем, чтобы за счет получаемых с этой суммы процентов выплачивались алименты 100 его отпущенникам (CIL, V, 5626). Дасумий оставлял какие-то средства на алименты, помимо сумм, поименно завещанных некоторым отпущенникам (по 1000 денариев). Такого рода акты, естественно, было под силу совершать лишь весьма богатым и видным людям. Обычно же раб, отпущенный даром и не по выполнении наложенных на него завещателем условий, продолжал эксплуатироваться бывшим хозяином.

При империи отпущенники этой категории освобождались от денежных повинностей, но были обязаны патронам отработками, исчислявшимися определенным, установленным при отпуске количеством рабочих дней (Dig., XXXVIII, 1, 3; 1, 7, 2). Если в момент отпуска соответственное обязательство раб не принимал, патрон впоследствии уже не мог требовать от него выполнения работ (XXXVIII, 1, 31). Закон неукоснительно охранял права патронов и их детей на работы отпущенников. Эти права не отнимались у детей, даже если их отец был за какое-нибудь преступление осужден с конфискацией имущества или если им приходилось отказываться от переобремененного долгами отцовского наследства (Dig., XXXVII, 14, 4; 9; XXXVIII, 2, 4, 2). В таких слу-

чаяя работы отпущенников оставались их единственным средством к существованию. В одной контрверсии Сенеки разбирается тяжба между патроном, который, будучи проскрибирован, искал убежища у своего отпущенника, обещая избавить его от наложенных работ, а затем, получив прощение, потребовал их выполнения. Патрон, между прочим, ссылаясь на то, что, лишившись во время проскрипции всего состояния, он может поддерживать жизнь только за счет работы отпущенника⁷.

Работы либертинов делились на ремесленные, включавшие также и все те, которые «подобны представлению денег», и служебные — *officiales*. Первые переходили, вторые не переходили к постороннему наследнику патрона (Dig., XXXVIII, 1, 6). Ульпиан объясняет этот закон тем обстоятельством, что служба обуславливается собственностью того, кто ею пользуется, на того, кто ее несет. Ремесленные же и тому подобные работы подобны возвращению взятых в долг денег и могут даваться кем угодно и кому угодно (Dig., XXXVIII, 1, 9, 1). Трудиться мог и несовершеннолетний отпущенник, выполняя посильную работу, например в качестве писмоводителя, счетчика, актера, слуги (Dig., XXXVIII, 1, 7, 5). Рабочие дни либерта можно было разделить между несколькими наследниками патрона, но делить на части каждый день запрещалось (Dig., XXXVIII, 1, 15, 1). Работами обязывались и отпущенницы, но, если они выходили замуж, права патрона аннулировались, так как считалось, что жена должна служить только мужу (Dig., XXXVIII, 1, 48).

Патрон не имел права требовать работ, «не совместимых с возрастом и состоянием здоровья» отпущенника или таких, которые заставили бы его коренным образом изменить привычный образ жизни, но мог потребовать, чтобы тот прибыл на работу в Рим или другое место с тем, однако, что дни, затраченные на проезд, включались в число отработанных (Dig., XXXVIII, 1, 17; 1, 20, 1; 1, 21; 1, 50).

Если отпущенник был ремесленником или изучил ремесло после освобождения, то обязан был работать на патрона по специальности, даже если сам уже перестал заниматься ремеслом. Однако в таком случае патрон не мог требовать от него работ, противоречащих «его достоинству» (Dig., XXXVIII, 1, 16, 1; 23; 38). В последнем случае, очевидно, подразумеваются богатые либертины, считавшие для себя унижительным выполнять ремесленную работу. В принципе отпущенник должен был сам себя содержать, но патрон обязан был предоставить ему достаточно времени, чтобы зарабатывать на жизнь, причем он не имел права мешать отпущеннику вести в городе такое же дело, какое имел сам, или заниматься тем же ремеслом, т. е. ограждать себя от его конкуренции. Если же отпущенник своими силами прокор-

⁷ Seneca. Excerpt. contr., IV, 8.

миться не мог, патрон платил ему алименты (Dig., XXXVII, 14, 2; 18; XXXVIII, 1, 18, 19; 1, 33; 1, 22, 2; 1, 45; 1, 50).

Патрон мог сдать работу отпущенника на сторону, и такая практика имела широкое распространение (Dig., XXXVIII, 1, 25, 1—4). По словам Юлиана, если либерт — врач или пантомим, он обязан по желанию патрона даром служить его друзьям, «ибо патрон не может постоянно давать игры или болеть, с тем чтобы использовать его труд» (Dig., XXXVIII, 1, 27).

Если сравнить условия отпуска рабов разных категорий, то можно предположить, что рабы, выкупавшиеся за свой счет, главным образом принадлежали крупным собственникам, в чьих хозяйствах открывались большие возможности приобрести нужные средства на различных административных должностях, в качестве приближенных слуг или высококвалифицированных специалистов, купить или обучить которых могли скорее люди богатые. Конечно, и у среднего и мелкого собственника раб-инстититор или вилик мог нажить достаточные средства, но, вероятно, возможностей здесь было меньше. Как мы увидим далее, судя по эпиграфическим данным, либертины, достигавшие более или менее высокого положения, чаще всего имели патронами высокопоставленных людей. Выгоды, доставлявшиеся этой категорией отпущенников, очевидны. С них можно было взять крупную сумму за отпуск и рассчитывать на часть их наследства (в наличных деньгах, как видно по письмам Плиния Младшего, постоянно нуждались даже крупнейшие землевладельцы), а имея их в качестве клиентов, утверждать свое влияние в тех городах, где они проживали и вели дела. Если разбогатевший отпущенник незначительного человека часто был склонен смотреть на патрона свысока и от него эмансипироваться, то занимавший высокое положение патрон всегда имел возможность подчинить себе либерта, да и тот сам был заинтересован в его расположении. Только богатые и знатные люди могли отпускать совсем нищих рабов с тем, чтобы затем содержать их алиментами. Отпущенники, обязанные отработками, могли широко использоваться любыми патронами. Крупные собственники пользовались их трудом в своих домах в качестве слуг и ремесленников.

Как мы уже видели, отпущенники высокопоставленных лиц оставались в их фамилиях и исполняли различные обязанности наряду с рабами. Возможно, отработки либертов использовались и в сельском хозяйстве. На эту мысль наводит деление работ на служебные, под которыми подразумевались те, что связаны с определенной должностью слуг, управителей и т. д., и на ремесленные и подобные «представлению платежей». Последние, скорее всего, и относятся к сельскому хозяйству, поскольку иной вид деятельности, не подходящий под категории ремесленных или служебных работ, просто невозможно подобрать. Обязать же отпущенников, посаженных на землю (о развитии соответственной

практики с середины II в. говорилось выше), отработками в страдную пору жатвы, сбора винограда и т. п. могло быть очень выгодно — для крупного землевладельца даже выгоднее, чем эксплуатация отпущенников-ремесленников.

Последние были особенно полезны мелким и средним собственникам. Отпуск на волю избавлял их от необходимости содержать рабов и их семью, что, как мы видели, стало тяжелым бременем для небогатых владельцев, иногда просто не заботившихся о своих рабах (Dig., XLV, 3, 36). Если они давали либерту достаточно времени, чтобы заработать на жизнь, то не были обязаны предоставлять ему алименты, так что забота об отпущеннике с них снималась. Вместе с тем его трудом патрон мог пользоваться в своем предприятии или сдать его на сторону, извлекая доход без всяких затрат. Если же бывшие господа впадали в совершенную бедность, отпущенники должны были содержать их со всей семьей.

Для разорившихся владельцев особенно благотельным было предоставлявшееся им законом право завещать рабу свободу и свое имущество. Такой раб считался, как и сын, «обязательным наследником» — *heres necessarius*, но в отличие от сына, который мог отказаться от переобремененного долгами наследства, он не имел права не принять завещанного ему имущества. После смерти хозяина на него падала обязанность удовлетворить кредиторов или нести бремя бесчестия, которым клеймился несостоятельный должник. Правда, то, что он приобретал впоследствии, заимодавцы хозяина у него отобрать не могли, но зато, как и всякий отпущенник, он был обязан содержать семью патрона, впадшую в бедность⁸. Таким путем дети банкрота сохраняли гражданскую честь и получали источник дохода.

Был еще один вид отпуска на волю рабов, сведения о котором, однако, довольно туманны. В Псевдоквинтилиановых декламациях цитируется закон, гласящий, что раб, бывший на свободе по воле господина, становится свободным. Ему посвящены два разбираемых казуса. В одном из них работородец, дабы не платить высокую пошлину за мальчика-раба, надел на него претексту и провез как свободного. В другом случае господин выдал рабыню за свою дочь, которую предводитель пиратов требовал в качестве выкупа за взятого в плен сына хозяина. Раб и рабыня, вернувшиеся благополучно от пиратов, ссылаясь на приведенный закон, требуют свободы. Они доказывают, что раба, который с согласия господина был одет, как свободный, и действовал, как свободный, приобщившись, таким образом, к свободе, судьи не возвратят в рабство⁹.

Категория рабов, без обмана (*sine dolo malo*) и по воле господина находившихся на свободе, встречается и в Дигестах, но к

⁸ *Ulp.*, *Fragm.*, XXII, 24; *Gai.*, *Inst.*, II, 153—155.

⁹ *Quintill.*, *Declam.*, 340; 342.

ней причисляются рабы, добросовестно заблуждавшиеся относительно своего статуса, воспитанные и жившие как свободные, не зная, что они рабы (Dig., XL, 12, 10; 12, 12, 2). Таких рабов упоминают и императорские рескрипты (CJ, VII, 21, 6; 7). Согласно рескрипту Диоклетиана, раба, в течение 20 лет прожившего на свободе на законном основании, нельзя было вернуть в рабство; он становился свободным римским гражданином (CJ, VII, 22, 1; 2). Возможно, это — нововведение Диоклетиана. До него Марк Аврелий запретил возбуждать дела о статусе умерших через пять лет после их смерти. При жизни же раба господин всегда мог предъявить на него свои права, так же как патрон — на отпущенника. Отсюда постоянные процессы о статусе разных лиц, часто упоминаемые юристами. Отрывки свидетельских показаний по статусу некоей Юсты, считавшей себя свободной, на которую как на отпущенницу претендовала жена патрона матери Юсты, сохранились в табличках из Геркуланума. Возможно, однако, что и до рескрипта Диоклетиана господа не пользовались правом вернуть рабов, долго живших на свободе с их ведома, как не пользовались правом отобрать у них пекулий. Диоклетиан окончательно устранил противоречие между теорией и практикой (противоречие, отразившееся в декламациях Псевдоквинтилиана) и узаконил освобождение путем долговременного пользования свободой. Но если даже до конца III в. раб, живший на свободе по воле господина, правами отпущенника и не пользовался и не получал их автоматически, все же появление и численный рост этой категории рабов, скорее всего, вызывался теми же причинами, что и вольноотпущенничество, — причинами различными для различных слоев как рабовладельцев, так и рабов.

Как мы видели, взаимоотношения отпущенников и патронов регулировались законом и включали не только материальные, но и моральные обязательства. Последние определялись общими нормами взаимоотношений патронов и клиентов, главы фамилии и ее сочленов, что особенно ярко иллюстрируется применением сурового древнего закона об отцеубийцах к отпущеннику, убившему патрона¹⁰. Семейный характер связей подчеркивался также широко распространенным обычаем хоронить патронов и отпущенников в одной гробнице и вменявшимся в обязанность отпущенников соблюдением заупокойных семейных обрядов. Отпущенники не только не имели права без особого разрешения подавать на патронов в суд или выступать против них свидетелями, но осуждались, как «неблагодарные», на работы в рудниках, если патрону удавалось доказать, что они донесли на него через подставное лицо или вошли в сделку с его врагами (Dig., I, 12, 10). Лишался своей доли наследства отпущенник, доказавший после смерти патрона, что тот торговал запрещенными това-

¹⁰ Paul., Sent., V, 24, 1.

рами (Dig., XXXIV, 9, 1). Но и патрон, обвинивший либерта в преступлении, караемом казнью, или изгнанием, терял право патроната (Dig., XXXVII, 14, 9; XXXVIII, 2, 3, 10). То же относилось и к сыну патрона, пытавшемуся вернуть в рабство отцовского отпущенника (Dig., XXXVIII, 2, 9). Отпущенники против патрона, так же как дети против отца, не могли воспользоваться интердиктом об изгнании силой из имения, если при этом не было применено оружие (Dig., XLIII, 16, 1, 43). Патрон мог отобрать у отпущенника, оказавшегося «неблагодарным», то, что ему дал, и то, что либерт приобрел благодаря его «благодетельствам»¹¹. Не подпадал под действие интердикта о выдаче удерживаемого силой свободного человека патрон, силой удерживавший своего либерта (Dig., XLIII, 29, 3, 4). На отпущенника, так же как на сына, наемного работника, клиента и раба, патрон не должен был подавать в суд за воровство и мошенничество; за мелкие проступки он должен был его наказывать сам (Dig., XLVII, 2, 90; XLVIII, 19, 11, 1). Из Тацита мы знаем, что патроны могли выслать отпущенников из Рима за 20-й мильный столб (App., XIII, 26). Разрешалось также применение легкого телесного наказания. Но если патрон наносил отпущеннику «жестокое оскорбление» (*atrox iniuria*) — например заковывал, неумеренно бил, требовал «рабской службы», — суд защищал потерпевшего (Dig., XLVII, 10, 7, 2; 3; CJ, VI, 6, 6). Патроны сплошь да рядом женились на своих отпущенницах, но либертин, осмелившийся претендовать на брак с бывшей госпожой, дочерью, внучкой и правнучкой патрона, подвергался жестокому наказанию, вплоть до ссылки в рудники¹². Отпущенник был обязан по желанию патрона управлять его делами и быть опекуном его детей. Со своей стороны, патроны считались опекунами малолетних детей отпущенников и незамужних отпущенниц¹³.

На практике взаимоотношения патронов и отпущенников, скорее всего, определялись не столько всеми этими установлениями, сколько положением тех и других. Знатный и влиятельный патрон, естественно, стоял неизмеримо выше своих отпущенников. Они часто оставались жить в его доме или имении, в тесной связи с остальной семьей, участвовали в семейных коллегиях и семейных культах, особенно в культе Генія *pater familias*, которому приносили дары и воздвигали статуи. Не теряли связи с семьей и отпущенники, поселившиеся отдельно. Во всяком случае, в начале империи, когда еще действовали домашние суды, им были подсудны и отпущенники знатных домов. Сенека рассказывает, что Август, узнав о намерении Цинны его убить и захватить власть, спросил Цинну, как он намеревался управлять государ-

¹¹ *Fragm. jur. Rom. Vat.*, 272.

¹² *CJ*, V, 4, 3; *Paul.*, *Sent.*, II, 19, 9.

¹³ *Dig.*, XXXVII, 14, 19; *Fragm. jur. Rom. Vat.*, 152; *Gai.*, *Inst.*, I, 165.

ством, когда не способен управлять даже собственным домом и недавно в домашнем суде был побежден отпущенником¹⁴.

Бедный же и незначительный патрон вряд ли всегда мог взять верх над разбогатевшим и вышедшим в люди отпущенником. В сенат неоднократно поступали жалобы на либертинов, позволявших себе не только противоречить патронам, но даже ругать их и бить¹⁵. Можно полагать, что при общеизвестной подкупности римских должностных лиц и судей, если богатый либертин мог дать хорошую взятку, жалобы на него патрона оставались без последствий. Патрон после этого мог лишь вычеркнуть «неблагодарного» из списка погребенных в семейной гробнице (соответственные надписи довольно часты) или предать его проклятию. Любопытна в этом смысле надпись некоего М. Юния Евфросина на надгробии дочери Прокулы. Первоначально гробница предназначалась также для его отпущенницы Акте, но затем её имя было выскоблено и предано проклятию за то, что она, даром получив свободу, оказалась коварной, лживой и жестокосердечной, обманула и разорила патрона и сбежала с любовником, уведя из дома патрона рабыню и мальчика, чтобы старик умер одиноким и покинутым. Проклятию Евфросин предает также Гимна и Зосима¹⁶.

Получить свободу, как правило, мечтал каждый раб. Обычны надписи на алтарях Доброй Богини, Геракла, Сильвана, поставленных отпущенниками во исполнение данного в рабстве обета за освобождение. Дары богам в благодарность за свободу были иногда весьма значительны. Так, некто Эпидий подарил Ларам их золотые статуи весом в четыре фунта (CIL, VI, 30953).

Большое место отпуск на волю занимает в «Толковании снов» Артемидора. Если раб видел во сне, что идет на войну, что у него выпали зубы, что ему отрубили голову, что он превратился в бронзу (так как отпущенники приносят в дар богам и патронам бронзовые статуи), что он участвует в упражнениях эфэбов, едет по городу верхом, дует в трубу, состязается в беге, носит венок из веток дуба, оливы или лавра, пурпурную одежду, что в него ударила молния, что он стал царем или военачальником, участвует в вакхических шествиях, если ему снится солнце или памятник, — все это означало близкое освобождение (I, 5; 31; 35; 50; 55; 56; 58; 77; II, 3; 9; 30; 36; 37; 61). Особенно благоприятным считался сон, в котором раб видел, будто его приносят в жертву божеству в общественном месте: это сулило ему получение свободы каким-то особенно почетным и славным образом (II, 51). Другие сны, тоже благоприятные для рабов, все же свободы не предвещали, и Артемидор каждый раз это особо оговаривает. Так, если раб видел во сне, что у него увеличилась голова, выросло

¹⁴ Seneca. De clem., I, 9.

¹⁵ Tac., Ann., III, 36; XIII, 26.

¹⁶ F. Buecheler, 95 (=CIL, VI, 20905).

много ушей, что он летает по воздуху, стал солдатом, если ему снилась чистая река, петух,— это могло означать, что он перейдет в более знатный, может быть, даже царский, дом, станет управляющим, получит почетную должность в хозяйстве, но не будет отпущен на волю (I, 17; 24; II, 27; 31; 42).

Видимо, рабы постоянно гадали о своих перспективах на освобождение и жадно ловили всякие благоприятные предзнаменования. Соответственные ответы давались и оракулами, к которым рабы также постоянно обращались. Например: ты получишь свободу, если будешь хорошо служить; получишь свободу, но с тяжбой (*cum controversia*); вскоре будешь отпущен на свободу благодаря собственным делам и твоему другу; будь спокоен, ты получишь свободу и твоя судьба будет хорошей; не волнуйся, ты неизбежно получишь свободу и наследство; ты непременно будешь отпущен, свобода тебе уже дана¹⁷.

Однако, как замечает Эпиктет, раб, моливший о свободе и вообразивший, что, освободившись, немедленно станет счастливым, получив вольную, неизбежно должен задуматься, как снискать себе пропитание, и если он не находит никого, кто бы его кормил, оказывается вынужденным работать (очевидно, по найму) и терпит рабство худшее, чем прежде. И тогда он подумает, что раньше, когда кто-то его кормил, одевал и лечил, ему было лучше, чем теперь, когда о нем никто не заботится, и он стал рабом многих, вместо одного¹⁸.

Конечно, слова Эпиктета нельзя понимать буквально, но, видимо, зерно истины в них есть. Судьба раба после отпуска могла сложиться весьма различно. Его могли отпустить с пекулием или без пекулия. Когда господин отпускал раба при жизни, считалось, что он отпускает его с пекулием, если не отбирает последнего. При освобождении по завещанию раба оставлялся пекулий, только когда хозяин особо оговаривал это в завещании¹⁹. Если пекулий отбирался, то отпущенник не должен был платить долги, сделанные в его бытность рабом. Так, император Гордиан в рескрипте на имя Хреста пишет, что хотя Хрест, находясь в рабстве, остался должен госпоже за землю, которую обрабатывал, но, поскольку он получил свободу без пекулия, она ничего не может с него взыскать (CJ, IV, 14, 5). Здесь действовало общее правило, согласно которому отпущенный на свободу не отвечал за свои дела в бытность рабом, в том числе и за долги (CJ, IV, 14, 1; 2; 6). Но все же, как бы начиная жизнь заново, отпущенный без пекулия сталкивался с проблемой заработка. Он мог продолжать жить в доме господина (Dig., VII, 8, 2; XXXI, 1, 17, 15). Плиний Младший нередко упоминает о живших при нем отпущенниках. Среди них были образованные люди, с которыми он прогуливал-

¹⁷ Die Orakelsprüche in St. Galler Palimpsestcodex 908. Wien, 1948, § 58.

¹⁸ Epict., Convers., IV, 1, 33.

¹⁹ Dig., XV, 1, 53; Fragm. jur. Rom. Vat., 261.

ся и беседовал на вилле. Он приглашал их к столу и ставил себе в заслугу, что не делает, подобно другим, разницы между ними и другими сотрапезниками (Ер., II, 6; 17; V, 19; IX, 36). Среди своих отпущенников Плиний особенно выделял некоего Зосима, по его словам, человека достойного, услужливого, образованного, превосходно играющего на кифаре и искусного декламатора. Когда Зосим заболел, Плиний послал его лечиться в Египет (Ер., V, 19). Марциал в одной из эпиграмм обращается к своему отпущеннику Харидему, который когда-то был его воспитателем, а теперь, пользуясь былой близостью к хозяину, постоянно читает ему нотации и держит в страхе весь дом (XI, 39). Примеры эти можно легко умножить. Такие отпущенники, хотя иногда сами имели рабов и отпущенников, в общем по образу жизни и кругу интересов мало отличались от домашних рабов, разве что занимали более высокий ранг в иерархии челяди.

В торгово-ремесленной среде отпущенники тоже часто не порывали с бывшими господами, работали с ними совместно в их предприятиях, то ли в качестве компаньонов, то ли как подсобная рабочая сила. Известно амфорное клеймо «Цецилиев и их отпущенников» (CIL, XV, 3788) из мастерской, очевидно, принадлежавшей ставшим компаньонами патронам и отпущенникам. В Медиолане отпущенница Кассия Доместика, ткачиха полотна, имела отпущенника Сопатера, занимавшегося тем же ремеслом (V, 5923); гвоздарь Эбутий из Таврина был женат на своей отпущеннице Венусте, имевшей ту же профессию (V, 7023). Золотых дел мастер Гн. Помпей Юкунд имел отпущенника Фруста той же специальности (А. е., 1902, № 86); отпущенник Сергей Филоник, колесник, имел отпущенника колесника Евтиха (CIL, VI, 9215); отпущенник Суестилий Клар вместе со своим отпущенником Летом были менялами «у шести алтарей» (VI, 9178). Васкулярий Фульвий Доротей из Рима на своей гробнице перечисляет 20 отпущенников, васкуллиев, возможно, также его компаньонов (XI, 33919); парфюмер Требоний перечисляет 7 отпущенников (VI, 9933); гробница центонариев Октавиев содержит целый ряд эпитафий свободнорожденных и отпущенников (VI, 7861—7864; 33837). Видимо, это была крупная компания, так как один из Октавиев, Кердон, — декурион коллегии центонариев; другой, Секунд, квинквенал, его братья — виаторы той же коллегии. Октавий Марциан, имевший мастерскую у башни Мамилия, являлся магистром коллегии, остальные Октавии были или компаньонами своих патронов, или работниками в их предприятиях. Такую же компанию составляли сагарий Цецилий Спендо со своими 18 отпущенниками (VI, 9865). Вероятно, и те отпущенники, которые упоминаются в эпитафиях торговцев и ремесленников без указания их специальности, также были их работниками или помощниками и компаньонами. Обычно число их невелико, от двух до пяти, считая и отпущенниц, жен патронов или их отпущенников.

Отпущенникам, терявшим непосредственную связь с патронами или обязанным отработками — так, чтобы часть времени работать на себя, приходилось наниматься на работу или заводить собственное дело, для чего, если собственных средств не хватало, они могли взять займы у патрона или постороннего лица. Одним из видов деятельности петрониевского Тримальхиона была ссуда под проценты отпущенникам, недавно получившим свободу²⁰. Мы не имеем никаких сведений о либертинах, ставших наёмными работниками. Судя по приводившимся выше словам Эпиктета, судьба их была очень несладкой. Они пополняли ряды самых бедных слоев плебса, но жили еще хуже, так как, если не были вписаны в трибу, не получали раздач. Не распространялись на детей отпущенников, получивших свободу вместе с родителями, и выдачи субсидий малолетним. Правда, самым нищим патроны должны были давать алименты, но реальными они становились, лишь если патрон располагал достаточным богатством. С патронов же, принадлежавших к средним слоям, постоянно страдавшим от задолженности ростовщикам, вряд ли можно было что-нибудь получить.

Гораздо больше сведений сохранилось о тех либертинах, которые, то ли будучи отпущены с пекулием, то ли получив достаточную ссуду, сумели так или иначе стать на ноги. Верхушку их составляли самые богатые. Типичной фигурой в глазах весьма недоброжелательно относившихся к «выскачкам» современников из высших и средних классов был отпущенник, нажившийся на торговых и финансовых операциях. Если он затем покупал землю, — то за счет денег, вырученных этими неблагоприятными, с точки зрения «благородного римлянина», способами. Либертин, родившийся на берегу Евфрата, по словам Ювенала, оказался впереди потомков троянцев именно потому, что его пять таберн приносят ему 400 тыс. сестерциев (Sat., I, 102—108), т. е. всаднический ценз, заставляющий забыть его проколотые уши.

Самым знаменитым образом такого отпущенника в литературе является, конечно, Тримальхион Петрония. Вероятно, несмотря на карикатурность, его карьера достаточно типична. Уроженец Азии, прибывший в Рим ребенком и проданный на рабском рынке, он был обучен арифметике и назначен диспенсатором. С юных лет он состоял в любовной связи с господином и госпожой. Умирая, хозяин завещал ему свободу и часть состояния. Тримальхион построил пять судов и нагрузил их драгоценным вином, намереваясь продать его в Риме, но корабли утонули и он потерял 30 миллионов сестерциев. Не пав духом, Тримальхион выстроил новые суда, лучшие и большие, и нагрузил их вином, салом, бобами, каптуанскими духами и рабами. На сей раз судьба ему благоприятствовала, и за один рейс он заработал 10 миллионов.

²⁰ Petr., 76.

Разбогатеяв, он скупил земли, ранее принадлежавшие его господину, и занялся торговлей выючным скотом. Когда, рассказывает Тримальхион, он стал владеть имуществом большим, чем то, которым владеет вся его родина, он отошел от торговли и стал давать деньги в рост. Город из уважения к его богатству даром избрал его севиром-августалом, что он и отметил в пышной надписи, сочиненной им для своей гробницы²¹. Гости Тримальхиона, тоже либертины, не столь богатые, как он, все же располагали приличными средствами, «поднявшись из ничего». Один из них, Помпей Диоген, когда-то носил дрова, теперь он имеет 800 тыс. сестерциев и купил собственный дом²². Другой, по его словам, сын царя, добровольно отдавшийся в рабство, предпочитая быть римским гражданином, чем данником, пробыл рабом 40 лет, но жил так, что никто не знал, раб он или свободный. Теперь он сам себе господин, никому не должен, выкупил за 1000 денариев свою сожительницу, купил землю, кормит 20 человек и пса и даром сделан севиром²³. Третий сотрапезник, также сеvir, был каменщиком, специализировавшимся на изготовлении памятников²⁴.

Из отпущенников этой категории, реально существовавших, более всего известен проживавший в Помпеях Цецилий Юкунд. Сведения о его жизни и размерах состояния до нас не дошли, но зато сохранился его архив, свидетельствующий, сколь разнообразна была его деятельность по помещению капиталов и извлечению доходов. Более ранние документы относятся к суммам, полученным им от разных лиц за проведение распродаж с аукциона различных видов имущества. Затем, как считают, он от этого дела отошел, арендовал у города пастбище и сукновальную мастерскую, владел собственной землей, на которой, вероятно, вел хозяйство (CIL, IV, 3340).

Несомненно, самыми богатыми среди либертинов были те, которые входили в число севиров-августалов, занимавших среднее место между простым народом и сословием декурионов. Надписи их из итальянских городов очень многочисленны, но распределены неравномерно: в некоторых городах большинство севиров-августалов были из либертинов, в других преобладали свободно-рожденные²⁵.

²¹ *Pert.*, 29; 30; 71; 76.

²² *Ibid.*, 38.

²³ *Ibid.*, 57.

²⁴ *Ibid.*, 65.

²⁵ Севир-августалы из либертинов известны: в Поле (CIL, V, 67, 75, 76, 8142), Парентии (V, 338, 340), Тергесте (V, 552, 560), Аквилее (V, 751, 781, 821, 829, 883, 963, 964, 965, 970, 978, 984, 986, 994, 997, 1003, 1014, 1018), Форуме Юлия (V, 1765, 1760), Конкордии (V, 1884—1887, 1894, 1896, 8664), Тарусии (V, 2116, 2119), Алтине (V, 2144, 2162, 2167, 2173, 2175), Атесте (V, 2523, 2526, 2528, 2530, 2531), Патавии (V, 2863, 2870, 2876), Вицетии (V, 3120, 3131, 3138, 3139, 3140, 3143), Вероне (V, 3312, 3352, 3354, 3428, 3392, 3394, 3398, 3410, 3415, 3425), Араузионе (3940), Бенаке (V, 4009), Бриксии (V, 4401, 4403, 4429, 4437, 4439), Аусуге (V, 5085), Бергоне (V,

К сожалению, лишь о небольшом сравнительно числе либертинов-августалов мы имеем какие-нибудь дополнительные сведения, позволяющие представить, каким путем им удалось возвыситься. Некоторые из них были отпущенниками лиц, занимавших видное положение в государстве или городе²⁶. О некоторых

5200), Коме (V, 5496), Медиолане (V, 5776, 5837, 5850, 5855, 5861, 5971, 5873, 5895, 5898), Лаус Помпейях (V, 6363, 6374, 6367, 6371), Наварии (V, 6473, 6518), Эпоредии (V, 6786, 6795, 6792, 6821), Тавринах (V, 6952, 7014, 7019, 7024), Бадингомаге (V, 7464, 7486, 7496, 7498), Аквах Статилия (V, 7511, 7533, 7545), Асте (V, 7642, 7646), Равенне (XI, 13), Бононии (XI, 714, 740^a, 6827, 6828, 6832—6834), Мутине (XI, 849, 852, 853, 855, 862), Брикселле (XI, 1026, 1030, 1027), Парме (XI, 1060, 1061), Плаценции (XI, 1218, 1228), Флоренции (XI, 1608, 1611, 1613, 1614), Волатерре (XI, 1747, 1750), Клузии (XI, 2123, 2125), Сатурнии (XI, 2647), Фалерии (XI, 3083), Непете (XI, 3213, 3214), Блере (XI, 3336), Цере (XI, 3313), Вейях (XI, 3781, 3782), Интерамне (XI, 4197, 4225), Корсуле (XI, 4580, 4586), Сполетии (XI, 4810, 4797), Мевании (XI, 5044, 5046—5048, 7926, 7927), Фульгенсии (XI, 5222), Ветонии (XI, 5179), Гиспелле (XI, 5280), Асисе (XI, 5371, 5400, 5393, 5397, 5398, 5403), Арне (XI, 5757, 5763), Игувии (XI, 5814, 5819, 5823, 5825), Питине (XI, 5965, 6036), Урвине (XI, 6061), Форуме Семпрония (XI, 6109, 6126, 6127, 6130, 6134, 6170, 6176, 6177), Форуме Фортуны (XI, 6228—6230, 6232, 6234, 6238, 6240), Пизавре (XI, 6306), Сассине (XI, 6524, 6515), Брундизии (IX, 52, 54, 55, 217), Урии (IX, 224), Канусии (IX, 347, 348, 350, 351), Венусии (IX, 461, 463, 467), Ларине (IX, 740—742), Луцерии (IX, 810, 815, 816), Кампсе (IX, 1048, 1085), Эклане (IX, 1194—1196), Беневенте (IX, 1691, 1697, 1699, 1702, 1703, 1707, 1710), Витоланах (IX, 2128), Телесии (IX, 2244, 2246, 2248, 2253, 2254), Алифе (IX, 2362—2367, 2369), Сепине (IX, 2440, 2479), Тервенте (IX, 2583), Эзернии (IX, 2658, 2676, 2679, 2681, 2683), Гистонии (IX, 2835, 2857), Иване (IX, 2965), Теате (IX, 3023), Интерпомии (IX, 3045), Сульмоне (3045, 3097, 3098), Корфинии (IX, 3184, 3186, 3187), Пелтине (IX, 3417, 3441), Антине (IX, 3835), Альба Фуценс (IX, 3938), Карсиолах (IX, 4058), Клитернии (IX, 4166), Амитерне (IX, 5422, 5446), Толентине (IX, 5569), Цинсуле (IX, 5685), Рецине (IX, 4897), Адрии (IX, 5017), Аскуле (IX, 5070, 5072, 5188, 5192, 5193), Фалерии (IX, 5422, 5446), Толентине (IX, 5569), Цинсуле (IX, 5685), Рецине (IX, 5753), Ауксиме (IX, 5823, 5846, 5850), Аквилонии (IX, 6259), Регию Юлию (X, 1), Вибо (X, 60), Потенции (X, 141), Вольцеях (X, 435), Нуцерии (X, 1083), Абеллине (X, 1146, 1147, 1148—1151, 1154), Ноле (X, 1268, 1272), Геркулануме (X, 1448), Путеолах (X, 1574, 1878, 1887), Капуе (X, 3919, 3943, 3947), Кайатии (X, 4589, 4591), Калах (X, 4645, 4646, 4653), Суессе (X, 4762), Венафре (X, 4908, 4910), Атинне (X, 5143), Интерамне Лирийской (X, 5346), Аквинне (X, 5418, 5423, 5424), Новой Фабратерии (X, 5593), Соре (X, 5715), Алетрии (X, 5809), Анагнии (X, 5929), Сигнии (X, 5972), Формиях (X, 6114, 6115), Остии (XIV, 310, 329, 339, 358, 360, 361, 393, 394, 396, 397, 407, 412, 415, 427, 434), Пренесте (XIV, 2996), Тибуре (XIV, 3492, 3652, 3679, 3680, 3681, 3684, 3687).

²⁶ В Поле сеvir Леканий Менаандр был акцензом консула 64 г. Лекания Басса (CIL, V, 8142); в Аквилее Квартин так же был акцензом консула (V, 883), а Петроний Роман — отпущенником местного кваттуорвира, завещавшего гробницу шестерым своим отпущенникам (V, 1003); в Форуме Юлия севирами были отец и сын Фабии, отпущенники свободнорожденного севира Фабия Пудента, устроившего для города двухдневные игры гладиаторов (V, 1765); в Алтине севиrom был Нумерий Феликс, отпущенник ветерана, занимавшего в городе должность кваттуорвира (V, 2162); в Вицетии сеvir Абокий Акант был акцензом консула (V, 3120), так же как сеvir Вероны Кальтурний Кал (V, 3354); в Равенне сеvir Примитив имел патроном Кокция

севирах-августах из сословия либертинов известно, что они занимались ремеслом, торговлей или иными прибыльными делами²⁷. Наконец, часть из них принадлежала к числу землевла-

Непота, пропретора Сицилии (XI, 13); в Форуме Семпрония три севира были отпущенниками преторианцев, поступивших на службу в 144 г. (VI, 46, 2379; XI, 6126); два других — отпущенниками примипилария (XI, 6121, 6126, 6130); в Урии умерший 28 лет августал Гереллан Асикрит был сын свободнорожденного, очевидно, своего патрона, который отпустил его на волю и дал средства, позволившие ему стать августалом (IX, 224); такова же, видимо, была судьба Ливия Проба, августа Венузии (IX, 461), и Опимия Целлада из Беневента (IX, 1697); в Алифе августами были отпущенники консула 54 г. и его жены: Ацилий Филомуз, одновременно занимавший должность магистра культа Юноны, Эдий Пиллад и его отпущенник Эдий Родонт, оставивший по завещанию 400 тыс. сестерциев, Эдий Эпафра, квестор августалов и магистр Юноны, и квестор августалов Эдий Олтат (IX, 2362—2365); в Сепине августал Нератий Эпинин был отпущенником сенаторской семьи II—III вв. имевшей в Сепине земли и других отпущенников (IX, 2440, 2447—2453, 2484, 2485, 2511, 2512, 2517); в Гистонии магистром августалов и цериалов (они обслуживали официальный местный культ Цереры) был Пакий Азмен, имевший патроном кого-то из местной сенаторской семьи Пакиев (IX, 2845, 2846, 2857); сеvir Сульмона Бриттий Верна (IX, 3098) был, скорее всего, отпущенником сенатора Бриттия Корда (IX, 6320); в Ауксуме в 159 г. должность севира занимал Оплий Леона, отпущенник и акценз Сабина Юлия, бывшего консулом при Адриане. Этот Леона поставил своему патрону статую, выстроил храм Эскулапу и Гигии, устроил пир для граждан, раздав декурионам по три, а августам по два денария, и, кроме того, был почетным лицом в Клавдиевой трибе (IX, 5823, 5833); в Геркулане в 19 г. севиrom был Клавдий Геминий, отпущенник Марцелла Эзернина, претора peregrinorum (X, 1448); августал Калпи Помпоний Филерот был отпущенником дуумвира Помпония Капитона (X, 3919); в Тибуре августал Секстий Эвтих был отпущенником консула Латерана; сын Эвтиха уже в возрасте 22 лет стал кваттуорвиром города (XIV, 3680); тибуртинские августалы Лартидий и Варен, вероятно, были отпущенниками одноименных сенаторов, известных из римских надписей (VI, 37461—37463).

²⁷ Сеvir Конкордий Бруттий Секунд был архитектором (V, 1886); сеvir Атесте Руфрий Фауст — врачом (V, 2530); в Вероне два либертина-севира подарили стол и статуи Геракла коллегии дендрофоров (V, 3312); видимо, они были плотниками или лесоторговцами; другой сеvir того же города имел мастерскую серебряной посуды (V, 3428), еще один состоял фиктором при понтификах (V, 3352); в Арузинатском лаге проживал сеvir — глазной врач (V, 3940); в Лаус Помпеях сеvir Кассий Эпитимет был отпущенником Кассия Оптата, завещавшего плотничьей коллегии 1000 сестерциев (V, 6363); возможно, оба они были плотниками; в Эноредии один сеvir был строителем, другой — хормейстером (V, 6786, 6795); сеvir Форума Семпрония Альфидий Галл вел в Риме торговлю полотном, другой сеvir, Диоген, торговал одеждой (XI, 862, 6109); в Бриксии один из севиров был связан с коллегией центонариев (XI, 1027); в Фануме Фортуны сеvir Эбутий Хрест был ткачом полотна (XI, 6228), Клодий Эрот — стряпчим (XI, 6230), Голий Никомед — окулистом (XI, 6232); в Асисе севиrom был врач-терапевт, хирург и окулист Децимий Эрот Мерула, который выкупился на свободу за 50 тыс. сестерциев, за сеvirат внес 2 тыс. сестерциев, на статуи в храме Геракла — 30 тыс. и на мощение дорог — 37 тыс. (XI, 5400); в Сассине два севира — Теттий Герм и Цессий Хресим — были патронами коллегии центонариев (XI, 6524, 6615); в Канусии севирами были два аргентария, из которых один являлся патроном другого (IX, 348); в Венусии и Ларине севирами были врачи (IX, 467, 740); в Беневенте — патрон и отпущенник нуммуларии (IX, 1707) и купец Рустиус Фестив (IX, 1710); в Витоланах севиrom был свинотор-

дельцев. Надгробия их были найдены в районах тех или иных городов, где они, очевидно, имели виллы. Возможно, что и многие из тех, эпитафии которых сохранились в городах, также владели на их территориях имениями, а потому и не указывали своей профессии или занятия. Такие надписи составляют подавляющее большинство.

Чтобы занять должность августала, требовалось обладать известным состоянием. Кроме платы, вносившейся в городскую казну за сеvirат, сеvир-августалы, в некоторых городах управлявшие также должности жрецов других официальных культов, связанных с императорскими (аполлинариев, меркуриалов, церриалов, геркуланиев, магистров культа Здоровья), должны были за свой счет устраивать игры, мостить дороги, строить и ремонтировать святилища, устраивать угощения для народа²⁸.

О благосостоянии либертинов-сеvиров можно судить также и по тому, что некоторые из них занимали эту должность сразу в двух городах, видимо, имея дела и земли в обоих; иногда они получали различные отличия от городов, а сыновья их становились городскими магистратами. Сплошь да рядом отпущенники таких сеvиров и сами становились сеvирами, возможно, участвуя в делах патронов²⁹.

говец Ацелий Синерот, сын которого занимал должности эдила, дуумвира, префекта ремесленников (IX, 2128); в Эзернии сеvир Сауфей Кресцент был квинквенналом коллегии плотников (IX, 2683); в Альба Фуценс сеvир Марций Фауст, повар, входил в коллегию дендрофоров (IX, 3938); августал Капуи Флавий Салутар торговал известью (X, 3947); два Нонния Зета, августалы Остии, были владельцами хлебопекарни (XIV, 393, 394); там же августалом был Ренний Филодокс, квинквенналом коллегии плотников (XIV, 407).

²⁸ В Конкордии Акутий Нетон завещал городу 400 тыс. сестерциев (V, 8664), а Бруттий Тарт и Ритий Терт замостили улицу и сделали тротуар (V, 1887, 1894); то же сделали четыре сеvира Таруссии (V, 2116). В районе Наварии Папирий Каллист выстроил арку (V, 6473); в Фалериях четыре августалы вымостили дорогу (XI, 3083); в Непете Нестор по случаю посвящения им статуи патрону дважды устроил для граждан пир (XI, 3214); в Цере в 25 г. августалы устроили латинские и греческие игры и раздали народу сладости (XI, 3613); в Вейях сеvир на деньги, предназначенные для игр, воздвигли статую Августа (XI, 3782); в Фульгенции Галерий Эпафродит угостил народ сладкими напитками (XI, 5222); в Асисе Тиресий Кампан на данном декурионами участке построил святилище Здоровью для граждан и поселенцев города (XI, 5371); в Форуме Семпрония августалы вымостили дороги длиной в 1165 и 248 футов (XI, 6126, 6127); в Пизавре сеvир по случаю освящения статуй божественных императоров устроили пир (XI, 6306); в Сепине Нератий Эпиник построил храм Гению города и раздал декурионам по 6, августалам по 4, плебеям по 2 сестерция (IX, 2440); в Амитерне Лезий Гермаиск воздвиг колонну (IX, 4213); в Потенции Диги, получив, кроме августалитета, почетное отличие бисселлия, дававшее право на особое место в театре, устроил пир и раздачу (X, 141); в Путеолах в 56 г. августалы дали двухдневные игры в честь Нерона, Агриппины и Юпитера (X, 1574); августал Филерот по случаю освящения храма Виктории угощал народ сладостями (X, 1887); в Алетрии Минуций Антерот завещал сеvирам 10 тыс. сестерциев (X, 5809).

²⁹ В Аквилее сеvир Ацелий Акант имел пять отпущенников, из которых двое тоже были сеvирами (V, 964). Ту же должность занимали Варий Тихий и

Как видим, частично августилами становились отпущенники знатных и богатых лиц, использовавших свое влияние в их пользу. Эти либертины, иногда в свою очередь имевшие возвысившихся до севирата отпущенников и вошедших в сословие декурионов сыновей, составляли ядро преданных интересам своих высоких патронов клиентов, способных благодаря своему богатству и положению влиять в нужном патронам направлении на городские дела, что для последних имело немалое значение. Частично звание августалов получали либертины, сами составившие себе состояние, занимаясь торговлей, ремеслом, врачебной практикой, сельским хозяйством. Достойно внимания, что среди августалов довольно большой процент составляли отпущенники женщин. Возможно, управляя их имуществом, они разбогатели, еще будучи рабами. Как мы помним, многие рабы-акторы принадлежали женщинам. Отпущенники либертинов этой категории тоже иногда становились севирами, а сыновья — декурионами. В единичных случаях они и сами как бы причислялись к этому закрытому для либертинов сословию посредством присвоения им инсигний декурионата, скорее всего, за исключительно щедрые пожертвования городу.

Однако не всегда богатство и даже затраты на городские нужды давали отпущенникам доступ к севирату. Здесь, видимо,

его отпущенник Зосим (V, 1014). Армоний Астура был севиrom Конкордии и Форума Корнелия, а два его отпущенника — севирами Конкордии (V, 1884). Лукреций Эразм даром был сделан севиrom Бриксии и Тридента (V, 4439). В районе Статилиевых Акв проживал Серторий Тулл и его также являвшийся севиrom отпущенник Ларг, в свою очередь, имевший трех отпущенников (V, 7545); Мессий Зосим был севиrom Петина и Форума Семпрония, получил инсигнии декурионата и статуя от совета и народа; по этому случаю он устроил пир и роздал по 12 сестерциев (XI, 5965); Меммий Феликс дважды был августалом Ларины и получил отличие бисселия (IX, 741); Целерий Коринф был августалом Эзернии и Ауфадена, а его сын стал кваттуорвиром Эзернии (IX, 2658); Мамилий Фауст, августал Театы, имел шестерых отпущенников, из которых один также был августалом, а сын его Модест стал декурионом (IX, 3023); в районе Амитерна имел землю Септимин Фелицион, августал Амитерна и Пелтина, сын его Амарант был августалом Пельтина (IX, 4335); сын августала Нурсии Петрония Смарагда, Семпрониан, стал эдилом, октовиром и магистром коллегии юношей (IX, 4543); в Монтелеоне Плеторий Флор, брат которого был свободнорожденным, будучи сам севиrom, имел восьмерых отпущенников, из которых один был октовиром (IX, 4897); Фуфиций Гениал был августалом Фирма и Фалерий (IX, 5446); в Рипине севирами были Невий Тиамед и его отпущенник (IX, 5753); августал Нолы Клавдий Феликс имел сына, в 20 лет избранного декурионом; для своей гробницы он получил от города участок в 3250 кв. футов (X, 1268); в Венафре севирами были Папий Менотем и его отпущенник Форт (X, 4908); сын севира Анагнии Вибия Севера был претором и квестором (X, 5929); в Сигинии севирами были Волумний Теофил и его патрон Забда, тоже либертин (X, 5972); сын августала Остии Силия Феликса был декретом декурионов причислен к дуумвирам, сам же Феликс удостоился погребения за счет города (XIV, 415); августал того же города Туций Эвтих сделал гробницу для своих 23 отпущенников, из которых один тоже был августалом (XIV, 427).

не последнюю роль играла традиция, определявшая отношение к бывшим рабам и их возможному возвышению. Севиры-августалы из либертинов наиболее часто встречаются в городах Северной Италии, в некоторых из которых они значительно превосходят число свободнорожденных севилов. Особенно многочисленны они в таких торговых и ремесленных центрах, как Аквилея, Медиолан, Конкордия, Верона, Бриксия, Бонония и т. п. В городах же, бывших центрами районов крупного землевладения, их гораздо меньше. В Коме, например, севилов из либертинов вовсе нет. Довольно много отпущенников-севилов в Умбрии и восточных областях Центральной Италии. Гораздо меньше их в Апулии, за исключением известного шерстоткацким производством города Венусии. Мало августалов либертинов в Этрурии, а также в Кампании. Особенно любопытна в этом смысле Капуя, где при очень высоком проценте (примерно 75% надписей отпущенников), в частности, всякого рода принадлежавших к этому сословию дельцов, известны лишь три либертина-августала. Совсем незначительно их число в Лукании и Лации, включая и Остию, где число занимавшихся разными торгово-ремесленными и финансовыми операциями отпущенников весьма значительно. В других городах Лация их надписи единичны. Только в Тибуре сохранились надписи семи августалов-либертинов. Характерно, что двое из них были отпущенниками сенаторов, один — весталок, один, судя по имени Требулан, — отпущенником города Требулы. Видимо, в этих областях возвыситься до севирата могли в основном лишь отпущенники очень влиятельных патронов или городов, находившиеся вообще в особом положении, о чем речь пойдет в следующей главе. Характерно, что в соседнем с Тибуром городе Фикулее севилом-августалом не стал даже такой отпущенник, как Консий Церинт, занимавший должность *accensus velatus*, сделавший за свой счет для города мостовую с тротуаром по холму длиной в 340 и шириной в 9 футов и замостивший еще одну дорогу в 3040 футов длиной, проходившую через четыре пага (CIL, XIV, 4012). Очевидно, даже такой щедрой затраты на городские нужды оказалось недостаточно.

Можно полагать, что в районах латифундий и в старых рабовладельческих областях путь в более высокое сословие севилов-августалов открывался лишь перед отпущенниками очень знатных патронов или исключительно богатыми. В гористых же районах с преобладанием мелкого землевладения и более патриархальными отношениями, а также в городах Северной Италии с быстро развивающимися торговлей и ремеслом иным было отношение к деловым людям, и в частности к богатым отпущенникам. Недаром Марциал высмеивает сукновала и сапожника, давших игры в Бононии и Мутине, и задается вопросом, где в ближайшее время устроит игры трактирщик (III, 59) ³⁰.

³⁰ Emilia Romana. Firenze, 1944, t. II, p. 72—73.

По-видимому, с течением времени севира, как и другие почетные муниципальные должности, потерял привлекательность и превратился в повинность. Каракалла уже принудительно назначал устроителями игр, которыми ведали севиры-августалы, отпущенников богатых людей³¹.

Среднее место среди либертинов занимали те, которые, не достигнув августалитета, были все же достаточно обеспечены, работая в различных отраслях производства. Наибольшее число их надписей дошло из Рима, крупнейшего торгово-ремесленного центра с очень дробной специализацией профессий. Но соответственные данные довольно многочисленны и для итальянских городов.

Известны отпущенники, занятые в строительном и плотничьем³² деле, металлургии³³, различных художественных промыс-

³¹ *Dio Cass.*, 78, 10, 2.

³² В СПЛ встречаются: архитекторы: Клавдий Витал (Рим, VI, 9152), Валерий Артема (Форум Фортуны, XI, 6243), Брутий Секунд (Конкордия, V, 1886), Кокцей Аукт (Путеолы, X, 1614), Аргорий Прим (Помпеи, X, 807, 841); штукатуры: Юлий Никефор, Руфрий Руфин (Рим, VI, 5295, 5985), Юлий Филомуз (Велитры, X, 6593), Марций Филодам (Беневент, IX, 1721, 1722), Пульфиций Никия (Корфиний, IX, 3192); плотники: Апулей Либон, братья Гавии Дардан и Сальвий, Статилий Ангиох (Рим, VI, 9410—9412), Флавий Гиларийон (Тускул, XIV, 2630), Валерий Мах (Пренесте, XIV, 3009), Плотий Александр (Ауксим, IX, 5862), Цесоний Демегр (Путеолы, X, 1923), Авлен Фуск (Венафр, X, 4916), Авлений Модест и Ренний Филодокс (Остия, XIV, 299, 407); лесоторговцы: Эмилий Александр (Капуя, X, 3965), Рай Эрот (Рим, VI, 9104); владелец мастерской лектик у Великой клоаки Гостилий Амфион (Рим, VI, 7882); колесники Сергей Эвтих и его патрон Филоксен (Рим, VI, 9215); специалистка по изготовлению деревянных тессер Дельфида (Таурины, V, 7044); мастер по водяным органам и трубам (Беневент, IX, 1719); механик Бебий Музей (Рим, VI, 9533); мраморщики и подрядчики по внутренней отделке зданий: Армодий Никефор, Валерий Фарнак, Кассий Артема, Туллий Кресцент (Рим, VI, 7814, 9552, 33293, 33873), Титиний Никефор (Капуя, X, 3985), Касутий и Валерий Антиох (Пиза, XI, 1415), обжигатель извести Флавий Салутар (Капуя, X, 3947); кирпичник Аниций Эрот (Волтурны, X, 3729).

³³ Патрон коллегии кузнецов Тифаний Феликс (Туфик, XI, 5716), кузнецы, десять отпущенников Фанниев и Титиев (Рим, VI, 9393), торговец железными и бронзовыми изделиями у храма Фортуны (Рим, VI, 9664); бронзовщики: Порций Содал и его патрон Болоний Гилар, Плотий Фауст, Лутений Антерот, специализировавшийся на бронзовых статуэтках (Рим, VI, 9133—9137), Росций Эрот (Интерамна, XI, 4428), Фуфий Опат (Плацинция, XI, 1234); мастера по выделке мечей (Рим, VI, 9442; Альба Фуценс, IX, 3962); упоминавшаяся уже гвоздодвица со своим патроном (Таурины, V, 7023); серебряники—литейщики, чеканщики, граверы, большая часть которых в Риме имела лавки и мастерские на Священной дороге,— Канулей Зосим, превосходивший, по словам его эпитафии, всех в искусстве клондиевой чеканки, упоминаемой также Плинием Старшим, Канулей Филоник, имевший мастерскую у храма Кастора, возможно, как-то связанный с предыдущим, Фурий Диомед, Ветелий Нестор, пять отпущенников Юниев, видимо, компаньонов, Критоний Дасид, Велоний Титир, Децимий Фауст и Фортунат, Силий Виктор (Рим, VI, 363, 9221, 9222, 9239, 9391, 9392, 9419, 9824, 9950), Катий Язон (Новый Форум, IX, 4793), Сотерих, специалист по серебряной посуде (Верона, V, 3428); золотых дел мастера, также имевшие в Риме мастерские на

лах³⁴, парфюмерии³⁵, изготовлении одежды³⁶, кожевенном

Священной дороге: Фурий Селевк, квинквеннал коллегии золотых дел мастеров, три Септиция Аполлоний, Сальвий и Селевк, видимо, соотпущенники-компаньоны, Семпроний Кефал, Фульциний Гермерот, Валерий Флакк, Помпей Фрукт и его патрон Юкунд, позолотчик Филомуз (Рим, VI, 3928, 6939, 9202, 9208, 9211, 9212, 9541, 9888, 33836), Травин Аргент и Аукт (Интерамна, XI, 4402), Сициний Прим (Опнтергий, V, 1822).

³⁴ Золотошвей Артемидор (Рим, VI, 9813); жемчужники Домиция, Клодий Феликс, Атилий Эвод, Стаций Эрот, Кальпурний Антим (Рим, VI, 5972, 9543, 9545, 9548, 9549, 33872), Цецилий Плут (Улубры, X, 6492); резчики гемм: Альбий Темелл и его пять соотпущенников, три Плотия и два Бальбия, видимо, компаньоны (Рим, VI, 9434, 9435); резчики по слоновой кости и инкрустаторы: Клодий Амен, Бромий и Метродор (последний варил клей для инкрустации), Элий Аполлоний, Веседий Содал, Саллюстий Абинея (Рим, VI, 7655, 8173, 9375, 9443, 33423), Авидий Эзоп (Капуя, X, 3957); скульптор, делавший маленькие статуэтки, — Октавий Эвтих (Рис. VI, 9894); мастер изготовлявший глаза для статуй (Рим, VI, 9402); кольцовщик (Бонония, XI, 6831); зеркальщики: Герма (Рим, VI, 9899) и Невий Антерот (Ателла, X, 3738); рисовальщики: Антоний Эвтих, Саллюстий Аякс, Корнелий Филомуз, бравший подряды для театра (Рим, VI, 9786, 9794, 33427), Сульпиций Эрот (Требия, XI, 5009), Цинций Сальвий и Политим, поставившие свои клейма на статуях (Рим, VI, 29794, 29801); посудники: упоминавшийся уже Фульвий Доротей со своими 23 отпущенниками и еще три васкулария (Рим, VI, 9954—9957), Модий Памфил, торговец керамичкой (Путеолы, Dessau, 7661), плетельщики венков: Септимий Александр, имевший мастерскую на Священной дороге (Рим, CIL, VI, 9283), Стахий Квинт (Интерамна, X, 5372), Марций Харий (Формии, X, 6125), Альфий Дама (Эзерний, IX, 2688).

³⁵ Квинтилий Памфил, Лугаций Пакций, «из фамилии царя Митридата», упоминавшийся уже Требоний с семьей отпущенниками, Фульвий Феликс, Папилий Филерот, Вергиний Антиох и др. (Рим, VI, 5638, 5639, 9928—9934, 10003, 10004), Фенний Александр, Децидий Аукт (Помпеи, X, 892; Путеолы, X, 1962), Новий Лукрион и Новий Препон с компаньоном Дионисием, Сатрий Гилар, Статий Филолам (Капуя, X, 3974, 3975, 3979, 3982), Филаргир (Венусий, IX, 471), Новий Акаст (Игувий, XI, 5834), Галлоний Примигений (Аквилея, V, 1042), Ветий Гермес (Вардагата, V, 7454). Несколько отпущенников имели цирюльни в квартале Скавра, в районе vicus Longus (Рим, VI, 9940, 9763), в Парме (XI, 1071), Кремонне (V, 4101).

³⁶ Выше уже упоминалась большая компания центонариев Октавиев. Из других центонариев известны: Атий Януарий из коллегии центонариев в Мевания (XI, 5047), Теттий Герм, Цессий Хресим (Сассина, XI, 6524, 6615), Лаллий Аргавл (Индустрия, V, 7485), Луцидий Сукцесс (Эзерний, IX, 2686), сагарии, изготовлявшие грубые плащи: соотпущенники Арлены Деметрий, пафлагонец, и Артемидор, киликяец, Сальвий Наст, Тевда и Филерот, Корнелий Антифон, Никефор, Филомуз, Мениск, Приск, Теренций Памфил с тремя отпущенниками, Цецилий Спендон с 18 отпущенниками (Рим, VI, 7971, 9675, 9864—9872, 33906), Формий Флакк (Медиола, V, 5926), отпущенники сагарий, красильщик и ткач полотна, упомянутые в неизданных надписях из Бононии (Etruria Romana, t. 1, p. 122); другие ткачи полотна и шерсти: Кафурний Антиох, Марций Ант из Субурры, Болоний Лариск, Галлония (Рим, CIL, VI, 3489, 9491, 9494, 9941), Альфиций Гилла, проживавший в Мутине и торговавший шерстью в Риме (XI, 862), Эбутий Хрест (Фанум Фортуны, XI, 6228), Кассий Сопатер и его патрон (Медиола, V, 5923); сукновалы: Автроний Стефан (Рим, VI, 9429, 9430), Дай Филаргир (Мевания, XI, 5066), Силлий Приск, состоявший квестором коллегии сукновалов и плотников (Фалерии, IX, 5450), Помпоний Феликс, которому посвятили надпись сукновалы и чесальщики шерсти (Регий Лепид, A. e., 1946, № 210), Статии Филоник и Алаук, магистры коллегии сукновалов (Сполетий, CIL,

производстве³⁷, торговле, иногда очень специализированной³⁸. Многие либертины занимались финансовыми операциями в каче-

XI, 4771); швеи и портные: Статилия Каллчста, Марция Прима, имевшая мастерскую у «шести алтарей», четыре Авилия и их патрон и другие вестиярии из разных кварталов Рима (VI, 6852, 9883, 9884, 9969, 9971, 9973, 9974, 9976, 9977, 33920—33923), Минисия Дионисия (Асис, XI, 5437), Лукреция Пластида (Атесте, V, 2542), Цервидий Диоген (Капуя, X, 3959, 3960), Азийский Антиох (Беневент, IX, 1712), Лукпейций Прим (Мутина, XI, 868), Нонний Гиларион (Регий Лепида, XI, 963), Сервий Диоген (Форум Семпрония, XI, 6109), Пуций Урбан (Бриксия, V, 4509), Невий Антиох (Сора, X, 5718); красильщики: Юлий Филоксен, Вария Креста, Прим (Рим, VI, 9843, 9846), Модий Филомуз, Витурий Атик из квартала Югария (Рим, VI, 32454; А. е., 1923, № 59), Минаций Филодам (Капуя, CIL, X, 3973), Каниний Филоген (Интерамна, X, 5352), Плутий Эрот, эпитафия которого была найдена в районе Бовилл, но который имел мастерскую в Риме в Тускском квартале (XIV, 2433), Пуций Мик (Парма, XI, 1069^a), Пулли Фуск и Герма (Аквилея, V, 1044).

³⁷ Сапожник Гавий Приск из Субурры (Рим, VI, 9284), сандалящик (Капуя, X, 3981), Теттий Филаргир (Бонония, XI, 6838); ремешник Юлий Филоксен (Рим, VI, 9528), седельщик Цецилий Гермен (Рим, VI, 9376), бурдючник Манний Апелла (Рим, VI, 33846), дубильщик кожи Фабий Онезим (Рим, А. е., 1946, № 91); Гавий Идоней, который в надписи на семейной могиле сообщает, что он со своими домочадцами поддерживал жизнь сапожками, шерстью, шкурками, т. е. был скорняком и сапожником (Корфиний, CIL, IX, 3193).

³⁸ Торговцы вином и съестными припасами (Рим, VI, 9671, 9993, 33926, А. е., 1910, № 74; Салерн, CIL, X, 545; Улубры, X, 6493), зерном (Рим, VI, 9426, 9427), зерном и овощами у Средней лестницы (Рим, VI, 9683). Ряд отпущенников вел более специализированную торговлю: Теренций Антерот торговал луком (Рим, VI, 9142), огородник Сергей Антерот — овощами (Рим, VI, 9459), садовник, имя которого не сохранилось, — фруктами (Рим, VI, 33478), Портумий Элен — орехами у базилики двух Антоний (VI, 5536), Петроний Александр — утками (Рим, VI, 9143), Папилий Антиох — соленьями (Рим, VI, 9873), Аврелия Наис — рыбой у Гальбийских амбаров (Рим, VI, 9801), Церциен Дассий и Клувий Цердон — маслом (Рим, VI, 9716, 9718), Фуфций Зет — медом у Тригеминских ворот (Рим, VI, 9618), Аврелий Гермес с Виминала, Вергилий Гент из роши Либитичи, Баллиен, Эруций Александр, Элий Пир — мясом (Рим, VI, 9499, 9532, 33870; Аматерн, IX, 4227; Асис, XI, 8024), Эмилий Никефор — удочками (Рим, VI, 9456); в Минтурнах четверо отпущенников Каминиев вели торговлю бобами (А. е., 1922, № 123), продавец яблок Атей Регилл прожил 102 года и трижды посвятил Гераклу десятину со своих доходов (Капуя, CIL, X, 3956); отпущенник центуриона Помпей Атимет торговал курами, его эпитафия найдена в районе Тускула, где, возможно, помещался его птичник (XIV, 2523); свиной торговец Ацилий Синерот составил состояние, достаточное, чтобы его сын смог занять должности эдила, дуумвира и квинквеннала (Ветулония, IX, 2128); известны еще торговцы лупином (Dessau, 7494), сеном (Путеолы, CIL, X, 1925), углем (Беневент, IX, 1716), яйцами (Мевания, XI, 5067). Некоторые отпущенники говорили о себе просто как о торговцах (*mercatores*, *negotiatores*) без указания на товары, которыми торговали: Гельвидий Филаргир, Цецидий Фауст, два Саккония с четырьмя отпущенниками или соотпущенниками (Рим, VI, 9629, 9630, 9662), Цедий Никефор (Пестум, X, 487), Нумизий Агатемер, купец из Испании (Остия, XIV, 397), Рустий Фестив, Цесселии Сур и Пилак (Беневент, IX, 1710, 1713), Рубрий Гиларион Рубелла, торговавший с Галлией и Азией (Мевания, XI, 5068), Статий Фауст (Бергом, V, 5145). Можно назвать также работоторговца отпущенника Аполлодора из Рима (VI, 9633). Трактирщиками были отпущенники: Помпоний Саккон (Медиолан, V, 5931) и Кри-

стве менял, аукционистов, ростовщиков и т. п.³⁹ Чрезвычайно велико было число отпущенников и отпущенниц врачей разных специальностей и повивальных бабок⁴⁰. Из других профессий, упоминаемых в единичных случаях, можно назвать грамматиков Лепида Пудента и Малей в Риме (VI, 9449, 33859), учителя Аппия Сальвия в Амитерне (IX, 4226), педагогов Фурия Лая и Петия Примигения в Вицентии (V, 3157) и Асисе (XI, 5440), стряпчего Клодия Эрота в Фануме Фортуны (XI, 6230), библиотекаря Маллия в Эпоредии (V, 6801), переводчика Курция Прота в Риме (VI, 33864), математика Валерия Алексисона в Риме (VI, 6070), работников при театрах в Риме (VI, 9859 — 9863), кифареда в Таррацине (X, 6340), мореплавателей Раммия Хреста в Капуе (X, 3804), надпись которого датирована 12 годом, и Петрония Америмна в Поле (V, 94).

К ремесленно-торговым слоям, возможно, принадлежали и некоторые отпущенники, эпитафии которых не содержат указания

тония Филема, имевшая трактир в инсуле своего патрона, тоже отпущенника гравера Критония Дассия (Рим, VI, 9824). Более значительно среди отпущенников число поваров (Рим, VI, 9263, 9268, 9270, 9271, 33838; Касина, X, 5211; Тергесте, V, 1982). Возможно, некоторые из них также имели трактиры; таковыми мог быть повар Клодий Антиох, по происхождению Туск, соорудивший в Касине гробницу для своих 15 отпущенников, из которых один был центонарием; другие, как Генецилий Доместик, служивший у Лартидия, нанимались на работу. Близки к поварам были хлебопеки (Рим, VI, 9803, 9805; Интерамна, X, 5346); в Улубрах сохранился список 14 пекарей, отпущенников разных господ, возможно, компаньонов (X, 6494). Более специализированы были кондитеры (Аквилея, V, 1036, 1046; Альба, XIV, 2302; Корфиний, IX, 3190; Анагния, X, 5933).

³⁹ Лоллий Дионисий, Муций Ал. Помпоний Флакк, три Септумей, Кандидий Элевтер, аргентарий у храма Кастора, Суестиллий Клар и Сэт, аргентарий и нуммуларий у шести алтарей, Кокцей Геракл, аргентарий у Эсквилинского рынка, шесть Кауцилиев, аргентарии с винного рынка Вивиев Эроти из Велабра, пять Валериев, Сальвий Секунд из района Фламиниева цирка, Суллиций Баттара, нуммуларий у Трезвого Меркурия (Рим, VI, 9165, 9166, 9168, 9170, 9177—9179, 9181, 9182, 9184—9186, 9713, 9714), Пактий Филоген, Паппий Апеллес, аргентарий, бывший вестовым консула 28 г. (Капуя, X, 3877, 3977), Помпоний Муза (район Арпина, X, 5689), Домиций Агатемер из района семи цезарей (Пренесте, XIV, 2886), Эбуций Спит (Пола, V, 8318), Гельвий Гилар и Пет (Беневент, IX, 1707), Лукций Филокал, назвавший себя мелким ростовщиком — *microtociста* (Луцерия, IX, 823).

⁴⁰ Рим, VI, 8147, 8207, 9568, 9572, 9576, 9577, 9583, 9586, 9588, 9594, 9598, 9601, 9605, 9611, 9612, 9615, 9617, 9623, 33070, 33097, 33157, 33877; Неаполь — X, 1497; Капуя, X, 3955, 3962, 3972; Сора, X, 5719; Формии, X, 6124; Венусия, IX, 467; Луцерия, IX, 827; Алифа, IX, 2369^a; Тервент, IX, 2607; Ауфин, IX, 3388; Нурсия, IX, 4553; Фалерии, IX, 5462; Ауксим, IX, 5861; Бонония, XI, 742, 6837; Мутина, XI, 867; Флоренция, XI, 1613; Популония, XI, 2605; Калена, XI, 3946; Интерамна, XI, 4423; Асис, XI, 5400, 5441; Форум Семпрония, XI, 6137; Фанум Фортуны, XI, 6233; Пола, V, 8320; Игувий, XI, 5836; Тергеста, V, 562; Феррара, V, 2396; Атесте, V, 2530; Вицентия, V, 3156; Араузионский паг, V, 3940; Ком, V, 5277. Интересна надпись в стихах врача из Игувия Сабина Примигения, который ходил по многим форумам и прославился честностью и искусством, видимо, некоторые врачи странствовали по рынкам и ярмаркам, обслуживая собиравшихся там людей.

на их специальность, но сопровождаются изображением мастерских и орудий ремесла.

Все эти сведения не являются, конечно, исчерпывающими, но какие-то предположения сделать позволяют. Так, можно думать, что, как и при республике, отпущенники меньше занимались исконными итальянскими ремеслами, хотя они и были наиболее распространенными (кузнечным, плотничьим, сукновальным, ткаческим), а если и занимались, то лишь самые крупные дельцы, изредка входившие в общие коллегии, а чаще организовывавшие отдельные товарищества со своими соотпущенниками или отпущенниками, иногда привлекая и отпущенников других господ. Вероятно, первоначально такие отпущенники работали еще в качестве рабов на более значительных предприятиях, затем организовывали собственные. Больше отпущенников устремлялось в торговлю и специализированное ремесло, особенно обслуживавшее спрос на предметы роскоши и требовавшее особых навыков и высокой квалификации. Значительная часть либертинов — ремесленников и торговцев, — помимо Рима, концентрировалась в южных и центральных городах Италии, сравнительно меньше их было в городах северных районов. Возможно, там им представлялись большие возможности обратиться к сельскому хозяйству. Это косвенно подтверждается тем обстоятельством, что, как мы увидим далее, все известные нам отпущенники, служившие в когортах стражи, происходили с севера. В армию же всегда предпочитали брать не городских, а сельских жителей. Некоторые либертины достигали благодаря ремеслу и торговле значительного благосостояния, но в основном они принадлежали к средним слоям, имея одного — трех отпущенников, с которыми часто совместно вели дело. К тем же кругам принадлежали и либертины-финансисты. Из интеллигентных профессий наиболее обычной для отпущенников была медицина.

Об отпущенниках, ставших колонами или посаженных на землю на каких-либо иных условиях, мы уже говорили. Иногда они управляли имениями господ. Такие либертины нередко упоминаются в Велейской таблице, где от имени хозяев они оформляют заклад земли. В районе Атины Обиний Эпикад в течение 14 лет был виликом своего патрона (CIL, X, 5081). Отпущенник консула 29 г. Фуфия Гемина Политик посвятил надпись нимфам по случаю того, что вода была проведена в имение, которым он, видимо, тоже управлял (IX, 5744). В Бриксии Эвбул, воспитатель консула 223 г. Росция Прокула Элиана, был прокуратором имений хозяина, давшего ему свободу. Со своим отпущенником Росцием Фирмом он посвятил надпись Юпитеру, «хранителю владений Росциев» (V, 4241). В Тускуле отпущенник сенатора Гавия Апалия Максима также был его прокуратором (XIV, 2607). Отпущенник консула Латерана Атений исполнял должность прокуратора его земель в районе вестинов и в 156 г. вместе с рабом-

диспенсатором Евтихом посвятил метрическую надпись Сильвану (IX, 3375).

Некоторые отпущенники служили аппариторами при магистратах. Выше уже упоминались вестовые — *ассепси* — патронов-консулов. Наиболее характерна эпитафия М. Аврелия Зосима, отпущенника и вестового консула 20 г. Аврелия Котты, сделанная от имени последнего. Из нее мы узнаем, что Зосим не раз получал от патрона суммы, равные всадническому цензу, что Котта дал приданое его дочерям, а сыну обеспечил звание воинского трибуна (XIV, 2298). Отпущенники служили также письмоводителями при квесторах и эдилах (VI, 1807, 1819, 1821, 1833², 1855, 37146), ликторами (VI, 1874, 1891, 37149, 37150), виаторами при консулах, преторах и квесторах (VI, 1916, 1920, 1929, 2194, 37151), глашатаями (VI, 1943, 1948, 1949, 1953, 1956), входили в состав персонала при жреческих коллегиях и храмах (VI, 2150, 2194, 2198, 2200 — 2202, 2211, 2212, 2215). Видимо, при каком-то ведомстве служили перечисленные в одной надписи два опциона, один тессерарий и 18 табеллариев, из которых трое были рабами, остальные — отпущенниками разных господ (VI, 9915).

Некоторые аппариторы давали свой послужной список. Так, Фабий Цитисий, отпущенник Африкана, был при Тиберии виатором квесторов эрария, затем письмоводителем трибунов и квесторов. Он имел общую гробницу с членами своей семьи и друзьями, из которых один, отпущенник Крифий Кальпетан, был виатором и пулларием при употреблявшихся для гадания курах; другой, Нимфидий Филоген, состоял письмоводителем квесторов; одна из похороненных в гробнице женщин была отпущенницей Ливии Агусты, другая — дочерью раба Ливии Прима, купленного у Кальпетана (VI, 1815). Корнелий Персик, отпущенный в прокураторском совете при Домициане, состоял в декуриях консульских виаторов и ликторов, его жена получила от императора право считаться матерью четырех детей, а сын — всадническое достоинство (VI, 1877). Отпущенник Марий Дорифор, удостоенный Коммодом «права кольца», был письмоводителем эдилов и квесторов, глашатаем консулов и квесторов, виатором авгуров и ликтором жреческой коллегии Лаврента и Лавиния (VI, 1847). Сутрий Памфил был ликтором жреческой коллегии, виатором преторов и консулов и вместе с тем декурионом коллегии кузнецов; из десяти похороненных с ним отпущенников и соотпущенников один также был консульским и преторским виатором (VI, 1892). Виаторами квесторов были либертин Лукреций Гемелла и его отпущенник Хрест (VI, 1929). Консидий Эрот состоял вестовым консула, виатором плебейских эдилов, луперком и магистром трех декурий аппариторов (VI, 1933). Отпущенник и диспенсатор консула Юния Силана стал глашатаем авгуров (VI, 7445).

Аппариторы не порывали связей со своими патронами, если те были достаточно влиятельными людьми. Так, Волузий Элайн был аппаритором при свѣем патроне-цензоре и состоял жрецом Гения господина в фамильной коллегии Волузиев (VI, 1967).

Обычно аппариторами становились отпущенники знати. Интересен в этом отношении список 26 глашатаев понтификов и фламинов, восемь из которых были отпущенниками консулов 98 — 108 гг. (VI, 32445). Изредка отпущенники частных лиц служили при ведомствах, обычно обслуживавшихся императорскими и городскими отпущенниками. Так, в Капуе отпущенник двух патронов Руфин был письмоводителем при ведомстве наследств (X, 3878); в районе Фалерна проживал Вибий Фортунат, гаруспик, прокуратор-дученарий при ведомстве наследств, прежде состоявший при императорской канцелярии *a studiis* (X, 4721); в Карсиолах известен отпущенник Аниний Эрот, ликтор Августа (IX, 4057); в районе Сублаква — Тетий Цисс, аппаритор децемвиров (XIV, 3492); в Капуе — Сукцесс, ликтор дуумвиров (X, 3939); известны также частные отпущенники — виаторы, письмоводители, глашатаи городских магистратов в Монтолеоне (IX, 4910), Венафре (X, 4919), Аквине (X, 5430), Мутине (XI, 842), Асисе (XI, 5442), Медиолане (V, 6374).

Аппариторы составляли своего рода аристократию среди либертинов, сближаясь с императорскими и городскими отпущенниками, из которых, как мы увидим в следующей главе, вербовались основные кадры административного аппарата. С отпущенниками, принадлежавшими к другим группам, они, видимо, соприкасались мало.

Служили отпущенники и в когортах городской стражи. Первоначально организовавший их Август набирал в эти части исключительно отпущенников. Затем их становится там все меньше. В списке отряда II когорты, стоявшего в Остии, значатся: в 166 г. 1 отпущенник, в 168 г. — 4, в 175 г. — 2, в 181 г. — 1 (XIV, 4499, 4501, 4502, 4503); в списке 20 солдат второй центурии от 203 г. — 4 отпущенника (VI, 920). В других списках начала III в. (VI, 1056 — 1064) либертинов вовсе нет. Известны еще служившие в когортах стражи отпущенники Клодий Альбан (VI, 2972), Л. Либурний (VI, 2988), Папирий Феликс (VI, 2990), Ювентий Феликс (VI, 32754), трубач Амплиат (X, 217). Из тех, чья родина обозначена, трое происходили из Рима и по одному из Регия Лепида, Форума Корнелия, Эмоны, Флоренции, Лукоферонии, Равенны, Вероны. Как видим, кроме уроженцев столицы, в когорты стражи набирали отпущенников только из северных районов Италии. Вероятно, даже в эти когорты либертинов принимали в виде исключения, поскольку правительство вообще не желало допускать в армию не только рабов, но и отпущенников. В самом начале империи их еще по старой памяти иногда использовали при подавлении панноно-далматского восстания, в армии

Германика в войнах с Арминием⁴¹. В 19 г. Тиберий, выслав из Рима отпущенников, приверженцев иудейской и египетской религий, 4000 наиболее здоровых из них организовал в отряд, направленный для ликвидации разбойничьих шайк в Сардинии⁴². Впоследствии, за исключением времени маркоманнских войн Марка Аврелия, такие случаи неизвестны. Даже в когорты стражи либертинов перестают, как правило, допускать.

Таков, как можно судить по нашим данным, состав сословия либертинов, имевших патронами частных лиц,— состав весьма пестрый, принадлежавший к разным классам и социальным слоям.

Однако отпущенники, проникавшие; казалось бы, во все сферы жизни италийского общества, вместе с тем, по-видимому, в большинстве случаев держались довольно изолированно, вращаясь в основном в своей среде. Об этом свидетельствуют многочисленные, главным образом надгробные, надписи. Гробницы, в которых хоронились либертины, можно разделить на три категории: большие колумбарии знатных семей, распространенные в Риме в первой половине I в., но не засвидетельствованные ни для более позднего времени в столице, ни в италийских городах во все время империи (подробно они рассматривались в предыдущей главе). Здесь отпущенников хоронили попеременно с рабами, а иногда со свободными, вступающими с отпущенниками в брак или служившими их господам по найму.

Вторая категория — гробницы семей средних слоев, предназначенные для патронов, отпущенников с их потомками и лишь в виде исключения для рабов. Так, в Бриксии Постумий Инген в свою семейную гробницу включил также рабов и рабынь в количестве 29 человек (V, 4682); в Мутине служивший виатором отпущенник Луцей Авкт сделал гробницу для себя, своих жен, наложниц, отпущенников, рабов и рабынь (XI, 894); в Бононии либертин Бебрик приказал похоронить в своей гробнице отпущенников и рабов (XI, 6843).

Наконец, третья категория — гробницы, выстроенные одним или несколькими отпущенниками для своих семей и друзей. Свободнорожденные в этих гробницах были лишь из числа жен отпущенников и их родившихся уже после освобождения детей. Посторонние свободнорожденные не встречаются почти никогда. Никогда не числятся в надписях на гробницах и члены семьи, продолжавшие быть рабами, хотя иногда оставлялось место, чтобы вписать их имя, если они успеют при жизни получить свободу. Здесь возможны два объяснения: или рабы, получившие волю, порывали связи с родными, еще не получившими ее, или владельцы отпускали рабов целыми семьями со всеми

⁴¹ Tac., Ann., II, 12.

⁴² Ibid., II, 85.

входившими в семью сочленами. Действительно, на соответственных надгробиях часто перечислены не только получившие одновременно свободу муж, жена и дети, но и их родители, братья, сестры. Часто гробницы принадлежали соотпущенникам, не состоявшим в родстве. Иногда общие усыпальницы строили отпущенники разных господ. Мы приведем лишь некоторые наиболее интересные примеры из чрезвычайно обильного числа соответственных надписей.

Наиболее велика упоминавшаяся уже выше гробница отпущенников Апулеев из района Салерна в Кампании. Ее соорудили отпущенники двух Луциев — Сальвий, Файер и Феликс — вместе с одним отпущенником двух Луциев и женщины. Далее следует 60 сохранившихся в надписи имен Апулеев, отпущенников одного Луция, двух Луциев, двух Луциев и женщины (X, 557). Другие гробницы не столь велики. Так, в Вибо шесть отпущенников Пуллиев владели гробницей с двумя Вариями (X, 88); в Капуе Альфий Антиох завещал гробницу семи соотпущенникам, среди которых были его отец и сын (X, 3999); Корнелий Беневола соорудил гробницу для своего патрона и семи соотпущенников, в число которых входили его жена, мать и три брата (X, 4094); в Атине двумя гробницами владели восемь отпущенников разных господ (X, 5118, 5119); в Улубре совместно были похоронены отпущенники виноторговец Папий Фасел, мясник Теттий Стлат, мясник Тинарий Авкт, ветеринар Квинтий Никефор и еще 12 человек, из которых один был свободнорожденным, а другие — отпущенниками разных господ (X, 6493); в Остии общая гробница была у 14 отпущенников Манлиев (XIV, 1305); там же Гуманий Юкунд выстроил гробницу для своего патрона, четырех отпущенников Турпилиев и четырех Петрониев (XIV, 1121); из Интерамны дошли фрагменты списков отпущенников разных господ, совместно исполнивших какой-то религиозный акт (XI, 4232, 4249, 4264); такой же характер носит фрагмент списка из Веттонии (XI, 5185); в Телесии отпущенники Сасия Лохиды, мать и Сасий Цереал, дядя, выстроили гробницу для сестры отпущенницы Сасии Маркатиеллы, брата Геспера и свободнорожденного Понтия Приска, отец которого был мужем Лахиды (IX, 2303); в Бононии совместно похоронены были отпущенники Филаргир, сапожник, Волузий Юкунд, табуларий, и свободнорожденный каменщик Бебий (XI, 6838).

Кое-где отпущенники объединялись в особые коллегии. Такая коллегия упомянута в одном фрагменте надписи из Рима. Некий отпущенник Секунд подарил этой коллегии часовню Доброй Богини с очагом и лестницей (VI, 62); принципсов коллегии отпущенников называют две помпеянские надписи (X, 817, 820); в Пренесте отпущенник Урвиний Филомуз был магистром коллегии либертинов и удостоился публичного погребения и ста-

туи на форуме за то, что завещал городу деньги на баню, золотой венок в храм Фортуны, 10 пар гладиаторов и 200 тыс. сестерциев на игры (XIV, 3015). Из Геркуланума дошли фрагменты списка, видимо, членов коллегии, разделенной на центурии; сохранились названия центурий Конжордии и Венеры и 260 имен отпущенников царя с 92 именами свободных (X, 1403), последние обозначены особо. Видимо, либертины, состоявшие в этой неизвестного назначения коллегии, объединялись в отдельные центурии. Все это говорит об изолированности отпущенников, составлявших свои группы по принципу общности профессий, чаще — общности фамильного имени или в силу дружеских связей.

В ремесленные коллегии, столь распространенные и в Риме, и в итальянских городах, отпущенники входили не часто. Так, в датированном 152 г. списке коллегии остийских перевозчиков на 150 человек приходится один императорский отпущенник и три частных (XIV, 250); известны также квинквенналы — отпущенники из коллегии остийских плотников (X, 541; XIV, 299, 407). В остальных же многочисленных списках остийских ремесленных коллегий отпущенники не значатся. В других городах известны отпущенники: квинквенналы центонариев и плотников в Эзернии (IX, 2683, 2686), член коллегии театральных регентов (*scabilarii*) в Корфинии (IX, 3188), квинквенналы сукновалов Филоник и Алавк в Сполетии (XI, 4771), патрон коллегии кузнецов в Туфике (XI, 5716), квинквеннал коллегии плотников в Пренесте (XIV, 3009), член коллегии мраморщиков в Тавринах (V, 7044), квинквенналы коллегии золотых дел мастеров в Риме (VI, 9202, 9888), Фабий Онезим, принесший дар Сильвану и Гению коллегии дубильщиков кожи в Риме (А. е., 1946, № 91), Флавий Гиларион, в течение семи пятилетий занимавший в коллегии плотников Тускула должность декуриона, дважды бывший там цензором, а также квинквенналом, организатором выборов и судьёй (CIL, XIV, 2630), торговец полотном, состоявший в коллегии лиц, обслуживавших цирк (*harenarii*) в Мутине (XI, 862), неоднократно уже упоминавшиеся Силлий Приск из коллегий плотников и сукновалов в Фалериях (IX, 5450), Октавий из коллегии центонариев в Риме, Помпоний Феликс, связанный с коллегией шерстобитов и чесальщиков шерсти (А. е., 1964, № 210), члены коллегии центонариев в Мевании (CIL, XI, 5047) и Индустрин (V, 7485).

Как видим, состоявших в ремесленных коллегиях отпущенников очень немного. Любопытно, что магистратов и жертвователей коллегий среди них больше, чем рядовых коллегиятов. Вероятно, только самые крупные дельцы, имевшие возможность так или иначе воздействовать на товарищей по специальности и играть среди них видную роль, поступали в коллегии, остальные были вне их. Как уже сказано, в уставе коллегии Эскулапа и

Гигии было оговорено, что рабы в нее вовсе не должны приниматься, отпущенники же — в виде исключения, по особому ходатайству или завещанию патронов. Видимо, такая же дискриминация имела место и в ремесленных коллегиях.

Выше мы уже указывали на сокращение числа надписей рабов — министров культа компитальных Ларов, довольно многочисленных в начале империи и почти исчезающих во II в. То же, хотя и в меньшей степени, относится к либертинам — магистрам этого культа. Больше всего соответствующих надписей дошло из Рима. В 7 г. до н. э. три отпущенника магистра принесли дар Меркурию (VI, 283); в 3 г. до н. э. четыре магистра принесли дар Аполлону. Один из них — отпущенник Сульпиция Гальбы, другие носили имена Требоний, Фуфий и Корнелий (VI, 33). Во 2 г. до н. э. дар Меркурию принесли магистры Понтий, Милоний, Сульпиций и Корнифиций (VI, 34). В том же году 4 магистра посвятили надпись Ларам квартала Сандалярия (VI, 448). В 3 г. н. э. Ларам Эсквилинского квартала посвятили надпись магистры Клодий, Росций и Маний (VI, 33957). В том же году три магистра, один свободнорожденный и два отпущенника Марции по желанию соседей сделали в честь Геракла служившие эталоном гири (VI, 282). В период между 12 г. до н. э. и 7 г. н. э. ряд посвящений был сделан магистрами-отпущенниками богине *Stata Fortuna*, или *Stata Mater*, охранявшей город от пожаров (VI, 761—766), несколько из них носили имена Целиев и Петрониев.

Как видим, большинство из упомянутых здесь магистров — отпущенники виднейших консульских и сенаторских семей. Август продолжал политику Юлия Цезаря, назначавшего в образованную им колледию луперков Юлиев отпущенников тех виднейших лиц государства, симпатии которых он хотел привлечь. Отпущенники-магистры, названные в надписях от 45 и 83 гг. (VI, 35, 449), носят не связанные со знатными семьями имена Нунтиев, Бирриев, Лаберия. В этот же период появляются надписи магистров свободнорожденных. В 98 г. часовню Ларам в районе Коллинских ворот отремонтировали четыре магистра-отпущенника; один из них, Сициний Регент, имел, видимо, патроном упомянутого в той же надписи плебейского трибуна Сициния Квинтиона, другой — члена сенаторской семьи Турраниев (VI, 450). Правительство, примирившись с сенатом, снова стало поощрять назначение магистрами либертинов видных патронов. Фрагменты надписей 100 и 109 гг. называют магистров смешанного состава: отпущенников и свободнорожденных (VI, 451, 452, 2222). В 136 г. примерно 350 магистров разных кварталов посвятили надпись Адриану. Из них 37 были свободнорожденными, трое императорскими, остальные — частными отпущенниками, имена которых не дают возможности судить о положении их патронов (VI, 975). В надписях от 208 и 223 гг. квартальные маги-

стры уже все свободнорожденные (VI, 30960; А. е., 1949, № 170). Остальные римские надписи магистров не датированы. Часть из них сделана свободнорожденными, часть — отпущенниками (CIL, VI, 453, 454, 760, 801, 2212, 2223—2227, 32454, 33465). Из последних одни носят имена императоров: Юлиев и Флавиев, другие — имена знатных семей начала империи: Фанниев, Саллюстиев, Лартидиев, Корнелиев; магистр Катилий Прим, возможно, был отпущенником консула 120 г. Об одном известно, что он был пурпурием, другой — служителем при погребениях. Судить о положении других не представляется возможным.

В итальянских городах организация поквартальных магистров вскоре сливается с организацией севи́ров-августалов. В правление Августа первые упоминаются несколько раз. В 12 г. до н. э. в Капуе магистром Ларов был отпущенник Кокцей Папа (X, 3803); в 1 г. до н. э. в Путеолах — четыре отпущенника магистра (X, 1582); в 3 г. в Помпеях отпущенник-парфюмер Децидий Авст был министром Ларов с двумя свободными (X, 892). Другие надписи не датированы: они дошли из Бононии (XI, 804), Луны (XI, 1352), Интерамны (XI, 4232), Сполетия (XI, 4798), Фанума Фортуны (XI, 6237), Мутины (XI, 851), Фалерий (XI, 3083), Помпей (X, 1042), Ланувия (XIV, 2118), Альбы (XIV, 2263), Пинны (IX, 3359), Аквилеи (V, 792), Юлия Карника (V, 1829, 1830, 1832: здесь магистры принадлежат к семье Эрбониев, как свободнорожденных, так и отпущенников), из Аквина (X, 5383), Велитр (X, 6556, 6557). Все эти надписи, обычно сообщающие о пожертвованиях магистров на нужды культа и города, сделаны или только отпущенниками, или отпущенниками и свободнорожденными. Видимо, большинство из них относится к I в. Затем деятельность этих коллегий замирает. Только в Пизавре она засвидетельствована вплоть до IV в., но ее сочлены все свободнорожденные (X, 6359, 6367, 6392, 6368). Свободнорожденные магистры квартальных Ларов имелись также в Сполетии (XI, 4818, 4821), Вероне (V, 3257) и других городах.

По-видимому, первоначальное стремление императоров привлечь отпущенников к этому самому массовому официальному культу со временем ослабевает. В итальянских городах к культу обожествленных августов и связанным с ним некоторым другим культам становятся причастны лишь самые богатые либертины или отпущенники наиболее видных в городах лиц. В Риме, где организации севи́ров-августалов вообще не было, магистры квартальных Ларов сперва вербовались из отпущенников знати, затем, в периоды острых конфликтов между сенатом и императорами, последние не считают уже нужным выделять либертинов знатных патронов. При Антонинах соответствующая практика возобновляется, но лишь спорадически. С середины II в. отпущенники более или менее отстраняются от ведущей роли в поквартальных коллегиях как в Риме, так и в итальянских городах, где такие

коллегии еще сохранялись. Место их занимают свободнорожденные плебеи.

Должности жрецов (*sacerdos*), министров и магистров отпущенники иногда занимали и в других, неофициальных культах. В Сульмоне Гелия Кварта была жрицей Цереры и Венеры (IX, 3089); в Фурфо две отпущенницы с двумя свободнорожденными и одной рабыней были магистрами Венеры (IX, 3518); в Осте отпущенница была магистрой Доброй Богини (XI, 6185); в Бононии отпущенник, магистр какого-то бога, принес дар Аполлону и Гению Августа (XI, 804); в Перузии отпущенница министра — Аполлону и Изиде (XI, 1916), а в Сутрине — Минерве (XI, 3246); в Аквилее две отпущенницы и две свободнорожденные, министры Доброй Богини пага, выстроили ей храм (V, 762); в Тибуре два отпущенника, магистры-квинквенналы, собрали деньги на статую Благоразумия и Здоровья (XIV, 3564); магистрами Благоразумия в ПUTEОЛАХ были тоже два отпущенника (X, 1550); в Коре магистры Благоразумия, три отпущенника и один свободнорожденный, сделали статую божества (X, 6512, 6513). В Кайатии отпущенник Офилий Терт был магистром Меркурия (X, 4589); в Касине две отпущенницы были магистрами Венеры (X, 5165); то же и в Купре Морской (IX, 5295); в Интерамне отпущенница была магистрой Великой Матери (IX, 5061); в Вардагате и Асте отпущенники были магистрами Минервы (V, 7462, 7565). Из Рима дошел список «министров этого места», содержащий имена 20 людей, носивших *tria potina*, возможно, отпущенников, и 60 лиц с одним именем, возможно, рабов (VI, 32480). Других жрецов и магистров культовых коллегий из либертинов в Риме не зафиксировано.

Таким образом, по сравнению с последним веком республики отпущенники, за исключением самых богатых и имевших очень влиятельных патронов, принимают гораздо меньше участия в общественной жизни. Явление это со временем прогрессирует, что, возможно, связано отчасти с упадком ремесла и торговли, благодаря которым либертины в основном могли обеспечить себе известное благополучие, отчасти с общим ухудшением положения плебса. Профессии, которыми наиболее часто занимались либертины, стали считаться самыми презренными. Поллукс, писавший в конце II — начале III в., к специальностям, лишавшим человека гражданской чести, относил занятие мелочной торговлей, содержание трактиров, продажу съестных припасов, участие в откупках, сборе пошлин и налогов; сюда же он причислял глашатаев, кожевников, матросов. Освободиться от бесчестия, по его мнению, могли лишь те из них, кто впоследствии избирал лучший образ жизни ⁴³, т. е. становился достаточно богатым, чтобы купить землю и зажить, не работая. Такие разбогатевшие отпущенники,

⁴³ *Pollux. Onomast.*, VI, 31, 128.

как мы видели, действительно могли войти в высшие круги. Простые же либертины вынуждены были держаться изолированно, в своей среде.

Только среди городских низов разница в статусе стиралась, и в коллегии «маленьких людей» входили на равных правах свободнорожденные, отпущенники и рабы. Таков был состав коллегии Антиноя и Дианы, устав которой упоминался в предыдущей главе, а также других подобных коллегий. В списке товарищества, владевшего общей пробницей, значатся 1 свободнорожденный, 12 отпущенников разных господ, раб Дама и его 8 компаньонов, видимо, товарищей рабов (VI, 34020—34022). В какой-то погребальной коллегии квинквенналом был либертин Аристий Агафокл (VI, 10301), в других — отпущенники Куспий Цисма, Меттий Филемон, Треллий Памфил (VI, 10303, 10305, 10308); дважды трибуном коллегии был Гратий Магн (VI, 10311), префектом — Лартидий Гам (VI, 10313), магистрами Лукцей Антиох, Лукрий, Фабий Агато, Трупон, Гавий Мена, Корнелий Никандр (VI, 10314, 10315, 10319, 10320), почетными членами — Юлий Фавст, Юлий Герма (VI, 10322, 10323), кураторами — свободнорожденные и либертины (VI, 10324—10326, 10329, 10332—10339). Из десяти декурионов коллегии Нимф один — раб Веспасиана, одна отпущенница, остальные — свободнорожденные (VI, 10350). Декурионы — рабы и отпущенники — были и в других погребальных коллегиях (VI, 10369, 10371—10378, 10380, 10383, 10388) наряду со свободнорожденными. Правда, в итальянских городах отпущенники в коллегиях маленьких людей почти не встречаются. Можно назвать только Комария Анта, состоявшего в коллегии Геракла в Альба Фуценс (IX, 3961). Возможно, наиболее бедные отпущенники входили там в разные коллегии, группировавшиеся вокруг семейных культовых патронов. Более самостоятельные, но не достигшие севирата, создавали собственные группы друзей и соотпущенников, не имевших статуса коллегий и державшихся в стороне от официальной жизни.

Изолированность этих слоев поддерживалась и недоброжелательным отношением к отпущенникам в средних слоях свободнорожденных. Гораций, как известно, жаловался, что многие попрекают его отцом либертином и что народ, преклоняясь перед знатным происхождением, не терпит, чтобы римским магистром был сын отпущенника, какого-то Сира или Дамы. Исключение делается лишь для некоторых⁴⁴. Август поощрял дискриминацию отпущенников, хотя именно в его правление выдвинулись не только многие императорские отпущенники, но и ряд талантливых деятелей культуры из бывших рабов.

Но со временем образованным отпущенникам выдвигаться становится все труднее. При Тиберии мы еще знаем Реммия По-

⁴⁴ Horat., Sat., I, 6.

лемона Вицентина, грамматика, прославившегося своей школой, рядом написанных им книг и образцовым хозяйством: его виноградники давали исключительные урожаи, а принадлежавшая ему мастерская одежды — хороший доход⁴⁵. Отпущенником был Федр, но его «бунтарские» басни отнюдь не пользовались популярностью среди знати, и он, по его собственным неоднократным свидетельствам, терпел бесконечные гонения. Известен отпущенник трагик Сцева Мемор, брат которого Турн был одним из влиятельных отпущенников при Флавиях⁴⁶. Наконец, отпущенником был Эпиктет. По-видимому, этим списком исчерпываются составившие себе имя интеллигентные либертины времен империи. В богатых домах их по-прежнему было немало, но, так сказать, на широкую арену они уже не выходили. Скорее всего, это объясняется тем, что с распространением образования в Италии и романизованных провинциях интеллигенция выходит из свободнорожденных средних слоев. Стекаясь в Рим в поисках счастья, она оттесняла либертинов в борьбе за милости богатых патронов. Так отпущенники были отстранены от активного участия в культурной жизни, которое прежде заставляло забыть их происхождение и смотреть на них как на равных в любом кругу. Отпущенник, напротив, становится синонимом тупицы и невежды. «Он имел ценз и дарования либертина», — пишет Сенека о Кальвизии Сабине, который не мог запомнить даже имен гомеровских героев и приобрел знающих греческую литературу рабов, чтобы они подсказывали ему цитаты⁴⁷. Достаточно известен в этом смысле Трималхион, с апломбом несущий вздор об общеизвестных вещах.

На отношение к отпущенникам влияла и зависть к нажившим состоянием, и презрение к тем, кто занимался простым ремесленным трудом или вообще жил трудом, так как в число презираемых попадали все новые профессии. Дион Хрисостом, правда, в своей знаменитой Эвбейской речи осуждает тех, кто презирает человека, мать которого была прислугой или отец учителем, но сам же считает, что свободнорожденного бедняка следует оградить от необходимости стать парфюмером, цирюльником, актером, музыкантом, глашатаем, писцом, стряпчим⁴⁸. Сенека отвергает как недостойные не только низкие, ремесленные искусства, но склонен считать ненужными и некоторые «свободные искусства». В первую очередь он относит к ним грамматику, или, по нашей терминологии, литературоведение. Зачем, пишет он, посвящать всю жизнь изучению слогов или разысканием того, где была родина Гомера, сколько веков отделяло его от Орфея, кто первый стал сочинять стихи и предпочитал ли Анакреонт вино или лю-

⁴⁵ *Suet.*, *Gram. et Rhet.*, 23; *Plin.*, *N. H.*, XIV, 4.

⁴⁶ *Schol. vet. Iuv.*, I, 20.

⁴⁷ *Seneca. Ep.*, 27.

⁴⁸ *Dio Chr.*, *Orat.*, VII, 114; 123.

бовные наслаждения? (Ер., 88). Но ведь именно многие либертины конца I в. до н. э. выдвинулись как грамматикки. В частности, Атей Филолог написал исследование на столь же, с точки зрения Сенеки, «неактуальную» тему: «Любил ли Эней Дидону?»⁴⁹. Такое отношение встречало возражения у других представителей трудовой интеллигенции. Так, Гален в своем трактате «Об изучении искусств» настоятельно советует всякому, чья душа не скотская, изучить какое-нибудь дело, способное и прокормить, и прославить его; на первое место он ставит медицину, риторику, музыку, математику, астрономию, литературу, юриспруденцию, живопись, скульптуру. Но он не презирает и ремесло. В «фиас Меркурия», в который, по его словам, входят порядочные люди, в противоположность надеющимся на Фортуна тунеядцам, он включает также учителей, деревообделочников, каменщиков, строителей и всех прочих мастеров. В целом, однако, к трудящимся отпущенникам относились презрительно.

Тем не менее богатые либертины неуклонно пробивали себе дорогу. Отпущенник или раб из дома М. Фавония туск Сармент, отличавшийся красотой и умением себя держать, жил, как римский всадник, и сидел в цирке на предназначенных для всадников местах, к неудовольствию народа. Он был обвинен в незаконном присвоении почестей, но доказал, что получил свободу от Мецената, управлявшего имуществом Фавония, и продолжал вести прежнюю жизнь. Правда, к старости он разорился в результате разгульной жизни и стал сборщиком при аукционах⁵⁰. В 25 г. трибуном был сын отпущенника Гай Тиранний⁵¹. Сыном отпущенника был при Траяне претор Ларгий Македон⁵². По словам Плиния Старшего, в пять всаднических декурий, отправлявших судебские должности, постоянно включались либертины, что противоречило закону. Император Клавдий в свою цензуру занялся проверкой декурий, и ему указали на 400 человек, являвшихся отпущенниками⁵³. По словам Тацита, многие всадники и сенаторы вели род от отпущенников (Апп., XIII, 27). Клавдий, придя к власти, обещал, что будет допускать в сенат только людей, уже прадеды которых были римскими гражданами, но свое обещание не сдержал и сделал сенатором сына отпущенника, правда, с тем, чтобы его усыновил римский всадник, и сослался при этом на пример своего предка Аппия Клавдия, тоже принимавшего в сенат либертинов⁵⁴. Нерон в первое время своего правления сыновей отпущенников в сенат не допускал, а ставшим сенаторами при его предшественниках не давал магистратур, но

⁴⁹ Gram. Lat., I, p. 127.

⁵⁰ Schol. vet. Iuv., V, 3.

⁵¹ Dio Cass., 53, 27, 6.

⁵² Plin., Ep., II, 14.

⁵³ Plin., N. H., XXXIII, 8, 2.

⁵⁴ Suet., Claud., 24.

затем вернулся к прежней практике⁵⁵. Известно, например, что он сделал сенатором отпущенника египтянина Криспина Нилиака⁵⁶. По-видимому, при Антонинах это стало делом обычным, так как Плиний Младший уже не видит ничего особенного в карьере Ларгия Македона. Как известно, сыном отпущенника-лесоторговца был император Пертинакс, начавший свою карьеру в армии по протекции отцовского патрона консуляра Лоллиана Авита. Отец Пертинакса имел в Лигурии маленькую виллу и сукновальню. Пертинакс, уже достигший высокого положения, но сосланный при Коммодe в отцовское имение, скупил соседние земли и вел торговлю через своих рабов, что доставило ему немалые средства⁵⁷. Биограф Пертинакса не осуждает императора за его происхождение, но автор жизнеописания Александра Севера ставит ему в заслугу, что он, в противоположность Гелиогабалу, выдвигавшему отпущенников, никогда не давал им всаднического достоинства⁵⁸.

Отношение средних слоев к либертинам очень ярко выразил Валерий Максим. «Что более достопамятно,— пишет он,— из установлений афинян, как не то, что отпущенник, уличенный патроном в неблагодарности, терял свободу? Я не хочу, говорил он ему, чтобы ты, несчастиво не ценящий такой дар, оставался гражданином. Я не считаю полезным для города того, кто злодей в доме. Иди, и да будешь ты рабом, раз не умел быть свободным»⁵⁹. Еще больше его восхищают законы Массалии, позволявшие трижды аннулировать освобождение одного и того же раба, если господин трижды будет им недоволен⁶⁰. Как уже упоминалось выше, патроны ходатайствовали в сенате о праве возвращать в рабство «неблагодарных» отпущенников, но правительство на это не пошло.

Приведенные данные, несмотря на их видимую многочисленность, все же не дают возможности достаточно полно судить о положении либертинов и его эволюции, что отчасти объясняется пестротой состава сословия, делающей невозможными какие-то однозначные решения. В общих чертах, однако, можно заключить, что судьба либертинов была тесно связана с развитием и упадком товарно-денежных отношений, городского ремесла, торговли, культурной жизни. Отпуск рабов стимулировался потребностью в квалифицированных и заинтересованных в труде работниках; развитие деловой жизни давало рабам возможность заработать достаточно, чтобы выкупиться на свободу. С другой стороны, оно же приводило к разорению части средних и мелких

⁵⁵ *Suet.*, Nero, 15.

⁵⁶ *Schol. vet. Iuv.*, I, 27.

⁵⁷ *SHA*, Pert., I, 1; 5; III, 3.

⁵⁸ *SHA*, Alex. Sev., 19, 4.

⁵⁹ *Val. Max.*, II, 6, 6.

⁶⁰ *Ibid.*, II, 6, 7.

собственников, которые не могли больше содержать рабов и, напротив, старались перейти на содержание к отпущенникам. Крупные собственники руководствовались потребностью в земледельцах, сходных с колонами, а также стремлением создать в городах влиятельную и преданную клиентеллу, что стало особенно важно для них с середины II в., когда магнаты все больше подчиняли население сел и городов, соседних с их землями. С упадком товарно-денежного хозяйства возможности рабов выкупиться, а либертинов продвинуться сокращаются. Отпущенники становятся более зависимыми от богатых и знатных патронов.

Роль либертинов в социальной жизни, их взаимоотношения с различными социальными слоями свободных были очень различны в зависимости от их собственного положения. Преувеличивать открывавшиеся перед ними возможности нельзя, так как выдвинуться могла лишь их незначительная часть, принадлежавшая к верхушке сословия. В массе их шансы были не столь уже велики. Средние слои либертинов, особенно в областях исконного рабовладения и латифундий, где отношение к отпущенникам было хуже, отстранялись от участия в общественной жизни, изолировались от свободных. Различия сглаживалось в более новых торгово-ремесленных центрах и в районах с более патриархальными отношениями. Не было дискриминации и в самых низах, где различия в статусе бедноты не имели в ее глазах значения.

Самое развитие отпущенничества не связано с кризисом рабовладельческого способа производства. Симптомом кризиса было развитие отпуска сельских рабов, при республике лишь изредка получавших вольную, так как оно стоит в одном ряду с такими явлениями, как развитие издольного колоната, перевод рабов на положение колонов, рост числа прекарных держателей и т. п. В городах же отпущенничество связано в основном с товарно-денежными отношениями, усложнением политической и культурной жизни и т. д. Совсем особое положение в этом смысле занимали императорские отпущенники, которых никоим образом нельзя смешивать с отпущенниками частными.

Глава пятая

ИМПЕРАТОРСКИЕ И ГОРОДСКИЕ РАБЫ И ОТПУЩЕННИКИ

По-настоящему судить о роли императорских рабов и отпущенников во всех отраслях жизни ранней империи можно лишь на основании материала, охватывающего все части государства. Но и итальянский материал в достаточной мере характерен.

Рабы и отпущенники императоров и государства, пожалуй, были еще более дифференцированы, чем те, которые принадлежали частным лицам. Но все они обладали некоторыми специфическими правами. Так, государственные рабы могли свободно завещать половину своего пекулия¹. Рабы императоров, государства и городов управляли своим имуществом на тех же основаниях, на которых это могли делать из частных рабов лишь те, кто получал от господина разрешение на свободное распоряжение пекулием: их обязательства, продажи, дарения считались юридически законными, если только они не имели целью уменьшить причитающуюся императору часть², т. е. эти рабы находились в том же положении, что отпущенники частных лиц. Свободная женщина, вступая в брак с императорским рабом, не теряла свободы, а считалась отпущенницей³. Императорская рабыня, родившая пятерых детей, автоматически отпускалась на свободу⁴. Но и независимо от юридических прав положение государственных и императорских рабов и отпущенников было, видимо, лучше, чем у частных владельцев. Недаром, как упоминалось выше, один из благоприятных для рабов снов Артемидор толкует как предвещание перехода в царский дом, а частные отпущенники старались перейти в категорию отпущенников императорских, что им иногда удавалось⁵.

Значительная часть рабов была, вероятно, занята в сельском хозяйстве. Хотя о землях императоров в Италии сведения наши скудны, вряд ли они подтверждают высказанное Сираго в цитированной выше работе мнение о том, что методы хозяйства

¹ *Ulp.*, *Fragm.*, XX, 17.

² *Ulp.*, *De jur.isci*, 6.

³ *Ibid.*, 12.

⁴ *Ibid.*, 13.

⁵ *Plin.*, N. H., XII, 5, 8.

на них были более отсталыми, а положение рабов худшим, чем в частных имениях. Население во владениях императоров, видимо, рано стало весьма смешанным. Характерны в этом смысле надписи I—III вв. из императорского имения в районе Парентия. Здесь надписи и отпущенников из поместной администрации (субпрокуратора, табулариев), и рабов, помощников табулариев и диспенсаторов, и кузнеца, и рабов, не указывавших своей специальности, и колонов (*Inscr. Ital.*, X², 216—229). Как мы видели выше на примере надписей из Бауланской и Лукулланской вилл, это население получает некоторое подобие самоуправления. Показательны также отрывки фаст коллегии из императорской виллы в Анции за 37—68 гг. с календарем праздников, справлять которые для фамилии, возможно, входило в обязанности перечисленных магистратов, мужчин и женщин. Из тех, чьи имена сохранились, 47 были рабами, 20 отпущенников, в основном Клавдиев и несколько Юлиев, 5 свободнорожденных, возможно, арендаторов участков в имении. Некоторые лица обозначены как нуммуларии; по мнению издателя надписи, в данном случае они равнозначны квесторам; о некоторых сообщается, что они по декрету декурионов внесли за избрание их магистратами определенные суммы: Феликс, межешщик, — 1600 сестерциев, Эпафродит — 1500, Секстианин — 1600, Сапуний Клар — 2000, отпущенник Антипатр — 1600, дворецкий, имени которого не сохранилось, кооптированный по решению декурионов, — 1000 сестерциев. В коллегии имелись жрец, квинквеннал, префект. Что касается должностей, занимавшихся перечисленными лицами в имении, то 10 из них — садовники, 9 — дворецкие, 4 — диспенсаторы, 4 — вилики и субвилики, 3 — сторожа при святилище, 3 — врачи, 3 — строители, 3 — библиотекари, 2 — кирпичники, 2 — клеевары, 2 — стекольщики; кроме того — по одному: сервировщик, начальник лазарета, прокуратор, либрарий, табуларий, межешщик, уборщик атрия, политор, каменщик, мостильщик, кладовщик, ткач полотна, живописец, пекарь, начальник бань, полевой сторож, коринтиарий, педисеква. Должности остальных не обозначены. Некоторые рабы прибавляли к своим именам имена бывших господ; некоторые указывали место своего рождения: Батилл с Капри, Лизимах из Анция, Феликс — кампанец, другой Феликс — тускуланец, Нимфей из Дельф (*CIL*, X, 6637). Персонал виллы был многочислен и разнообразен и также организован по принципу самоуправления с участием как представителей администрации, так и работников разных профессий.

Такие же коллегии рабов и отпущенников имелись и в императорском дворце в Риме. Самая ранняя из датированных соответствующих надписей относится к 1 г. до н. э. Это фрагмент фаст, включающий имена дворецких Титура Галериана и Александра Аминтиана, садовников Сальвия Филотиана и Антигона Патерниана, декурионов, сделавших за свой счет оссуарий и пол,

стоившие 81 денарий (VI, 8738). К тому же или несколько более позднему времени относится надпись отпущенника Августа Юлия Нарцисса, начальника зеркальщиков, декуриона и жреца, внесшего в кассу коллегии для устройства каких-то состязаний 10 тыс. сестерциев и давшего пир жрецам, декурионам и почетным членам коллегии. Вторично он устроил угощение по случаю посвящения его статуи и в третий раз — когда декурионы постановили принять в свои ряды его сожительницу Юлию Эглоге, за что Нарцисс снова внес в казну какую-то сумму (VI, 9044).

Декурионы, почетные члены, члены, пользующиеся иммунитетом, жрецы, квесторы, квинквенналы часто упоминаются в эпитафиях из колумбария Ливии и других членов семьи Августа (VI, 3930, 3956, 3970, 3971, 3978, 3984, 3988, 3999, 4003, 4004, 4013, 4023, 4033, 4037, 4038, 4047—4091, 4222, 4418, 4421, 4429, 4431, 4459, 4467, 4473, 4483—4497). В 18 г. декурия какой-то коллегии получила в дар мраморный алтарь Гения коллегии от раба Тиберия Госпита Лициниана и отпущенника Юлия Талама, дважды занимавших должность квесторов (VI, 244). В фастах коллегии от 48—50 и 65—69 гг. с именами избиравшихся на каждый год в числе четырех магистров из рабов и отпущенников императоров упомянуты два диспенсатора, два вилика, два заведующих лазаретами, один дворецкий и один кирпичник. Некоторые магистры также названы нуммулариями (VI, 8639). В недатированном фрагменте списка декурионов значатся два сервировщика, двое кравчих, заведующий зерном, внесшие в казну какую-то сумму, на проценты с которой должны были производиться раздачи сочленам или декурионам коллегии (VI, 33795).

Как видим, в императорских виллах и дворцах были уже очень рано организованы коллегии, возможно послужившие образцом для частных домов. Такая линия вполне соответствовала социальной демагогии Августа по отношению ко всем слоям римского общества. Коллегии организовывались по типу муниципий, с теми же почетными должностями и взносами — подчас весьма значительными — в общую кассу (на раздачи, угощения и т. п.). Все это должно было сплотить императорских рабов и отпущенников, составлявших мощную корпорацию и с самого возникновения империи начавших играть значительную роль как в императорском хозяйстве, так и в бюрократическом государственном аппарате. Разделить тех и других часто довольно трудно, поскольку дворцовые и общегосударственные ведомства тесно переплетались, особенно в первое время.

Персонал императорского дворца был весьма велик, а специализация его сочленов — очень дробной. Одни и те же должности занимались и рабами и отпущенниками, хотя последние чаще выдвигались на посты десятских, надзирателей и т. п. В колумбарии Ливии, где были похоронены рабы и отпущенники,

принадлежавшие ей и другим членам семьи Августа, мы встречаем лиц самых разнообразных профессий: сторожей при храмах и святилищах (VI, 3926, 4027, 4028, 4040, 4222), при изображениях предков (VI, 3972), при статуях (VI, 4032), кубикулариев (VI, 3954—3961, 4231, 4234, 4312), массажистов (VI, 4045, 4046, 4252), горничных (VI, 3993—3997), заведующих утварью (VI, 4035, 4036), педисекв (VI, 4003—4007, 4245), конюха (VI, 4033), кравчего (VI, 3963), привратников (VI, 3995—3997), слуг, ведавших приемом и приглашением гостей (VI, 3975, 3976, 4025, 4026), сервировщика (VI, 4034), золотых дел мастеров (VI, 3927, 3943—3951), позолотчика, серебряников (VI, 3928, 3941, 4231, 4232), маргаритария (VI, 3981), ювелиров (VI, 3991, 3992), живописцев (VI, 4008, 4009), парфюмера (VI, 4039), швей и портных, специализировавшихся по разным видам одежды (VI, 3985, 3988, 4000, 4029—4031, 4041—4044, 4251), надзирателей за шерстоткацкими мастерскими (VI, 3976, 3977), сукновала (VI, 3970), красильщиков (VI, 3953, 4016), сапожника (VI, 3939), плотника (VI, 3969), строителей (VI, 3988, 4244), водопроводчиков (VI, 3935, 3936), пекарей (VI, 4010—4013), птичника (VI, 4230), комического актера (VI, 3926), чтеца (VI, 3978), библиотекарей (VI, 3979, 4233), врачей (VI, 3982—3987), педагога (VI, 3999), секретарей (VI, 3980, 4242, 4243, 4248), табулариев и их начальников (VI, 3970, 4037, 4038, 4250), диспенсаторов (VI, 3964—3968, 4247), кассиров (VI, 3938, 3952), дворецкого (VI, 3942), вилика (VI, 3929), инсулария (VI, 3973), хорреариев (VI, 3971, 4226, 4239, 4240), персонал, состоявший при ведомстве императорского имущества (VI, 3962, 4014—4024).

В колумбариях детей Нерона Друза — Марцеллы и Октавии — мы встречаем: сторожа при святилище (VI, 4327), виктимария (VI, 4362), раба при лазарете (VI, 4475), кубикулариев (VI, 4331, 4687), горничную (VI, 33370), цирюльников (VI, 4359, 4474), массажистов (VI, 4336, 4479), кормилиц (VI, 4352, 4457), номенклатора (VI, 4455), кравчего (VI, 4351), конюхов, возничих и лектикариев (VI, 4324, 4335, 4348, 4349, 4447, 33368—33372), педисекв (VI, 4354, 4355), золотых дел мастера (VI, 4430), серебряников (VI, 4328, 4329, 4422—4427), чеканщика (VI, 4328), коринтиария (VI, 4455), свинцовщика (VI, 4460), плотников (VI, 4443, 4446), мастера по изготовлению труб (VI, 4444), сукновалов (VI, 4336, 4445), швей и портных (VI, 4434, 4467, 4468, 4477), ткачиху (VI, 33371), пекаря (VI, 4356), садовников (VI, 4360, 4361, 4423), козопаса (VI, 33379), дворецких (VI, 4330, 4428, 4429), диспенсаторов (VI, 4332, 4440, 4441), инсулариев (VI, 4346, 4347, 4446), табулариев (VI, 4358, 4473), кассиров (VI, 4422, 4456, 4469, 4470, 4480), виликов (VI, 4450—4453), кладовщиков (VI, 4357, 4471), библиотекарей при латинских и греческих библиотеках (VI, 4431—4435, 4461, 4488), комедийного актера (VI, 4436), музыкантов (VI, 33372, 4454, 4472), секретарей (VI, 4448, 4449),

педагогов (VI, 4353, 4459), врачей и повивальных бабок (VI, 4350, 4444, 4450, 4458, 4689), германцев из личной гвардии (VI, 4337—4345, 4437).

Наиболее многочисленные надписи обслуживающего императоров и их семьи персонала найдены вне колумбариев. Мы далеко не всегда знаем, какому именно императору принадлежат тот или иной раб или отпущенник, нередко называвший себя просто «раб цезаря» или «отпущенник августа». Однако даже приблизительное распределение дошедших до нас эпитафий по векам показывает, что на конец правления Юлиев — Клавдиев падает некий переломный момент в организации дворцового хозяйства. Характер надписей изменяется⁶. Становится меньше

⁶ Для периода правления Юлиев — Клавдиев мы имеем следующие данные: эпитафии слуг — повара и заведующие кухней (CIL, VI, 8750—8755, 33767), пекари и их начальники (VI, 8998—9002), сервировщики (VI, 8795, 8911, 9046—9048), закупщики провизии, прегустаторы и их начальники (VI, 5355, 8944—8946, 9003—9005), кравчие (VI, 5200, 5351, 5873, 8914—8923, 33780, 33781) и отпущенник, ведавший хлебоснабжением кравчих (VI, 8924), слуги, ведавшие приглашением и приемом гостей (VI, 8698—8702, 8795—8799, 8857, 33762), номенклаторы (VI, 4887, 5352, 8930—8940), диетархи (VI, 5187, 5196), кубикюлярии, их декурионы и начальники (VI, 5194, 5195, 5747, 5748, 8758—8794). Особенно любопытна надпись одного отпущенника Клавдия, который при нем был писцом, при Нероне стал декурионом кубикюляриев, а затем прокуратором педагогов при малолетних рабах (A. e., 1934, № 99), служащие при лазаретах (CIL, VI, 9084, 9085), сторожа при святилищах (VI, 5475, 8703—8717), курьеры (VI, 8800, 8801), конюхи и начальники конюхов (VI, 8649, 33777), лектикарии и начальники лектикариев (VI, 5198, 5865, 8872—8875), подисеквы и их начальники (VI, 5540, 5821, 8992—8996, 33788), привратник (VI, 5849), горничные (VI, 8880, 8951—8960, 33099), цирюльник (VI, 5866), массажисты, один из которых, получив свободу, был назначен суб-префектом александрийского флота (VI, 5540, 9093—9099, 32775), раб при палестре (VI, 5813), кормилица (VI, 5201), виктимарий (VI, 9068), германская стража, императоров (VI, 8802—8809, 37754); слуги интеллигентных профессий: библиотекари при дворцовых и публичных библиотеках (VI, 5188—5192, 8744, 8877—8883), врачи разных специальностей и повивальные бабки (VI, 5350, 8656, 8898—8910, 8947—8949, 33779), педагоги, воспитывавшие детей господ и рабов (VI, 5354, 5563, 8955—8990), певница (VI, 33794), комический актер, который, по его словам, первым придумал имитировать стряпчих, что, вероятно, позабавило императора (VI, 4886), музыканты, 6-я декурия которых упомянута в надписи (VI, 33194), секретари (VI, 8409, 8885—8890, 33754, 37774); ремесленники: золотых дел мастера и серебряники, специализировавшиеся на разного рода изделиях (VI, 5184—5186, 5539, 5746, 8727, 8734, 8741), коринтиарии (VI, 8756, 8757, 33768), свинцовщик (VI, 33789), стекольщики, начальник декурии и жрец стекольщиков (VI, 5202, 5203, 8659, 8660, 9044), хрустальщик (VI, 5348), мраморщики (VI, 5866, 8893), каменщик (VI, 8871), штукатур (VI, 5205), архитектор (VI, 8725), строители и их табулярии (VI, 8911, 8913, 8933), водопроводчики (VI, 7973, 8653), швеи и портные, шившие разные виды одежды — для дома, охоты, для сцены и т. д. (VI, 5193, 5206, 5357, 7467, 8551, 8552, 8554, 9037—9040, 37775; A. e., 1927, № 104), надзиратели в шерстоткацких мастерских (CIL, VI, 8870), тессерарии (VI, 8663, 9081), мешочник (VI, 5356), плотник (VI, 5866), заведующий мастерской (VI, 36820); садовники, вилки и начальники садов (VI, 5353, 6152, 8668—8672, 33745), птичники (VI, 8846, 8849, 37775), чернорабочий (VI, 8894). Вне Рима императорские слуги и ремесленники: в Тибуре отпущенник Августа, ведавший приемом друзей, написал большой гимн Приапу (XIV, 3565),

надписей отдельных работников дворцового персонала и значительно больше надписей их начальников, стоявших во главе профессиональных коллегий и декурий. В первый век империи

в районе Пренесте гардеробщик Нерона (XIV, 2832), в Сурренте коринтианский, кубиккулярный, садовник, живописец, заведующий лазаретом, сервировщик, дворецкий (X, 692, 693, 696, 702, 703, 708, 713), в Остии привратник (XIV, 204). Административный персонал из римского дворца: прокураторы, без указаний сферы их деятельности (VI, 9006—9030), диспенсаторы (VI, 5197, 5349, 5749, 8665, 8667, 8819—8846, 33774, 33775), кассиры (VI, 8718—8723), табулярии (VI, 4889, 5359, 5822, 8526—8531, 9051—9080, 33736, 33738, 33739), один из которых затем был назначен прокуратором, дворецкие (VI, 5187, 6040), кладовщики и их начальники (VI, 5358, 8654, 8745—8747, 31033), заведующий винным погребом (VI, 8527), заведующий продовольствием для дежуривших во дворце преторианцев (VI, 8748), хорреарин (VI, 30813, 30855, 33746), акторы (VI, 8693—8697), инсулярии и их начальники (VI, 8855—8857), вилики (VI, 8684, 9005, 30818), один из которых был назначен в Саллюстиевы сады из прегустаторов.

Ко времени после Юлиев — Клавдиев относятся: слуги — начальники конюхов (VI, 5183, 9086), курьеры, организованные в коллегия, и писец курьеров (VI, 241, 8800, 8801, 37753), начальник кухни и патрон коллегии дворцовых поваров (VI, 7458), начальник сервировщиков (VI, 9045), диетархи (VI, 8643—8645), триклинарх (VI, 9083), кравчие, организованные в декурии, вплоть до 6-ой, и их декурион (VI, 8914—8926), приглашавшие и принимавшие друзей (VI, 8796, 8857—8862, 33779; А. е., 1946, № 99), — известны их четыре декурии, которым в 108 г. один из сочленов дал пир по случаю посвящения им даров Сильвану и Ларам (CIL, VI, 603); сторожа при святилищах (VI, 8423, 32451), начальники, магистры и писцы массажистов и банщиков (VI, 302, 8512, 8582, 8642, 9093—9098), один из которых затем был назначен прокуратором маяка в Александрии, декурион привратников (VI, 8962), декурион лектикариев (VI, 37756), педисеквы, коллегия которых известна из надписи 164 г. (VI, 552, 8521—8524, 8657, 8658), начальник виктимариев (VI, 9084), коллегия упряжников (VI, 693), горничная (VI, 33784), селентарины (VI, 9041, 9042), кубиккулярии (VI, 6191, 8498), один из которых, Валерий Просент, умерший в 217 г., занимал ряд постов в управлении императорских имуществ, писцы и декурионы кубиккулариев, посвятившие в 197 г. надпись Каракалле (VI, 1051), другой писец кубиккулариев (VI, 33770), заведующие продовольствием кубиккулариев (VI, 8518, 8570, 8772, 33769), их одеждой (VI, 33771), больницей для них (VI, 33479), педагоги детей рабов, проживавших в районе Капут Африки, — в 198 г. они посвятили надпись Каракалле, содержащую 24 имени (VI, 1052); ремесленники: резчик по слоновой кости (VI, 33423), золотых дел мастера и серебряники с разными специальностями (VI, 8727—8736, 8969, 33764; А. е., 1953, № 64), начальник позолотчиков (CIL, VI, 8737), портные, шившие разные виды одежды, и табулярий портных (VI, 5304, 8544—8547, 8553, 8555, 8558—8563, 31317, 37746), заведующий шерстоткацкой мастерской (VI, 8870), скульпторы (VI, 786, 36834), архитекторы (VI, 8726, 33763), табулярий строителей (VI, 37759), подрядчик по производству работ (VI, 9034), ламповщик (VI, 8867), начальник ремесленников (VI, 8648), ординарий (VI, 33469), садовник (VI, 9082); административный персонал: прокураторы, глашатаи и другие должности «при дворце», или «при доме августов» (VI, 8511, 8512—8518, 8537, 8640, 30911, 37774, 536, 653, 30786), диспенсаторы при дворцовом фиске, садах, выючном скоте, продовольствии для рабов (VI, 8516, 8667, 8673—8675, 8853, 8863, 8864, 33752), акторы (VI, 585, 774, 8850, 8852), табулярии (VI, 603, 7886, 36935), кладовщик (VI, 8525), заведующие винными складами (VI, 9091, 9092), объединенные в коллегия негоднаторы при винных складах (VI, 8826), организованные в коллегии хорреарии (VI, 682, 8680, 8682, 30813, 30901), вилики (VI, 619, 8550, 8676—8679, 33761).

рабы и отпущенники, обслуживавшие императоров, были еще на положении, сходном с положением челяди в частных домах вельмож. Затем образовалось настоящее дворцовое ведомство с довольно стройной организацией и определенной служебной иерархией.

Многочисленные императорские рабы и отпущенники были заняты также на различных должностях вне дворца. Так, они состояли надзирателями и работниками при казначействе и ведомстве чеканки монеты (CIL, VI, 42 — 44, 239, 376, 385, 2270, 8454, 8456, 8457, 8463 — 8465, 36821, XIV, 3642). В одной из надписей, посвященной монетариями Фортуне, названы 26 человек, в другой, посвященной Гераклу, — 64. Еще большее число императорских рабов и отпущенников обслуживало водопровод. По словам Фронтин, Агриппа, будучи назначен главой ведомства надзора за акведуками, приставил к этому делу своих рабов, впоследствии унаследованных Августом и переданных им государству. При Клавдии куратору акведуков, назначавшихся из знатных лиц, был придан прокуратор из императорских отпущенников. Им подчинялись две фамилии: государственная — из 240 и императорская — из 460 человек, учрежденная также Клавдием. В фамилии входили вилики, *castellarii*, *circitores*, *siliarii*, строители и другие ремесленники, занятые на ремонтных работах в городе и вне его, группировавшиеся вокруг водопроводных кастеллей.

Фронтин жаловался, что многие рабы из-за небрежности или подкупности начальников занимаются посторонними делами, занимаясь к частным лицам. Чтобы пресечь подобные злоупотребления, он приказал задавать каждому дневной урок, записывая его и отмечая выполнение. На содержание государственной фамилии эрарий отпускал 250 тыс. сестерциев за счет налога на воду. Фамилию императора содержал фиск. Для определения объема необходимых работ привлекались опытные архитекторы; часть работ выполнялась силами фамилий, часть сдавалась подрядчикам⁷.

Фрагмент списка рабов, обслуживавших водопровод, дошел из Тибура. Он содержит 19 имен десятских и надзирателей. Вместе с каждым из них обозначены имена его детей, если таковые имелись. Некоторые из сыновей также работали надзирателями, другие именуются «подростками», возможно, то были ученики, также готовившиеся стать водопроводчиками, так что профессия эта передавалась по наследству (CIL, XIV, 3649). Надписи водопроводчиков найдены и в Риме (VI, 8487—8497, 33731—33733).

Императорские рабы и отпущенники занимали разные должности при общественных латинских и греческих библиотеках не только в Риме, но и в итальянских городах (X, 1739; XIV, 196), а также служили сторожами при римских храмах (VI, 8689, 8703—

⁷ *Frontin.*, *De aqueducib.*, 98, 105, 116—119.

8717, 32451). Один отпущенник Траяна был прокуратором мавзолея Августа (VI, 8686).

Немало рабов и отпущенников участвовало в управлении императорским имуществом, а поскольку между императорскими и государственными владениями существовала тесная связь, это позволяло им оказывать влияние на дела, выходившие за рамки непосредственно императорского хозяйства. От времени Юлиев—Клавдиев нам известны персонал ведомств патримония и *ratio privata*, как в Риме, так и в итальянских городах (VI, 8411, 8412, 8419, 8426, 8501; X, 1740, 6640; XI, 3885), а также управляющие отдельными императорскими землями: прокуратор имения Кайеты в Формиях, затем ставший прокуратором при слонах (VI, 8583), сборщика доходов с Луцилианских владений (VI, 8683), видимо сдававшихся колонам, с которых он собирал арендную плату; прокуратора Цинидианских владений в районе Анция, принесшего дар своим товарищам, скорее всего, поместной коллегии (X, 6666); диспенсатора Мамурранской виллы (XIV, 2431), отпущенника Тиберия, ведавшего курами, очевидно, в каком-то имении возле Вероны (А. е., 1923, № 72), диспенсаторов, аркариев, табулариев и виликов (без указания, к какому имению они принадлежат) (V, 1801; 2386; X, 1732; XI, 2916; 5418; 5609; XIV, 2426, 2519, 2861). Можно назвать еще отпущенника Нерона, управлявшего вместе с всадником П. Целером императорскими владениями в Азии⁸. В других отраслях императорского хозяйства при Юлиях — Клавдиях был занят раб, ведавший в городе Лабике доходными домами (CIL, XIV, 2769), отпущенник Клавдия, бравший подряды на производившиеся императорами работы, квинквеннал коллегии плотников (VI, 9034), отпущенники и рабы из мастерских, производивших водопроводные трубы. Какие доходы давали административные должности в императорском хозяйстве, можно судить по тому, что один из табулариев Нерона принес в дар Фортуне статую из серебра весом в 11 фунтов (XIV, 2861), один из диспенсаторов Нерона выкупился на свободу за 13 миллионов сестерциев⁹, а Оттон получил от раба Гальбы миллион сестерциев за то, что выхлопотал ему должность диспенсатора¹⁰.

При Флавиях, Антонинах и Северах с ростом императорских владений все более обширной, разветвленной и специализированной становится занятая в их управлении администрация. Ряд рабов и отпущенников разных императоров занимал различные должности в ведомствах *a rationibus*, патримония и *ratio privata*, как именовался патримоний со времени Септимия Севера (V, 37—40, 7752; VI, 8413—8430, 8498, 8503—8510; IX, 1131; XIV, 2104; А. е. 1949, № 70; 1952, № 59). Насколько обширен был

⁸ Tac., Ann., XIII, 1.

⁹ Plin., N. H., VII, 40.

¹⁰ Suet., Ot., 5.

персонал этих ведомств, видно хотя бы из того, что существовала должность начальника врачей патримония (CIL, VI, 8504). Некоторые работали в фиске, куда поступали суммы, полученные от рабов за освобождение, с их пекулиев и их наследства (VI, 777, 8434), и в отделе наследств, получаемых императорами от посторонних лиц (VI, 8433 — 8435, 8438, 8439; XIV, 200). Эти ведомства занимались не только сбором и распределением денег, но и управлением поступившего в собственность императоров имущества. Один отпущенник Адриана служил в ведомстве наследств в отделе по составлению уставов имений (VI, 8432); видимо, эти уставы, подобно Манциеву закону, регулировали жизнь отдельных имений. В отдельных отраслях управления императорскими землями использовались рабы и отпущенники, работавшие в отделах: виноградников (VI, 9091), вьючного скота (А. е., 1912, № 226), крупного рогатого скота (CIL, XIV, 109), сдававшие в аренду императорские овечьи стада. До нас дошла надпись от 168 г., представлявшая собой письмо отпущенника из ведомства *a rationibus* к префекту претория со ссылкой на заявление его помощника, проживавшего в Сепине, где он являлся начальником над арендаторами императорских стад и жаловался на обиды, чинимые им городскими магистратами (IX, 2438).

На местах рабы и отпущенники составляли администрацию императорских имений. Нам известны виллик Веспасиана из Педуцианских владений (VI, 276) и его прокуратор из Тускуланской виллы (XIV, 2608), прокураторы Траяна из Фиденских вилл Рубрийской и Белых кур (А. е., 1910, № 112), табулари и диспенсаторы Тибуртинской виллы Адриана (CIL, XIV, 3635 — 3637), прокуратор его виллы в Альсии (XI, 3720), актер двух августов из Романийских владений (VI, 721), прокуратор большого земельного комплекса *massa Mariana* (XIV, 52), прокураторы, диспенсаторы, акторы и виллики, не указывавшие, в каком имении они работали (V, 706, 5921; IX, 3580; X, 106, 1730, 1738, 4746, 4763, 5046, 6093; XI, 2706, 3206, 3732, 3738, 3762, 7251, 4427; XIV, 198, 204, 2856, 4316, 4319; А. е., 1914, № 217). Они подчинялись администрации районов; из ее работников известны ректор Статианского района у Фалерий (А. е., 1919, № 69) и диспенсатор районов Паданского, Верцелл и Равенны (CIL, V, 2385).

Значительный персонал был занят в принадлежавших императорам ремесленных предприятиях: в мастерских кирпича, черепицы и водопроводных труб (IX, 6078¹²; 6078¹¹²; XI, 3248, 3548; XIV, 2008, 2304, 2657; XV, 121, 269, 390, 440, 463; А. е., 1951, № 198; 1954, № 172), в мастерских скульпторов (CIL, VI, 786, 2270, 36834), в управлении мраморными карьерами и каменоломнями (VI, 410, 8482 — 8486).

Работники императорского хозяйства могли в ряде случаев оказывать влияние и на общегосударственные дела; еще более важную роль в этом смысле играли служащие многочисленных

императорских канцелярий *ab epistulis*, *a libellis*, *a studiis*, *a metoribus*, *a cognitionibus*, *a commentariis*, личных секретарей и аппаратчиков императоров (V, 475; VI, 180, 301, 1878, 1921, 1963, 1964, 8409, 8585 — 8622, 8623 — 8627, 8628 — 8638, 8877 — 8890, 9051 — 9080; X, 1727; XI, 3199, 1434, 3886). При Антонинах число канцелярий возрастает. Появляется отдел императорских декретов — *a codicillis*, в котором служили отпущенники Ульпии и Аврелии (VI, 8840 — 8842), *actibus*, где служил отпущенник Адриана (VI, 33785), *ab instrumento auxillario* (VI, 8854), бюро «императорских благодеяний» *beneficiorum* и *voluptaria* (VI, 252, 8564, 8565, 8619, 33770), в которых при Траяне служащие объединялись в коллегию. Интересна надпись, содержащая фрагмент рескрипта о назначении отпущеннику из *officium metoriae* жалования в 40 тыс. сестерциев в год и о переводе другого с повышением в *statio voluptatum* (VI, 8619).

Общеизвестна роль императорских отпущенников в правление Юлиев — Клавдиев. Уже Август назначал их на различные государственные должности; Тиберий после смерти наместника Египта Витрасия Поллиона в 32 г. поручил управление Египтом своему отпущеннику¹¹; Нерон, отправляясь в Грецию, оставил Рим и Италию на своего отпущенника Геллия, дав ему право казнить и конфисковать имущество любого человека¹²; об отпущенниках Клавдия писали все авторы, так или иначе касавшиеся его правления. Но, судя по эпиграфическим данным, это были скорее отдельные, по прихоти императоров возвышавшиеся лица, в общем же императорские рабы и отпущенники в массе своей такой значительной роли в общеперской администрации не играли. Помимо занятых в императорских канцеляриях, нам известны: раб Тиберия Музик Скурран, диспенсатор фиска Лугдунской Галлии, похороненный в Риме сопровождавшими его в поездке викариями: негониатором Венустом, кассиром Децимианом, секретарями Дицеем, Мутатом и Крестиком, врачом Агатоном, аргентариями Эпафрой и Антом, гардеробщиком Приммионом, кубикюлариями Коммуном и Гедилом, педисеквами Потом и Фацилом, поварами Тиасом и Фирмом и не имеющим определенной должности Секундом (VI, 5197); отпущенники, состоявшие при ведомствах сбора налогов в Ахайе, Галлии, Африке (VI, 8443, 8451; X, 6668), при ведомстве анноны (VI, 8470 — 8472; XIV, 2833, 2834), снабжения армии (VI, 8538 — 8540); диспенсатор Иллирика (V, 2156); прокуратор остийской гавани (XIV, 163); прокуратор равеннского флота (XI, 17), триерарх и префект мезенского флота (X, 3358, 6318), наварх и два триерарха флота на Тибре (VI, 8927 — 8929), работники ведомства ценза (XIV, 3553, 3640).

¹¹ *Dio Cass.*, 63, 32.

¹² *Ibid.*, 63, 12, 1.

При преемниках Юлиев — Клавдиев бюрократический аппарат совершенствуется и упорядочивается, участие в нем императорских рабов и отпущенников становится более постоянным. Сплошь да рядом отпущенники назначались прокураторами провинций. Отпущенники Траяна и Коммода были прокураторами округа Тевесты в Нумидии, а затем Паннонии (VI, 790; XIV, 176), отпущенники Адриана — прокураторами Сирии, Палестины (VI, 8568), Нарбоннской Галлии (VI, 8569), Бельгики (VI, 8450; X, 1679), Крита (XIV, 51), кампанского округа и Мавритании (X, 6081); отпущенник Пия или Марка Аврелия — прокуратором Азии (X, 6571); отпущенники Септимия Севера и Каракаллы — прокураторами Пандатерии (X, 6785) и Мавритании Тингитанской (XI, 8).

Отпущенник какого-то императора II в., пройдя ряд должностей в дворцовых ведомствах, стал прокуратором Александрии (XIV, 2932).

Ряд отпущенников и рабов был занят в различных ведомствах фиска и анноны (VI, 544, 8474 — 8477, 8444 — 8449, 30804, 33727, 33730), при азиатском фиске (VI, 8570, 8572, 8577), при Александрийском фиске (VI, 8576), при фисках Бельгики (VI, 8574; X, 6092), Африки и Паннонии (VI, 8575), Киликии (VI, 8577), Иудеи (VI, 8579), Ахайи (V, 8818), при заморском фиске (А. е., 1932, № 58), при сборе иллирийских пошлин (А. е., 1934, № 234), при галльском цензе (CIL, VI, 8578), при театральной казне (VI, 297). Помимо центрального управления фисков, многие работали в их отделениях на местах: прокураторы и диспенсаторы анноны Остии и Путеол (X, 1562; XIV, 2045), табулари и акторы тех же бюро (X, 1586, 1729, 1741, 1742), табуларий при сборе налога с наследств в Эмилии и Лигурии (XI, 1222), табуларий Коттийских Альп (V, 7253), Пиценского округа (VI, 5880). Состояли рабы и отпущенники также при ведомстве снабжения войска (V, 2155; XIV, 2840) управления постройками и государственными работами (VI, 8478, 8481; X, 528; XI, 3860; А. е., 1917/8, № 111), при управлении дорогами и почтовыми лошадьми (CIL, VI, 1598, 8466, 8467, 8542, 8543), при городской префектуре (VI, 8403).

Хотя со времени Адриана во главе отдельных ведомств стояли всадники, а при Северах туда все чаще проникали военные, императорские рабы и отпущенники составляли основной костяк расширившегося бюрократического аппарата империи. В ряде случаев в ведомствах служили члены одной семьи, отцы и сыновья, братья, иногда в одном и том же, иногда в разных ведомствах. Так, например, один раб Домициана был табуларием, а его брат погонщиком мулов (А. е., 1945, № 112). Одни получали, другие не получали свободу. Так, Ульпий Эрот, отпущенник Траяна, работал в ведомстве прошений на греческом языке, а его брат оставался рабом (CIL, VI, 8607), но здесь разница в

статусе не разрывала родственных связей, как это имело место среди рабов и отпущенников частных лиц.

Складывались особые чиновничьи семьи среди императорских рабов и отпущенников, тесно спаянные между собой. Часто их сочлены указывали в надписях путь своего продвижения по службе, как то было в обычае у сенаторов, всадников, военных. Так, некто Фортунат, первоначально раб Патерна, затем Веспасиана, был отпущен императором на свободу, стал его акцензом, затем ликтором и виатором в консульской и преторской декуриях и, наконец, перешел в ведомство прошений, где работал его брат, также императорский отпущенник (VI, 1887). Клавдий Басс из ведомства греческих прошений стал затем прокуратором карфагенского округа (VI, 8608). Элий Сатурнин занимал должности табулария при остийской анноне, в управлении императорским имуществом, прокуратора казны, в которую поступали деньги за освобождение рабов, и, наконец, прокуратора Бельгии (VI, 8450). Юлий Ксанф, начав как массажист Тиберия и Клавдия, после смерти последнего стал субпрефектом александрийского флота (VI, 33131). Аврелий Просент из кубикularioв был переведен Коммодом в дворцовое ведомство и занимал должности прокуратора патримония, прокуратора ведомства повинностей и прокуратора виноградников (VI, 732). Л. Аврелий Цейоний Никомед, кубикulario и воспитатель императора Вера, получил от Антонина Пия всадническое достоинство, был назначен жрецом в римском пригороде Ценине, младшим понтификом, прокуратором каменоломен и префектом почты; Вер поручил ему ведомство снабжения войска, наградил почетным копьем и венком за взятие вражеской крепости и, наконец, назначил верховным прокуратором императорских имуществ (VI, 1598). Ульпий Федим, умерший в 28 лет, начал как кравчий Траяна, заведовал винными бочками, затем стал ближним ликтором и получил назначение в ведомство императорских благодеяний (VI, 1884). Аврелий Филот из начальника банщиков стал прокуратором Александрийского маяка (VI, 8582). Флавий Эусхемен возглавлял ведомство прошений, потом стал прокуратором по сбору подати с иудеев (VI, 8604). Флавий Дельфин прошел должности табулария, прокуратора императорской казны, прокуратора ведомства сбора налогов с наследств, прокуратора александрийского фиска (Dessau, 1518).

Как видно из приведенных примеров, порядок прохождения должностей для несвободнорожденного персонала управленческого аппарата не был столь строго регламентирован, как для должностных лиц из других сословий. Больше чем где бы то ни было здесь все зависело от отношения императора к тому или иному человеку, которого он выдвигал по собственному усмотрению. Блестящая карьера некоторых императорских рабов, так же как и роль их в администрации, ни в коей мере не связана с

положением рабов и отпущенников вообще. Она определялась самым государственным аппаратом империи, формировавшимся в то затухавшей, то вновь вспыхивавшей борьбе центристских и центробежных сил. Сталкиваясь постоянно с принимавшей различные формы оппозицией, императоры нуждались в людях, на преданность которых могли положиться, так как судьба этих людей была тесно связана с их собственной. Нуждались они и в работниках более квалифицированных и лучше знающих дело, чем часто менявшиеся чиновники из высших сословий, для которых служба часто являлась лишь одной из ступеней к возвышению, а не делом всей жизни. Наконец, правительству нужны были достаточно надежные и хорошо организованные органы не только для проведения, но и для пропаганды его политики и официальной идеологии. Одним из таких органов была армия. Солдаты и командиры, находясь на службе и став ветеранами и расселившись по италийским и провинциальным городам и селам, не только защищали империю с оружием в руках, не только выполняли различные задания (от управления племенными территориями до функции тайных агентов-осведомителей), но и были постоянными проводниками романизации, римских идей и культов, пользовавшихся официальным покровительством.

Подобную же миссию осуществляли императорские рабы и отпущенники, имевшие возможность воздействовать на те слои населения и районы, с которыми военные по тем или иным причинам были связаны слабо или вовсе не связаны. Надписи императорских рабов и отпущенников разбросаны по всей Италии: в некоторых местах их больше, в некоторых меньше, но в общем этот слой повсюду составлял заметный процент населения. Он станет еще значительнее, если учесть тех Юлиев, Клавдиев, Ульпиев, Элиев и Аврелиев, которые не называли себя отпущенниками императоров, но в ряде случаев являлись детьми и внуками таких отпущенников и хранили традиции «августова дома». По некоторым подсчетам, сделанным на основании керамических клейм, примерно 22% землевладельцев из района Помпей были императорскими отпущенниками. Скорее всего, земельными собственниками были и либертины с императорскими фамильными именами, проживавшие в других городах и пригородных районах Италии, не указывавшие на свои должности, а следовательно, не имевшие или уже утратившие связь с дворцовой и государственной службой. В некоторых случаях они прямо упоминали свои владения. В надписи от 71 г. из Синуессы названа вилла императорского отпущенника (X, 4734); в районе Капены имел землю отпущенник Веспасиана, сын которого был избран квестором и эдилом города (XI, 3932); отпущенник Адриана имел виллу около Тускула (XIV, 2527); отпущенник Этал владел садами в Риме (A. e., 1928, № 12). Землевладельцами были несомненно

и те из них, которые отправляли должность августалов, делали гражданам городов различные дары и получали от них почести. Правда, некоторые императорские отпущенники удостоивались почестей от городов не в качестве местных землевладельцев, а в связи с занимаемой ими должностью. Так, в 124 г. остийские декурионы издали почетный декрет в честь отпущенника Адриана, прокуратора Крита, как-то связанного с остийской коллегией мешочников (CIL, XIV, 51); другой отпущенник Адриана, прокуратор остийской анноны, декурион виаторов, казначей фрументарного фиска, получил в Остии инсигнии декурионата и был избран патроном лаврентийского района Августов (XIV, 2045).

В конце II — начале III в. вошло в обычай оказывать муниципальные почести императорским отпущенникам-актерам, получившим за свой талант звание «первого пантомима своего времени». Один из них был квинквенналом августалов Канузия (IX, 344); другого, отпущенника Коммода Пилада, наделили инсигниями декурионата и дуумвирата в ПUTEОЛАХ и почтили декретом в благодарность за устройство гладиаторских и охотничьих игр (Dessau, 5186). Еще один пантомим Коммода, пользовавшийся особым благоволением императора и Фаустины, получил инсигнии декурионата в Ланувии и был избран в тамошнюю коллегию юношества (XIV, 2113). Наконец, Септимий Аврелий Агриппа, выдвинутый Каракаллой для участия в спектаклях в Италии, имел инсигнии декурионата в Вероне, Вицентии, Медиолане, был принят в коллегию юношества и назначен Каракаллой членом совета большого Лептиса (А. е., 1953, № 188).

Однако таких было меньшинство; другие императорские отпущенники, участвовавшие в муниципальной жизни, являлись, очевидно, местными землевладельцами. В 13 г. до н. э. императорский отпущенник был одним из магистров культа Ларов в Непете (CIL, XI, 3200); отпущенник Цезаря в Окриколи был магистр луперков (XI, 7804); отпущенники Августа или Тиберия были севирами Алетрии, Вероны, Вей (V, 3404; X, 5808; XI, 3805), последний, Юлий Гелот, кроме того, получил благодарственный декрет от совета центумвиров, восхвалявших его заслуги. В Требуле севиры торжественно избрали в свою среду отпущенника Августа Юлия Состена, который вместе с четырьмя свободнорожденными коллегами дал четырехдневные игры (VI, 29681); отпущенники Домициана были августалами Пельтина и Аквилеи (V, 987; IX, 3432); один из них исполнял муниципальные должности в Габиях и получил статую от декурионов и народа (XIV, 2807); другой вместе со своим отпущенником и рабом был похоронен в месте, предоставленном по декрету декурионов Кастромена (XIV, 2469); семья отпущенника Траяна устроила пир для декурионов, августалов и граждан с их женами и детьми в городе Непете (XI, 3206); декурионы Пренесте

почтили статуей сына отпущенника Адриана за заслуги его отца перед городом (XIV, 2973), другому отпущеннику Адриана воздвигли статую декурионы Минтурн (X, 6005), третий принес дар августалам Цере (XI, 3614).

Из императорских отпущенников конца II — начала III в., носивших имя Аврелиев, один удостоился инсигний декурионата в ПUTEОЛАХ (X, 1727), другой отремонтировал бани в АНАГНИИ, был избран декурионом города, получил от декурионов и народа статуя, по случаю чего устроил пир и роздал декурионам по 5, августалам по 2 и народу по 1 динарию (X, 5917), третьему декурионы Авксима выразили благодарность за то, что он роздал декурионам по 3, гражданам по 2 денария (IX, 5828); в 194 г. в Цере императорский отпущенник Весбен подарил августалам здание со всякими украшениями на предоставленном ему по декрету декурионов участке у базилики Сульпиция (XI, 3614); в 198 г. сын императорского отпущенника-прокуратора, получив всадническое достоинство, был эдилом Пола (V, 27).

Обращает на себя внимание тот факт, что если при Юлиях — Клавдиях их отпущенники часто становились севирами-августалами, то впоследствии они эту должность занимали значительно реже. Возможно, что по мере того, как дворцовые и административные ведомства получали более стройную организацию, занятые в них либертины замыкались в своей среде, а выйдя в отставку и став муниципальными землевладельцами, сближались уже не с августалами, которых считали ниже себя, а с семьями декурионов. Об известной замкнутости императорских либертинов свидетельствует и тот факт, что, например, при Адриане они были организованы в особую коллегия Элиев. Один из ее сочленов завещал коллегии статуи Адриана, Минервы и Салюс (VI, 978).

Императорские рабы и отпущенники редко входили в общие коллегии. Можно назвать отпущенников: патрона остийских кожевников (XIV, 10), двух членов остийской коллегии лодочников и плотников (XIV, 250, 304), упоминавшегося уже выше подрядчика императорских работ, квинквеннала коллегии плотников, магистра латинских актеров из Альбы (XIV, 2299), квинквеннала коллегии почитателей Надежды из Анция (X, 6645), Ти. Клавдия Фортуната из ведомства приема посетителей, подарившего в 108 г. изображение Сильвана четырем декуриям коллегии почитателей Сильвана и Ларов (VI, 630), Аврелиев Гилара и Магна, восстановивших погребальную коллегия Сильвана (VI, 31006); из императорских рабов трое, принадлежавшие Адриану, упомянуты в остийском списке лиц различного статуса, видимо, составлявших какую-то коллегия (XIV, 204), и один раб значился в датированном 255 г. списке членов коллегии центонариев из Луны (XI, 1354).

Зато императорские отпущенники активно выступают в качестве организаторов и покровителей коллегий, так или иначе связанных с императорским культом и выражением преданности императорам. Наиболее многочисленной и влиятельной из них была Великая коллегия почитателей Ларов и изображений августов, действовавшая и в Италии, и в провинциях, включавшая не только императорских рабов и отпущенников, но и свободнорожденных. Первые дошедшие до нас о ней сведения относятся ко времени Нерона: Клавдий Антей, отпущенник покойного императора Клавдия, куратор германской гвардии Нерона, сообщает в надписи, что подарил беседку с колоннами и столами Великой коллегии трибунов божественной Августы, в которой сам был почетным членом (VI, 4305). Однако зародилась эта коллегия, возможно, уже раньше. В одной сильно испорченной надписи, относящейся к тому времени, когда Ливия была еще жива, упомянут раб Тиранн, декурион трибунов Августы, наряду с рабом Филадельфом и пекарем Потитианом (VI, 4012). В примечаниях к ней издатель привел в качестве параллелей надпись императорского отпущенника, прокуратора Ценини, принесшего дар «сотоварищам трибунам», и надпись ткача Квартiona, квестора, трибуна и триумвира какой-то коллегии. Впоследствии должности триумвиров и трибунов в коллегиях не встречаются. Возможно, они существовали лишь в самом начале империи, когда еще сохранялись воспоминания о роли триумвиров и трибунов в государстве, устройство которого коллегии всегда более или менее точно копировали. Связь трибунов с культом обожествленной Ливии указывает на их участие в этом культе. Можно полагать, что именно их организация, возникшая первоначально во дворце, и составила ядро Великой коллегии императорских Ларов и изображений августов. В 65 г. несколько императорских отпущенников, из числа которых сохранились имена педисеквы Юлиана, М. Ливия Танаиса, Ти. Юлия Олимпика, Клавдия Сотериха, подарили облицованную мрамором часовню божественного Клавдия и императорских Ларов декурии Великой дворцовой августянской коллегии, в которой декурионом был Олимпик (А. е., 1953, № 24). Уже во времена Клавдия и Нерона эта коллегия имела своих виаторов (CIL, VI, 10 254), при Флавиях и Адриане известны ее писцы (VI, 10 252, 10 253). Сфера ее деятельности постепенно выходит за пределы дворца.

Траяну посвятили надпись почитатели Ларов и изображений августова дома на частной земле (VI, 858). Два отпущенника Адриана, Филет и Филетин, подарили статую Сильвана товарищам по рабству и коллегии Ларов и Пенатов, вероятно, филиалу Великой коллегии (VI, 582); другая надпись сообщает, что некий Труфон отремонтировал храм Сильвану, колон Альцей сделал что-то для товарищей по рабству, а Гн. Турпилий

Трофим посвятил по обету алтарь Сильвану и подарил его Великой коллегии (VI, 692); в 159 г. вторично куратором коллегии Ларов и изображений августов был Сергей Мегален, принесший ей в дар статую или алтарь Геракла Хранителя (VI, 307); в 168 г. отпущенник Косм из ведомства управления императорским имуществом отвел участок и подарил статую Ларов августов коллегии поместных Ларов, учрежденной по просьбе соседей (VI, 455); отпущенник Септимия Севера Гермодион сделал подарок почитателям Ларов августа в ведомстве патримония (VI, 1038); в 205 г. в Остии императорский отпущенник Каллист, прокуратор, предоставил коллегии почитателей Ларов и изображений августов из Рустийских имений участок, чтобы они собирались там в праздничные дни, поручив проследить за ходом этого дела виллику Максимиану. Из письма Каллиста явствует, что с просьбой об участке к нему обратились члены коллегии, которым он счел нужным пойти навстречу в «столь благочестивом деле», дабы они собирались на освященной земле «на благо наших государей»¹³. В городе Луке императорский отпущенник выстроил часовню или место собраний для Фуцинских почитателей Ларов и изображений августов (IX, 3887).

За счет взносов и даров Великая коллегия обладала немалым имуществом. Известен ее раб, актер Эвтих, соорудивший при Антонине Пие в Апонийских садах мраморный алтарь со статуей Сильвана (VI, 671). В 227 г. за разрешением выстроить себе гробницу в 20 кв. футов к некоему Сальвию обратился Геминий Эвтихет, колон расположенных на остийской дороге огородах, принадлежащих Великой коллегии из сокровищниц божественных Фаустин. Он пишет, что в целом обрабатывает земли на сумму в 26 тыс. сестерциев в год и не имеет задолженности; разрешение на гробницу он уже получил от своего коллеги квинквеннала Ефрата. Сальвий и Ефрат переслали прошение четырем квесторам и двум писцам со своей резолюцией, гласившей, что просьба Эвтихета может быть удовлетворена, поскольку другие колонны уже получили разрешение на постройку гробниц, но что он не должен претендовать на большую, чем указана в его письме, площадь (VI, 33840).

Помимо Великой коллегии, императорские отпущенники содействовали и другим, имевшим сходное назначение. Отпущенник Тита Флавий Трофим учредил коллегия Божественности государей у храма Клавдия (VI, 10 251^a); в Силаре, владевший там землями отпущенник жены Домициана Домиций Фаон подарил для обработки и жертвоприношений четыре имения коллегии Сильвана, с тем чтобы она совершала священнодействия в дни рождения Домициана и Домиции, в дни поминовения мертвых и в праздник Сильвана; имения эти посвящаются

¹³ Fontes, III, 76.

«во здравие нашего всеблагого принцепса и господина», а потому все должно совершаться точно и без обмана (X, 444). Выше уже упоминалась коллегия героизированного Корбулона, в которую входили, между прочим, раб Домиции Феб, его сестра Домиция Атенаида и родич Януарий (А. е., 1912, № 221); из надписи 153 г. мы узнаем, что императорский отпущенник Элий Зенон, отец коллегии Эскулапа и Гигии, и мать коллегии Сальвия Марцеллина в память своих родственников—императорского отпущенника Флавия Аполлона, прокуратора картинных галерей, и его помощника Ульпия Капитона — подарили коллегии участок земли, святилище Эскулапа с помещением для собраний и 60 тыс. сестерциев на условии, чтобы число членов коллегии не превышало 60, чтобы туда принимались только свободные, а из отпущенников лишь те, кого господа назначат наследниками, завещав им и свое место в коллегии, чтобы члены коллегии собирались на торжественные трапезы и раздачи подарков в дни рождения Антонина Пия, в день основания коллегии, на новый год и в день поминовения мертвых (CIL, VI, 10 234).

Вместе с тем императорские рабы и отпущенники, коллективно и индивидуально, активно участвовали в различных культах, особенно связанных с императорским, с богами, пользовавшимися покровительством тех или иных императоров, приносили дары во здравие императоров и их дома¹⁴. Таким образом, император-

¹⁴ В Риме рабы и отпущенники Клавдия исполняли обеты и приносили дары Доброй Богине, раз названной богиней дворца и соединенной с богом Фонтном; один из рабов, занимавший должность вилика, по обету отремонтировал ее часовню и алтарь (CIL, VI, 56, 64, 70, 74; 30855); жрицей этой богини была отпущенница Филематия (VI, 2240); викарий раба Клавдия исполнил обет Диту (VI, 138), другая отпущенница Клавдия была жрицей Великой Матери (VI, 2260); отпущенник Клавдия устроил пир для четырех декурий по случаю исполнения им обета Сильвану и Ларам (VI, 630); отпущенник Нерона принес дар Фортуне Примигении (VI, 194); два раба Веспасиана принесли дары Гераклу (VI, 276, 301); другой раб Веспасиана принес дар Изиде, «согласно видению» (VI, 346), раб Домициана — Аполлону (VI, 41); в 88 г. алтарь и замощенный участок Божественности императорского дома посвящали декурионы какой-то курии под руководством двух магистров императорских отпущенников (VI, 541); отпущенник Траяна принес дар Гераклу (VI, 302); раб Траяна Змарагдиан в 112 г. подарил разрисованный портик, статую Сильвана и некоторые культовые предметы Божественности императорского дома (VI, 542); Юпитеру Долихену и Гераклу посвятил надпись раб Траяна (VI, 30754); Божественности Траяна — раб-диспенсатор-фрументарного фиска (VI, 544); отпущенник Траяна — Сильвану (VI, 31029); Гераклу Непобедимому — отпущенники Адриана (VI 320, 327), другой его отпущенник — Юпитеру и Гераклу (VI, 400); Аполлону, Гераклу и Фортуне исполнили обет рабы и отпущенники-монетарии (VI, 42—44); отпущенник Антонина Пия принес дар Эскулапу (VI, 5), другой его отпущенник — Сильвану (VI, 619); при Марке Аврелии и Коммодe статую Тривии в честь их побед сделал отпущенник-рационал (VI, 31053), несколько их отпущенников принесли дары Митре (VI, 723, 724, 727, 732). Победе Коммодe исполнил обет его отпущенник (VI, 790), раб-педисеква подарил своим коллегам посвященный Нимфам колодец (VI, 552); диспенсатор сделал дар Юноне Луцине за дом августов (VI, 360); при Септимии Севере и Каракалле

ские рабы и отпущенники постоянно выступали пропагандистами официальной идеологии. За исключением Сильвана, они обычно избирали объектами почитания тех богов, которые наиболее часто встречаются на монетах тех или иных императоров и которые так или иначе символизировали определенные, апробирован-

их отпущенник во здравие императорской семьи принес дар Фортуне (VI, 180), другой — Весте за благополучие Юлии Домны и Каракаллы (VI, 786, 36834), раб-актор — Непобедимому Солнцу (VI, 721), актер — Тутелле (VI, 774), которой другой раб, табуларий, выстроил храм с разными украшениями (VI, 776); отпущенник Септимия Севера Архелай был жрецом Митры августова дома (VI, 227), другой отпущенник в 208 г. был жрецом Митры «на этом участке» (VI, 716); посвящения рабов и отпущенников, не имеющие точной датировки, — всем богам и богиням (VI, 99), Драконам (VI, 143), Гераклу (VI, 297, 299, 300, 325), Юпитеру — одному или с другими богами (VI, 376, 383, 400), Немезиде, «великой царице космоса» (VI, 535), Солнцу и Луне (VI, 3719), Сильвану — одному или с другими богами, например с «Гераклом божественного дома» (VI, 585, 586, 588, 594, 602, 603, 604, 614, 652, 656, 682, 30901, 30911, 31012, 31017, 36821); один из дедикантов, отпущенник Абаскант Атметриан, расширил и украсил подий Сильвана и поместил в его храм статуи Сильвана, Юпитера, Вулкана, Эскулапа, Аполлона и Дианы; несколько посвящений были сделаны коллективами рабов и отпущенников, служивших при амбарах; Божественности императорского дома принесли дар императорский отпущенник, раб и два свободнорожденных (VI, 538); императорский отпущенник — Матери Земле (VI, 722), другой — Изиде Лидийской и Анубису (VI, 30915), отпущенник-табуларий — Юпитеру Турмасгаду (VI, 30950^a). Особенно интересна, к сожалению, плохо сохранившаяся надпись виллика Леоны из садов Цезаря, где имелись святилища восточных солнечных божеств. Она посвящена Юпитеру Беелепару для тех, «кто захочет совершать священнодействия богу по отеческому обычаю»; они должны приближаться к алтарю целомудренными, воздерживаться от свинины, от меда, совершать определенные жертвоприношения в установленные дни (VI, 30934). В итальянских городах: в Остии обет Сильвану исполнили викарий раба императора Тита (XIV, 50), отпущенник Адриана, прокуратор Крита с сыновьями (XIV, 51), прокуратор Марианских владений (XIV, 52); Аполлону — отпущенник двух августов, помощник табулария (XIV, 4279); отпущенник Аврелий Кресцент с братьями восстановил грот Митры (XIV, 4315); Божественности императорского дома принесли дар раб и отпущенник Траяна — магистры, вероятно, посвященной этой богине коллегии (XIV, 4319), алтарь Нимфам сделал императорский раб (XIV, 4326); в районе Бовилл императорский диспенсатор принес дар Гераклу (XIV, 2426); в Пренесте табуларий Нерона подарил Фортуне 11 фунтов серебра (XIV, 2861), а в 179 г. во здравие Марка Аврелия и Коммода принес дар Фортуне Примигении и Пиетас их диспенсатор на участке, предоставленном ему декурionaми (XIV, 2856); в Тибуре в 224 г. отпущенник из ведомства ценза принес дар Гераклу Победителю (XIV, 3553), а раб какого-то императора — Митре (XIV, 3567), в районе Бергома императорский виллик по приказу Марса сделал ему статую (V, 5081); в Августе Претории императорский раб исполнил обет Митре (V, 6831); в Сегусии в 73 г. обет Юпитеру исполнил викарий императорского раба с женой (V, 7239); в Альтине викарий раба-аркария Ахайи исполнил обет Венере и Гению коллегии августалов (V, 8818); в Кротоне обет Гере Лацине за здоровье сестры императора исполнил ее прокуратор (X, 106); в Путеолах в 62 г. жрецом Доброй Богини был отпущенник Клавдия (X, 1549), там же виллик Диогет принес дар Гению Цезарей (X, 1561), диспенсатор анноны — Гению города за здоровье Адриана (X, 1586), Либери — отпущенник Аврелий Дракон, участник тавроболий (X, 1584) и актер какого-то бюро (X, 1586); в Атине прокуратор Тра-

ные сверху идеи. При Флавиях и Антонинах это в основном Юпитер, Геракл, при Коммоде и Северах — Митра и Солнце. Хотя данных в общем недостаточно, создается впечатление, что при Юлиях — Клавдиях в надписях императорских рабов и отпущенников преобладали божества, обычно являвшиеся объектом почитания лиц этого статуса в конце республики — начале империи (например Добрая Богиня, Ферония). По мере же того, как они все более превращаются в некую корпорацию, скорее напоминающую уже не челядь богатых и знатных господ, а более или менее стройно организованное чиновничество, боги, почитаемые этой социальной группой, становятся богами общегосударственными, поклоняться которым обязаны все, состоящие на государственной службе, и те, кто старался зарекомендовать себя лояльным и преданным подданным.

Исключительное положение императорских рабов и отпущенников в государстве, естественно, вызывало недовольство аристократии, особенно в те периоды, когда она была наиболее оппозиционна императорскому режиму в целом и отдельным императорам в частности. Сенека неоднократно говорил об унижениях, которым императорские рабы подвергают знатных людей. Он видел, как бывший господин проданного во дворец и вошедшего в милость у Клавдия Каллиста стоял у его порога, а Каллист, принимая других посетителей, не впускал того, «кто, надев на него табличку с надписью, вывел на продажу среди презренных рабов». Этот раб, выброшенный как негодный из дома господина, теперь сам считает бывшего хозяина недостойным своего дома¹⁵.

Аналогичный случай рассказывает и Эпиктет: у знаменитого отпущенника Нерона Эпафродита, рабом которого был и Эпиктет, имелся раб-сапожник Фелициан, проданный за негодностью. Попав во дворец, он стал сапожником императора, и сам Эпафродит стал у него заискивать, осведомлялся о его здоровье, заставлял своих рабов говорить посторонним посетителям, что не может их принять, так как совещается по важным делам с Фелицианом и т. п.¹⁶ Сенека, во время ссылки писавший униженные льстивые письма видному императорскому отпущеннику Полибию в надежде получить прощение,

яна на участке, данном декурионами, принес дар Марсу (X, 5046); в Луне два раба принесли дар Беллоне (XI, 1315, 1737); в Пизе — Церере (XI, 1414); в Непете раб Клавдия был магистром Феронии и посвятил ей 5 алтарей (XI, 3199); в Капене отпущенник Траяна посвятил алтарь Юпитеру (XI, 3860); в Клузии — отпущенник Клавдия — Гераклу (XI, 7112); в Вольсиниях императорский отпущенник выстроил цезарей (XI, 7270), другой отремонтировал храм Аполлона (XI, 7271); в Арне диспенсатор исполнил обет Фортуне (XI, 5609), в Тутике — Юпитеру (IX, 1420). В районе Парентия рабы Филиппа Араба принесли дар Митре за императора (Inscr. Ital., X², 216).

¹⁵ Seneca. Ep., 47.

¹⁶ Epict., Conver., 1, 19, 19.

сетует на оскорбления, наносимые порядочным людям заносчивыми кубикularioми, наглыми номенклатoрами, привратниками, которых приходится смягчать подачками¹⁷. Людям, презирающим своих рабов, приходится унижаться перед чужими; их лектикаррии несут их на поклон к какому-нибудь садовому сторожу, не имеющему даже должности ординария¹⁸.

Плиний Старший возмущался излишествами, которые позволяла себе императорская челядь: раб Клавдия Ротунд Друзиллиан, диспенсатор ближней Испании, заказал для себя серебряное блюдо весом в 500 фунтов; для его изготовления была выстроена специальная мастерская, в которой отлили еще 8 блюд по 250 фунтов каждое. Сколько же, восклицает Плиний, товарищей по рабству Друзиллиана вносили эти блюда в столовую и для каких сотрапезников!¹⁹ Один раб Нерона, следуя безумной роскоши Калигулы, приказывал натирать ароматами стены своей бани²⁰. Недавние рабы Нерона считали недостойным иметь сады всего в два югера, которыми некогда довольствовались римские граждане; такую площадь у них занимают рыбные садки²¹. Отпущенники Клавдия Паллас, Нарцисс, Каллист превзошли своим богатством Красса; они присуждали сенаторам знаки преторского достоинства, и их «разве что не посылали с окруженными лаврами фасциями туда, откуда они прибыли в Рим с побеленными ногами». Императорские отпущенники присвоили себе право носить кольца с изображением принцепса, что приводило ко многим злоупотреблениям, уничтоженным Веспасианом²².

Возвысившихся при Юлиях — Клавдиях императорских отпущенников — управлявшего галльской казной Лициния, мимов Кара и Массу (известных доносчиков при Нероне), отпущенника Нерона Криспина Нилиака, ставшего сенатором, упоминает и Ювенал (I, 27; 108; 109). Достаточно известны едкие характеристики, данные отпущенникам Клавдия и Нерона Тацитом. Он, между прочим, с удовольствием передает, как насмехались над римлянами британцы, когда Нерон отправил для расследования положения дел в восставшей Британии своего отпущенника Палланта (Ann., XIV, 39). У германцев, замечает Тацит, отпущенники мало чем отличаются от рабов, редко имеют какое-нибудь значение в доме и никогда — в государстве, исключая те племена, которыми правят цари, — там отпущенники возвышаются над свободными и благородными. У других же племен невысокое положение либертинов — доказательство свободы граждан (Germ., 25).

¹⁷ *Seneca*. De cons. ph., 14.

¹⁸ *Seneca*. De benef., III, 28.

¹⁹ *Plin.*, N. H., XXXIII, 52, 1.

²⁰ *Ibid.*, XIII, 4, 3.

²¹ *Ibid.*, XVIII, 2, 1.

²² *Ibid.*, XXXIII, 12, 3; 47, 2; XXXV, 58, 3.

Обличения злоупотреблений и безумств рабов и отпущенников Юлиев — Клавдиев в значительной мере падают на время правления Флавиев, когда, согласно официальной версии, подобным крайностям положили предел и влияние отпущенников стало ограниченным. На самом деле это не так. Могущественные отпущенники были и при дворе Флавиев, например Турн, брат трагика Мемора²³. Их опасались. Так, Марциал упрекает своего патрона за то, что тот побоялся за него заступиться, когда его сосед по имени, императорский отпущенник Патробий, вредил его земле (II, 32). Им униженно льстили. Поэт Стаций не только написал утешение Флавию Урсу по случаю смерти его любимого мальчика-раба, восхваляя достоинства покойного, но и посвятил стихи юному Флавию Эорину по случаю того, что тот послал свои волосы в храм Эскулапа в родном Пергаме. Стихи наполнены неумеренной лестию: Венера, по словам поэта, увидев у алтаря прекрасного, как Амур, ребенка, дала ему господина, достойного такого красавца; богиня подарила его Домициану, и он затмил всех прочих рабов, стал любимым кравчим императора и т. п.²⁴

Однако при Флавиях и, особенно, при Антонинах знать в общем примирилась с тем положением, которое императорские рабы и отпущенники занимали при дворе и в администрации, требуя только, чтобы императоры не давали им чрезмерно этим положением злоупотреблять. Большинство принцепсов, говорит Плиний Младший в «Панегирике» Траяну, были господами граждан и рабами отпущенников. Их советами они правили, их ушами слушали, их устами говорили. У них приходилось просить и получать претуру, жречество, консулат. Траян же, оказывая своим отпущенникам высшую честь, держит их, как подобает держать отпущенников, и считает, что с них вполне достаточно, если они слывут честными и дельными. Он понимает, что могущество отпущенников — верный знак слабости принцепса. Он использует лишь лучших из них и ежедневно их воспитывает, чтобы они судили о себе по его, а не по своей судьбе. «А мы, — заканчивает Плиний, — тем охотнее оказываем им подобающие почести, что они не вынуждены»²⁵. Плиний превозносит Траяна также за то, что, отказавшись от массовых конфискаций, практиковавшихся прежними императорами, он не раздает по их примеру земли знати рабам²⁶, под которыми, скорее всего, подразумеваются те же императорские отпущенники, по дешевке скупавшие земли осужденных.

²³ Schol. vet. Iuv., I, 20.

²⁴ Stat., Silvae, II, 16; III, 4.

²⁵ Plin., Paneg., 88.

²⁶ Ibid., 50.

Тацит, осуждая Вителлия за то, что он верил не своим знатым друзьям, а отпущенникам, по совету которых устанавливал налоги, набирал солдат и т. п., вместе с тем считал естественным, чтобы отпущенники императора не только поддерживали его, но и в какой-то мере направляли его действия. Вителлий, пишет он, был совершенно невежествен в вопросах права, а его друзья и отпущенники были столь беспечны, что он действовал, как бы среди пьяных (Hist., II 91; III, 58).

На тех же позициях стоял и Светоний. Август, относимый им к числу хороших принцепсов, держал своих отпущенников в чести и пользовался их услугами, но был с ними строг. Прокла он казнил за прелюбодеяние с матроной; секретаря Тала, сообщившего кому-то за 500 денариев содержание его письма, приказал изувечить; педагогов и слуг своего внука Гая, грабивших провинции, велел утопить²⁷. Клавдия за его неспособность противостоять своим отпущенникам Светоний осуждает, но не одобряет и жестоко расправившегося с ними Нерона²⁸.

Дион Кассий уже безоговорочно признает необходимость участия императорских отпущенников в администрации. В речи Мецената, устами которого Дион Кассий излагает собственную точку зрения на государственное устройство, говорится, между прочим, что во главе каждой отрасли фиска, как в Риме, так и в провинциях, должен стоять всадник, подчиненных которого следует набирать из всадников и императорских отпущенников, с тем чтобы за свою службу каждый получал заслуженную награду. От этих людей император всегда сможет узнать правду, даже против их воли, т. е., видимо, применив к отпущенникам пытку, если совершено что-либо неправильное и противозаконное (52, 25, 5). Хорошо служащих отпущенников следует держать в чести, что обеспечит принцепсам авторитет и безопасность. Но среди них следует поддерживать строгую дисциплину и не давать им чрезмерной власти, дабы они своими действиями не компрометировали принцепса, поскольку о нем обычно судят по поступкам тех, кто ему служит (52, 37, 5). Именно так поступал Август, назначавший в провинциальные казначейства всадников и своих отпущенников (53, 15, 3).

Клавдия Дион Кассий осуждает за совершенные его отпущенниками злодеяния. Они особенно бесчинствовали после подавления заговора Винициана и мятежа Скрибониана в 42 г., когда Нарцисс и другие отпущенники мстили кому хотели, принимали доносы от рабов, предавали пытке даже знатных людей (по наговору Нарцисса был безвинно казнен Силан). Отпущенники торговали должностями и правами гражданства; их возвышение вызывало насмешки даже солдат (60, 14, 1; 4;

²⁷ Suet., Aug., 67.

²⁸ Suet., Ner., 35.

15,5—6; 16,3; 17,5; 19,9). Дион Кассий приводит, очевидно, популярный в свое время анекдот: когда отпущенника Скрибониана Галеза привели в сенат для допроса, Нарцисс спросил его, что бы он стал делать, если бы его патрон стал императором? «Стоял бы позади него и молчал»,—ответил Галез (60, 16, 5). Вместе с тем Диону Кассию представляется, что Клавдий продемонстрировал чрезвычайное внимание к сенаторскому сословию, когда приказал высечь своего раба, публично оскорбившего сенатора, и лишь умеренно наказал трибуна, побившего императорского раба за нарушение установленных законов (60, 8, 6). Когда на представлении одной пьесы Менандра народу понравились показавшиеся намеком на императорских отпущенников слова: «непереносим поппавший в счастье выскочка», присутствовавший на представлении Клавдий заметил, что у того же поэта говорится: «бывший некогда козопасом, теперь имеет царскую власть» (61, 60, 29, 3).

Домициан по заслугам пал жертвой заговора своих отпущенников, так как не доверял им и плохо с ними обращался (67, 15, 2). Адриан умел держать отпущенников в руках, так что никто из них не смел за деньги рассказывать о словах и действиях императора (69, 17, 4). При Коммодe отпущенники вошли в силу, особенно Клеандр. Привезенный в Рим и проданный в качестве носильщика, он возвысился до должности императорского кубикюлария, женился на любовнице Коммодa и казнил своего предшественника Соатера и многих других. Этот Соатер в свое время добился от сената ряда привилегий для своей родины Никомедии, но влияние Клеандра было значительно сильнее. По его совету Коммод согласился казнить префекта преторианцев Перенниса, вызвавшего недовольство солдат. Он торговал всевозможными должностями и званиями и в один год продал консульское звание 25 человекам, среди которых был и Септимий Север. Своими доходами Клеандр делился с Коммодом и делал богатые подарки городам и отдельным лицам. Но в конце концов во время голодного бунта 189 г. по требованию народа, считавшего, что Клеандр расхитил продовольствие, Коммод его казнил (73, 10,2; 12; 13). Сам император пал жертвой заменивших Клеандра кубикюлариев Эглекта и Лета, боявшихся, что Коммод их казнит, и потому убивших его (73, 22, 1).

Весьма неодобрительно о Клеандре отзывается Геродиан. По его словам, этот фригийский раб из числа самых низких, продаваемых глашатаями с аукциона, был возведен Коммодом на вершину почестей, злоупотреблял своим могуществом и нарочно вызвал голод, чтобы расположить к себе народ богатыми раздачами, но просчитался: народ поднял мятеж и потребовал его казни²⁹.

²⁹ Herod., I, 12—13.

Септимия Севера Дион Кассий хвалит за то, что он не давал своим отпущенникам зазнаваться. Так, когда сенат хотел вынести благодарность воспитателю Каракаллы Эводу за разоблачение заговора Плавциана, Септимий Север сказал, что не подобает в сенатском постановлении возвеличивать императорского отпущенника. Тем не менее он, как и его предшественники, пользовался услугами отпущенников, и Дион Кассий с большим сочувствием отзывался о его кубикуларии и секретаре Касторе (77,6,1—2; 14,2). Напротив, Каракалла, перебив отпущенников брата Геты, всячески выдвигал и обогащал своих. Он не только употреблял их в качестве тайных агентов и доношчиков, но назначал на неподобающие им посты; так, командиром посланной против Армении армии он поставил Теокрита, обучавшего императора танцам. Теокрит, сын служившего при театре раба, некогда принятый по протекции в римский театр, а затем добившийся успехов в театре Лугдуна, вошел в такую милость у Каракаллы, что оттеснил на задний план префектов претория, казнил из личной мести прокуратора Египта Александра и многих других. Такой же властью пользовались отпущенник Каракаллы Эпагат и отпущенник Септимия Севера Агриппа, назначенный Каракаллой заведующим императорской канцелярией и сенатором, а при Макрине ставший наместником Дакии (78, 18, 4; 21; 79, 13, 2—3). Гелиобал, вообще отличавшийся привязанностью к людям низкого происхождения, возвысил своего возничего карийского раба Гиерокла, а его мать вызвал в Рим и приравнял к женам консуляров (79, 15, 1—2).

Авторы SHA, расходясь во многом другом с Дионом Кассием, разделяют его взгляды на то, какую роль должны играть императорские отпущенники. Хороший принцепс Адриан не хотел, чтобы его отпущенники были известны в государстве и имели на него влияние, как на его предшественников, перенимавших пороки своих отпущенников. Раз, увидев, как его раб прогуливается между двумя сенаторами, он приказал дать ему затрещину и сказал: не смей гулять с теми, чьим рабом ты еще можешь стать³⁰. Другой хороший император, Пертинакс, строго обуздывал дворцовых отпущенников. Он велел продать наложниц и наложников Коммода, но преемники Септимия Севера вернули их затем во дворец и некоторых даже сделали сенаторами³¹. Гелиогабал назначал своих отпущенников президентами провинций, легатами и консулами³². Напротив, Александр Север, как образцовый император, держал свою челядь в строгости. «Продававших дым», т. е. дворцовые секреты и сплетни, он приказывал распинать на дороге, по которой его

³⁰ SHA, Hadrian., 21, 2—3.

³¹ SHA, Pert., 7, 9; 13, 9.

³² SHA, Hel., 11, 1.

рабы отправлялись в императорские субурбаны³³; он упорядочил дворцовые службы так, что каждый имел свою должность и сукновалы, булочники и другие слуги получали подобающее содержание, а не высокие должности³⁴. Будучи любителем птиц, он устроил на Палатине птичники для фазанов, голубей, павлинов, кур, уток — числом до 20 тыс. Чтобы их прокорм не отягчал аннону, он поручил уход за ними своим обязанным податями рабам — *servos vestigales*³⁵. Весьма строго и даже жестоко обходился со своими рабами Аврелиан³⁶.

Филострат, в наставлениях, якобы преподанные Аполлонием Тианским Веспасиану, включает и совет обуздывать дерзость принадлежащих ему рабов и отпущенников, пользующихся его высоким авторитетом, и учить их быть тем более скромными, чем могущественнее их господин (*Vit. Apor.*, V, 36).

Приведенные примеры показывают, что со временем знать примирилась не только с ролью императорских рабов и отпущенников в административном аппарате, но и с их исключительным положением и необходимостью оказывать им особое почтение. Она выступала только против их злоупотребления властью при «дурных», т. е. враждебных сенату, принцепсах, которые, естественно, борясь с оппозицией аристократии, давали большую власть своим людям, а также против тех издержек, которые вынуждены были нести налогоплательщики в пользу двора и придворных. В этом смысле особенно показательны мнения авторов SHA, которые, кстати сказать, придерживались такой же позиции и относительно второй важнейшей составной части государственного механизма — армии.

К сожалению, наши источники, в основном отражающие точку зрения именно знати, с особым удовольствием расписывавшей злоупотребления и жестокости отпущенников непопулярных в ее среде императоров, не дают возможности ответить на естественно возникающие вопросы о степени влияния отпущенников на государственные дела, выходящие за рамки дворцовых интриг, о той политике, которую они считали наиболее целесообразной, пытаясь более или менее успешно подсказать ее императорам, об их взаимоотношениях с другими звеньями военно-бюрократического аппарата и т. п. Думается, что некие определенные установки у составлявших ядро администрации отпущенников были. Вероятно, большинство из них проходили свой трудный путь возвышения по служебной лестнице не только в результате различных хитросплетений и постыдных услуг императорам, но благодаря своим способностям и знаниям, ставившим их выше многих аристократов. Весьма возможно,

³³ SHA, Al. Sev., 23, 8.

³⁴ Ibid., 41, 3; 42, 2—3.

³⁵ Ibid., 41, 7.

³⁶ SHA, Aurel., 49, 3—5; 50, 3.

что ряд мероприятий и законов был принят именно по их инициативе, но определенных данных на этот счет у нас нет.

Не играя столь видной роли, как императорские рабы и отпущенники, близки к ним как по юридическому положению, так и по характеру деятельности в администрации были государственные и городские рабы и либертины. В Риме они состояли при жреческих коллегиях, храмах, библиотеках, в управлении государственными работами (CIL, VI, 2307—2349, 32507, 37177, 37176, 37147, 37157). Характерны надписи некоторых из них. Раб Абаскант состоял при коллегии авгуров; похоронившие его Зосим Силаниан, работавший при коллегии Флавиалов, и его жена Акцея Родина называют Зосима своим наилучшим патроном. При авгурах же состоял Менандр Цецилиан, отцом которого был Бруттий Криспин, женой — Гратия Эвпозия, воспитанником — Цецилий Эвтихиан; видимо, родившись свободным, он стал рабом Цецилия, а от него перешел к государству. Антиох Эмилиан, раб понтификов, был похоронен с Фервией Примой, ее мужем и своим наследником, рабом-аркарием города Тускула. Интересна эпитафия отпущенницы Волузии Юсты, жены Волузии Рената, написанная тремя ее сыновьями, рожденными в бытность ее рабыней в семьях Модиев, Клавдиев и Гавиев, — Аполаустом Модияном, Аполаустом Клавдианом и Юстом Гавианом; купленные государством, они служили — два первых при коллегии жрецов септумвиров, третий при фециалах. Почти все известные из эпитафий рабы были женаты на свободнорожденных женщинах. Известны рабы и отпущенники «трех Галлий», проживавшие в Риме и Остии (VI, 29687; XIV, 327), возможно, служившие при каком-то представительстве галльских провинций или посланные в столицу с поручениями.

В Остии городские рабы и отпущенники объединялись в коллегию, именовавшуюся корпорацией общественной фамилии рабов и отпущенников (VI, 479; XIV, 32); отпущенник Остии Асклепиад, страж Капитолия, подарил этой коллегии статую Великой Матери; остийский дуумвир Сентий Феликс, патрон целого ряда коллегий, был также патроном коллегии городских отпущенников и рабов (XIV, 409). Сохранился ее список, содержащий около 80 имен; 33 из них — отпущенники, носящие имя Остиенсии, рабы-аркарии, вилик, табуларий. 24 человека носили три имени; видимо, то были свободнорожденные, служившие городу по найму (XIV, 255). Такие же корпорации засвидетельствованы для Капуи (X, 3942), Венафра (X, 4856), Таррацины (X, 6332), Вольсиний (XI, 2720).

Очевидно, наиболее обычной для городских рабов была работа в финансовом ведомстве. В помпеянских табличках из архива Цецилия Юкунда сохранились расписки городских рабов Секунда и Привата на полученные от Юкунда взносы за землю,

за арендованные у города пастбище и сукновальню, за проведение аукционов от имени откупщика рынка Фабия Агатина (IV, 138—151, 3340). Работали они также письмоводителями, архивариусами, диспенсаторами, надзирателями городских мастерских, амбаров, при водопроводах, святилищах. Сплошь да рядом они играли заметную роль в жизни коллегий и в культе³⁷.

Как и императорские и государственные рабы, они роднились обычно со свободными, но вместе с тем не теряли связи со свои-

³⁷ В Требуле в 23 г. среди пяти севилов, устроивших игры в день рождения Ливии, двое были отпущенниками города (CIL, VI, 29681). В Арриции городской раб-аркарий Примигений с сыном — отпущенником Аррецином Геллианом — состояли кураторами коллегии прачечников и подарили ей статую Дианы (XIV, 2156). В Волатерре раб города Урбик удостоился за заслуги публичного погребения (XI, 1751). В Вольсиниях отпущенник города табуларий Вольсиний являлся квинквенналом ремесленной коллегии и августалом (XI, 2710); другой раб Вольсиний принес дар товариществу почитателей Сильвана (XI, 2722). В Асисе городской раб Сукцесс Амениан построил за свой счет храм с портиком и алтарем Юпитеру пага (XI, 5375); в Пизавре отпущенник Пизаврий Ахилл поставил Сильвану статую с постаментом (XI, 6316); в Сепине отпущенник Сепиний Ориент был августалом, один его сын, видимо, родившийся уже после освобождения отца, Сепиний Орест, занимал должность кваттуорвира, второй сын, Ориент, оставался рабом города и служил при алиментарной казне IX, 2472; другому рабу Сепина, Зосиму, посвятила надпись коллегия почитателей Фламиния (IX, 2483). В Эзернии отпущенник Эзерний Амплиат был севилом, сын его и братья его жены, отпущенники города, оставались городскими рабами (IX, 2676). В Эквикуле раб-аркарий города в 172 г. отремонтировал храм Митры и вместе с женой и сыном, городским отпущенником, на предоставленном декурioniане участке поставил в школе изображения Сераписа и Изиды с часовней и эргастериями (IX, 4109, 4110, 4112); другой раб того же города принес дар Салюс (IX, 4111); в Адрии отпущенник города был магистром августалов (IX, 5020). В Аскуле диспенсатор, городской казны Руф в 172 г. по постановлению совета построил за свой счет храм со статуей Возвращенной Фортуны и по случаю его освящения роздал по 20 сестерциев членам коллегии, возможно, почитателей богини (IX, 5177). В Поле отпущенник Публиций Урсон, управляя городскими салътусами, сделал надпись в своем частном святилище (V, 715); раб того же города исполнил обет богине Борнии (V, 7). В надписи из Атесты виллик городской казны сообщает, что теперь оставил свою должность, сам стал-землевладельцем и посвящает храм Приапу, чтобы тот сторожил его имение (V, 2803). В Бриксии городской раб исполнил обет Ноктурну (V, 4287); в районе Наварии исполнил обет Юпитеру отпущенник Медиолана (V, 6630). Можно назвать еще городских рабов-аркариев в Лабиах, Сипонте, Пестуме, Неаполе, Капуе, Венусии, Телезии, Тервенте, Бриксии (V, 4503, 4507; IX, 699, 2444, 2606; X, 486, 1495, 3940, 3938, 3942; XIV, 2770), акторов и диспенсаторов в Венафре, Парме, Вольсиниях, Поле (V, 83; X, 4904; XI, 1066, 2714), вилликов при казне, рынке, мастерских свинцовых труб, шерсти в Брундизии, Венусии, Синуессе, Капуе, Бононии, Плаценции, Фалериях, Урвине, Беневенте (V, 7264; IX, 59, 472, 1664; X, 3967; XI, 725—736, 1231, 3155 *—*, 3967, 6073), раба Капуи, состоявшего при священнодействиях (X, 3941), межевщиков — рабов Сипонта и Луцерии (IX, 699, 821), хорреария Беневента (IX, 1545), городскую фамилию при банях в Патавии (V, 2886). Интересна надпись аркария Сипонта, который, по его словам, раньше 32-го года был актором при алиментарной казне города (IX, 699).

ми родичами-рабами, становясь отпущенниками. И здесь складывались семьи смешанного статуса, члены которых работали на государственной службе или на службе в городском управлении.

Рабов и отпущенников имели также отдельные корпорации — откупщики налогов и пошлин (CIL V, 3351, 5080, 7213, 7264, 8650; XI, 5032), рудников (V, 816; X, 1913, 3964), жреческие коллегии (XIV, 3679) и коллегии ремесленные. Некоторые из них также достигали известного благосостояния. Раб-контролер откупщиков пошлин на границе Коттийских Альп исполнил обет богу, получив должность аркария в Лугдуне (V, 7213), другой выстроил в 157 г. храм Изиде Тысячеименной (V, 5080). В Тибуре августалом и геркуланием был отпущенник тамошних весталок (XIV, 3679). Отпущенник коллегии сукновалов Фуллоний Юст достиг такого положения, что в Пизавре возникла коллегия почитателей его Ларов, которой он совместно с сыном подарил участок для погребения в 4900 кв. футов (XI, 8098). Изредка упоминаются рабы богов: в Вольсиниях раб-актор богини Нортии (XI, 2686), в Поле рабы Минервы (V, 162, 170, 244, 8139); владеть рабами, видимо, могли лишь боги, связанные с местной традицией. В римском праве такая практика отсутствовала.

Довольно значительное число рабов, в частности и императорских, были гладиаторами. В гладиаторы и бестиарии отдавали провинившихся рабов, сперва по воле господ, а со времени правления Адриана — по приговору суда. Иногда гладиаторами делали пленных, видимо, из числа наиболее свободолюбивых и «непокорных». Нанимались гладиаторами и свободные бедняки, хотя профессия эта относилась к числу бесчестящих гражданина. Но вряд ли эти категории людей могли удовлетворить спрос на гладиаторов и бестиариев. Надо думать, что для цирка приобретали и ни в чем не повинных рабов. Пристрастие всех слоев италийского населения к цирковым играм достаточно известно. Устройство игр — одно из самых обычных проявлений щедрости к согражданам в надписях, перечисляющих заслуги муниципальных магистратов. Даже в таких небольших городах, как Минтурны и Алифы, дуумвиры выставляли в первом по 11 пар гладиаторов в течение четырех дней, во втором — 21 пару (IX, 2350; X, 6012). В Тибуре патрон города выставил 20 пар, в Пренесте магистр коллегии отпущенников — 10 пар (XIV, 3015, 3663); объявление на стене помпеянского дома гласило, что в течение четырех дней будут сражаться 30 пар гладиаторов Лукреция Валента (Dessau, 5145). Марк Аврелий счел нужным издать специальный декрет об ограничении расходов на гладиаторские игры, хотя его друг философ Фронтон писал ему, что безопаснее было бы ограничить хлебные раздачи: такая мера задела бы только бедноту, в зрелищах же заинтересовано и простонародье, и знать. В декрете Марка Аврелия устанавливаются максималь-

ные цены на разные категории гладиаторов и делаются попытки пресечь злоупотребления поставлявших гладиаторов ланист, наживавших огромные барыши. Далее император приказывал выдавать гладиаторам вперед часть причитавшихся им денег: свободным — четвертую, рабам — пятую часть. Свободный, нанявшийся в гладиаторы впервые, должен был получать 2 тыс. сестерциев, вышедший в отставку и снова поступивший в цирк — 1200 (CIL, II, 6278).

Из Венусия до нас дошел фрагмент списка гладиаторов Сальвия Капитона, из них 17 были рабами разных господ и 10 свободными (IX, 465, 466); из Рима — датированный 177 г. список гладиаторов, состоявших в коллегии Сильвана Аврелиана, основанной императорским отпущенником Аврелием Гиларом и неким Цецилием Магном. Коллегия делилась на четыре декурии; большинство ее членов носили одно имя и, очевидно, были рабами, но среди них имеются и свободные: два Флавия, один Ульпий, два Аврелия, очевидно, императорские отпущенники и их потомки. В другой надписи та же коллегия, именующая себя «счастливой фамилией», желает здоровья и счастья Коммоду, сословию власть имущих и «образованным учителям» (VI, 631, 632). В довольно многочисленных эпитафиях гладиаторов обычно перечисляется количество одержанных ими побед и полученных наград. В большинстве случаев это рабы, хотя встречаются и свободные.

Рабские фамилии состояли также при беговых конюшнях. Поскольку бега пользовались не меньшей популярностью, чем гладиаторские бои, персонал их был, вероятно, довольно многочислен. Сохранилась надпись фамилии-коллегии при квадригах Атея Капитона и Анния Хелидона; из сочленов упомянуты четыре Випсания, скорее всего — отпущенники Агриппы; остальные, носящие одно имя, очевидно, рабы; из них названы четыре наездника, четыре кучера, три смотрителя колесниц, два сторожа, вилик, сапожник, врач, привратник, шут (VI, 10046). Из рабов и отпущенников состояло основное ядро актерских трупп.

При страстном увлечении зрелищами и спортом, когда сплошь да рядом высшая знать и сами императоры выступали в качестве певцов, актеров, наездников, бестиариев и гладиаторов, некоторые рабы и отпущенники этих профессий делали сказочные карьеры, проникали ко двору и в «высший свет», становились фаворитами и любовниками императоров, сенаторов и их жен. Соответствующие случаи достаточно часто описаны римскими сатириками и обличителями испорченных нравов. Но давались такие успехи не легко. Интересна в этом смысле надпись раба-наездника партии синих Кресцента: начав с 13-летнего возраста, он к 22 годам (со 115 до 124 г.) участвовал в 686 состязаниях, победил в состязаниях на одной колеснице 19 раз, на двух — 23 раза, на трех — 5 раз; второй приз получил 130 и

третий приз 111 раз, заработав 1 558 360 сестерциев (VI, 10050). Как видим, Кресцент работал очень напряженно, выступая в среднем по 76 раз в год. Зато нажитое им в столь юные годы состояние почти в четыре раза превосходило всаднический и в полтора раза сенаторский ценз. Конечно, подобные удачи выпадали на долю лишь некоторых. Многие погибали на арене или не выдерживали тяжелых условий жизни гладиаторов и бестариев. Недаром цирк был таким же местом тяжелого наказания, как и рудники.

Мы рассмотрели по возможности основные группы, из которых в период империи состояли несвободнорожденные сословия. Как видим, состав их был достаточно сложен и многослоен, а потому говорить о рабах и либертинах в целом, пытаться найти какие-то приложимые ко всем им определения и закономерности совершенно неправомерно. Положение каждой из групп в разные периоды определялось различными и разнообразными факторами. Сложным и противоречивым было и отношение к ним в среде свободных.

Глава шестая

«РАБСКИЙ ВОПРОС»

«Насколько преувеличено общераспространенное мнение относительно роли рабства в крушении древнего мира, лучше всего видно из того, что рабского вопроса никогда не существовало»,— писал в свое время Эд. Мейер¹, и аргумент этот с тех пор постоянно используется западными историками, стоящими на тех же позициях. Однако при беспристрастном отношении к источникам нетрудно заметить, что именно при империи политические деятели, юристы, философы, писатели уделяют рабам и рабству гораздо больше внимания, чем при республике. Как мы уже пытались показать в предыдущей работе, несмотря на крупнейшие рабские восстания II—I вв. до н. э., римские деятели того времени еще не задумывались особенно глубоко над проблемой рабства, принимая и самое рабство, и рабские восстания, как нечто само собой разумеющееся. Лишь изредка у отдельных авторов, более других испытавших влияние эллинистических мыслителей, можно проследить попытки как-то сгладить противоречия, порожденные рабством, если не практически, то хотя бы теоретически. При империи, хотя значительные рабские движения отсутствуют, положение меняется. Пожалуй, мы не найдем ни одного писателя того времени, который так или иначе, прямо или косвенно не коснулся бы вопроса о рабах. С I по III век «рабский вопрос» не сходил с повестки дня. Рассматривался он в разных аспектах, в зависимости от общих установок отдельных авторов, интересов и мировоззрения тех групп, к которым они принадлежали, в зависимости от того, были ли они практиками, как Колумелла, или теоретиками, как Сенека, и, наконец, писали ли они о том, что было на самом деле, или о том, что, по их мнению, должно было быть.

Разрыв между благими пожеланиями и действительностью, видимо, был весьма велик. Пропасть, разделявшая господ и рабов, трудящуюся бедноту и высшие классы, стала значительно глубже, чем в предыдущие столетия. Брезгливое презрение, с одной стороны, подавленная, но время от времени прорывавшаяся

¹ Эд. Мейер. Экономическое развитие древнего мира. М., 1910, стр. 106.

ненависть — с другой — вот что характеризовало реальные отношения правящих и управляемых. Катон, извечный пример бесчеловечного рабовладельца-эксплуататора, спокойно ел со своими рабами из одного котла после работы в поле²; «гуманист» Сенека считал, что совершил великий моральный подвиг, когда, прибыв поздно вечером на виллу и обнаружив, что для его приема ничего не готово, постарался подавить свой гнев на повара и пекаря и удовольствовался на сей раз пищей, предназначенной для его виллика и управляющего (Ер., 123). Истинный философ, учил он, должен оставаться нечувствительным к любым оскорблениям, даже если царь прикажет ему на пиру возлежать внизу стола и есть вместе с рабами, исполняющими низкие обязанности (De const. phil., 15). Тот же Сенека чрезвычайно презрительно относился к ремесленникам и ремеслу, решительно отрицая, что мудрецы могли когда-либо заниматься техническими изобретениями, поскольку это подобает делать лишь самым низшим из рабов (Ер., 88; 90). Мудрец, по словам Сенеки, должен презирать и избегать толпу, чернь, не соприкасаться с ней, не искать ее одобрения и не только не творить для нее, но, напротив, стараться, чтобы его понимали лишь немногие избранные (Ер., 7). И самая добродетель для него — наука, доступная только небольшой группе лиц, способной приобщиться к знанию. В этом, кстати сказать, одно из коренных отличий Сенеки от проповедников раннего христианства, апеллировавших именно к «черни» и утверждавших доступность добродетели для всех тех, кто не имеет времени и возможности учиться: женщин, варваров, ремесленников, рабов, занятых физическим трудом. Весьма замечательно в данной связи и отношение Сенеки к одной из главных христианских добродетелей — состраданию (*miseriordia*), противопоставляемому им снисходительности (*clementia*). Снисходительность, пишет он, — это умеренность при возможности мстить или промедление в наказании, которое высший может наложить на низшего. Сострадание же — это душевная боль, возникающая при виде чужого страдания, или грусть, вызванная чужими бедами, выпавшими на долю людей незаслуженно. Благородным — *boni* — следует быть снисходительными и избегать сострадания, доставляющего огорчения, которым мудрец не должен поддаваться. Мудрец не прощает, а проявляет разумную снисходительность (De Clement., II, 3; 5). Дальше в аристократическом презрении к чувствам и бедам «маленьких людей» идти уже, по-видимому, некуда.

Представление о прирожденной низости людей, занятых физическим трудом и, особенно, рабов, стало при империи в кругах господствующего класса общепринятым. Философ Фаворин призывает матерей самим кормить детей, чтобы к ним с молоком

² Plut., Cato maior., 21.

кормилицы рабыни не перешли рабские свойства³. Плутарх и Квинтиллиан советовали не бить детей, так как такое наказание подходит только для рабов и может сообщить свободным рабские пороки, например привычку лгать⁴. Слово вор — *fur* — стало синонимом раба⁵. Плутарх одобряет Агесилая за то, что он разделил между рабами роскошные яства, присланные его войску фасосцами, так как благородным должны быть чужды радости чревоугодия, привлекающего рабские души (*Arophht. Iason., Agesil., 14*). По словам Плутарха, бедные люди так боятся, чтобы их дети, которым они не могут дать хорошего воспитания, не стали похожими на рабов, что предпочитают их выбрасывать (*De amore prolis, 5*). Его чрезвычайно восхищает древний римский обычай, не позволявший рабу без спроса заговаривать с господином (*De garrul., 18*). Знаменитый отпущенник Клавдия Паллант кичился тем, что никогда не унижался до разговора со своими рабами и отпущенниками и отдавал им приказания знаками или в письменном виде⁶. Донат в своих комментариях к комедиям Теренция часто придает особое, одиозное для рабов значение некоторым выражениям и словам комедиографа, на деле такого смысла не имевшим. Например, слово *liberaliter* он отождествляет с *bene*, ибо «все хорошее связано со свободным, все плохое — с рабом»⁷. Если раб не хочет нарушить свою клятву, пишет Донат, это (в силу своей необычности) подобно чудесному знаменью, как и раб, не желающий солгать (*Andr., IV, 3, 15, 1*). Рабы, хотя они и люди, — самый худший сорт людей (*Eupuch., III, 2; 36*); веселящиеся рабы — наглы (*Adelph., II, 4, 22*); низшие в городе — чернь, в фамилии — рабы (*Adelph., V, 6, 10*). Как некое общеизвестное изречение комментатор Горация Порфирион приводит афоризм — добродетель это мудрость, плебс ее не имеет (*Comm. in Hor. Od., III, 1, 18*).

В controверсии Сенеки Старшего, посвященной жалобе сына на отца, вознамерившегося выдать дочь за раба в награду за его преданность во время господства тирана, яркими красками обрисовывается позорность и унижительность брака с рабом. Раба, покусившегося на такое дело, следовало бы распять. Что можно сказать о нем хорошего? Что он полезный раб, не вор, не беглый. Есть чем гордиться будущим детям! Впрочем, пусть их лучше вовсе не будет, так как от таких противоестественных браков обычно рождаются злодеи и тираны⁸. В одной декламации Псевдоквинтиллиана, где речь идет о тяжбе бедняка с богачом, похитившим дочь бедняка под предлогом того, что он

³ *Aul. Gell., XII, 1.*

⁴ *Quintil., Instit. orat., I, 3; Plut., De educat. pueror., 12, 14.*

⁵ *Serv., Bucol., III, 10.*

⁶ *Tac., Annal., XIII, 23.*

⁷ *Donat., Comment. in Terent., Andria, I, 1.*

⁸ *Seneca. Contr., III, 21.*

считал ее рабыней, оскорбленный отец, между прочим, говорит богачу: ты знал, что она не рабыня, и именно потому ее похитил; ты можешь опуститься до того, чтобы не презирать бедную девушку, но твои страсти никогда не снисходят до рабынь⁹.

Весьма характерна получившая распространение при империи версия будто Аппий Клавдий Цек за то, что передал культ Геракла на ага Махима рабам, был наказан слепотой¹⁰, а также рассказы о «предках», не опозоривших себя союзом с рабами врагов; о Сулле, сбросившем с Тарпейской скалы раба Сульпиция Руфа за донос на господина; о древнем Бруте, освободившем раба Виндиция, открывшего заговор в пользу Тарквиния, и тут же распявшем его за измену господам¹¹. Последний рассказ особенно примечателен, так как ранние авторы не только не знают такой версии, но, напротив, пишут о Виндиции с похвалой и уважением¹². Очень резко авторы времен империи осуждали призыв рабов в армию после битвы при Каннах, оправдывая эту меру лишь абсолютной безвыходностью положения¹³, тогда как, например, Тит Ливий не видел в вооружении рабов ничего особенно страшного.

Таким образом, для представителей господствующего класса, когда они не теоретизировали, а писали то, что действительно думали, раб был существом низким, порочным, близкое соприкосновение с которым для человека «благородного» неприятно и унижительно. Именно соображениями об унижительности для господина опускаться до уровня раба, проявляя гнев или иные аффекты, часто аргументировалась необходимость умеренности в обращении с рабами и снисходительность, та самая разумная, украшавшая мудреца снисходительность, которую Сенека противопоставляет состраданию. Сенека, не отрицая необходимости наказаний, иногда очень жестоких, вместе с тем требует, чтобы они налагались не под влиянием раздражения, а по зрелом и хладнокровном размышлении, так как гневающийся на низшего, волнующийся из-за его поступков роняет свое достоинство¹⁴. Философ Демонакт, по словам Лукиана, видя секущего раба спартамца, воскликнул: перестань, не доказывай равенства раба с собой¹⁵. Против рабов, пишет Плутарх, из всех аффектов возможен только гнев, для которого они подают много поводов своими провинностями. Однако не следует давать волю гневу. Пусть лучше рабы портятся из-за снисходительности господина, чем чтобы он стал хуже, исправляя их ошибки гневом и жесто-

⁹ Quintil., Declam., 301.

¹⁰ Val. Max., I, 1, 17; Serv., Aen., VIII, 179, 226.

¹¹ Val. Max., VI, 5, 5—7; Oros., V, 19, 6; Schol. vet. in Iuv., VIII, 267.

¹² Liv., II, 5; Dion. Halicarn., V, 13.

¹³ Seneca. Contr., IV, 27; Quintil., Ins. Or., III, 8; Val. Max., I, 22, 30; VII, 7, 1; VIII, 6, 2.

¹⁴ Seneca. Ep., 107; De const. phil., 14; De ira, I, 5; III, 32.

¹⁵ Lucian., Dem., 46.

костью. Наказывать надо, но вовремя, подобающим образом, без раздражения, рассудив, какое наказание будет самым справедливым и соответственным вине, ибо ничего нет постыднее, как если покажется, что раб говорит справедливее своего господина. Гневающийся унижает себя, становясь подобным матросам, трактирщикам, погонщикам ослов¹⁶. Ту же мысль, более откровенно высказанную, мы встречаем у комментатора Ювенала: по многим причинам, пишет он, надо жить правильно (*recte*), но особенно из-за рабов, чтобы их можно было презирать, не опасаясь, что они станут твоими сообщниками — *ut eos possit contemnere, nulla territus constientia* (*Schol. vet. in Iuv.*, X, 118).

Как мы видели в предыдущих главах, при империи рабы и даже частично рядовые отпущенники отстранялись от участия в коллегиях средних слоев плебса, отпущенники частных лиц переставали поддерживать связи со своими родственниками-рабами, и только верхушка рабского сословия входила в контакты со свободными.

Вместе с тем «благородные» отлично знали, что рабы их ненавидят, и боялись их. Тем, кто имеет большие фамилии, пишет Сенека, всегда приходится пользоваться услугами плачущих и ненавидящих (*De tranq. anim.*, 8). Пусть, говорит Гораций, богач возвеличен толпой клиентов, пусть он гордится и чванится, ненависть, угрозы и страх поднимаются вслед за господином¹⁷. «Из страха всегда рождается ненависть», — было ходячим изречением, определявшим отношение рабов к господам¹⁸. Авторы рассказов о поведении рабов во время проскрипций неизменно замечают, что проявленная некоторыми рабами любовь и преданность к господам тем более замечательна и похвальна, что встречается очень редко и «противоречит природе вещей» (последняя весьма яркая формулировка — у Аппиана)¹⁹. Господа боялись, что их рабы на них донесут, убегут, поднимут восстание. Боялись сосредоточивать много рабов в одном месте, так как полагали, что, если рабы объединятся и осознают свою силу, положение может стать угрожающим. Власть имущие, пишет Сенека, гибнут, когда их гневливость соединяет в общем страхе тех, кто стонал поодиночке (*De ira*, III, 16). Как-то, рассказывает он в другом месте, сенату было предложено ввести для рабов особую одежду. Но затем выяснилось, как велика грозящая опасность, «если наши рабы начнут нас считать» (*De Clem.*, I, 24). Сходный аргумент, по словам Тацита, был выдвинут против предложенного в 56 г. в сенате законопроекта о дозволении патронам возвращать в рабство провинившихся отпущенников.

¹⁶ *Plut.*, *De coh. ira*, 11—13.

¹⁷ *Hor.*, *Od.*, III, 1.

¹⁸ *Lactant. Plac.*, *Comment. in Stat. Theb.*, I, 127; 171.

¹⁹ *App.*, *B. C.*, IV, 36.

Если либертины, говорили противники проекта, будут как-то выделены из общей массы граждан, станет ясно, как мало свободнорожденных²⁰.

Как мы пытались показать выше, страх перед рабами образованными, сообразительными, способными ставил перед собственниками и неразрешимые хозяйственные проблемы. Все эти трудности и противоречия нашли свое отражение в разных более или менее продуманных предложениях и теориях.

Одно направление, по-видимому, наиболее популярное в среде италийских мелких и средних собственников, сводилось, в основном, к требованию сокращения числа рабов и возрождению идеализированных «нравов предков», когда господа и рабы находились якобы в самых патриархальных взаимоотношениях.

В 16 и 22 гг. на рассмотрение сената были внесены законопроекты против роскоши, предусматривавшие, между прочим, в отличие от аналогичных древних законов, и ограничение числа рабов, находящихся в собственности одного владельца. Законы не прошли, так как, по словам выступавшего на одном из заседаний Тиберия, они вызвали бы недовольство многих лиц²¹. Но противники крупного земле- и рабовладения продолжали выступать и против роскоши, и против «легионов рабов» богатых собственников под флагом обличения богатства, прославления умеренности, «золотой середины», добрых старых нравов. Особенно негодование в этих кругах вызывали новые богачи, в частности либертины.

Такие мотивы мы встречаем уже у Горация. Сам сын отпущенника, подчас страдавший от пренебрежительного к себе отношения различных снобов²², Гораций, тем не менее, резко нападает на возвеличенного Августом отпущенника Секста Помпея Мёну. Ты, говорит он Мёну, еще носишь на себе следы колодок, и все твои деньги не заставят забыть твое происхождение. Когда ты шествуешь в длинной тоге по Священной дороге, свободные с негодованием отворачиваются. Их возмущает, что ты, некогда высеченный розгами триумвиров, теперь имеешь тысячу югеров в Фалерне и как всадник сидишь в театре в первых рядах. К чему снаряжать солдат против разбойников и шаяк беглых рабов, если ты — воинский трибун? (Ероп., 4). Себе Гораций ставит в заслугу равнодушие к богатству и немногочисленность своей фамилии — дома за трапезой ему прислуживают всего три мальчика (Sat., I, 6). В идиллических сценах простой сельской жизни он отводит роль и рабам. Собери, пишет он Элию Ламии, сухие дрова и принеси жертву Гению вместе с освобожденными от трудов рабами (Sat., III, 17). Как

²⁰ Tac., Ann., XIII, 27.

²¹ Tac., Ann., II, 35; III, 53—54.

²² Hor., Sat., I, 6.

радостно во время простой сельской трапезы видеть приближающихся к дому откормленных овец, усталых быков и рой домашних рабов, расположившихся вокруг очага, местопребывания Ларов! (Erod., 2) О, деревенские трапезы, которые я вкушаю со своими подле своего Лара, кормя проказливых рабов жертвенными блюдами! (Sat., II, 6).

Гораздо ярче все эти мотивы звучат у Ювенала. Разбогатевшие либертины, некогда прибывшие с «побеленными ногами» на рабские рынки Рима, оттеснили потомков Энеевых спутников. Корвин в лаврентийской земле пасет взятые в аренду стада, а родившийся у Евфрата отпущенник занимает первые места, ибо его пять таберн приносят ему четыреста тысяч дохода (I, 102—111). Дома богачей наполнены изнеженными, спесивыми рабами. Такой купленный за сумму большую, чем имущество древних римских царей, слуга, «цвет Азии», считает ниже своего достоинства подать вино бедному гостю своего хозяина. А господа балуют этих любимчиков, взимая с бедных клиентов дань, чтобы увеличить их пекулии (III, 188; V, 52—67). По-иному жили римляне времен войн с Пирром и Ганнибалом. Тогда доблестный солдат получал два югера и кормил живших в одной хижине и вместе игравших своих трех детей и ребенка раба (XIV, 166). Такие скромные нравы сохранились еще в небольших городах Италии и в маленьком тибуртинском имении самого Ювенала. Там не прислуживает за столом раб-сервировщик, специально обученный искусству разрезать кушанья. Никто не куплен за большую сумму у работоторговца. Простую чашу подносят гостю простые юноши-рабы. Они родились здесь же; отец одного — пастух, другого — погонщик быков. Они скромно одеты и пострижены и внешне, и нравом подобны свободно-рожденным (XI, 145—161). Вместе с тем Ювенал осуждает и жестокость к рабам, обычную среди богачей. Разве не безумен тот, кто за один раз проигрывает сто тысяч и не дает тунику замерзшему рабу? (I, 92). Самовольная жена требует, чтобы муж распял неугодного ей раба. За что? За какие преступления? Кто обвинитель? Кто свидетель? Можно ли так спешить, когда дело идет о жизни человека? «Разве раб человек? — кричит жена. — Пусть он ничего не совершил, я так хочу, я так велю, пусть моя воля заменит здравый смысл!». Уже с утра она начинает расправляться с рабами: здесь ломают розгу, там краснеет от крови кнут, есть среди них и такие, что нанимают палача на год (VI, 219—223; 480). Но чему может научить детей отец, если он сам радуется звуку ударов, если свист бичей ему приятнее песни сирен; если он, ненавистный дрожащим Ларам, счастлив, приказывая палачу жечь раба каленым железом из-за каких-нибудь двух занавесок, если его веселит звон кандалов и эргастулы? Разве может такой Полифем воспитать в сыне душевную мягкость, снисходительность к ошибкам, внушить ему,

что души и тела рабов состоят из тех же элементов, что и наши? (XIV, 15—25).

У Плиния Старшего постоянные выпады против роскоши и отпущенников, позволяющих себе чудовищные излишества, сочетаются как с осуждением крупного землевладения, так и роста числа рабов в богатых домах. Фамилии стали столь велики, что господам приходится держать для них особые номенклаторов. Отсюда и испорченность нравов, и лень, и неурожаи, и воровство. Всего этого не было при предках, имевших по одному Марципору и Люципору, принадлежавших к родичам (*gentiles*) господина²³. Единственный выход — отказаться от множества рабов и перейти к небольшим хозяйствам²⁴. Рисуя идеальный, с его точки зрения, строй жизни на полусказочном острове Тапробана (Цейлон), Плиний отвечает, что там вообще ни у кого нет рабов²⁵. Здесь Плиний смыкается с теми цитируемыми Афинеем эллинистическими авторами, которые повествовали о странах и народах, не знавших рабства, а потому процветавших физически и морально.

Близок к этим авторам и Флор. Завоевания, с его точки зрения, развратили римлян и привели к внутренним войнам — между прочим, и рабским. Последние возникли в результате многочисленности фамилий и появления целых армий гладиаторов, которых честолюбцы использовали, чтобы тешить народ и тем самым добиваться у него популярности. Латифундии и эргастулы доставляли многочисленных бойцов вождям сицилийских восстаний и Спартаку. Войны с восставшими рабами причинили страшные опустошения Италии и Сицилии; бедствия усугублялись унижением, которое испытывали римляне, сражаясь со столь недостойным противником, заслуживающим всяческого презрения²⁶. Здесь Флор в общем смыкается с точкой зрения на рабские войны Посидония, насколько о ней можно судить на основании Диодора Сицилийского и Афиней: восстания рабов — это божья кара рабовладельцам за то, что они имели много рабов и плохо с ними обращались. Разница, однако, состоит в том, что Посидоний учитывал и страдания рабов, Флор же имеет в виду лишь оградить интересы и безопасность господ.

Валерий Максим, также большой поклонник скромных и умеренных «предков», собрал, как впоследствии Афиней (VI, 272—274), факты, показывавшие, что знаменитейшие мужи древнего Рима владели лишь очень незначительным числом рабов²⁷. Напротив, город Вольсинии погиб из-за любви его жителей к роскоши и многочисленности рабов, «наглейшему

²³ *Plin.*, N. H., XXXIII, 6, 10.

²⁴ *Ibid.*, XVIII, 7, 3, 5; 8, 5.

²⁵ *Ibid.*, VI, 24, 9.

²⁶ *Flor.*, I, 47, 10; II, 8, 1—2.

²⁷ *Val. Max.*, IV, 3, 6; 7; II, 12; 13.

господству» которых были вынуждены покориться изнежившиеся и обленившиеся граждане²⁸.

В сборниках риторических упражнений, предназначавшихся для обучения детей небогатых собственников, часто выбивавшихся в люди, становясь адвокатами и юрисконсультами, выпады против крупных рабовладельцев были общим местом. В речах, посвященных столкновениям между бедняками и богачами, последним, между прочим, непременно инкриминируется, что они обладают толпами закованных рабов, которых не знают ни в лицо, ни по имени не только сам господин, но даже его виллики; что они пользуются множеством невольников для разврата; что их бесчисленные рабы не дают бедным гражданам прохода в общественных местах, а в селах их виллики властвуют над территориями, большими, чем царства, и их эрдастулы разместились на землях, некогда принадлежавших народу; что рабы защищают их и помогают им, когда они издеваются над бедными, и, наконец, что, не давая беднякам выбиться из нужды, они своих рабов наделяют значительными пекулиями²⁹.

Как мы видим, позиция идеологов мелких и средних италийских собственников ясна. Она определялась как довольно острыми противоречиями между ними и крупными собственниками, особенно отрицательный тип которых воплощался в образе выскочки либертина, так и страхом перед последствиями — в областях экономической и политической — чрезмерного развития рабства. Идеал этой группы — небольшое хозяйство, в котором господин и немногочисленные рабы связаны патриархальными, почти родственными отношениями, якобы существовавшими в «доброе старое время». Некоторые представители данного направления готовы были признать, что рабство вообще вредно и в идеале не должно существовать. Жестокость к рабам осуждалась.

Хотя бы правила поведения относительно рабов отчасти сформулированы в «Моральных дистихах» Дионисия Катона, предназначенных именно для средних кругов: «если ты гневаешься на провинившихся рабов, удержишь, дабы пощадить их»; «не отвергай полезного совета раба, ничьим мнением, если оно может тебе помочь, не следует пренебрегать»; «когда ты покупаешь себе рабов, не забывай, что и они люди»³⁰.

Значительно радикальнее и сложнее подходили к вопросу о рабах выходцы из эллинистических провинций, обычно принадлежавшие к связанной с муниципальными кругами интеллигенции. В этой среде были живы традиции греческой

²⁸ Ibid., IX, 1, 2.

²⁹ Seneca. Contr., II, 9; V, 33; Excerpt. ex contr., II, 9; Quintil., Declam., XIII, 13; 14; 252; 301; 305; 345.

³⁰ Dionys. Cato, I, 37; III, 12; IV, 44.

философской мысли, в свете которых они осмысливали современность. Кроме того, хотя, казалось бы, всякая антиримская оппозиция на Востоке во времена империи заглохла, некоторые ее реминисценции оставались, а в прежние времена вопрос об отношении к Риму, несомненно, соприкасался с вопросом о рабах. Греческий интеллигент, натерпевшись немало унижений в доме своего богатого патрона-римлянина, охотно утешался мыслью, что тот наделен недостатками, присущими всем вообще богачам, но, кроме того, еще варвар и невежда, чванящийся массой своих рабов. Так, Лукиан в «Нигрине» издевается над богатыми римлянами, всюду появляющимися с огромной свитой рабов. Рабы несут их на носилках или, идя впереди, громким голосом предупреждают об имеющихся на дороге возвышениях и ямах. Номенклаторы называют встречаемых, обязанных низко кланяться. Клиенты богачей, и среди них философы, унижаются перед рабами, чтобы получить приглашение на обед. Если бы они отказались от своего добровольного рабства и проявили презрение к богатству, они сломили бы чванство и власть богачей. Так поступили афиняне, высмеяв приезжего римлянина, толпа рабов которого загоразживала путь и вызывала толчею³¹. В «Переписке с Кроном» (29) Лукиан издевается над богачами, от пресыщения неспособными идти пешком и несомыми четырьмя рабами. В «Кинике» (10) приводится тирада против богачей, опрокидывающих естественный порядок вещей, пользующихся людьми, как упряжной скотиной: они лежат в носилках и правят, как мулами, несущими их лектикарями.

Афиней, подобранный цитаты из древних авторов, выступавших против рабства, добавил и собственные соображения о вконец развратившихся римлянах, имеющих по двадцать, а то и более тысяч рабов, сопровождающих их на выходах и не занятых никакими полезными работами (VI, 272). Их самодурство и невежество доходят до того, что один богатый римлянин заставил своих поваров изучать и читать наизусть гостям диалоги Платона, из-за чего люди с утонченным вкусом перестали принимать его приглашения (IX, 382).

По-видимому, более достойной и совершенной формой связи господствующих с подчиненными Афиней считает взаимоотношения спартиатов и илотов, гераклиотов и мариандинов, фессалийцев и пенестов. Ссылаясь на Посидония, он характеризует их как патронат и клиентеллу. Первыми, отступившими от подобных отношений и начавшими пользоваться покупными рабами, были хиосцы, жестоко наказанные за это богами (VI, 263; 265).

Наиболее крайними были взгляды киников, для которых отношение к рабам определялось не только решительным осуж-

³¹ Lucian., Nigrin., 13—16; 21—24; 30; 34.

дением богатства, но и прославлением труда как силы, возвышающей и освобождающей человека. Лукиан, уважавший представителей умеренного кинизма и враждебный его «простонародному» крылу, высмеивал киников, призывавших постоянно работать в поте лица и считавших, что добродетель олицетворяет город, где проживают лишенные собственности и материальных благ граждане, не знающие разделения на бедных и богатых, свободных и рабов (Hermot., 23—24; Meipirr., 4).

Сочинения более ранних киников обработал в своих речах о рабстве Дион Хрисостом. Первая из них посвящена доказательству тезиса, гласящего, что лучше жить совсем без рабов, чем переносить доставляемые ими заботы и беспокойства. Кроме того, дети людей, имеющих рабов, растут обычно балованными, заносчивыми и ленивыми. Пусть же каждый обслуживает себя сам, ибо природа дала нам тела, вполне приспособленные к тому, чтобы ни в ком не нуждаться (Orat., X, 8—13). Сходная мысль кратко сформулирована в одном анонимном стихотворении греческой Антологии (IX, 125): услужливый раб хорош для своего господина, но еще счастливее тот, кто может обходиться совсем без услуг рабов.

Основная идея другой речи Диона Хрисостома, построенной в виде диалога между рабом и свободным (Orat., XV, 1—30), заключается в том, что ни один из обычных критериев, применяемых для суждения о статусе человека как о рабском, не выдерживает критики, а следовательно, рабство вообще ничем быть оправдано не может. Аргумент, кажущийся оратору наиболее убедительным, — это незаконность порабощения пленных, от которых затем произошли другие рабы. Пленные были свободнорожденными, и обращение их в рабов основано не на праве, а на насилии. А так как от свободных людей не могут произойти рабы, хотя бы их родители были схвачены и порабощены, то и все последующие поколения рабов таковыми, с точки зрения закона, не являются. Речь заканчивается обычным для эллинистических философов выводом, несколько ослабляющим ее оригинальность и значимость: «рабы» в противоположность «благородным» — это люди, лишенные добродетели, а следовательно, свободной природы. Таково изначальное значение термина, лишь впоследствии его стали прилагать к потомкам пленным и купленным за деньги лиц.

Дион Хрисостом лишь теоретически опровергает рабство, не призывая прямо бороться против этого незаконного, с его же точки зрения, института. Возможно, что киники, не столь умеренные и стоявшие ближе к низшим классам, делали из тех же посылок более решительные и последовательные выводы. Достойно внимания, что отнюдь не принадлежавший к друзьям простого народа и рабов Плутарх, который, однако,

как типичный эклектик, мог включить в свои сочинения и мысли, ему самому чуждые, разрабатывая довольно обычную тему о разнице между людьми и животными, ставит последних выше первых, между прочим, и потому, что, будучи побеждены в сражении, они не просят о помиловании и предпочитают смерть рабству: не становится лев рабом льва, а конь рабом коня из-за недостатка мужества, тогда как человек от робости легко переносит положение раба другого человека (*Bruta ratio. uti*, IV, 2—5). Видимо, из тех же источников комментатор Горация Порфирион заимствовал положение: победители щадят тех, кто по своей низости будет у них в рабстве (*Comment. in Hor. Epis.*, I, 16, 69), а также толкование истории Либеры—Диониса, освободившегося от оков, наложенных на него Пен-теем, как символа мужественного, не боящегося смерти человека, которого никакая сила не удержит в рабстве (*Ep.*, I, 16, 73). Если Сенека одобрял иногда людей, кончивших жизнь самоубийством, чтобы не сносить рабства, то он расценивал такой поступок лишь с точки зрения проявленного ими презрения к смерти. Плутарх же в вышеприведенном рассуждении говорит не о пассивном протесте, хотя бы и в его высшей возможной форме самоубийства, а об активной борьбе за свободу. Тот, кто на нее не способен, поделом терпит рабство и стоит ниже животного.

В какой степени эта мысль входила в общий для всех греков идеологический фонд, скорее всего, сложившийся еще в период борьбы с римлянами, видно на примере Диона Кассия. Типичнейший сенатор III в., убежденный сторонник сильной монархии, способной обуздать «чернь», он, тем не менее, определенно одобряет побежденных Августом кантабров, которые, будучи проданы в рабство, перебили господ, бежали на родину и подняли там восстание (54, 2, 2—5). Отдает он дань и характерному для греческой и совершенно чуждому римской литературе образу «благородного разбойника». Описанные им Клавдий, грабивший Палестину во времена Септимия Севера, и особенно Булла Феликс (77, 10), атаман шайки беглых рабов,—чрезвычайно яркие воплощения этого образа. Сюда же может быть отнесен и Маттерн, смелый разбойник, историю которого рассказал Геродиан (I, 10), не говоря уже о целом ряде разбойничьих атаманов эллинистических романов.

Таким образом, интеллигенция эллинистической половины империи, так же как и круги мелких и средних итальянских собственников, осуждала крупное рабовладение, но более последних склонна была осуждать и рабство вообще. Наиболее последовательную позицию в этом смысле занимали киники, по крайней мере в теории; некоторые греческие мыслители даже готовы были признать за рабами право бороться за свободу, что было совершенно чуждо римлянам. В отличие от тех со-

циальных групп, чьи интересы выражали Плиний Старший, Ювенал и т. п., у греков мы не найдем идеализации патриархальных рабовладельческих хозяйств «предков». Их положительный идеал в общем не ясен и не единообразен. Плутарх от имени Солона, Хилона, Бианта и Ликурга хвалит дома, в которых рабы скорее любят, чем боятся, господина, а господин ведет себя, как хороший, по собственному почину повинующийся законам царь, или даже устанавливает в своем доме демократию³². Афиней, как мы видели, считает наилучшими отношения, основанные на принципах патроната и клиентеллы. Наиболее «левые», возможно, проповедовали общество свободных равноправных тружеников без каких-либо форм подчинения и господства, но вряд ли отдавали себе отчет в том, какими путями можно осуществить такой строй на практике, и, скорее всего, ограничивались общими словами.

Мы не имеем прямых свидетельств об отношении к «рабскому вопросу» крупных собственников в первые десятилетия империи. Видимо, именно они протестовали против вышеупомянутых законопроектов, вводивших максимум на рабов, и, следовательно, возрастание численности семей их не пугало. К высшей знати принадлежал Гай Кассий, высказавшийся в сенате при обсуждении дела фамилии убитого рабами префекта Рима Педания Секунда против помилования осужденных. При этом он произнес речь о необходимости править рабами железной рукой и держать в страхе их постоянно склонные к мятежам и злодействам безбожные толпы³³. Видимо, Гай Кассий был далеко не одинок, так как Сенека неоднократно высказывал опасения, что его призывы к гуманному обращению с рабами встретят в его среде протесты и даже негодование. Действительно, Петроний постарался окарикатурить рассуждения Сенеки, вложив их в уста Тримальхиону: во время пира он призвал в триклиний всю фамилию и посадил вместе с гостями, обратившись к присутствующим с речью. Друзья мои, сказал Тримальхион, и рабы люди, и пили одно с нами молоко. Их угнетает злой рок, но если я буду здоров, они вскоре испробуют воду свободы. Я их всех отпущу по завещанию³⁴.

Весьма вероятно, что в высших кругах Рима Сенека первым попытался теоретически обосновать те новые отношения господ и рабов, установить которые эмпирически пытались владельцы, понявшие, что раба надо подчинить не только материально, но и морально, устраивавшие для рабов домашние коллегии, фиссы и т. п. Вопрос о рабах и рабстве для Сенеки — составная часть его общих этических и социальных воззрений. Мы не имеем здесь возможности подробно на них останавливаться и

³² *Plut.*, VII Sapien. conv., 12.

³³ *Tac.*, Ann., XIV, 42.

³⁴ *Petron.*, 70—71.

разбирать все лежавшие в основе их генезиса факторы. Основными из них, обусловившими популярность стоицизма среди господствующего класса I—II вв., были: сознание неизбежности существующего строя; постоянный страх как перед возможными выступлениями низших, так и репрессиями со стороны власть имущих и порождавшаяся им мечта о социальном мире и гармонии; наконец, стремление не к уже невозможной политической, внешней свободе, а к внутреннему, духовному освобождению от власти людей, вещей и обстоятельств, а следовательно, и от постоянного унижительного трепета за судьбу свою и своих близких.

Как мы пытались показать выше, Сенека — отнюдь не чистый гуманист и, тем менее, народолюбец и демократ. Напротив, он в гораздо большей степени «барин», чем Катон, и аристократ больше любого «потомка Энея» времен республики. Но он в полной мере сознавал, как непрочное его положение и положение всех ему подобных, и пытался найти выход, нейтрализовать грозившие сверху и снизу опасности. Наиболее характерно в этом смысле его знаменитое 47-е письмо к Луцилию, специально посвященное обращению с рабами. Основная его мысль, если отвлечься от общих рассуждений, сводится к тому, что в условиях, когда рабы могут убить господина, донести на него, когда превратности судьбы и воля императора могут возвысить раба, а господина обратить в ничто, жестокость и устрашение — плохие помощники. Рабов не следует озлоблять, напротив, надо стараться привязать их к себе, добиться их любви. Пусть рабы не столько боятся господ, сколько почитают, как клиенты патрона. Ту же мысль о предпочтительности патроната рабству, как мы помним, высказывал и Афиней. Сенека снова возвращается к ней, предлагая следовать Хрисиппу, который определял раба как вечного наемника и советовал обращаться с ним соответствующим образом (*De benef.*, III, 22). Господин, так же как глава государства, должен постоянно помнить, что жестокость его будет рано или поздно наказана. Граждане восстанут против тирана; рабы убегут, покончат с собой или, пренебрегая угрозой креста, убьют его (*De ira*, II, 11; III, 5; 16; *De Clement.*, I, 18; 26). Поэтому *pater familias* и *pater patriae* должны проявлять умеренность и снисходительность, выгодные в первую очередь для них самих. Но и низший, со своей стороны, отнюдь не должен пытаться сопротивляться. Единственный открытый для него из ставшего нестерпимым положения выход — самоубийство. Всякий может умереть, когда захочет, и обрести свободу от власти тирана (*Ep.*, 70; 77; *De ira*, III, 15). Пока же чаша терпения не переполнилась до того, что человек предпочитает смерть жизни, он должен молча терпеть. Бороться с высшим — безумие. Его гнева следует избегать, как моряк избегает бури. Но и самому неза-

чем гневаться на могущественного. Когда находящийся в рабстве гневается, его мучения только усугубляются. Пути сильнее стягивают мечущегося зверя, иго сильнее давит на шею противящегося, чем покорного. В несчастье есть только одно облегчение — терпеть и подчиняться необходимости (Ер., 14; De ira, II, 34; III, 16).

Итак, отношения рабов и господ должны основываться на покорности первых и снисходительности вторых. В этом еще нет ничего принципиально нового, что могло бы вызвать возмущения какого бы то ни было мало-мальски трезво оценивающего обстановку рабовладельца, будь то Ксенофонт, Катон, Цицерон и т. п. Новой для Рима была попытка подвести теоретическую базу под некий отличный от обычных вид отношений правящих и управляемых, основанный на чисто моральных предпосылках. Исходит здесь Сенека из давно ставшего общим местом в эллинистической философии положения о природном равенстве всех людей, о том, что добродетельным может стать каждый независимо от занимаемого им положения, если сумеет постигнуть науку добродетели, и о том, что истинно свободен только человек, достигший добродетели, даже если он раб, тогда как порочный никогда не свободен, даже если он консул (Ер., 44; 47; De benef., III, 18 и др.).

Отсюда следовал ряд выводов. Для господина приобщение к добродетели означало ограничение тех прав, которые ему предоставлены гражданскими законами. Так, в государстве все принадлежит царю, в фамилии — ее главе. Но хороший царь не отнимает у поссессоров их владения, а хороший *pater familias* у рабов их пекулия, довольствуясь их добровольными дарами (De benef., VII, 4). Богатый и мудрый человек должен помнить, что его дом — богатое поле для украшающих философа благодеяний, ибо природа предписывает помогать всем людям, будь то свободнорожденные, либертины или рабы (De vita beata, 24). Природа же диктует милостивое отношение к низшим, к рабам, ей противны тиран и тирания (De Clement., I, 18; De benef., III, 22; De ira, III, 24; 29; 35). Пусть господин следует заветам Эпикура, называвшего рабов друзьями, пусть не унижает их, видит в них сожителей, товарищей по общему всем рабству, скромных друзей. Следует, кстати, иметь в виду, что друг (*amicus* и, особенно, *amicus minor*) был, по крайней мере в поздние времена, *terminus technicus*, означавший зависимого клиента. Так этот термин толкуют глоссаторы; по Павлу же, друзьями следует называть тех, кто по праву связан с главой фамилии честным расчетом взаимной выгоды (Dig., L, 16, 223, 1). Почему бы, говорит Сенека, господину, вместо того чтобы заставлять рабов молча прислуживать во время бесконечно длящихся трапез, не посадить их за стол, не поговорить с ними. Для достойных это будет наградой, грубых и

невежественных исправит и облагородит (Ер., 47; 107). Признав, что рабы по своей природе не отличаются от свободных, мудрый должен признать, что рабы могут оказать господам благодеяние.

Сенека полемизирует с теми, кто считает термин «благодеяние» неприменимым к рабам: принадлежа господам, они исполняют свой долг относительно них и несут службу, о благодеянии же, предполагающем свободную волю, речи для них быть не может. Ошибка здесь, доказывает Сенека, состоит в том, что стоящие на такой точке зрения считают, будто рабство целиком поглощает человека, тогда как на самом деле ум его остается свободным. Существуют обычные нормы, регулирующие должное господином рабу и рабом господину; все сделанное сверх того — благодеяние. Если раб спас господина в сражении или отказался выдать под пыткой его тайны, он оказал благодеяние. Такие случаи нечасты, ибо огромное большинство рабов ненавидит власть господ, но тем более восхищения и благодарности заслуживают исключения из общего правила. Здесь отношения между рабом и господином выходят за обычные рамки и превращаются в отношения человека к человеку. Это область, где раб может проявить свою свободную волю, т. е. стать истинно свободным. Для иллюстрации Сенека приводит примеры исключительной верности рабов: два раба спасли госпожу при взятии Грумента в союзническую войну; тогда же раб претора марсов Г. Веттия, попавшего в плен, заколол господина, чтобы избавить его от бесчестия, и закололся сам. Когда Цезарь осадил в Корфинии Домиция, тот приказал своему рабу-врачу дать ему яд, но раб дал ему снотворное. Впоследствии Цезарь помиловал Домиция, но жизнь ему спас раб. При триумвирах раб проскрибированного надел его платьем и драгоценности, выбежал навстречу солдатам и был убит вместо господина. В правление Тиберия раб предупредил оплошность своего пьяного хозяина, которая могла навлечь на него обвинение в оскорблении величества. При Августе подвыпивший за обедом Руф наговорил лишнего про императора. Один из его рабов, вместо того чтобы побежать с доносом, дождавшись, когда Руф протрезвился, уговорил его пойти к Августу, во всем признаться и просить помилования, пока никто из гостей на него не успел донести. Руф получил прощение, раб — свободу (*De benef.*, III, 18—27).

Так дом господина превращается в маленькую республику, где царят взаимное уважение и преданность, где раб морально свободен и проявляет свою свободу любовью к господину, т. е. фактически подчиняется ему духовно уже не в результате принуждения, а добровольно, без ропота и протеста. То была, в применении к фамилии, общегосударственная программа, очевидно, официально провозглашенная первыми императора-

ми. Веллей Патеркул, как известно, сторонник Тиберия, отражавший в своей «Истории» точку зрения «новых людей», поддерживающих империю, писал, что при Тиберии царствовала справедливость, так как низший поддерживал (*suscepit*) высшего, но не боялся его, а высший превосходил (*antecedet*) низшего, но не презирал его³⁵.

Рассуждения Сенеки вряд ли можно принимать за чистую монету. Мы видели, с каким презрением он на деле относился к людям физического труда и рабам. Представить его себе сидящим за одним столом со слугами просто невозможно, опять-таки в отличие от Катона. Разница между тем и другим примерно соответствует разнице между помещиком XVIII и «кающимся дворянином» XIX века. В обоих случаях дело отнюдь не сводится к «смягчению нравов» или сглаживанию противоречий между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Напротив, именно обострение всех противоречий соответственно строя обуславливало стремление части представителей господствующего класса найти какой-то «мирный» выход из положения и, хотя бы теоретически, изобразить возможные отношения с подчиненными как некую сентиментальную идиллию.

Делающиеся в этом направлении попытки Сенеки вскоре получили широкое распространение. Очень популярными стали рассказы о преданных рабах. Начатый им подбор соответственных фактов был использован и дополнен другими писателями. Валерий Максим рассказал историю испанского раба, заколовшего Гасдрубала в отместку за казнь своего господина. Пойманный раб был подвергнут, всяким мучениям, но «лицо его все время выражало радость, которую он ощущал, отомстив». Так, заключает Валерий Максим, «добродетель никого не презирает, она допускает к себе врожденную доблесть..., она доступна всем и судит не по тому, кто сколько имеет почестей, а сколько благородных стремлений» (III, 3, 7). Упоминает он и раба Фульвия Флакка, выдержавшего восьмикратную пытку, но ничего не показавшего против господина (VIII, 4, 3). Особую главу он посвятил верности рабов, «которая тем более похвальна, чем менее ее можно ожидать» (VI, 8, 1—7). Здесь приведены рассказы о рабе знаменитого оратора Антония, знавшего о совершенном господином кровосмешении, но не выдавшего его на пытке; о рабе сына Мария, который, несмотря на ожидавшую его награду, не предал молодого Мариа Сулле, а заколол господина, чтобы избавить его от плена и казни; о таком же поступке рабов Гая Гракха и убийцы Цезаря Кассия; о верности рабов проскрибированного Гнея Плотия Планка: их пытали, чтобы узнать, где прячется Планк, они его не выдали, но он не вынес вида их мучений и сам вышел на-

³⁵ *Vell. Paterc.*, II, 126, 2.

встречу убийцам. «Такое горячее состязание во взаимной преданности,— говорит Максим,— заставляет недоумевать, был ли достойнее господин, внушивший рабам столь стойкую верность, или рабы, освобожденные от мучений милосердием господина». Далее следует рассказ о рабе проскрибированного Урбиния Панопиона: увидя приближающихся солдат, он надел платье господина и погиб вместо него. Благодарный Панопион почтил его огромным надгробным памятником с надписью, повествующей о подвиге раба. Раздел завершает история раба Антистия Рестиона, пожертвовавшего жизнью за господина, несмотря на то, что тот его когда-то заклеил.

Много сходных историй содержится у Аппиана в главах, посвященных проскрипциям (В. С., IV, 15—51). Рабы были готовы укрыть и защитить Цицерона, спрятали Цестия и некоего Марка. Раб-привратник Саласса, проданный вместе с его домом, спрятал бывшего господина. Один верный раб, отлучившись, чтобы нанять судно для намеревавшегося бежать господина, возвратившись, увидел его в руках солдат; он убил центуриона и покончил с собой. Раб одного скрывавшегося на вилле проскрибированного одел его тунику, чтобы солдаты убили его, но другой раб открыл обман; по требованию народа доносчик был распят, а преданный раб получил свободу (история эта, видимо, представляла собой дальнейшее развитие и усложнение аналогичного рассказа Валерия Максима). Рабы и рабыни сопровождали успешных бежать Апулея и жену Лентула. Рабы Гирция не только помогли ему бежать, но и вошли в его отряд, с которым он бродил по Италии, освобождая арестованных. Так же поступили рабы Апулея, Вентидия и Арунция. Клейменный раб Рестиона не только спас его, спрятав в пещере, но и работал, чтобы его прокормить. Виргиний доказал своим рабам, что если они его убьют, то совершат преступление и всегда будут испытывать страх за будущее, если же спасут, то прославятся своим благочестием и впоследствии получат награду. Убежденные рабы не только бежали с Виргинием, но и защищали его от солдат.

Трудно сказать, что в этих рассказах истина, а что выдумка. Думается, что значительная их часть анекдотична. На это указывает история Марка и Барбулы: Марк был легатом Брута и после его поражения выдал себя за раба. Его купил Барбула и, как человека толкового, сделал казначеем и управителем, хотя и подозревал, что он не тот, за кого себя выдает. Впоследствии, узнав, кто Марк на самом деле, Барбула через Агриппу выхлопотал ему прощение. Затем Барбула сражался на стороне Антония и после битвы при Акции, в свою очередь, прикинулся рабом, был куплен Марком и получил через его посредство помилование. Оба они пользовались милостями Августа и в один год были вместе консулами. Не говоря уже

о том, что такие консулы не засвидетельствованы, весь рассказ слишком анекдотичен и «остро сюжетен», чтобы быть правдой. Скорее всего, и многие другие рассказы о верности рабов стали своего рода фольклором. Но самый интерес к этой теме весьма показателен.

Кроме Сенеки, Валерия Максима и Аппиана, она разрабатывалась и другими авторами, Клейменого раба, спасшего господина, упоминает Марциал (III, 21). Тацит начинает свою «Историю» с того, что время Нерона было полно несчастий и мятежей, когда испорченные страхом и ненавистью рабы обращались против господ, но даже и тогда добродетель порождала верных рабов, устоявших против мучений (I, 2—3). Дион Кассий в главах о проскрипциях приводит рассказы о рабах, поменявшихся одеждой с проскрибированными господами и убитых вместо них, о клейменом рабе, который узнав, что убежище его господина открыто, убил какого-то прохожего и выдал его солдатам за своего господина, будто бы убитого им из мести (47, 10, 1—5).

Наиболее полно рассказы о верных рабах, о рабах, участвовавших в войнах за родину, и о рабах-философах, о которых специально писал Авл Геллий (II, 18), собрал Макробий в 11-й главе первой книги «Сатурналий», озаглавленной: «Не следует презирать рабов, во-первых, потому, что боги их охраняют, а во-вторых, потому, что среди них было много верных, разумных и храбрых людей и даже несколько философов».

Сходны по направлению некоторые стихотворения известных поэтов и безымянных авторов эпитафий на могилах рабов и отпущенников. Статий посвящает стихотворение своему умершему рабу. Он оплакивает его, как сына. Мальчик не был куплен где-нибудь на берегах Нила, он родился в доме Статия, который поднял его, новорожденного, с земли и дал ему свободу, когда тот был еще слишком мал, чтобы оценить этот дар (Silvae, V, 5). Марциал посвятил эпигramму своему покойному рабу Деметрию. Тот записывал мысли господина, его рука приносила ему счастье и была известна цезарям. Чтобы он не спустился к Стиксу рабом, Марциал отпустил его перед смертью на свободу; достойный этого дара Деметрий, собираясь уйти к подземным богам, назвал господина «патроном»³⁶.

В эпитафии из Беневента на могиле Марона, умершего 18 лет, говорится, что он был любимцем господина, всюду сопровождал его, подносил ему чашу, был обучен упражнениям в палестре и верховой езде³⁷. Эпитафия мальчика-раба, уроженца Фокеи, рассказывает, что его оплакивали все, и в особенности господин, покоренный его высоким нравом³⁸. Господин раба

³⁶ Mart., VI, 29.

³⁷ F. Buecheler, 100 (=CIL, IX, 188).

³⁸ Ibid., 104.

Доместика, отличавшегося редкой верностью, соорудил ему кенотаф поблизости от своей виллы, чтобы покойный мог его видеть, а господин — приносить на его могилу цветы и проливать слезы; зато душа покойного повсюду следует за господином, через горы и моря, вплоть до иберов и ассирийцев³⁹. Эпитафия на могиле Урса гласит, что, хотя жизнь коротка и парки безжалостны, достойный образ жизни, трудолюбие и верность делают раба, а затем отпущенника любезным господину и патрону, а после смерти приобщают к блаженным⁴⁰. Эпитафия отпущенника Фортуната рассказывает, что за свои заслуги, верность и благочестие он получил свободу, а после смерти они обеспечили ему благосклонность Манов⁴¹.

Такого рода сентиментальная интерпретация взаимоотношений господ и рабов, видимо, довольно распространенная в эллинистическом мире еще до римского завоевания, в период республики мало проникала в Рим. Теперь она все более стала входить в моду. Сходные условия — появление симптомов кризиса и обострение социальных противоречий — порождали и сходные явления в идеологической жизни. Попытки морально подчинить себе рабов, естественно, сопровождались попытками идеализировать чувства, взаимосвязывавшие их с господами.

Вероятно, ко времени правления Антонинов уже не осталось людей, даже среди высшей знати, отваживавшихся выступить со столь откровенной апологией антирабских террористических мер, как речь Гая Кассия в сенате. Но на деле необходимость таких мер не отрицали. Как мы помним, и Сенека признавал необходимость иногда весьма суровых наказаний и выступал в основном против самодурства и произвола отдельных господ, без надобности озлоблявших рабов.

Весьма любопытна в этом смысле позиция Плиния Младшего. Идеи Сенеки он в значительной мере воспринял и старался в какой-то степени воплотить в жизнь. В письмах он характеризует себя как мягкого, снисходительного господина, не внушавшего страха рабам (Ер., I, 4; V, 19). Он не пользовался законными рабами (Ер., III, 19), легко отпускал рабов на волю, заботился об их благосостоянии и здоровье, оплакивал умерших рабов и превратил свой дом в маленькую республику для рабов (Ер., III, 8; VIII, 16; IX, 36). Вместе с тем по случаю убийства бывшего претора Ларгия Македона его рабами, доведенными, по признанию самого Плиния, до отчаяния жестокостью и скарденностью хозяина, Плиний раздражается филиппикой против рабов, из-за которых господам постоянно грозит опасность, так как они убивают их по склонности к злодейству (Ер., III, 14). Два случая загадочного исчезновения отправившихся в пу-

³⁹ F. Buecheler, 1185.

⁴⁰ Ibid., 627.

⁴¹ Ibid., 85.

тешестве лиц он склонен объяснять тем, что их убили рабы (Ер., VI, 25). Задачу хорошего императора Плиний видит в том, чтобы обеспечить господам повиновение рабов, что полезно не только владельцам, но и самим рабам, так как, осознавая свой долг относительно господ, они становятся хорошими (Papegug., 42)—характерная оговорка, вряд ли пришедшая бы в голову оратору времен республики, когда никто не считал, что правительство должно заботиться о моральных качествах рабов. Сделанное Траяном новое добавление к Силанианскому сенатусконсульту, согласно которому в случае насильственной смерти господина казни подлежат не только его рабы, но и отпущенники, не встретило у Плиния никаких возражений. Правда, при разборе в сенате дела отпущенников убитого консула Афрания Декстра Плиний высказался за то, чтобы отпущенников, предав пытке, затем помиловать, но объясняется это, видимо, неясностью обстоятельств дела: не удалось установить, был ли Декстр убит своими рабами или покончил жизнь самоубийством (Ер., VIII, 14). Справедливость же самого закона сомнений у Плиния не вызвала. На примере Плиния очень ясно видно, как гуманное, «просвещенное» отношение к рабам внутри фамилии сочеталось с признанием необходимости террористических мер против рабов и даже либертинов в общегосударственном масштабе. Ответственность, так сказать, перекладывалась на правительство, отдельные же господа по отношению к отдельным рабам могли проявлять известную гуманность. Позиция, вполне согласуемая с неизбежно присущим «кающимся рабовладельцам» ханжеством.

Таким образом, крупные собственники первых веков империи не выступали ни против рабства как такового, ни даже против роста числа рабов. Они одобряли законы, направленные правительством против класса-сословия рабов в целом. Но, передавая частично, и притом чем далее, тем более, «функции подавления» государству, они пытались обеспечить в своих фамилиях видимость социального мира, разными путями подчинить себе не только тела, но и души своих рабов.

Весьма примечательный отклик на эти попытки мы находим у Эпиктета. Как известно, он и сам был некогда рабом одного из наиболее богатых и влиятельных отпущенников Нерона — Эпафродита и немало натерпелся от этого тщеславного и чванливого, «попавшего в счастье раба» (Conveg., IV, 1, 150). Ученик Мусония Руфа, а впоследствии, при Антонинах, один из наиболее уважаемых в высших кругах философов, Эпиктет, конечно, не может быть причислен к рядовым рабам и либертинам. Принадлежа к той же стоической школе, что и Сенека, он во многом разделял его воззрения на свободу и рабство, но его личная судьба, несомненно, наложила отпечаток на философские построения. Как и Сенека, он восстает против правителя-тирана, порабо-

шающего граждан, и стремится открыть задавленным подданным какого-нибудь Нерона или Домициана путь к духовной свободе. Но для Эпиктета рабство — это не только господство тирана в государстве, но и рабство в собственном смысле слова, и он подходит к нему не столько с позиции господ, как Сенека, сколько с позиции рабов. Соображения о том, как следует обращаться с рабами, чтобы сделать их наименее опасными для хозяев, Эпиктету чужды. Зато с огромной силой у него звучит та жажда моральной независимости и сохранения человеческого достоинства, которая, несомненно, была присуща всякому рабу, поднимавшемуся над уровнем тупой рабочей скотины или хозяйского холопа и приспешника.

Эпиктет, так же как Сенека и, особенно, Марк Аврелий, решительно отрицает возможность каких-либо перемен в мире. Цель знаний, говорит он, не в том, чтобы изменить порядок вещей или переделать людей. Это нам не дано, а стремиться к невозможному — признак глупости и духовного рабства. Наша задача — привести свои желания в гармонию с происходящим, поступать согласно природе, независимо от того, как действуют окружающие нас люди (I, 12; 17—20; II, 24, 1). Поступать же согласно природе значит сосредоточить все внимание на внутреннем мире, которым человек распоряжается сам, и отвернуться от независящих от его воли внешних вещей, ибо, если он будет их желать или опасаться, он неизбежно станет рабом того, в чьей власти они находятся (I, 4, 18—19).

Хозяин обретает господство над рабом, угрожая тому, что рабу особенно дорого, к чему он особенно привязан. Тот же, над кем не властны удовольствия, слава, богатство, зло, кто может отдать свое тело тирану, никогда не будет ничьим рабом. Так, Диоген оставался свободным даже в рабстве (I, 25, 23—25; II, 2, 25; III, 24, 61—73). Тираны и господа могут подчинить себе наше тело, но, если мы считаем его за ничто, они убедятся, что против нас они бессильны (I, 9, 16; 17; 21). Эпиктет вспоминает, как его учитель Мусоний Руф спросил его, надо ли ему просить Эпафродита не наказывать Эпиктета, но Эпиктет предпочел не просить помилования, а достойно перенести наказание (I, 9, 31). Невежественный тиран воображает, что люди служат ему и боятся его. Но они служат ему так же, как ослу, которого моют и чистят, а боятся его, как лихорадки, которой в Риме поставлен алтарь. Он может заковать в цепи, убить, но для мудрого это не страшно, так как речь идет только о его теле. Он говорит: «Я покажу тебе, что я господин». Но он господин лишь над тем, что в человеке смертно и что не имеет никакой цены. Остальное же Зевс сделал свободным, и того, кто это знает, поработить нельзя (I, 19, 1—10). Мудрый не оспаривает притязания власть имущих на его тело, состояние, репутацию, близких, но если они хотят управлять его суждениями, то убедятся, что

такую власть им не могут дать никакие угрозы (I, 29, 9—14). Конечно, господин может высечь раба, но этот поступок сам несет в себе наказание, так как жестокость противна природе и дурной человек никогда не будет счастлив, ему всегда будет хуже, чем тому, кто благородно переносит причиненное ему зло (IV, I, 114—122; 127). Рабу вовсе незачем получать вольную. Она не одела его свободным, если он постоянно будет желать чего-либо для счастья. Свободу дает не достижение желаемого, а уничтожение желаний (IV, I, 33—40; 175). Свободный — приверженец материальных благ терпит те же унижения, что и раб, так как тоже попадает в зависимость от того, кто может их у него отнять. Человек боится нужды и не только нужды, но и отсутствия привычных удобств. Он не мыслит себе жизни без обслуживающих его рабов. Если бы он научился работать и зарабатывать себе на скромную жизнь простым трудом, он бы ни от кого не зависел и был бы воистину свободен, каким и должен быть по законам природы и воле богов (I, 9,9; 13, 3—5; II, 1, 23—24; 26; III, 26,1; 7; 24; IV, 1,1—5; 150; 5,15).

Те же мысли мы встречаем у Мусония Руфа, одного из самых ярких и последовательных представителей стоической оппозиции времен Флавиев. Чтобы ни от кого не зависеть, говорит он, человек должен работать сам. Лучше всего ему заняться земледелием на своей или арендованной земле, стать земледельцем или пастухом — труд, вполне приличный для благородного человека. Особенно он рекомендует пастушескую жизнь, оставляющую досуг для занятий науками и философией (*Reliq.*, XI, 57, 6—13; 58, 3—2). В отличие от своего учителя, Эпиктет приветствует не только земледельческий, но и любой труд, даже считающийся рабским. Кстати сказать, разработке этой темы отдал дань и Плутарх. Он рисует печальную судьбу тех, кто берет в долг под залог имущества и терпит бесконечные унижения от кредитора и его рабов. Чем выносить подобное, лучше кормиться, уча детей, исполняя должности привратника, матроса, сторожа, пекаря. Лучше жить скромно, обходясь без дома и рабов, чем самому стать рабом; лучше не иметь собственности, чем самому превратиться в собственность (*De vit. aeg. alien.*, 2—7).

Из того же круга идей не отличающийся вообще особой глубиной Марциал заимствовал умозаключение, доводящее до логического конца аналогичные положения: царей и господ, пишет он, имеет тот, кто не владеет собой и желает того, чего желают цари и господа; если же ты можешь обойтись без раба, то можешь не иметь и царя⁴².

Однако у Эпиктета проблема рабства звучит наиболее остро и сильно. Для него это в наибольшей степени проблема духов-

⁴² *Mart.*, II, 68.

ного, освобождения всех, кто так или иначе зависел от другого. Задачу мудреца он видит в том, чтобы не только множить и без того огромное количество книг, наполненных стоическими афоризмами, но и главным образом подтверждать их справедливость примером собственной жизни (Conveg., I, 29, 55—56). На большое число последователей он не рассчитывает и даже их не желает (I, 29, 30—32; 50—56; 64—65). В этом смысле он близок к Сенеке, но он значительно дальше идет в отрицании материального мира. Гораздо последовательнее Сенеки он связывает отречение от мира с приближением к божеству. Раб, по Эпиктету, должен безропотно сносить свою судьбу не из преданности господину — этот мотив у Эпиктета вовсе отсутствует, — а потому, что его цель, как и всякого человека, — сохранить в неприкосновенности заложенную в нем божественную искру. Эпиктет, в противоположность Сенеке, не одобряет даже такого выхода, как самоубийство: человек не должен предвосхищать волю бога, а обязан нести наложенные на него испытания и с честью из них выйти, ибо бог посылает их не тому, кого ненавидит, а тому, кого тренирует, чтобы он свидетельствовал об истине перед другими (I, 9, 16—17; III, 24, 113). Эпиктет намного ближе к христианству, чем Сенека, так как полностью переносит отношения раба и господина из реального мира в мир духовный, в котором раб одерживает блистательную победу над господином, тогда как для Сенеки конечный итог спиритуализации этих отношений — утверждение морального приоритета более мудрого, знающего, благородного господина над рабом.

Учение Эпиктета — это протест именно против попыток овладеть не только телами, но и душами подданных и рабов — в масштабе ли государства, или в пределах фамилий. Но в силу специфических условий империи, когда в зависимость от вышестоящих попадали не только «маленькие люди», но и многие представители господствующего класса, оно приобрело широкую популярность в самых различных слоях, вплоть до сенаторской знати.

Как мы видим, совершенно неправомерно отрицать существование при империи интереса к «рабскому вопросу». Пожалуй, если учесть, сколь незначительны остатки античной литературы, дошедшей до нас, можно считать, что у римских авторов I—III вв. он играл не меньшую роль, чем «крестьянский вопрос» в русской литературе XIX в. или «рабочий вопрос» в литературе капиталистических стран XX в. Сходство состоит в том, что такие «вопросы» начинают привлекать внимание правящих классов с обострением противоречий соответственного способа производства. Прежние методы эксплуатации становятся все менее пригодными, приходится изыскивать новые пути и пытаться так или иначе, хотя бы внешне, сгладить эти противоречия, найти некую утопическую «гармонию интересов».

В условиях рабовладельческого строя, однако, попытки разрешить «рабский вопрос» имели свои специфические черты. В основном они определялись тем, что феодальный способ производства, пришедший на смену рабовладельческому, менее резко от него отличался, чем капитализм от феодализма, не говоря уже о капитализме и социализме. Оптимальным условием развития капитализма была наиболее полная ликвидация всех феодальных норм и институтов. Поэтому передовые классы и социальные группы понимали и достаточно четко формулировали свои требования, в частности и отмены крепостного права или его пережитков. При переходе же от рабства к феодализму пережитки первого, как отмечал Энгельс, долгое время укрепляли позиции землевладельцев относительно крепостных. Рабство как институт вообще не было отменено каким-нибудь актом, вроде отмены крепостного права. Естественно поэтому, что такое радикальное разрешение «рабского вопроса» не предлагалось занимавшимися им авторами. Даже те, кто выступал против рабства как такового и прославлял жизнь древних народов, не знавших рабства, или отдельных людей, умевших обходиться без услуг рабов, вряд ли верили, что их идеалы когда-либо смогут осуществиться в тогдашних условиях и в сколько-нибудь широких масштабах.

Более или менее четкими были два направления. Представители одного, связанные с мелкими и средними собственниками, видели выход в ограничении крупного земле- и рабовладения, в переходе ведущей роли к небольшим рабовладельческим хозяйствам с патриархальными отношениями между рабами и господином, трудящимся вместе со своей семьей. Второе направление, распространившееся среди новых крупных собственников, не стремясь ограничить число рабов, сводилось в конце концов к предложению перестроить отношения рабства на отношения клиентеллы. Рабам предоставлялась известная свобода действий и гарантия от произвола и жестокости господ, с тем чтобы «функцию подавления» взяло на себя государство. Со своей стороны, рабы должны были видеть в хозяине не просто господина, силой поработившего их и силой удерживающего в повиновении, а патрона, т. е. почти отца, которому они обязаны не только вынужденным послушанием, а и почтением, и любовью, и готовностью жертвовать за него всем, вплоть до жизни. Так теоретически обосновывались смягченные формы рабства, практически воплощавшиеся в колонате, а впоследствии в крепостничестве.

Взгляды различных социальных групп на «рабский вопрос» нашли свое отражение в политике императорского правительства в отношении рабов и отпущенников и в эволюции этой политики на протяжении рассматриваемого периода.

Глава седьмая

**ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА
В ОТНОШЕНИИ РАБОВ И ЛИБЕРТИНОВ**

Уже у самого начала существования империи правительство стало значительно больше, чем при республике, уделять внимания несвободнорожденным сословиям. Как показал в своей монографии «Принципат Августа» Н. А. Машкин, одной из важных задач, стоявших перед Октавианом после окончания гражданских войн, было укрепление расшатанных ими основ и устоев рабовладельческого общества. С разрешением этой задачи Н. А. Машкин связывал не только такие мероприятия, как возвращение господам 30 тысяч беглых рабов из войска Секста Помпея, ликвидацию разбойничьих банд, учреждение особых полицейских отрядов, ревизию эргастул с целью отделить незаконно удерживавшихся там свободных от рабов, но и семейное законодательство Августа, имевшее целью поднять значение фамилии как основной ячейки рабовладельческого общества и авторитет ее главы.

В той же связи стоит демонстративно проявлявшееся Августом уважение к власти господ и патронов; иллюстрировавшееся авторами времен империи соответствующими анекдотами. Согласно одному из них, Цепион, обвиненный в заговоре против императора, бежал в сопровождении двух рабов. Когда его нагнали посланные за ним преследователи, один из рабов пытался, правда, безуспешно, защитить своего господина, убитого в стычке, другой же убежал. Отец Цепиона сейчас же дал первому рабу волю, а второго, проведя по форуму с надетой на шею табличкой, на которой была написана его вина, распял. Август, хотя дело шло о его враге, не был в претензии на отца Цепиона¹. Во втором анекдоте рассказывается, как Август обедал у жестокого богача Ведия Поллиона, бросавшего провинившихся рабов на съедение мурам. Один из рабов, разбивший драгоценный бокал, бросился на колени перед Августом, умоляя спасти его от казни. Император, однако, не позволил себе прямо вмешаться в распоряжение господина. Он потребовал остальные бокалы той же серии и разбил их, чтобы отвлечь

¹ *Dio Cass.*, 54, 3, 7.

Поллиона от его жестокого намерения и дать понять, что он его не одобряет². Известно также, что, когда надо было по какому-нибудь делу допросить под пыткой рабов против господ, Август, чтобы не нарушать древнего закона, запрещавшего такую практику, приказывал выкупить рабов за государственный счет и только тогда пытать.

Все это должно было понравиться сенаторской знати, так как, по-видимому, снова стали соблюдаться подорванные во время смут и междоусобиц «обычаи предков». Но по существу все эти демонстрации имели не больше значения, чем прочие уступки Августа «республиканцам». Его реальная политика в «рабском вопросе» имела иную основу.

На первый взгляд политика эта представляется противоречивой. С одной стороны, против рабов принимался ряд террористических мер, имевших целью подавить их сопротивление уже не силами отдельных глав фамилий, как это имело место при республике, когда правительство выступало лишь в случае открытых рабских восстаний, а силами государства. Учредив должность префекта Рима, Август одной из главных его задач считал «обуздание» мятежной бедноты и рабов³ с помощью полицейских когорт стражи. Наиболее же жестоким и эффективным его мероприятием было издание в 9 г. знаменитого Силанианского сенатусконсульта⁴, принятого, по словам Ульпиана, видимо, цитирующего вступление к закону, «так как не может быть в безопасности ни один дом, если рабы не будут принуждены под страхом смерти охранять господ как от домашних, так и от посторонних». Согласно Силанианскому сенатусконсульту, если господин был кем бы то ни было убит, все рабы, находившиеся под одной с ним кровлей, на расстоянии окрика или в путешествии и не пришедшие ему на помощь, предавались пытке и казни. Завещание убитого не вскрывалось до окончания следствия и экзекуции, чтобы тот, кто был назначен наследником, не пытался спасти принадлежавших ему теперь рабов. Человек, помогший бежать или давший убежище кому-либо из фамилии убитого, привлекался к суду по закону об убийцах — *de sicariis*. Напротив, донесший на успевших скрыться рабов и указавший, где их можно отыскать, получал за каждого по пять золотых из имущества убитого, а если оно было слишком скудно, — из казны. Раб, открывший заговор на жизнь господина или разыскавший его убийцу, независимо от желания владельца получал от претора свободу и считался «ничьим отпущенником», т. е. не имел патрона, которому был чем-нибудь обязан. Из действия Силанианского сенатусконсульта не исключались ни те рабы, относительно которых было известно, что убитый завещал

² *Seneca. De ira*, III, 40; *Plin.*, N. H., IX, 99, 2; *Dio Cass.*, 54, 23, 1—4.

³ *Tac.*, *Ann.*, IV, 11.

⁴ *Paul.*, *Sent.*, III, 5, 1—9; *Dig.*, XXIX, 5.

им свободу, ни принадлежавшие ему статулиберы, т. е. рабы, купленные или полученные по наследству с условием освободить их по истечении определенного срока или по исполнении ими определенных обязательств. На помилование могли рассчитывать лишь те члены фамилии, которые в момент убийства господина были тяжело больны, заперты, закованы, а следовательно, физически не могли прийти на помощь хозяину, или те, кто пытались его защитить и были ранены в борьбе с убийцей, да и то—закон предписывал расследовать, не поранили ли они себя сами, чтобы спастись от казни.

Силанианский сенатусконсульт был страшным оружием в руках государства, призванного защищать интересы класса рабовладельцев. Вместе с тем по самому своему духу он представлял собой нечто новое по сравнению с временем правления сенатской аристократии. Известен приведенный Цицероном пример оправдания проступка незнанием: некто предал пытке раба своего брата, убившего господина, но после вскрытия завещания оказалось, что этот раб был отпущен на волю. Брат не имел права пытать свободного, но мог сослаться в свое оправдание на то, что не знал содержания завещания. Как видим, здесь, во-первых, наказание за убийство господина осуществляется внутри фамилии, а во-вторых, воля господина, отпустившего на свободу своего будущего убийцу, формально превалирует над всеми остальными соображениями. В Силанианском сенатусконсульте она отступает на задний план перед волей государства, принимавшего на себя карательные функции.

Этот новый дух отразился и в, видимо, принадлежавших Августу *lex Iulia de vi publica* и *lex Iulia de vi privata*. Как известно, в середине III в. до н. э. был издан закон Аквилія, снимавший с рабов ответственность за причиненный кому-либо по приказу господина ущерб и приравнивавший их в этом смысле к четвероногим. Закон Аквилія санкционировал положение, согласно которому раб во всем обязан руководствоваться суверенной для него волей господина. В первой половине I в. до н. э. бесчинства лиц, составлявших из своих рабов вооруженные отряды, приняли такие размеры, что претор М. Лукулл издал постановление о привлечении к суду не только господ, но и помогавших им чинить насилия членов фамилий. Постановление Лукулла было малодейственным, и правомерность его многими оспаривалась⁵. Упомянутые законы Юлиа должны были раз навсегда прекратить попытки крупных собственников подымать мятежи и ограждать от их насилий менее значительных людей. По *lex Iulia de vi publica*, казнью или ссылкой карались лица, с целью мятежа собравшие вооруженные отряды свободных и рабов или использовавшие их для поджогов, грабежей, изгнания владельцев из

⁵ *Cicero. Pro M. Tul.*, 2; 9.

из земель, вилл, домов, кораблей⁶. По *lex Iulia de vi privata* конфискацией трети имущества и удалением из сословия сенаторов, а впоследствии и декурионов наказывались те, кто с отрядом свободных или рабов причинял кому-нибудь насилие, не дошедшее до кровопролития, выдворял владельцев вилл без применения оружия, самовольно, без санкции суда, захватывал имущество должника, предавал пытке чужих рабов (Dig., XLVIII, 7). По обоим законам отвечали не только инициаторы преступления, но и помогавшие им свободные и рабы. Закон государства должен был стать для раба выше приказа господина. Мысль эту в общей форме выразил современный Августу юрист Альфен Вар: «раб не во всем может безнаказанно слушаться господина, например, если господин прикажет ему убить человека или совершить кражу» (Dig., XLIV, 7, 20). Так были сделаны первые шаги по включению рабов в сферу действия не только фамилии, но и государства.

Вместе с тем, принимая меры для подавления сопротивления рабов в общегосударственном масштабе, Август уже пытался противодействовать жестокости господ, что следует, между прочим, и из анекдота о Ветии Поллионе. В эдикте от 9 г. н. э. Август писал, что не следует во всех делах без разбора пытаться рабов, а прибегать к пытке лишь в крайнем случае, когда иначе никак нельзя расследовать тяжелые уголовные преступления (Dig., XLVIII, 18, 1; 8). Современный Августу юрист Лабен, отражавший в своих сочинениях дух времени, писал, что тот, кто превысит меру, пытая рабов, даже если он действовал по приказу владельца последних, привлекается к ответственности (Dig., XLVII, 10, 15, 42). При республике, как мы видели, при пытке рабов лишь по обычаю, а не по закону должны были присутствовать родичи и друзья господина, вмешивавшиеся, если пытка становилась слишком жестокой. Здесь же опять-таки контроль берет на себя государство. Тот же Лабен задается вопросом, совершенно несовместимым с утверждением абсолютной власти господина. Можно ли, спрашивает он, вчинить иск о мошенничестве (*de dolo*) тому, кто освободит чужого, закованного в колодки раба и даст ему возможность бежать? По мнению Лабена, такой иск возможен лишь в том случае, если будет доказано, что виновный действовал не из соображений милосердия (*miser cordia ductus*). Если же его побуждало сострадание, то он отвечает по менее тяжелому иску «о содеянном» — *de actione facta* (Dig., IV, 3, 7, 7). Имея в виду рабов, Лабен замечает, что владельцу следует с умеренностью пользоваться своим движимым имуществом, дабы не испортить его диким и свирепым обращением (Dig., VII, 1; 15, 3). По определению Лабена, нельзя считать беглым того

⁶ Dig., XLVIII, 6, 3; CJ, IX, 11, 6; *Paul.*, Sent., V, 30, 1.

раба, который придет в убежище или туда, куда являются просящие, чтобы их продали (*qui se venales postulant*), ибо они делают то, что дозволено государством (*Dig.*, XXI, 1, 17, 12). Возможно, что и раньше признававшееся по обычаю за рабом право в крайнем случае искать помощи у магистрата против жестокого владельца и просить, чтобы его продали более человечному хозяину, было в правление Августа укреплено, с чем связано и предоставление права убежища храму Юлия Цезаря, воздвигнутому триумвирами⁷.

По свидетельству Светония, Август сам милостиво относился к своим рабам (*Aug.*, 57), очевидно, стараясь воздействовать в этом смысле на господ личным примером. В своем осуждении жестоких владельцев он заходил так далеко, что, как рассказывает Сенека, когда рабы убили скредного и бесчеловечного богача Гостия Квадра, Август счел его недостойным отомщения и только что не сказал открыто, что Квадр был убит по справедливости⁸. Как мы пытались показать выше, Август, возможно, ввел новые принципы организации рабов в своем доме и на императорских землях, предоставляя им видимость известной самостоятельности, организуя их в коллегии с выборными почетными должностями и т. д., что также должно было послужить образцом для частных владельцев.

Судя по Лабеоу, в его время принимались известные меры и для укрепления имущественных прав состоятельных рабов. Так, он признавал, что в пекулии рабов включаются суммы, должные им по искам о кражах и по другим искам, а также оставленные им наследства и легаты (*Dig.*, XV, 1, 7, 5), хотя по закону все это составляло собственность господ.

Очень знаменательна известная религиозная реформа Августа, учреждавшая в каждом квартале культ Ларов перекрестков и Гения императора, обслуживавшийся наряду со свободными плебеями либертинами и рабами, отправлявшими в течение года должности магистров и министров. Этот культ, издавна популярный в народе, связывавшем с ним различные демократические идеи, должен был содействовать повышению преданности Августу в городских низах. Реорганизуя компитальный культ, Август хотел направить в нужное ему русло связанные с ним чаяния и представления. Отведя же столь значительную роль представителям несвободнорожденных сословий, он продолжал старую републиканскую традицию. В некоторых случаях, например на материале помпейских надписей, можно проследить, как прежние городские культы, обслуживавшиеся свободными плебеями, либертинами и рабами, непосредственно сменяются императорскими, с министрами и магистрами, вербовавшимися

⁷ *Dio Cass.*, 47, 19, 3.

⁸ *Seneca. Quaest. natur.*, I, 16.

из тех же слоев. Судя по эпиграфическим данным, при Августе и его ближайших преемниках рабы и отпущенники составляли среди служителей нового культа подавляющее большинство. Если учесть, что во времена Августа в Риме числилось 265 кварталов⁹, а среднее число магистров и министров равнялось шести, то в одной только столице в год более полутора тысяч, а за время от установления культа компитальных Ларов до смерти Августа около 20 тыс. рабов и либертинов отправляли эти должности, устраивали для народа игры и церемонии, строили и ремонтировали алтари и святилища, следовательно, постоянно тесно общались со свободным плебсом своего квартала, выступая в какой-то мере и как его руководители и проводники официальной правительственной идеологии. По всей Италии число это было еще гораздо внушительнее, хотя определить его не представляется возможным ввиду случайности дошедшего до нас материала.

Конечно, как мы видели из надписей, приводившихся в предыдущих главах, магистрами и министрами Ларов становились в основном отпущенники и рабы знатных лиц и обладавшие имуществом, достаточным, чтобы нести затраты на нужды культа, а их относительное благосостояние было или казалось гарантией их благонадежности. Возможно, что самый порядок назначения или избрания магистров и министров, ближе нам не известный, должен был устранить лиц, с точки зрения властей, недостаточно лояльных. Удостоенные же такой чести, несомненно, чувствовали себя польщенными и становились надежными приверженцами и пропагандистами нового режима. Все это показывает, что Август был заинтересован в преданности соответствующих слоев городских отпущенников и рабов, составлявших, следовательно, достаточно значительную силу. Вероятно, он рассчитывал также влиять через них на свободный и несвободный городской плебс. Во всяком случае, то место, которое он отвел не только либертинам, но и городским рабам в новом официальном культе, было значительным шагом вперед на пути превращения рабов из подданных только своих господ в подданных императора. Как и все прочие слои населения империи, они также становились объектами социальной демагогии, столь широко и с таким искусством применявшейся Августом.

Основные черты, присущие его политике относительно рабов, характерны и для его отношения к отпущенникам. Во время гражданских войн триумвиры приняли в сенат много новых людей, между прочим, и из сословия либертинов¹⁰. Затем взаимоотношения Октавиана с отпущенниками испортились из-за наложенных на них чрезвычайных контрибуций. После битвы при

⁹ *Plin.*, N. H., III, 19, 13.

¹⁰ *Dio Cass.*, 48, 34, 5.

Акции, опасаясь возможных эксцессов со стороны либертинов, Октавиан простил им четвертую часть подати, что, по словам Диона Кассия, их чрезвычайно обрадовало и вполне примирило с правительством¹¹.

Светоний несколько раз подчеркивает, что, придя к власти, Август проявил к отпущенникам особую строгость и, так сказать, постоянно указывал им их место. Он будто бы не допускал отпущенников к своему столу, за исключением отпущенника Секста Помпея Мена, предавшего ему флот своего патрона (Aug., 74), запретил послам свободных и союзных народов сидеть в театре на почетных местах в оркестре, узнав, что некоторые из этих послов — отпущенники (Aug., 44). Однако думается, что Светоний несколько сгустил краски под влиянием духа своего времени, когда, как мы видели выше, писатели, противопоставлявшие Антонинов «тиранам» из династий Юлиев—Клавдиев и Флавиев, подчеркивали, что «хорошие» принцепсы держали либертинов в узде. На деле, как видно из составленных тем же Светонием биографий знаменитых грамматиков и риторов, образованные отпущенники находились нередко в самых дружеских отношениях как с приближенными Августа, так и с ним самим. Сыном отпущенника был и пресловутый Ведий Поллион, у которого Август не гнушался обедать. Вследствие крайней неоднородности сословия либертинов неодинаково было и отношение Августа к различным их слоям.

Из относящихся к отпущенникам законов, изданных в правление Августа, наиболее известны законы Элия — Сентия и Фуффия — Каниния, регулировавшие отпуск на волю рабов и имевшие, по свидетельству Дионисия Галикарнасского, Светония, Диона Кассия, целью приостановить приток в ряды плебса иноземцев и неблагонадежных элементов. Возможно, здесь действовали и финансовые соображения. Уже к концу республики рабов часто отпускали на волю накануне больших раздач народу, чтобы и они получили свою долю. Аналогичный случай имел место и в правление Августа, но он не включил новых отпущенников в списки кандидатов на подарки, сказав, что им он ничего не обещал¹². Ограничивая отпуск на волю рабов, он, помимо прочих соображений, мог стремиться и уменьшить число претендентов на государственное вспомоществование.

Закон Фуффия — Каниния нормировал число рабов, отпускаемых по завещанию: обладатель трех рабов мог освободить не более двух; владелец 4—10 рабов — половину; 10—30 рабов — одну треть; 30—100 рабов — одну четверть; 100—500 рабов — одну пятую, а те, кто имели более 500 рабов, не могли освободить более ста¹³. Закон Элия — Сентия устанавливал, что

¹¹ *Dio Cass.*, 50, 10, 5; 51, 3, 3.

¹² *Suet.*, Aug., 42.

¹³ *Ulp.*, *Fragm.*, 1, 24.

сделать отпускаемого раба римским гражданином мог лишь господин старше 20 лет при условии, что рабу не меньше 30 лет. Если господин и раб не достигли установленного возраста или специальные комиссии не признали, что имеется уважительная причина нарушить закон (см. выше стр. 98), то отпущенник становился латином. Раб, который за какую-нибудь вину был хозяином закован, заклеямен, подвергнут пытке, отдан в гладиаторы или бестиарии, будучи освобожден, получал самый низший из возможных статусов — статус дедичития. Он не смел проживать в Риме или там, где пребывал император, и не мог никогда стать римским гражданином¹⁴. По тому же закону не считался свободным раб, отпущенный для обмана патрона или кредитора, хотя бы потом должник внес все, что с него причиталось¹⁵. В пользу обедневших рабовладельцев закон Элия — Сентия дозволял человеку, имущество которого было настолько обременено долгами, что принесло бы наследнику одни лишь убытки и бесчестье, падавшее на банкрота, завещать свободу кому-либо из своих рабов и назначить его наследником. Такой раб становился *heres necessarius*, т. е. не мог отказаться от наследства и должен был по возможности удовлетворить кредиторов. Если соглашения с ними ему достигнуть не удавалось, наследство продавалось и бесчестье падало на раба, а не на его покойного господина или кого-либо из возможных свободных наследников. Зато то, что он приобретал после распродажи наследства, он мог сохранить в свою пользу¹⁶.

В интересах патронов закон Паппия от 9 г. н. э. увеличивал их права на наследство отпущенников, владевших более чем ста тысячами сестерциев и имевших менее троих детей. Наследство отпущенницы, имевшей менее четырех детей, целиком переходило к патрону; если же детей было четверо, он получал одну пятую часть. Теми же правами пользовались сыновья, внуки и правнуки патрона по мужской линии. Дочь патрона получала половину наследства отцовского отпущенника, если имела не менее трех детей¹⁷.

Однако, регулируя и укрепляя права патронов, Август принял меры, благоприятные и для отпущенников. По закону Юния Норбана, те, кто были отпущены *inter amicos* и во времена республики в ряде случаев могли быть возвращены в рабство, теперь рабами снова быть сделаны не могли. Они получали статус латинов, так называемых *latini Iuniani*. Римскими гражданами они становились лишь после вторичного освобождения виндиктой. Впоследствии, согласно дополнявшему закон Юния закону Висселия и Пегассианскому сенатусконсульту, латинам-юнианам

¹⁴ *Gai.*, Inst., I, 19—24; 31; *Ulp.*, Fragm., I, 12—15.

¹⁵ *Gai.*, Inst., I, 37, 47; *CJ.*, VII, 2, 5.

¹⁶ *Gai.*, Inst., II, 153—155.

¹⁷ *Ibid.*, III, 44—46.

были открыты и другие пути к достижению римского гражданства, например, они получали его за трехлетнюю службу в городских когортах, постройку дома в Риме или корабля определенной грузоподъемности¹⁸.

Закон Юния предписывал преторам и проконсулам охранять свободу отпущенных *inter amicos*. Даже отпущенников господ-перегринов, не получавших статуса латинов-юнианов, проконсулы не позволяли возвращать в рабство, если закон какой-нибудь перегринской общины не предусматривал прямо противоположного¹⁹. Зато имущественные права латинов-юнианов были сильно ограничены. Они не могли ни сами составлять завещание, ни наследовать по чужому, иначе как по фидеикомиссу, т. е. так же, как перегрины. При жизни они свободно распоряжались своим имуществом, зато после их смерти оно, как и рабский пикулий, возвращалось к господину²⁰. Закон Юния был одним из самых ярких примеров компромиссной политики правительства относительно отпущенников. С одной стороны, оно старалось ограничить самоуправство патронов и взять под защиту тех, кто так или иначе получил свободу; с другой — по возможности обеспечить имущественные интересы патронов. При этом в более выгодное положение ставились богатые либертины, которые могли, затратив значительные суммы, сделаться из латинов-юнианов римскими гражданами и обрести значительно большую независимость от патронов, даже помимо их желания оформить вторичный отпуск бывших рабов виндиктой.

Благоприятные для отпущенников пункты содержал и закон Элия — Сентия. Согласно этому закону, если патрон не кормил нуждающегося отпущенника, он лишался прав на все, чем бывший раб был обязан ему при отпуске на волю, и на причитающуюся патрону долю его наследства (Dig., XXXVIII, 2, 33). Очень существен пункт, запрещавший патронам обязывать отпущенников платежами — *mercedes* (Dig., XI, 9, 32, 1). Значение его становится понятным в свете данного Лабеоном разъяснения, согласно которому товарищества, заключенные между патронами и отпущенниками, не имеют никакой законной силы (Dig., XXXVIII, 1, 36). При республике обязательства отпущенников патронам складывались из трех элементов: отработки; платежи, вносившиеся бывшими рабами патронам как бы в силу заключенного с ними товарищества; доля наследства, переходившая к патронам как бы в возмещение прекратившихся со смертью отпущенников платежей. Выплата патронам определенных сумм была, видимо, особенно обременительна для отпущенников, а требования бывших господ нередко настолько превосходили возможности либертинов, что даже некоторые рес-

¹⁸ *Gai.*, Inst., I, 31—32; III, 56.

¹⁹ *Scaevol.*, Fragm., 4—8; 12.

²⁰ *Gai.*, Inst., I, 23—24; II, 275; III, 56; 58; *Ulp.*, Fragm., I, 10; XXV, 7.

публиканские преторы считали нужным за них вступить. Запрещение обязывать отпущенников денежными взносами и аннулирование их товарищества с патронами должно было в значительной мере пресечь злоупотребления последних и укрепить экономическое положение либертинов.

Кроме того, по закону Августа о браках, сокращались и отработки тех отпущенников, которые имели более двух детей (CJ, VI, 3, 7). По тому же закону разрешалось всем, кроме сенаторов, вступать в законный брак с отпущенницами²¹. Состоятельным либертинам чрезвычайно льстило постановление Августа, по которому, во изменение прежних правил, их дочерям дозволялось становиться весталками²². Август же первым ввел обычай даровать наиболее видным и богатым отпущенникам так называемое «право кольца», т. е. право носить золотое кольцо, что освобождало их от всех обязанностей по отношению к патрону, кроме предоставления ему установленной доли наследства, и открывало им путь в сословие всадников и к должностям, для рядовых либертинов закрытым. Первым получил это отличие упоминавшийся уже Мен, затем число отпущенников, имевших «право кольца», стало быстро расти²³.

Наконец, Август открыл широкий путь к продвижению собственным отпущенникам. Если при республике возвышение влиятельных отпущенников «принцепсов государства» носило все же неофициальный характер, то теперь их роль в административном аппарате была, так сказать, легализована. Уже Цезарь довольно часто назначал своих отпущенников на различные должности. Во время последовавших за его смертью событий соответствующая практика расширилась, так как претенденты на власть и их командиры особенно нуждались в людях, на преданность которых могли положиться. Достаточно известно, какое исключительное положение занимали в армии и при дворе Секста Помпея его отпущенники. Служивший акцензом при цезарианском командире в Африке Т. Секстии отпущенник Филерот ведал сдачей на откуп податей с 83 африканских кастеллей, был эдилом и префектом Карфагена, дважды дуумвиром Клуpei, а вернувшись в Италию, стал августалом Формий, где построил храм Нептуну (CIL, X, 6104). Когда в 39 г. до н. э. Лабиев, воевавший на стороне парфян и разбитый Вентидием, пытался скрыться в Киликии, он был захвачен отпущенником Цезаря Деметрием, назначенным Антонием на Кипр²⁴. Деметрий имел, несомненно, в своем распоряжении какие-то воинские части, ибо в противном случае он не мог бы взять Лабиева. После битвы при Акции Октавиан, стремясь захватить Клеопатру и ее сокро-

²¹ *Dio Cass.*, 54, 16, 2.

²² *Ibid.*, 55, 22, 5.

²³ *Ibid.*, 48, 47, 9.

²⁴ *Ibid.*, 48, 40, 6.

вища, послал к ней с соответственными инструкциями вместе с всадником Прокулеем отпущенника Эпафродита²⁵.

Став главой империи, Август, продолжая традицию цезаринцев, всячески избегал привлекать не только рабов, но и либертинов к службе в армии. Рабов — но только в качестве гребцов — он брал во флот во время войны с Секстом Помпеем²⁶. Отпущенники были призваны в войско во время панноно-далматского восстания и после поражения Вара в Германии, но они не получили такого же оружия, как свободнорожденные солдаты, и не смешивались с ними, образуя отдельные части, вероятно, поставленные под особый контроль²⁷. Зато из либертинов состояли полицейские когорты стражи, использовавшиеся для тушения пожаров и подавления мятежей, возникавших особенно часто в связи с нехваткой продовольствия и дороговизной²⁸. Можно полагать, что, набирая полицейские когорты из отпущенников, Август, между прочим, преследовал цель оторвать их от римского плебса и сделать из активных участников всяких волнений «блюстителями порядка».

Отстраняя несвободнорожденных от военного дела, Август, опять-таки продолжая традиции Цезаря, назначал своих отпущенников на разные посты в гражданской администрации, например на должности ведавших сбором налогов провинциальных прокураторов²⁹. Некоторых отпущенников, слишком злоупотреблявших властью, Август казнил, но вообще, по словам Светония, «держал их в чести» (Aug., 67). Еще в 40 г. до н. э. он устроил роскошные похороны за государственный счет своему педагогу отпущеннику Сферу³⁰. Один из его секретарей — отпущенник Юлий Марат — составил его жизнеописание³¹. Известен его врач, отпущенник Муса, вылечивший Августа от тяжелой болезни и получивший в награду не только большие деньги, но и золотое кольцо и освобождение от податей для себя и других врачей³².

Суммируя данные о политике Августа относительно несвободнорожденных сословий, можно заключить, что в основном она проводилась в интересах мелких и средних собственников с учетом настроений городского плебса. Август принял зависевшие от него и достаточно эффективные меры, чтобы сословия эти помнили свое подчиненное положение и чтобы они, в первую очередь рабы, не выходили из повиновения и несли тяжелую кару не только за попытки к сопротивлению, но и за недостаточную пре-

²⁵ *Dio Cass.*, 51, 11, 4.

²⁶ *ibid.*, 48, 49, 1.

²⁷ *Suet.*, Aug., 25; *Vell. Paterc.*, II, 110; *Dio Cass.*, 55, 31, 1.

²⁸ *Suet.*, Aug., 25; *Dio Cass.*, 55, 26, 5.

²⁹ *Dio Cass.*, 53, 24, 4.

³⁰ *Dio Cass.*, 48, 33, 1.

³¹ *Suet.*, Aug., 79.

³² *Dio Cass.*, 53, 30, 3.

данность. С этой целью он при внешнем уважении к суверенной власти господ на деле вмешивался во внутренние взаимоотношения фамилии, когда это, с его точки зрения, вызывалось необходимостью. Но, отлично понимая, что одним террором предотвратить те или иные выступления рабов невозможно, он старался личным примером и соответственной обработкой общественного мнения внушить господам, что с рабами следует обращаться по возможности мягко, и, видимо, расширил практику государственной защиты рабов от выходящей за рамки обычного жестокости господ. Были сделаны и некоторые шаги в сторону укрепления имущественных прав более состоятельных рабов, возможного резерва пополнения класса рабовладельцев. В этом смысле особенно показательно его отношение к либертинам. Стараясь обеспечить интересы патронов и изолировать «неблагонадежных» отпущенников, Август вместе с тем открывал широкие пути богатым и образованным либертинам. Он несколько ограничил эксплуатацию патронами и менее состоятельных отпущенников, учитывая, как важно и с экономической, и с политической точки зрения не давать бывшим господам переобременять их сверх меры. Подавляя и предотвращая возможные проявления недовольства рабов и отпущенников, он одновременно стремился привлечь тех членов несвободнорожденных сословий, которые сами становились более или менее значительными собственниками средств производства и рабов, а следовательно, фактически уже принадлежали к тем слоям мелких и средних земле- и рабовладельцев, поддержка которых обеспечила победу Цезарю и его приемному сыну. Немалую роль для Августа играло и исконное отношение цезарианцев к городскому плебсу и его демократическим традициям, предполагавшим, между прочим, и широкое участие отпущенников и городских рабов в общественной и религиозной жизни плебеев Рима и итальянских городов. Наконец, влияла на его действия и насущная потребность создания нового аппарата империи из толковых и преданных людей, к какому бы сословию они ни принадлежали.

Преемники Августа в общем продолжали намеченную им линию. Роль императорских отпущенников и рабов, не менее значительная в «золотой век» Антонинов, чем при «тиранах» из династии Юлиев—Клавдиев, уже освещалась выше. На общее отношение правительства к несвободнорожденным сословиям исключительное положение принадлежавших к этим сословиям придворных и работников административного аппарата не влияло. Оно определялось иными факторами и соображениями.

Находившиеся в оппозиции к Юлиям — Клавдиям представители знати постоянно инкриминировали им то, что они принимали от рабов и отпущенников своих политических противников доносы на господ и патронов. Плиний Младший в «Пане-

гирике» Траяну говорит, что эти «тираны» считали господ своими врагами, а рабов—друзьями (Paneg., 42). Конечно, господа, постоянно опасавшиеся доносов, вынуждены были несколько лучше обращаться с рабами. Но касалось это лишь очень незначительной части рабов, а именно — слуг, постоянно соприкасавшихся с хозяевами и имевших возможность сообщать об их более или менее крупных провинностях. Рабы-ремесленники, работавшие в городских мастерских, и, тем более, сельские рабы стояли слишком далеко от сенаторских интриг или просто не могли уйти из имения и явиться с доносом к императорским чиновникам. Жертвами «тиранов» были обычно крупные собственники-сенаторы, и на рядовых владельцев и их рабов террор не распространялся. К тому же, хотя некоторые рабы, доносившие на своих господ, неугодных императорам, получали свободу и деньги, другие в силу господствовавшей тогда точки зрения, разделявшейся, кстати сказать, и «гуманистом» Сенекой (De ira 1,5), согласно которой за измену императору должны понести кару не только виновные, но и все, так или иначе с ними соприкасавшиеся, погибали вместе с казненными господами. Так казнены были рабы заговорщика Либона, рабы Тития Сабина³³ и др. Таким образом, ни о каком особом сочувствии к рабам «тиранов» речи быть не может. Как раз при самом типичном из них, Нероне, были сделаны новые добавления к Силанианскому сенатусконсульту: в случае убийства одного из супругов казни подлежала и фамилия другого³⁴. Как жестко применялся этот сенатусконсульт, видно на примере известного дела фамилии Педания Секунда, префекта Рима³⁵. Секунд был убит своим рабом, у которого взял деньги за освобождение, но вольной ему не дал. Четыреста рабов, проживавших в его доме, независимо от пола и возраста (хотя по Силанианскому сенатусконсульту малолетние рабы не подлежали казни, иногда и они делили участь взрослых—Dig., XXIX, 5, 14), осудили на смерть. Народ, сочувствуя невинно осужденным, начал волноваться. Нерон, не зная, как поступить, обратился в сенат. Некоторые склонны были помиловать фамилию Секунда, но тогда с упоминавшейся уже речью выступил Гай Кассий. И хотя представители «республиканцев» с их проповедью негибимой твердости были при Нероне не в чести, речь Кассия произвела сильное впечатление, и осужденных рабов под сильным конвоем, сдерживавшим народ, отвели к месту казни.

Вместе с тем при Юлиях — Клавдиях принимались дальнейшие меры по ограничению излишней жестокости господ. Судя по постоянным жалобам последних, выступавших по этому по-

³³ Tac., Ann., II, 30; Plin., N. H., VIII, 61, 3.

³⁴ Tac., Ann., XIII, 32; Paul., Sent., III, 5, 5.

³⁵ Tac., Ann., XIV, 42—44.

воду даже в сенате³⁶, укреплялось и расширялось право рабов прибегать под защиту императорских изображений, причем не только в общественных местах, но и в частных домах. Бить рабов на виду у статуи или портрета императора на гемме или другом предмете считалось столь же нечестивым, как когда-то в святилище или на алтаре, и могло навлечь на хозяина обвинение в оскорблении величества. По закону Петрония и дополнявшим его сенатусконсультам, господам запрещалось самовольно, без постановления суда, отдавать рабов в цирк для сражения со зверями. К ответственности привлекался не только господин, продавший раба бестиарию, но и купивший его (Dig., XLVIII, 8, 11, 1—2). По закону Клавдия, раб, покинутый господином во время тяжелой болезни, если он выздоравливал, становился свободным³⁷.

Как уже упоминалось, Тиберий не пошел на ограничение числа принадлежавших отдельным собственникам рабов в законодательном порядке. Но, видимо, обладание чрезмерным количеством рабов осуждалось. Во всяком случае, одно из обвинений, предъявленных в 53 г. Агриппиной тетке Нерона Домиции Лепиде, состояло в том, что она собрала в своих калабрийских имениях целые войска рабов, что ставило под угрозу мир в Италии³⁸. Как мы видели, выпады против богатства у различных авторов того времени обычно сочетались с нападками на огромные фамилии богачей, что, по вполне вероятному предположению Сираго, согласовалось с точкой зрения на этот вопрос императоров. Предположение это находит подкрепление и в приводимой Тацитом речи Тиберия о втором законопроекте против роскоши³⁹. Отказавшись его утвердить, император, тем не менее, обратил внимание присутствующих на то, что для содержания не только господ, но и их многочисленных рабов приходится ввозить продовольствие из провинций, и призывал их постараться и без соответственного закона «улучшить свои нравы», что в данном контексте, скорее всего, должно было означать сокращение количества принадлежащих им рабов.

Значительно больше внимания, чем рабам, уделяло правительство Юлиев — Клавдиев отпущенникам. Недовольные известной эмансипацией либертинов, патроны дважды обращались в сенат с жалобами и просьбами принять меры против их «дерзости». В 19 г. Цестий Галл выступил в сенате и рассказал, что какая-то отпущенница, в свое время осужденная им за мошенничество, встретив его на пороге курии, оскорбила, и никто не посмел за него заступиться, так как она держала в руке изображение императора. Другие присутствующие приводили

³⁶ Ibid., III, 36.

³⁷ Suet. Claud., 25; Dig., XL, 8, 2.

³⁸ Tac., Ann., XII, 65.

³⁹ Ibid., III, 53—54.

аналогичные случаи и требовали вмешательства правительства. Однако председательствовавший в сенате Друз ограничился тем, что приказал арестовать обидчицу Цестия⁴⁰.

В 56 г. уже весь сенат в целом просил императора издать закон, позволявший патронам возвращать в рабство «недостойных» отпущенников, ссылаясь на их многочисленные злоупотребления. Нерон решил обсудить дело в своем узком совете. Некоторые члены совета поддержали ходатайство сената, говоря с возмущением о «наглости» либертинов, ставящих себя на равную ногу с патронами, оспаривающих их суждения и даже осмеливающихся поднимать на них руку; обиженный же патрон может наказать отпущенника лишь высылкой из Рима в Кампанию. Надо дать в руки патронам более действенное оружие и разрешить возвращать в рабство тех, кто забыл долг благодарности за полученную свободу. Другие возражали, доказывая, что было бы несправедливо из-за вины немногих уменьшать права всего сословия либертинов, составляющих большинство триб, занимающих в культе должности министров, служащих в городских когортах, и, наконец, зачастую являющихся родоначальниками многих всадников и даже сенаторов. Если отделить их от свободнорожденных, станет ясно, сколь немногочисленны последние. Пусть лучше господа с большей осторожностью и лишь по зрелом размышлении освобождают рабов, давая свободу только достойным. Последнее мнение возобладало, и Нерон написал сенату, чтобы жалобы отдельных патронов расследовались, но действующие законы не изменялись⁴¹.

Как раз в это время были изданы упоминавшиеся уже дополнения к закону Юния, облегчавшие богатым латинам-юнианам приобретение римского гражданства. Для общей направленности политики Юлиев — Клавдиев особенно показателен закон Петрония, гласивший, что в случаях, когда речь шла о статусе человека и судьи разошлись во мнениях, следует выносить решение в пользу свободы (Dig., XL, I, 24). Тезис этот, постоянно утверждавшийся и обогащавшийся все новыми дополнениями в последующие века, носил у юристов специальное наименование: *favor libertatis*.

В пользу обязанных отработками отпущенников юристы I в. Сабин и Прокул разъяснили, что хотя в принципе последние должны за свой счет кормиться и одеваться, если они этого делать не могут, патроны обязаны давать им алименты; что отпущенники, вызванные для работы в Рим, могут отнести расходы на дорогу за счет патронов и дни, затраченные ими на путешествие, засчитываются как отработанные (Dig., XXXVIII, 1, 18; 1, 20, 1.). Если даже, заставляя патронов содержать бедных отпу-

⁴⁰ Tac., Ann., III, 36.

⁴¹ Ibid., XIII, 21—27.

щенников, правительство стремилось избавиться от лишних претендентов на государственные раздачи, все же эти законы, несомненно, шли на пользу либертинам.

Вместе с тем, так же как и Август, его непосредственные преемники не забывали напомнить либертинам их более низкое по сравнению со свободнорожденными гражданами положение. Упомянувшийся уже закон Висселия содержал пункт, направленный против либертинов, которые, не получив «права кольца», дерзали претендовать на неподобающие для них должности (CJ, IX, 21, 8). Клавдий продавал с аукциона отпущенников, осмеливавшихся вести себя, как римские всадники, и не уважавших патрона⁴². Он вернул в рабство отпущенника, подославшего доносчика, чтобы тот возбудил дело о статусе его патрона (Dig., XXXVII, 14, 5), а когда один отпущенник обратился к трибуну с жалобой на патрона, Клавдий наказал и его, и его поверенных и запретил кому бы то ни было помогать отпущенникам против их бывших господ под страхом утратить право когда-либо выступать в суде⁴³. Возможно, что в известном законе Клавдия, гласившем, что женщина, вступившая в связь с чужим рабом против воли его хозяина, становилась рабыней, а с его ведома и согласия — оставалась свободной, но рабами становились ее дети⁴⁴, содержались и сходные постановления об отпущенниках, поскольку в «Сентенциях» Павла они следуют непосредственно за пунктами о рабах. Установления эти гласят, что отпущенник, «посягнувший» на брак с бывшей госпожой или женой и дочерью патрона, карается, в зависимости от ранга женщины ссылкой в рудники или принудительными работами, что отпущенница, соединившаяся с чужим рабом, становится рабыней, причем, если она сделала это без ведома патрона, она никогда больше не сможет получить свободу; только если ее сожителем будет раб ее патрона, она сохраняет прежний статус, «так как ясно, что она не хотела покинуть дом патрона»⁴⁵. Цель этих законов, видимо, — утвердить авторитет бывших господ, а также сделать более резкими грани между лицами разного статуса. Вместе с тем закон Клавдия о свободнорожденной женщине, вступающей в связь с рабом и становящейся рабыней, является первым государственным актом, признававшим за свободным человеком право изменить свой статус на рабский не в силу приговора суда, издревле каравшего продажей в рабство за некоторые преступления, а добровольно. Как мы увидим далее, расширение подобной практики шло параллельно с законодательством, направленным на защиту рабов, что вряд ли можно объяснить случайным совпадением.

⁴² *Suet.*, Claud., 25.

⁴³ *Dio Cass.*, 60, 28, 1.

⁴⁴ *Gai.*, Inst., I, 84; *Paul.*, Sent., II, 21, 1.

⁴⁵ *Paul.*, Sent., II, 19, 9; 21, 5; 7; 11.

Мы почти ничего не знаем о каких-либо мерах императоров династии Флавиев по отношению к рабам и либертинам. Светоний, очевидно, ошибочно приписывает Веспасиану упоминавшийся закон Клавдия (*Vesp.*, 11). Известно лишь, что Веспасиан отменил еще действовавшее тогда положение латинского права, согласно которому родившиеся от связи рабыни и свободного мальчики считались свободными, девочки же — рабынями, и ввел повсеместно римское право, признававшее рабами всех детей рабыни независимо от статуса отца. Вместе с тем он оставил в силе ту часть латинского закона, которая объявляла рабами детей свободной матери и отца-раба, что было затем отменено Адрианом⁴⁶. Возможно, Веспасиан хотел обеспечить господам максимальный прирост их семей, который мог бы сократиться, если бы рабы и рабыни выбирали сожителей из числа свободных и их дети уходили бы из-под власти господ. Может быть, он, как и Клавдий, хотел ограничить возможность «неравных браков», которые именно в это время, судя по надписям женатых на свободных женщинах виликов и других привилегированных рабов, значительно участились, и более резко отделить рабов от свободных.

Последняя цель совершенно очевидна в двух известных нам постановлениях Домициана. Одно из них должно было пресечь практиковавшиеся между господами и рабами незаконные соглашения, по которым первые объявляли своих рабов свободно-рожденными, что давало рабам право претендовать на закрытые не только для рабов, но и для либертинов должности. По принятому по инициативе Домициана сенатусконсульту, донесший на подобное соглашение получал в свою собственность винного раба (*Dig.*, XL, 16,1). В другом эдикте Домициан обрушивается на учителей и врачей, получивших различные привилегии от Веспасиана, но, вместо того чтобы отдать все силы на обучение благородных юношей, принимающих в ученики посланных к ним господами молодых рабов. Те, кто будут уличены в таком деле, заключает Домициан, лишатся в наказание всех преимуществ, дарованных его отцом (*A. e.*, 1936, № 138). Это была попытка отстранить рабов от интеллигентных профессий, что должно было оградить представителей свободно рожденной интеллигенции от их конкуренции. Теперь, когда по сравнению со временем республики образование широко распространилось среди италийских средних слоев, это мероприятие должно было им импонировать. Из «Сатир» Ювенала достаточно известна их враждебность по отношению к преуспевавшим «гречишкам», оттеснявшим на задний план коренных италиков в борьбе за милости различных меценатов. Тем более они могли негодовать на бывших и настоящих ученых рабов, перехва-

⁴⁶ *Gai.*, *Inst.*, I, 85—86.

тывающих часть возможных доходов. Могло здесь играть роль и общее настороженное отношение к рабам, по своим способностям и знаниям выходившим за обычные рамки, о чем уже говорилось выше. Действительно, в конце I и во II в. число деятелей культуры из несвободнорожденных сословий резко сокращается по сравнению с последними веками республики. Господа не могли отказаться от рабов-врачей, и последние, как мы видели, составляли значительный процент среди вышедших в люди отпущенников. Но в других областях, требовавших специального образования, они почти не засвидетельствованы ни в эпиграфических, ни, тем более, в литературных источниках. В этом смысле, как и во многих других, вторая половина I в. было переломной.

Как видим, при императорах I в. продолжалась в общем линия, намеченная Августом: общие меры, направленные против несвободнорожденных сословий, сочетались с пока еще довольно робкими попытками ограничить злоупотребления отдельных господ и с покровительством либертинам, при стремлении, однако, подчеркнуть их гражданскую и социальную неполноценность.

Значительно более определенной была политика императоров II века. Примирение Антонинов с сенатом имело своим непосредственным следствием торжественное обещание императоров не принимать больше доносов от рабов на господ и не допрашивать их в направленных против хозяев расследованиях. Правда, Траян признавал, что рабов уже осужденных лиц можно допрашивать, так как фактически они уже им не принадлежат, но Адриан и Пий это отрицали (Dig., XLVIII, 18, 1; 12; 19). Плиний Младший в «Панегирике» особенно подчеркивал благотворность политики Траяна в отношении рабов. «Избавив людей от страха обвинений в оскорблении величества,— говорит он Траяну,— ты вернул к послушанию рабов. Они боятся и повинуются и {знают, что} имеют господ. Уже не наши рабы теперь друзья принцепса, а мы сами, и отец отечества уже не считает, что он более дорог чужим рабам, чем согражданам. Ты освободил всех от домашних обвинителей..., ты уничтожил, так сказать, рабскую войну. Этим ты принес не меньше пользы рабам, чем господам. Одних ты сделал уверенными в безопасности, других — хорошими. Ты не хочешь, чтобы тебя хвалили..., однако это вызывает признательность у всех, кто помнит принцепса, вооружавшего рабов против господ, и объявившего, за какие вины он будет наказывать по доносам. Огромное зло это приходилось испытывать всякому столько раз, сколько имел он рабов, похожих на принцепса» (Paneg., 42). С точки зрения знати отказ императоров принимать доносы от рабов был мерой весьма важной, но вряд ли она существенно отразилась на господах и рабах, непосредственно не связанных с узким в целом кругом высшей аристократии.

Гораздо более знаменательно сделанное Траяном добавление к Силанианскому сенатусконсульту. Под его действие теперь подпадали не только рабы, отпущенные по завещанию убитого, но и освобожденные им при жизни, включая и получивших «право кольца» (Dig., XXIX; 5, 10, 1; 5, 11). В одном из писем Плиний рассказывает о случае применения нового закона. Консул Афраний Декстр был убит, причем оставалось неясно, сам ли он лишил себя жизни, приказал ли своим рабам себя убить, или они покончили с ним по собственной инициативе. В сенате разбиралось дело его отпущенников. Плиний и некоторые другие считали, что после пытки их следует помиловать; другие предлагали выслать их на острова; третьи — казнить. При голосовании те, кто требовал казни, объединились с высказывавшимися за высылку, так как, по словам Плиния, опасались, как бы под влиянием его доводов большинство не высказалось за самое мягкое решение (Ер., VIII, 14).

Адриан в одном из своих рескриптов подтверждал, что рабы не должны предпочитать собственной безопасности безопасность господ, а потому раб, не оказавший в трудную минуту помощи господину, должен быть наказан, дабы рабы не считали, что могут думать о себе, когда над господином нависла какая-нибудь угроза (Dig., XXIX, 5, 1, 28). Видимо, в то же время по Силанианскому сенатусконсульту стали привлекаться рабы, находившиеся в пекулии сына убитого, и рабы его зятя, а также малолетние рабы, возраст которых уже позволял им донести на убийцу, если они этого не сделали (Dig., XXIX, 5, 14). Некоторые, весьма скромные смягчения попытались внести Антонин Пий, считавший, что рабов, получивших по фидеикоммиссу чистую, т. е. ничем не обусловленную свободу, не следует казнить, если не будет доказано, что они участвовали в убийстве, и Марк Аврелий, предлагавший в письме к Пизону помиловать рабов некоего Юлия Доната, который, будучи смертельно ранен разбойниками, успел в завещании засвидетельствовать невиновность своих рабов (Dig., XXIX, 5, 1, 5; 5, 2). Эти частичные отступления от общей линии на неуклонное укрепление и расширение сферы действия Силанианского сенатусконсульта весьма незначительны и случайны.

Столь же твердо соблюдался и неизвестно когда изданный закон, каравший смертью всякую попытку раба проникнуть на военную службу (Dig., XLIX, 16, 11). Когда Плиний Младший был наместником Вифинии, к нему были направлены два раба, обнаруженные среди новобранцев. Плиний сомневался, следует ли их казнить, поскольку они, хотя уже приняли присягу, еще не были зачислены в воинскую часть. Запрошенный им Траян ответил, что если рабы взяты в рекруты по оплошности вербовщика или из-за мошенничества кого-то, кто подставил их вместо лиц, подлежащих призыву, то ответить должны винов-

ные. Но если они по собственной воле пришли к вербовщику, их следует казнить, не принимая во внимание никаких смягчающих обстоятельств (Ер., X, 38; 39).

Усиливалась борьба с бегством рабов. Изданный при Антонине Пие сенатусконсульт подтверждал данное еще старинным законом Фабия разрешение искать беглых рабов в имениях сенаторов и частных лиц и предписывал снабжать владельцев беглых соответственными письмами к магистратам, обязанным давать им в помощь своих служителей — *apparitores*. Отказавший в содействии магистрат карался штрафом в сто золотых, так же как и землевладелец, не позволивший обыскивать свою виллу. Марк Аврелий обратился со специальным письмом к президентам провинций, магистратам и солдатам полицейских постов, стационариям, приказывая им помогать господам разыскивать беглых и возвращать их владельцам, а тех, у кого они будут найдены, наказывать. Он же разрешил искать беглых и в императорских владениях (Dig., XI, 4, 1, 1—2, 4, 3). По эдикту Антонина Пия, если даже беглый раб нанимался в бестиарии и сражался со зверями, опасности, которым он подвергался, не освобождали его от ответственности; будучи пойман, он возвращался к господину (Dig., XI, 4, 5).

Юристы конца I и начала II в. подчеркивали, что уже самое намерение раба бежать и освободиться от власти господина, хотя бы он не успел его осуществить или, убежав, вернулся обратно, делало его беглым. Даже если раб с целью самоубийства бросался в Тибр, но можно было доказать, что сперва он намеревался бежать и лишь затем решил лишить себя жизни, он квалифицировался как беглый (Dig., XXI, 1, 17, 1; 4; 6; 8; 10; 13). Если юрист I в. до н. э. Офиллий считал беглым раба, находящегося вне дома господина с намерением от него скрыться, то юрист конца I в. н. э. Прокул считал таковым и раба, спрятавшегося в доме господина с целью потом убежать, хотя бы бежать ему и не удалось. Некоторые считали беглым даже раба, проводившего ночь вне дома без разрешения хозяина. Один из юристов приводит по этому поводу такой пример: отпущенник жил у патрона, причем жилище одного и другого запиралось одним замком. Раб отпущенника, намереваясь не возвращаться к нему, провел ночь вне его помещения, но внутри жилища патрона — уже одно это делало его беглым (Dig., XXI, 17, 15).

Усилена была и ответственность рабов за совершенные ими наказуемые деяния. Юрист II в. Помпоний писал, что все такие деяния подлежат суду, даже если они совершены по приказу господина и тот отказывается выдать раба для суда и наказания (Dig., II, 7, 1). Согласно другому юристу того же времени, Венулею, рабы могли привлекаться к ответственности по всем законам, кроме тех, которые предполагали конфискацию имущества и ссылку, что к рабам не применимо. Закон об отцеубийстве,

продолжает Ветулей, также, по-видимому, не может касаться рабов, не имеющих законных родственников, но «так как природа у всех людей одна», то и рабов за отцеубийство так же следует карать, как и свободных (Dig., XLVIII, 2, 5). Таким образом, государство все в большей и большей степени начинало смотреть на рабов, как на своих подданных, перед ним ответственных и подлежащих его суду.

Преследуя всякое проявление протеста и неповиновения рабов, Антонины вместе с тем значительно усилили борьбу с самоуправством господ. Обычно считается, что они вообще были первыми, допустившими вмешательство государства во взаимоотношения рабов и господ с целью взять первых под защиту. Но, как мы пытались показать, соответствующая практика восходила к весьма отдаленным временам и была уже прекрасно известна при Августе. Очевидно, законы Антонинов имели целью юридически закрепить ранее действовавший обычай и расширить сферу его действия. Теперь им могли воспользоваться все рабы, не только городские, но и сельские.

Биограф Адриана в SHA, возможно, приписывая ему и меры, принимавшиеся его ближайшими преемниками, сообщает, что Адриан запретил господам самовольно убивать рабов или продавать их ланистам и сводникам, предписав, чтобы в случае тяжелой вины раба, предполагавшей соответственные наказания, владелец обращался в суд. Он же уничтожил эргастулы для рабов (Hadgr., 18, 7—11). Из более достоверных источников известно, что он запретил держать кого-либо пожизненно в оковах (Dig., XLVIII, 19, 35) и сослал на пять лет римскую матрону Умбру за бессмысленно жестокое обращение с рабынями (Mos. et Rom. leg. coll., III, 3, 4).

Гай в своих «Институциях» писал, что, хотя рабы находятся во власти господ, имеющих над ними право жизни и смерти, «в настоящее время ни римским гражданам, ни каким-либо другим людям, находящимся под управлением римского народа, не дозволено безмерно и беспричинно свирепствовать против своих рабов». По конституции императора Антонина, тот, кто без причины убьет своего раба, отвечает так же, как за убийство чужого раба. Император приказал также, чтобы, если окажется чрезмерной жестокость владельцев тех рабов, которые ищут убежища в храмах и у императорских статуй, их принуждали этих рабов продать⁴⁷. Сохранился рескрипт Антонина Пия на имя проконсула Бетики Аврелия Марциана, гласящий, что, хотя власть господ над рабами не должна быть уменьшена, для самих же владельцев полезно, чтобы тем рабам, которые законно об этом просят, не было отказано в защите от жестокости, голода, нестерпимой несправедливости. Он приказывает проконсулу

⁴⁷ Gai., Inst., I, 58—59.

расследовать жалобу рабов некоего Юлия Сабина, пришедших к императорским статуям, и, если окажется, что обращение с ними было чрезмерно жестоким, продать их другому хозяину (*Mos. et Rom. leg. coll.*, III, 3, 1—3). В рескрипте на имя Альфия Юлия, видимо, жаловавшегося на непокорность своих рабов, Антонин Пий писал: «Повиновение (*obsequium*) рабов следует обеспечивать не только властью (*imperio*), но и умеренностью, и достаточным содержанием, и справедливостью в требованиях работы. Таким образом, ты и сам должен заботиться о рабах и обходиться с ними умеренно и справедливо, чтобы ты мог их легко успокоить. Если же окажется, что ты не способен нести расходы [по их содержанию] или что ты осуществляешь свое господство с чрезмерной жестокостью, проконсул будет вынужден от моего имени заставить тебя их продать, дабы они не учинили против тебя чего-либо еще более мятежного» (*Mos. et Rom. leg. coll.*, III, 3, 6).

В виде иллюстрации к приведенным законам в Дигестах зафиксирован следующий случай, имевший место в правление Марка Аврелия: раб Примитив до такой степени боялся своего господина, что, только бы не возвращаться к нему, взял на себя вину в убийстве, которого не совершил, и назвал соучастников. Подвергнутый допросу под пыткой, он признался, что оклеветал и себя и их. Извещенный об этом деле император распорядился помиловать Примитива и продать его с условием, чтобы он никогда более не попадал под власть прежнего господина (*Dig.*, XVIII, 1, 42). Принятый при Адриане «вечный эдикт» позволял господину подавать в суд на того, кто оскорбил его раба, даже если обидчик не имел в виду унижить самого господина, во изменение прежнего правила, согласно которому обидевший чужого раба отвечал лишь постольку, поскольку оскорбленным мог считать себя господин (*CJ*, IX, 35, 8).

Все эти законы шли в русле изложенных выше идей Сенеки и его единомышленников, теоретиков и практиков, понимавших, что рабов в сложившихся тогда условиях необходимо заинтересовать морально, дать им хотя бы минимальные гарантии от самодурства и произвола господ. Но эти гарантии неизбежно приводили к некоторому уменьшению роли открытого, непосредственного принуждения рабов в отдельных хозяйствах, что требовало изменений методов хозяйствования, диктовало необходимость усиления и материальной заинтересованности рабов или хотя бы того их слоя, который к этому времени уже не только в ремесле, но и в сельском хозяйстве наделялся средствами производства.

В интересах таких более или менее состоятельных рабов во II в. юридически были укреплены права рабов-ординариев на пекулии их викариев. По словам юриста Помпония, викарии теперь уже не считались «своими рабами» господина, что ограни-

чивало его возможность свободно ими распоряжаться (Dig., XXXVII, 75, 1; 5). Поскольку же теперь и среди викариев появились лица, владевшие пекулиями и рабами — Цельс говорит о пекулиях викариев, включавших рабов (Dig., XXXVIII, 25), — закон стал учитывать это положение, охраняя известную самостоятельность и этих фактических рабовладельцев (Dig., XI, 1, 4, 6; I, 5, 4; 6).

Особенно достойно внимания, что закон стал учитывать семейные связи рабов, а следовательно, и признавать их. На них не только был, как мы видели, распространен закон об отцеубийцах, но в поле зрения законоведов попали отношения, возникавшие в связи с браками рабов, при которых жена приносила мужу приданое, хотя, конечно, с юридической точки зрения оно отличалось от приданого в браке между свободными. В конце I в. Прокул писал, что рабыня, вышедшая замуж и под видом приданого передавшая мужу деньги, независимо от того, знала ли она о своем рабском статусе или нет, не может эти деньги сделать собственностью мужа, и они остаются в собственности того, кому принадлежали до передачи их мужу; если рабыня получит свободу, судьба этих денег не меняется (Dig., XXIII, 3, 67).

Иначе рассматривает этот вопрос Ульпиан. Если рабыня, пишет он, даст рабу как бы приданое (*quasi dotem*), а затем они, находясь в постоянной связи, получат свободу с сохранением пекулия, то за ними сохраняется и приданое (Dig., XXIII, 3, 39). Таким образом, фактически приданое становилось собственностью супругов. Неизвестно, было ли введено это новшество при Антонинах или при Северах, но, как бы там ни было, оно весьма знаменательно. Современникам Плавта казалось «неслыханным новшеством», когда он вывел в комедии «Касина» рабов, добившихся брака с рабыней, и Плавт вынужден был ссылаться на то, что рабы женятся и справляют свадьбы в Афинах, Карфагене и в самой Италии, в Апулии. Теперь закон, продолжая утверждать, что между рабами возможно только сожителство, а не брак, тем не менее входит в рассмотрение имущественных отношений, возникавших в результате брака рабов, что опять-таки свидетельствовало об особом внимании к рабам зажиточным и занимавшим известное положение.

Особенно последовательно Антонины выступали в поддержку рабов, которые должны были получить свободу или уже ее получили. Единственное, но весьма характерное исключение делалось только для случаев, когда рабов освобождали под угрозой или по требованию народа. Такая свобода не признавалась законной и аннулировалась (Dig., IV, 2, 9, 2; XL, 9, 17). И в данном случае «дух мятежа» неуклонно подавлялся. При всех же иных обстоятельствах *favor libertatis* ставился во главу угла.

Изданный в 103 г. сенатусконсульт предписывал, чтобы в случае, если господа, которые должны дать свободу рабам (по фи-

деикомиссу, легату, по условиям покупки рабов и т. п.), не явились по вызову претора, а претор, расследовав дело, найдет, что рабов следует освободить, они немедленно становятся свободными (Dig., XL, 5, 26, 7). Согласно эдикту Адриана, раб, отпущенный по завещанию, впоследствии признанному недействительным, все равно становился свободным (CJ, IV, 57, 2). Марк Аврелий позволил рабам подавать в суд на господ, утаивших завещание, по которому они получали свободу (Dig., XLVIII, 10, 7). Он распорядился, чтобы рабу, отпускавшемуся на волю и по завещанию, и по фидеикомиссу, предоставлялось право выбрать, как именно он хочет быть отпущен (Dig., XL, 4, 56). По другому его закону, если раб был продан с условием, чтобы покупатель его освободил, а тот этого не сделал или умер, раб все равно становился свободным, даже если продавший впоследствии изменил свою волю (CJ, IX, 57, 2). В рескрипте на имя Попилия Руфа Марк Аврелий писал, что если наследники отказываются принять переобремененное долгами имущество, а завещатель распорядился освободить нескольких своих рабов, то они могут сами договориться с кредиторами и, удовлетворив их, получить свободу. Если же на это имущество претендует фиск, то пусть «те, кто ведают нашими делами, знают, что денежным выгодам следует предпочесть свободу и что нерушимой должна остаться свобода тех, кто получил бы ее, если бы наследство было принято» (CJ, VII, 2, 6; Just., Inst., III, 1, 1).

Столь же нерушимыми признавались и права отпущенников на алименты. В рескрипте на имя отпущенников некоей Секстии Базилы Антонин Пий писал: «хотя в завещании сказано, что алименты и одежда оставлены вам до тех пор, пока вы будете находиться с Клавдием Юстом, надо думать, что завещательница хотела, чтобы вы получали их и после смерти Юста». Из этого рескрипта следует, пишет цитирующий его Сцевола, что алименты следует предоставлять вечно — *perpetuo* (Dig., XXXIV, 1, 13, 1). Даже если имение патрона, завещавшего отпущенникам, алименты, переходило к фиску, алименты, т. е. прокорм, одежда и жилье, продолжали им предоставляться (Dig., XXXIV, 1, 2; 6).

Значительное внимание законодатели и юристы уделяли отработкам отпущенников. По-видимому, это был один из самых сложных вопросов. С одной стороны, патроны были чрезвычайно заинтересованы в отработках. Как мы видели в главе об отпущенниках, бывшие господа могли использовать труд рабов в своих мастерских, хозяйствах, сдать их на сторону или, наконец, целиком перейти к ним на содержание и жить за счет их труда. Значение отработок, несомненно, должно было возрасти с расширением практики перевода отпущенных рабов на положение колонов, так как в таком случае их можно было заставить отбывать в части имения, оставшейся в распоряжении хозяина. С другой стороны, чрезмерные требования к отпущенникам мог-

ли подорвать их собственные хозяйства и вызвать недовольство сословия либертинов, с которым правительство должно было считаться. Приходилось искать среднюю линию.

Адриан запретил требовать отработок у рабов, отпущенных по фидеикомиссам (Dig., XXXVIII, 1, 6). Марк Аврелий освободил от отработок тех наиболее состоятельных рабов, которые выкупились на свои деньги (Dig., XXXVIII, 1, 13). Патронам запрещалось требовать работ, несовместимых с достоинством (*dig-nitas*), возможностями, образом жизни и специальностью отпущенников. Снова было подтверждено, что патрон не имеет права требовать отработок, с тем чтобы отпущенник сам кормился. Патрон был обязан или содержать отпущенника, или оставлять ему достаточно времени для добывания себе средств к пропитанию и удовлетворению своих нужд — *sua corporis* (Dig., XXXVIII, 1, 19; 22, 2; 33, 50). Запрещалось требовать, чтобы отпущенник начал работать на патрона ранее договоренного срока (Dig., XXXVIII, 1, 3). Если отпущенник был ремесленником, патрон мог обязать его работать на него по своей специальности или сдать его труд в наем, но с тем, чтобы не сразу требовать заработанную им плату, а «в соответствии с родом работ, личностью патрона и отпущенника» (Dig., XXXVIII, 1, 23; 25). Не мог патрон помешать отпущеннику вести в городе, где они проживали, такое же торговое или ремесленное дело, какое вел он сам (Dig., XXXVII, 14, 18; XXXVIII, 1, 38).

Зато был несколько смягчен закон Элия — Сентия, запрещавший требовать у отпущенников денежных взносов. Он интерпретировался в том смысле, что хозяин может в некоторых случаях договориться с бывшим рабом о выплате определенной суммы за каждый причитающийся с него рабочий день. Не должен он был лишь всегда и во всех случаях требовать вместо работ денег (Dig., XL, 9, 32, 1; 2). Возможно, такое толкование закона отвечало как интересам обедневших патронов, очень нуждавшихся в деньгах, так и интересам более состоятельных и занимавших известное положение отпущенников, считавших, что им выгоднее откупиться от отработок. Но во всяком случае, деньги могли поступать патронам только в качестве замены отработок, а не в дополнение к ним, как было при республике.

Как мы уже видели, именно в конце I и во II в. достигает своего наибольшего процветания сословие севи́ров-августалов, в значительной мере состоявшее из богатых и видных отпущенников, занимавших промежуточное положение между декурionsами и плебсом. В то же время приходит в упадок созданный Августом для несвободнорожденных сословий институт министров и магистров компитальных Ларов. Как и приводившиеся выше законы, факты эти показывают, что императоры II в. были в основном озабочены судьбой наиболее богатых рабов и отпущенников, поддерживая их и открывая им путь к продвижению.

Антонины в этом отношении, как и во многих других, выступали представителями интересов всего класса собственников, даже если собственниками являлись не только либертины, но и рабы.

В разрез с их общей политикой шел изданный Коммодом закон, согласно которому отпущенника оскорбившего своего патрона или покинувшего его в бедности и болезни, следовало принудить служить патрону, а если и это его не исправляло, то продать в рабство, а вырученные деньги отдать патрону. Известно также, что Коммод отнимал «право кольца» у тех, кто получил его против желания или без ведома патронов (Dig., XXV, 3, 6, 1; XL, 10, 50). Возможно, что вообще правительство Коммода, во многом порвавшее с традициями его предшественников и искавшее опоры среди армии и связанных с нею мелких и средних собственников, пыталось более эффективно обеспечить им повиновение и помощь со стороны состоятельных отпущенников. Однако закон Коммода действовал, видимо, недолго, так как категорическое запрещение отнимать данную свободу было вскоре вновь подтверждено.

Вместе с тем, несмотря на все значение принципа *favor libertatis*, действовавшего при Антонинах, при них было положено начало практике, казалось бы, этому принципу в корне противоречившей. Как мы уже упоминали, вопреки прежде действовавшему положению, согласно которому заведомо свободного человека так же нельзя было купить, как и все то, на что не существовало *commercium*, например принадлежавшие римскому народу храмы или священные участки (Dig., XVIII, 1, 6), Адриан постановил, что если кто-либо старше 25 лет допустит себя продать, чтобы получить данную за него сумму, он законным образом становится рабом; рабами становятся и дети женщины, допустившей себя продать на тех же условиях (Dig., XL, 13, 3; 14, 2). В той же связи стоит и, правда, имевшее меньшее значение, разрешение Антонина Пия продавать как рабов детей женщины, приговоренной к работе в рудниках (Dig., XL, 5, 24, 6).

Если закон Клавдия о женщинах, вступавших в связь с чужими рабами против воли господ и становившихся рабынями, предусматривал частный (и неизвестно, насколько распространенный на практике) случай, то закон Адриана открывал гораздо более широкий путь к превращению части свободных, причем не только peregrinorum, но и римских граждан, в рабов. И действительно, как можно судить по данным источников конца II и, особенно, III в., многие свободные становились рабами.

Можно сказать, что в известном смысле законодательная деятельность Антонинов юридически оформляла фактически все более явное несовпадение сословной и классовой принадлежности ряда групп населения империи. Она всячески облегчала переход рабов, на деле принадлежавших к классу рабовладельцев в иные сословия и санкционировала превращение в рабов бедней-

ших слоев свободных трудящихся, в классовом отношении близких к таким же трудящимся рабам. Изменения в сословно-классовой структуре общества являлись важным фактором, определявшим политику правительства. Перегруппировка внутри классов и сословий обуславливалась, конечно, объективными, не зависящими от воли правительства обстоятельствами, но императоры не могли ее игнорировать, что и отразилось в их законодательной деятельности. Этим же объясняется и ее кажущаяся противоречивость: с одной стороны — покровительство свободе, с другой — изменение отношения к одному из самых коренных принципов античного рабовладельческого общества: запрещению порабощения сограждан.

В отношении несвободнорожденных сословий императоры III в. продолжали в основном линию своих предшественников. Мы не знаем, были ли в то время сделаны какие-либо новые добавления к Силанианскому сенатусконсульту, но, судя по тому вниманию, которое ему уделяют юристы III в., он действовал в полной мере. Павел приводит другой, неизвестно, тогда или ранее изданный, закон, каравший сожжением раба, уличенного в злоумышлении против господина, и распятием раба, гадавшего о жизни и здоровье хозяина, причем не отказавший ему в содействии гадатель ссылался в рудники или на острова (Sent., V, 21, 4). Раба, оскорбившего свободного человека, приговаривали в зависимости от обстоятельств дела к рудникам, битью плетью, пребыванию в оковах (Sent., V, 4, 22). Каракалла, видимо, исходя из установления Адриана, считал, что к вечному пребыванию в оковах даже рабов можно присудить лишь в исключительных случаях, но Александр Север полагал такую меру вполне допустимой (Dig., IX, 47, 6; 10).

Септимий Север и Каракалла предписывали префекту стражи разыскивать и возвращать господам беглых рабов (Dig., I, 15, 1). Если по рескрипту Марка Аврелия господа должны были сами разыскивать беглых, получая лишь помощь от магистратов, то теперь эта обязанность была возложена на полицейские части, т. е. опять-таки ее брало на себя само государство. Сенатское постановление того же времени угрожало штрафом владельцам, прокураторам и виликам сальтусов, дающим приют беглым, и обещало прощение тем, кто выдаст их в течение ближайших 20 дней (Dig., XI, 4, 1, 1). Штраф, по закону Фабия, налагавшийся на похитителей чужих рабов и укрывателей беглых, был в III в. повышен до 50 тыс сестерциев. Кроме того, к закону прибавили новый пункт, допускавший в некоторых случаях экстраординарное преследование виновных: для «благородных» — ссылку с конфискацией половины имущества, для «простолюдов» — распятие или каторжные работы (Mos. et Rom. leg. coll., XIV, 2, 2 — 3). Муниципальные магистраты, лиминархи и стационарии обязывались тщательно стеречь или

даже заковывать пойманных беглых, вплоть до передачи их префекту стражи или президу провинции (Dig., XI, 3, 4; 4, 1, 8). Если беглый раб выдавал себя за свободного, он подвергался дополнительным наказаниям (Dig., XI, 4, 2). К ответственности привлекался не только тот, кто посоветовал рабу бежать, но и тот, по чьему наущению раб прибегал к императорским статуям «в посрамление господина» (Dig., XLVII, 11, 5). Кураторам коллегий «маленьких людей» было, как мы видели выше, запрещено под угрозой штрафа в сто золотых принимать в коллегии рабов без ведома и согласия господ (Dig., XLVII, 22, 3, 2). Недействительной была признана свобода, оставленная по фидеикомиссу рабу, которого господин впоследствии заковал (Dig., XL, 5, 43). Не мог стать свободным раб, если он обвинен в капитальном преступлении, а господин за него не вступился, хотя бы раб впоследствии оказался невиновным; раб, высланный из Рима, но оставшийся в столице; раб, проданный с условием, чтобы его не отпускали на волю (Dig., XL, 9, 2; 9, 9, 1—2).

Как видим, законодательство III в. пошло еще дальше, чем закон Элия — Сентия. Малейший признак «неблагонадежности» раба, даже недоверия к нему господина, пусть и необоснованное, лишали его возможности стать свободным и получить не только римское гражданство, но и статус дедицития. Террористические меры государства против рабов усиливались по мере ослабления власти отдельных господ.

Вместе с тем императоры III в. продолжали ограничивать произвол последних. В утвержденный Септимием Севером круг деятельности префектов Рима входила, между прочим, и обязанность выслушивать жалобы на господ от рабов, прибегающих к статуям и «смиренно» просящих защитить их от жестокого обращения, голода, принуждения к позорным деяниям, а также от тех рабов, которые были куплены на их деньги, чтобы стать отпущенниками, но свободы не получили. Префект должен был осуществлять правосудие над рабами, обвиненными в прелюбодеянии с женами господ, и разбирать дела патронов, которые жаловались, что отпущенники покинули их в бедности и болезни, вошли в сделку с их врагами и т. п. В зависимости от обстоятельств префект мог сделать отпущенникам словесное внушение или приказать их высечь (Dig., I, 12, 1; 2; 8; 10). Таким образом, претензиями рабов здесь занимается сам префект столицы, т. е. для Рима и Италии второе после императора лицо. Характерно, что, хотя Септимий Север издал новый строгий закон о прелюбодеяниях, господин утратил право убить раба, даже нанесшего ему столь тяжелое бесчестие, и должен был обращаться к высшему магистрату. Муниципальные же магистраты не имели права приговорить раба к казни, они могли наложить на него лишь умеренное взыскание (Dig., II, 1, 12).

По словам Ульпиана, жестокость господ к рабам обуздывается судом (Dig., XXIV, 3, 24, 5). Он же писал, что если осужденных на казнь рабов не защищают их господа, то надо, не торопясь с выполнением приговора, дать рабам возможность найти кого-нибудь другого, кто за них вступится.

Рабы могли искать свободного, который подал бы за них апелляцию, если хозяева этого не сделают (Dig., XLVIII, 19, 19; XLIX, 1, 15).

Хотя Септимий Север подтвердил, что рабы не могут возбуждать против господ тяжбу и подвергаться допросу в направленных против своих владельцев обвинениях (Dig., XLVIII, 18, 1, 16), суд принимал к рассмотрению заявления тех рабов, господа которых скрывали завещания, дававшие этим рабам свободу, обманывали ведомство ценза и анноны, были повинны в прелюбодеянии и оскорблении величества, что специально оговаривал тот же Септимий Север (Dig., XLVIII, 2, 13; 12, 1; CJ, IX, 41, 1). Если раб должен был получить свободу после того, как сдаст счета по хозяйству, которым ведал (условие, как мы видели, довольно часто встречающееся в завещаниях), а хозяин отказывался счета принять, раб имел право просить дать ему арбитра (Dig., V, 1, 53; 66). Это — значительный шаг вперед по сравнению с нормами, действовавшими в I и II вв., когда утвердить или не утвердить представленные рабом счета всецело зависело от господина, «действующего согласно нравам хорошего мужа» (Dig., XL, 7, 21).

Семейные связи рабов были признаны в такой степени, что Ульпиан, комментируя закон, дававший право покупателю вернуть бывшему владельцу раба, о болезни или недостатках которого его не уведомили, писал: «Часто из-за больных рабов возвращают и здоровых, если их нельзя разделить, не погрешив против *pietas*. Ибо разве можно отдать сына и удержать родителей или наоборот? То же следует соблюдать относительно братьев и лиц, состоящих в сожительстве» (Dig., XXI, 1, 35). По существу говоря, была признана и законность браков (столь частых, как мы видели из надписей, в высших слоях рабского сословия) между рабами и свободными. Павел рассматривает случай, когда свободный человек выдал дочь замуж за чужого раба, дал ей приданое, а затем и он и его зять умерли. Вдова, по мнению Павла, может требовать, чтобы ей было возвращено приданое из пекулия мужа (Dig., XVI, 3, 27).

Дальнейшие шаги были сделаны и для укрепления прав рабов на пекулий и их правоспособности в различных, связанных с пекулием сделках. Хотя раб, пишет Ульпиан, по гражданскому праву не может владеть, по естественному праву он владеет, а потому может заключать обязательства по передаче владения, а тем паче — держания (Dig., XLV, 1, 38, 7—8). Рабы отвечают за нарушение контракта, так же как отвечают и

те, кто нарушил контракт, заключенный с рабом (Dig., XLIV, 7, 14). По словам Ульпиана, распространенное представление, будто ни раб не может быть должен, ни рабу не могут быть должны, не соответствует практике, так как должное рабу взыскивает господин, а долг раба вычитается из пекулия (Dig., XV, 1, 41). На той же точке зрения стоит и Павел. Так как по естественному праву, пишет он, раб может принимать обязательства, за него отвечает представленный им поручитель и внесенный из пекулия залог (Dig., XII, 6, 13). Раб, получивший свободное распоряжение пекулием, мог приносить присягу, имевшую законную силу (Dig., XII, 2, 20). Так же, если раб присягал, что какая-то вещь принадлежит его господину, тот получал законное право вчинить иск на владение этой вещью (Dig., XII, 2, 25). Ординарий, назначивший своего викария инситором, отвечал за него своим пекулием так же, как поставивший инситора свободный отвечал за него своим имуществом (Dig., XIV, 4, 5, 1—3).

Имущественные права рабов охранялись даже во взаимоотношениях их с господами. Так, еще во II в. соблюдалось правило, согласно которому пекулий раба, как безусловная собственность господина, отвечает за долги последнего. Помпоний предусматривал случай, когда пекулий раба будет полностью исчерпан из-за долгов господина (Dig., XV, 1, 4, 5). В III в. хотя неизвестно точно, когда именно, было установлено, что рабы своим пекулием за контракты, заключенные господами, не отвечают за их долги не расплачиваются (Dig., IV, 13, 5). Правда, Септимий Север распорядился, чтобы рабы, которым по легату передается их пекулий, не считали, будто это дает им право взыскивать с господина деньги, затраченные ими на его дела (Dig., XXXIII, 8, 6, 4). Но вместе с тем он изменил прежний закон, по которому, если в завещании не оговаривалось, что раб освобождается с пекулием, последний у него отбирался. Он постановил, что пекулий остается у отпускаемого раба, даже если завещатель не дал соответственного распоряжения, но завещал дать рабу свободу после того, как он сдаст счета или внесет наследнику определенную сумму, так как, лишившись пекулия, раб эти условия выполнить не сможет (Dig., XXXIII, 8, 6, 7).

Чем более возрастала имущественная дифференциация рабов, тем более уделяло правительство внимания имущественным правам рабов и их юридической правоспособности. Насколько различным было отношение закона к рабам, фактически уже принадлежавшим к разным классам, наглядно видно на примере рассуждений Ульпиана об ответственности лица, нанесшего рабу жестокое оскорбление — *atrox iniuria*, т. е. побои, осмеяние в поносных стихах и т. п. Такую обиду, даже если господин не вступится за раба, по мнению Ульпиана, оставлять безнаказанной не следовало, «ибо и раб также ее чувствует».

Однако претор должен в таком случае дозволить или не дозволить вчинить иск, лишь тщательно взвесив и учтя не только характер оскорбления, но и свойства, личность и положение раба: хороший это раб или плохой, является он ординарием, диспенсатором, или простым рабом, или чернорабочим медиастинном, а тем более колодником или клейменым (Dig., XLII, 10, 15, 35; 44). Раба-ординария, т. е. рабовладельца, государство брало под защиту не только с материальной, но, так сказать, и с моральной точки зрения. Простой раб в этом отношении его покровительством не пользовался.

Укрепляя в ряде случаев правоспособность рабов, императоры III в. вместе с тем, видимо, снова повысили ответственность господ за действия принадлежавших им людей. По рескрипту Каракаллы, господин, осужденный за нанесенное кому-нибудь его рабом оскорбление, клеймился бесчестьем (Dig., II, 11, 10). Согласно Ульпиану, если раб совершал убийство без ведома хозяина, тот обязан был его выдать для наказания, если же с его ведома, господин отвечал целиком и полностью, как будто убил сам (Dig., IX, 4, 1). Впоследствии Диоклетиан в ответах на письма неких Сосия и Менофила писал, что за вещи и людей, похищенных у них чужими рабами, все равно—с ведома или без ведома хозяев, можно вчинить последним иск по возмещению убытков. За похищенную же рабом жену Менофила уголовное преследование надо возбуждать не против господина, а против раба (CJ, III, 31, 4; 5; IX, 33, 4).

Возможно, что в связи с участвовавшими случаями бегства и разбоя рабов, примыкавших к разбойничьим отрядам, императоры хотели заставить владельцев строже за ними следить. Можно предположить также, что с ростом влияния и самостоятельности крупных землевладельцев, они снова стали чинить обиды соседям через посредство своих рабов, и соответственные меры были направлены против них. Так, Адриан за смещение межевых знаков с целью захвата чужой территории карал знатных ссылкой, а тех, кто действовал по их приказу, плетью и принудительными работами на два-три года (Dig., XLVII, 21—2; Mos. et Rom. leg. coll., XIII, 3, 1—2). В III в., судя по Павлу, за ту же вину наказания полагались более строгие: благородные ссылались на острова с конфискацией трети имущества, простолудины отдавались в принудительные работы, рабы — в рудники (Sent., V, 22, 2).

Весьма твердо императорами III в. проводилась линия *favor libertatis*. Человек, попавший в рабство, и раб, считавший, что может доказать свое свободное происхождение, всячески поощрялись к тому, чтобы отстаивать права на свободу. Все его родные, включая и тех, кто обычно не имел права лично начинать тяжбу, например женщины и солдаты, получили разрешение подавать в суд просьбу о рассмотрении его статуса, даже в том

случае, если раб сам этого не желал. За неимением свободных родственников раб мог взять прокуратора, чтобы тот обратился в суд, хотя по другим делам, например имущественным, прокуратор раба не имел права начинать тяжбу, а мог выступить лишь тогда, когда кто-то подавал на раба в суд первым (Dig., III, 3, 33; XL, 12, 1; 3, 1 — 3). Если наследник продавал статулибера, которому по фиденкомиссу была оставлена свобода, он должен был его выкупить и отпустить, особенно если он был стар, а покупатель молод, «ибо выгоднее быть отпущенником старика, чем юноши» (Dig., XL, 5, 15). Если наследник мешал статулиберу выполнить условия, на которых ему давалась вольная, раб все равно объявлялся свободным (Dig., XII, 4, 39; XL, 7, 3, 8; 17). Когда завещатель наказывал отпустить «достойных рабов», то наследник обязан был отпустить их в том случае, если они не совершили ничего недостойного (Dig., XL, 4, 6, 20). Раб, проданный наследником вопреки просьбе завещателя, «чтобы он не терпел рабства ни у кого другого», сразу же становился свободным. Модестин приводит по этому поводу такой пример: некто Фирм завещал Титиану трех трагиков, с тем чтобы они не были рабами ни у кого другого. Каракалла, конфисковав имущество Титиана, приказал их отпустить (Dig., XL, 5, 9; 12). Рескрипты Септимия Севера и Каракаллы предписывали отпускать получивших по завещанию или фиденкомиссу свободу рабов и тогда, когда имущество завещателя подлежало конфискации (Dig., XL, 5, 12; 5, 12, 2; 12). Не препятствовало освобождению раба, если его заковывал тот, кто должен был его отпустить по фиденкомиссу, или один из совладельцев без санкции другого, ибо, по словам Павла, «среди равноправных суждений следует предпочитать более милосердное» (Sent., IV, 12, 4—5). Павел же сформулировал общее положение: «Если воля завещателя темна, следует решать в пользу свободы» (Dig., L, 17, 179).

Рескрипт Септимия Севера и Каракаллы подтверждал, что признание недействительным завещания, по которому рабы получили свободу, их таковой не лишает (CJ, III, 28, 4). Впоследствии Диоклетиан, подводя итог соответственным установлениям своих предшественников, писал: «Даже неправильно данная свобода не может быть отобрана (CJ, II, 30, 1—4). Он же, как уже упоминалось выше, в рескрипте на имя Картерия говорит: раб на законном основании, т. е. с ведома господина, пребывавший на свободе 20 лет, становится свободным и римским гражданином, так как этого требует должное покровительство свободе и здравый расчет (CJ, VII, 22, 2). Возможно, помимо всего прочего, попытка вернуть снова в рабство человека, уже почувствовавшего себя свободным, могла повести к нежелательным эксцессам.

Любопытно, что Септимий Север и Каракалла, лишая шансов на свободу рабов, закованных и заклеянных господином,

дозволяли делать отпущенниками и наследниками тех, кого презид подверг пытке и нашел невиновными или присудил к временному пребыванию в оковах, а затем «возвратил к условиям прежнего рабства»⁴⁸. Видимо, императоры полагали, что господин в большей мере, чем презид, способен судить о благонадежности раба. Для представителя власти раб был таким же подсудимым, как и всякий другой. Если он оказывался невиновным или отбыл срок наказания, судимость влияла на его положение не более, чем на положение свободного, бывшего под судом и следствием,— лишнее доказательство тому, что рабы в весьма значительной мере стали к тому времени рассматриваться как государственные подданные.

Имущественное и, так сказать, социальное положение рабов, учитывавшееся императорским правительством чем далее, тем более, влияло на их дальнейшую судьбу и после получения свободы. В III в. законы неоднократно подчеркивали, что раб, выкупившийся за свой счет, находится в иных условиях, чем «отпущенный по милости господина». Первый не был обязан патрону ни отработками, ни долей наследства, ни даже вспомоществованием в нужде. Его долг в отношении патрона ограничивался внешней почтительностью (Dig., XXV, 3, 5; 19; XXXVIII, 3, 6; 10). Интересы либертинов, разбогатевших после освобождения, охранялись запрещением требовать у отпущенника, переставшего заниматься ремеслом, работ, не совместимых с его достоинством (Dig., XXXVIII, 1, 38). Зато по-прежнему в силе оставалось право патронов на часть наследства отпущенников, освобожденных безвозмездно, даже если они получали «право кольца». От этой повинности освобождались только те, кому император даровал разрешение свободно составлять завещание (Dig., XXXVIII, 2, 3).

Особым рескриптом Септимий Север и Каракалла подтвердили, что патрон, отказавший нуждающемуся отпущеннику в алиментах, лишается всех прав патроната (Dig., XXV, 4, 6; XXXVII, 14, 5, 1). Зато либертины обязывались содержать не только бедного патрона, но и его детей и родителей—в той мере, в какой, по решению арбитра, им позволяли их средства (Dig., XXV, 3, 5, 19—26). По закону Септимия Севера права патрона со всеми вытекающими из него последствиями сохраняли над отпущенниками отца и дети, отказавшиеся от отцовского наследства, и даже дети осужденных, чье имущество было конфисковано (Dig., XXXVII, 14, 4; 9). В таких случаях доходы, доставляемые им отпущенниками, оставались их единственным источником к существованию. Лишившись их, они оказались бы в рядах бедноты, претендующей на государственное вспомоществование.

Закон Коммода, позволявший вернуть в рабство «неблагодарного» отпущенника, видимо, не соблюдался или применялся

⁴⁸ *Paul.*, Sent., IV, 12, 3; CJ, VII, 12, 1.

лишь в исключительно редких случаях. Такого отпущенника обычно секли или отнимали у него часть имущества в пользу патрона. За нанесенные патрону тяжелые обиды он мог быть приговорен к ссылке или работе в рудниках (Dig., XXXVII, 14, 1; 7, 1). Как мы видели, в I в. патрон мог сам выслать отпущенника из Рима, правительство же уклонялось от издания какого-то общего закона против «неблагодарных» отпущенников. Но с течением времени оно все в большей мере брало на себя регулирование взаимоотношений между патронами и их бывшими рабами, причем старалось найти некую среднюю линию, чтобы и не оттолкнуть либертинов, вливавшихся в класс собственников, и не увеличить число бедняков за счет как неимущих патронов, так и бедных отпущенников, и, наконец, обуздывать тех из них, кто проявлял неуважение к патронам и тем самым подрывал одну из основ *pietas*, включавшей не только взаимный долг родителей и детей, но и патронов и клиентов, бывших господ и отпущенников.

Несколько противоречиво и не всегда ясно отношение императоров III в. к переводу отработок отпущенников в деньги. В рескрипте на имя некоего Романа Септимий Север писал: наложенные на тебя при отпуске работы ты должен исполнять; обычно между патронами и отпущенниками заключается условие, чтобы за работу что-либо предоставлялось, хотя цену работ требовать патрон не может (*licet pretium non possit*), разве что из-за бедности нужда заставит просить ее в качестве алиментов в экстраординарном порядке, но при недостаточности средств патрона, даже и без наложения работ, ты будешь принужден его кормить (CJ, VI, 3, 1). Каракалла в рескрипте на имя Валериана заявлял: если ты докажешь, что отпущенник должен тебе деньги за продажу работ (*ex venditione operagum*), презид прикажет тебе их отдать, но лишь в том случае, если будет установлено, что обязательство не имело целью отягчить свободу (CJ, VI, 3, 4). В рескрипте Александра Севера Миницию сказано: не дозволено патронам получать за работы плату, однако если наложенные работы не представлены, то, будучи оценены, они востребуются деньгами (CJ, VI, 3, 7). Наконец, Ульпиан формулировал положение: требуя платежей, патрон теряет права на отпущенника (Dig., XXXVI, 1, 80, 12). Создается впечатление, что хотя, как и в прежние времена, из закона, запрещавшего требовать у отпущенников деньги, допускались исключения, постепенно он утверждался все более строго. Можно полагать, что это было связано со все обострявшимся финансовым кризисом, при котором любые денежные платежи становились все более обременительными и разорительными, и правительство, верное своей линии охранять экономическую независимость либертинов, старалось избавить их от денежных взносов, чтобы не подорвать окончательно их хозяйства.

Следует также заметить, что юристы проводили иногда довольно условное различие между платой за работы и ценой работ. Так, еще Юлиан во II в. писал: по желанию отпущенников патроны сдают их работы и тогда скорее получают цену (*pretium*) работ, чем плату (*mercedem*) (Dig., XXXVIII, 1, 25, 4). Однако это терминологическое различие соблюдалось не всегда. В приведенном выше рескрипте Септимия Севера запрещалось требовать именно цену работ, а тот же Юлиан называет платой деньги, как раз полученные патронами от сданных ими отпущенников. Возможно, первоначально предполагалось, что патронам разрешено как бы продать свое право на отработки отпущенников третьему лицу и получать в качестве цены за эти работы за работок отпущенников или его часть, но запрещено продавать свое право самим отпущенникам, т. е. переводить их обязательства на деньги. Впоследствии соответствующие сделки, если отпущенники заключали их добровольно, были узаконены и различие между платой за работы и их ценой сгладилось. Но во всех случаях государство категорически запрещало, в соответствии с законом Элия — Сентия, обязывать либертинов какими-нибудь дополнительными денежными взносами. А с развитием финансового кризиса стало более строго следить и за тем, чтобы перевод отработок на деньги не совершался в ущерб интересам отпущенников. Полтора века спустя Валентиниан строго запрещал землевладельцам требовать с сидящих на их землях людей деньги (CJ, XI, 47, 5). Тогда процесс натурализации хозяйства был в самом разгаре. В III в. он еще только начинался, но императоры уже старались оградить либертинов от его последствий.

Продолжая и расширяя основные направления политики Антонинов относительно несвободнорожденных сословий, Северы придерживались и их точки зрения на самопродажу свободных. Папиниан и Модестин подтверждали, что лица, которые получили за себя деньги, если им больше 25 или даже только 20 лет, становятся рабами, а будучи отпущенными, — либертинами (Dig., I, 5, 21; IV, 4, 9, 4). Марциан уже с уверенностью называет возраст в 20 лет (Dig., I, 5, 5, 1). У Ульпиана впервые упоминается право лиц, выкупивших кого-либо у врагов, фактически поработать выкупленного, заставляя его работать, пока он не возместит затраченную на выкуп сумму (Dig., XXVIII, I, 20, 1). В начале IV в. Константин узаконил прежде запрещенную продажу в рабство родителями детей. Как мы видели выше, Диоклетиан в конце III в. уже говорит об обычности случаев, когда свободные люди становятся рабами. Видимо, практика самопродажи стала очень обычной.

Из приведенных данных можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, совершенно очевидно, что уже с самого установления империи в вопросе о несвободнорожденных сословиях наметился перелом по сравнению с временами республики. Государ-

ство все более активно вмешивается в жизнь прежде автономного мирка фамилии, хотя формально на всем протяжении рассматриваемого периода власть господ над рабами признается абсолютной и нерушимой, как и долг отпущенников по отношению к патронам. Рабы из подданных только главы фамилии все в большей мере становятся подданными государства. Такая политика в первую очередь отвечала интересам мелких и средних собственников, не способных осуществлять господство над рабами только собственными силами. По мере их обеднения и ослабления соответственная тенденция усиливается, что, кстати сказать, было одной из причин усиления государственного аппарата, бравшего на себя функции подавления, ранее раздробленные между многими господами.

Во-вторых, включив, так сказать, рабов в поле своего зрения, императоры в своем к ним отношении руководствовались теми же принципами, что и в отношении других эксплуатируемых классов: неуклонно подавляя всякий «дух мятежа», они старались вместе с тем не перегибать палку и не доводить дело до опасных взрывов. Отсюда террористические меры против рабов как класса-сословия в целом и уступки в отдельных конкретных случаях, имевшие целью соблюсти видимость социального мира, особенно дорогого идеологам «золотого века» Антонинов. Республиканское правительство начинало действовать, когда рабы подымали восстания, императорское правительство старалось предотвратить самую их возможность, что, конечно, было гораздо выгоднее господствующему классу в целом. Как мы видели в предыдущей главе, наиболее дальновидные его представители это прекрасно понимали, как понимали и то, что в современных им условиях развития хозяйства раб уже не может оставаться на положении простого рабочего скота, что его следует заинтересовать не только материально, но и морально, дать ему какую-то гарантию минимума человеческих прав, как и гарантию прав имущественных тем рабам, которые становились и сами собственниками средств производства.

Сходные явления мы видим и в истории других классовых формаций. Грубая, основанная на неприкрыто жестоких методах эксплуатация крепостного и пролетария в периоды становления феодализма и капитализма и начальной фазы их существования, по мере развития соответственного способа производства и его производительных сил и, особенно, по мере приближения его кризиса и неизбежного обострения всех присущих ему противоречий сменяется иными, внешне смягченными формами. У поверхностного наблюдателя создается впечатление, что положение основного эксплуатируемого класса улучшается, противоречия сглаживаются, но на деле под видимым умиротворением назревает взрыв, призванный положить конец существованию данного способа производства. Политика правительства, отчасти опреде-

ляющаяся процессами, идущими в обществе, отчасти оказывающая на них обратное влияние, предотвратить этот взрыв оказывается бессильна.

В-третьих, на законодательство императоров значительное влияние оказывало прогрессирующее несовпадение сословной и классовой принадлежности отдельных групп рабов. Особенно важным процесс этот становится с середины II в., когда расслаивается и основной эксплуатируемый класс — сельские рабы. Среди рабов возрастает число владельцев средств производства, они вступают в деловые отношения со свободными, в том числе и с собственными господами. Ведущей формой этих отношений становятся различные виды аренды, приобретающей вообще все большее значение во всех отраслях экономики. Контрагентам рабов надо было обеспечить выполнение последними взятых на себя обязательств, а следовательно, расширить их правоспособность. Кроме того, такие рабы, становясь собственниками, рабовладельцами и потенциальными римскими гражданами, тем самым приобретали вес в глазах правительства, представлявшего класс рабовладельцев.

Еще в большей степени это соображение определяло отношение императоров к отпущенникам. Наиболее состоятельные из них постепенно почти полностью эмансипировались от патронов. Другие должны были соблюдать свои обязательства, особенно когда их труд становился основным средством существования патронов. Но и их экономическое положение правительство старалось не подрывать.

Параллельно с разложением несвободнорожденных сословий шло и разложение свободных, с развитием кризиса затронувшее не только мелких, но и средних собственников. Крупные собственники использовали это обстоятельство для пополнения числа работников в своих хозяйствах, так как нуждались в рабочей силе для растущих земельных комплексов. Правительство, идя в этом смысле им навстречу, узаконило самопродажу свободных. Политика императоров, облегчавшая выход из рабского сословия тем его членам, которые фактически уже принадлежали к классу рабовладельцев, и, напротив, санкционировавшая превращение в рабов свободных, к этому классу не принадлежавших или от него оторвавшихся, показывает, как сильны были шедшие в недрах рабовладельческого общества процессы, подрывавшие его структуру. Большинство западных историков видит лишь ту их сторону, которая, казалось бы, стирала грани между рабами и свободными, и считает, что рабовладельческие отношения постепенно исчезали. На деле же эти отношения в известной мере и воспроизводились, так как если число свободных непрерывно пополнялось за счет рабов, то и рабское сословие возрастало за счет свободных. Явление это имело место и в период становления рабовладельческого строя, но тогда порабощались граждане чу-

жих государств. Теперь же было допущено превращение в рабов в полном смысле этого слова, без тех иллюзорных различий, которые проводились между рабами и кабальными, собственных сограждан. Рабовладельческое государство юридически оформило это качественно новое явление, как в скором времени оно оформило и низведение на уровень рабов прежде свободных колонов.

Подобная взаимная диффузия различных расслаивающихся классов и социальных групп также характерна для последних этапов существования антагонистических формаций, и государство обычно соответственно на нее реагировало в своем законодательстве.

Результаты политики правительства в «рабском вопросе» были в общем противоречивы. Призванная укрепить рабовладельческий строй, она в то же время подрывала его основы, так как рабовладельческая эксплуатация в чистом виде возможна только при неограниченной власти главы фамилии. Когда эта власть была ограничена, хотя бы в сравнительно узких масштабах, старые методы хозяйствования делались все менее пригодными. Правда, непригодность их обуславливалась объективным положением вещей, но и политика императоров, независимо от их воли, сыграла тут не последнюю роль. Другое противоречие состояло в том, что, беря на себя подавление рабов, государство действовало в интересах мелких и средних собственников, но обусловленное этим усиление государственного аппарата тяжело ложилось на их плечи и подрывало их и без того пошатнувшееся положение. По существу всю выгоду извлекали крупные землевладельцы, теоретически предпочитавшие отношения патроната и клиентеллы отношениям рабства, а практически переходившие от эксплуатации рабов к эксплуатации колонов разных категорий. Усиление же земельных магнатов означало усиление центробежных тенденций в государстве, ослабление позиции императоров, рост оппозиции знати и тому подобные явления. Наконец, классовая борьба не только не затухала, но становилась все более острой.

Глава восьмая

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Вопрос о классовой борьбе при империи принадлежит к одному из самых трудных в истории римского рабства. Основная трудность заключается в противоречивости вырисовывающейся картины. С одной стороны, открытые выступления рабов и даже их участие в движениях свободных постепенно сходят на нет. Создается впечатление, что классовая борьба замирает. С другой стороны, как мы пытались показать в главе о «рабском вопросе», представители правящего класса в гораздо большей мере, чем раньше, боятся рабов и ощущают грозящие им со стороны рабов опасности. С одной стороны, принимавшиеся правительством меры по охране некоторых элементарных прав рабов и ограничению самоуправства господ как будто свидетельствуют об известном сглаживании противоречий между рабами и рабовладельцами, различий между рабами и свободными. С другой стороны, история классовой борьбы на всем протяжении существования антагонистических обществ показывает, что уступки угнетенным классам, даже если в конечном счете они были выгодны классам господствующим или отдельным их слоям, никогда не делались добровольно, а всегда являлись результатом борьбы эксплуатируемых. Все это заставляет полагать, что классовая борьба при империи не утихает, а лишь принимает иные, менее заметные для поверхностного наблюдателя, но достаточно остро ощущавшиеся современниками формы.

Дело, видимо, заключается в том, что, говоря о классовой борьбе, нельзя подходить с одними и теми же мерками не только к различным формациям, но даже к различным периодам истории одной и той же формации или общества. Так, для Рима, восстания рабов не всегда были наивысшим, а главное, наиболее результативным проявлением классового антагонизма. В условиях империи эффективнее могли оказаться иные формы классовой борьбы.

Рабские движения, достигнув кульминационного пункта в конце республики, с установлением империи идут на убыль. Последние засвидетельствованные источниками волнения рабов, как бы затухающие слабые волны великих рабских восстаний, падают на конец I в. до н. э. и первые десятилетия I в. н. э.

В 19 г. до н. э. кантабры, захваченные в плен и проданные в рабство, перебили своих покупателей, бежали на родину и подняли там восстание, лишь с большим трудом подавленное Агриппой¹. В 14 г. н. э. раб последнего (вскоре тайно убитого по приказу Тиберия, внука Августа) Клемент «задумал, по словам Тацита, дело, не свойственное рабской душе». Узнав о смерти Августа, он решил отправиться на остров Планизию, где в изгнании проживал Агриппа, похитить его, доставить к стоявшему в Германии войску и провозгласить императором. Когда же оказалось, что Агриппы уже нет в живых, Клемент два года скрывался в Этрурии, а затем, пользуясь своим сходством с покойным господином, стал выдавать себя за него, распространяя слух, что Агриппа успел спастись, и вербуя сторонников среди лиц, недовольных существующим положением. Число их постепенно росло, даже среди сенаторов и всадников, и дело стало принимать угрожающий для Тиберия оборот. По его поручению Саллюстий Крисп подослал к Клементу двух своих клиентов. Прикинувшись его сторонниками, они, дождавшись удобного случая, выдали Клемента солдатам, которые заковали его в цепи и доставили к императору. На вопрос последнего, каким образом Клемент стал Агриппой, тот будто бы ответил: а каким образом ты стал Цезарем? Не добившись, чтобы Клемент назвал своих сообщников, и не решаясь казнить его открыто, Тиберий приказал тайно с ним покончить и замять все дело².

Судя по этому рассказу, хотя Клемент был рабом и, возможно, рабы имелись среди его сторонников, движение ни в коей мере не было по преимуществу рабским. Оно может быть поставлено в один ряд с некоторыми другими событиями, в которых рабы выступали инициаторами заговоров и попыток мятежей, не являвшихся проявлением сопротивления рабов. Так, в правление Августа номенклатор какой-то женщины, Телеф, организовал заговор, направленный, по словам Светония, против императора и сената (Aug., 19). По некоторым сведениям, рабом был и один из Лже-Неронов³. Во время господства вителлианцев раб Гета пытался выдать себя за Скрибония Камерина, будто бы при Нероне скрывавшегося в Истрии, где у Крассов издревле была обширная клиентелла. Ему удалось привлечь «легковерную чернь» и даже некоторых солдат, но в конце концов он был пойман, приведен к Вителлию, узнан своим господином и «казнен рабской казнью»⁴. Все это, конечно, не специфичные для рабов формы борьбы, хотя сам по себе факт вмешательства рабов в общегосударственные дела и движения самозванцев достоин внимания.

¹ *Dio Cass.*, 54, 11, 2—5.

² *Tac.*, Ann., II, 39, 40; *Dio Cass.*, 57, 13, 4.

³ *Tac.*, Hist., II, 8.

⁴ *Ibid.*, II, 72.

Иной характер носила попытка восстания, предпринятая в 21 г. по инициативе бывшего преторианца Тита Куртизия. Согласно рассказу Тацита, рабы начали собираться на тайные сходки в Брундизии и соседних городах, потом в прокламациях, выставленных в общественных местах, стали призывать к свободе сельских, «наиболее диких» рабов из окрестных сальтусов. Случившийся на месте квестор Курций Луп организовал отряд из тамошних солдат и подавил мятежников. Однако, видимо, победа Лупа была далеко не полной, так как Тиберий счел нужным послать сильный отряд под командой претора Стайя, который захватил Куртизия и наиболее активных его сторонников. Движение произвело сильное впечатление в Риме, трепетавшем, по словам Тацита, из-за возрастающего до бесконечности количества рабов⁵. Наконец, в 64 г. в Пренесте группа гладиаторов пыталась бежать, и, хотя беглецы были сразу же схвачены сторожившими казармы солдатами, в столице «уже ходили разговоры о Спартаке и древних бедствиях среди народа, который жаждет и боится перемен»⁶.

Рабы принимали участие в «бунтах черни» после свержения Нерона, о котором, по словам того же Тацита, наряду с «самыми испорченными из граждан» сожалели и «худшие из рабов». Вместе с плебсом рабы поднимали мятежи против Гальбы и Отона⁷. С другой стороны, сенаторы вооружали свои фамилии против мятежников; отряды гладиаторов сражались на стороне Отона при Бедриаке и защищали от Вителлия Террацину⁸, но вряд ли по убеждению и собственной инициативе. Приверженцы Веспасиана, готовя переворот в Риме, также надеялись на своих рабов⁹, хотя, по-видимому, городские рабы, так же как и плебс, были на стороне Вителлия. Они вооружались, готовясь в Риме выступить на его защиту; раб Виргиния Капитона провел вителлианцев в Террацину¹⁰.

В событиях этого смутного периода обнаруживаются некоторые черты, характерные для конца республики, когда городские рабы и плебс выступали совместно, более или менее сознательно поддерживая того или иного претендента на власть, с которым связывали какие-то определенные надежды.

После победы Веспасиана всякие сведения о движениях рабов, самостоятельных или вместе с плебсом, прекращаются вплоть до конца II — начала III в., когда рабы состояли в отрядах дезертира Матерна, действовавших при Коммодe в Галлии и на севере Италии и задумавших убийство императора во вре-

⁵ *Tac.*, *Ann.*, IV, 27.

⁶ *Ibid.*, XV, 46.

⁷ *Tac.*, *Hist.*, I, 4; 23, 80.

⁸ *Ibid.*, II, 34—35; III, 76.

⁹ *Ibid.*, III, 64.

¹⁰ *Ibid.*, III, 77; 79; IV, 3.

мя праздничного шествия¹¹, а при Септимии Севере — в разбойничьей банде «благородного атамана» Буллы Феликса¹². Эти отряды состояли не только из рабов, но и из свободной бедноты, видимо, сельской, страдавшей от процессов, связанных с усилением зависимости маломощных соседей от земельных магнатов. Характерны рассказы, слагавшиеся об удивительной неустрашимости, находчивости, ловкости Буллы, о его справедливости, стремлении покарать богатых и помочь бедным, о его трагическом конце из-за предательства любовницы; такие легенды обычны именно для крестьянских героев, наиболее известным из которых является Робин Гуд. Появление смешанных рабски-крестьянских отрядов разбойников знаменовало начало нового этапа классовой борьбы, когда рабы, колонны и крестьяне совместно выступали против крупных собственников, а впоследствии против римского государства. Своего полного развития эта форма достигла в поздней империи и была более характерна для провинций, чем для Италии.

Таким образом, в течение более ста лет рабы не пытались ни восстать, ни принять участие в каких-нибудь восстаниях. Конечно, отчасти это объясняется усилением военно-бюрократического аппарата империи, более, чем республиканское правительство, способного бороться с открытым неповиновением. Но дело тут, очевидно, не только в разнице систем управления. Так, несмотря на такую террористическую меру для защиты господ от покушения рабов на их жизнь, как Силанианский сенатусконсульт, убийства господ во время ранней империи не прекращались. Под верной угрозой креста, пишет Сенека, рабы мстят своим господам за жестокость (*De Clement.*, I, 26). Не стоит волноваться из-за бегств рабов, писал он Луцилию, ведь других господ рабы предавали, доносили на них, убивали. Каждый раб, презирающий свою жизнь, может распорядиться жизнью господина. Ведь всем известно, что не меньше людей пало жертвою гнева рабов, чем гнева царей (*Ep.*, 4; 107). Убийства господ, как мы видели, упоминают Тацит и Плиний Младший. Уже само постоянное расширение сферы действия Силанианского сенатусконсульта позволяет заключить, сколь часты были убийства господ рабами.

Мстили они своим владельцам и иными способами, например доносами. Любопытный случай рассмотрен в рескрипте Диоклетиана на имя Аврелия Паппия: рабы ухитрились продать своего господина с условием, чтобы покупатель увез его далеко от родины. Паппий был увезен, затем продан вторично какому-то лицу, отпустившему его на свободу, и обратился к императору с просьбой восстановить его в статусе и правах свободнорож-

¹¹ *Herod.*, I, 10.

¹² *Dio Cass.*, 77, 10, 5.

денного (CJ, IV, 55, 4). Судя по тому, что рескрипт, данный по этому поводу, сохранился и его включили в свод законов, подобный случай не был уникальным, и рабы могли прибегнуть и к такому роду мести.

Распространено было и направленное во вред господам гадание и колдовство. По упоминавшемуся уже выше закону, раб, гадавший о здоровье господина, сжигался, так же как свободный, гадавший об императоре. В одной надписи из Тудера жрец Августа благодарит Юпитера за то, что бог спас совет и народ города от великой опасности, уничтожив злодеяние городского раба, предавшего проклятию имена местных декурионов (CIL, XI, 4639). И здесь террористические законы не останавливали рабов.

Постоянным и все усиливавшимся явлением было бегство рабов. Как мы видели выше, юристы уделяли ему большое внимание, чем далее, тем более делая упор не только на самый акт бегства, но и на намерение рабов бежать. По Целию, раб считался беглым, даже если, замыслив уйти от хозяина, он затем передумал и вернулся домой (Dig., XXI, 17, 1). Вивиан подчеркивал, что беглым раба делает его «расположение духа». Например, если раб был отдан в учение к человеку, плохо с ним общавшемуся, и бежал к своей матери, рассчитывая, что она заступится за него перед господином, то он не беглый; если же он намеревался скрыться у матери от гнева хозяина, то он беглый. По словам Прокула, беглым был раб, спрятавшийся в доме, чтобы потом убежать, хотя бы это ему и не удалось; зато раб, бежавший к другу господина, чтобы просить его заступничества, либо искавший защиты у магистрата или императорских статуй или даже неизвестно куда отлучавшийся по ночам, беглым не считался, так как намерения бежать не имел (Dig., XXI, 17, 2—14; 43, 1). Уже самая многочисленность приводившихся в предыдущей главе законов и постановлений, посвященных бегству рабов, показывает, что борьба с ним была малоэффективна. Бегство рабов продолжалось и, видимо, учащалось, а беглые всегда могли рассчитывать на прибежище и заработок.

По словам Ульпиана, бродячих и беглых рабов часто использовали публиканы (Dig., XXXIX, 4, 12, 3). В упоминавшейся уже сепинской надписи о столкновениях городских магистратов с арендаторами овечьих стад магистратам, между прочим, инкриминируется, что они ссорятся с арендаторами из-за пастухов, которых те якобы нанимали из числа рабов, бежавших от граждан Сепина (CIL, IX, 2438). Рабы, убегая от хозяев, говорит Эпиктет, крадут что-нибудь, чтобы прокормиться на первых порах, а затем странствуют по суше и по морю в поисках средств к существованию, нанимаются на работу, и, хотя судьба их незавидна, никто из них еще не умер с голоду (Convers., I, 9, 9; III, 26, 1). Адриан даже счел нужным издать специальный за-

кон, снимавший ответственность с нанимателя, взявшего на работу беглого, ранее служившего у другого человека (Dig., XLVIII, 15, 6, 1), т. е. сумевшего, так сказать, столь полно замести следы, что новый хозяин действительно ничего не мог знать о его статусе. Беглых, видимо, охотно принимали в крупные имения, где всегда была нужда в рабочей силе и где рабская администрация давала им убежище, несмотря на все грозившие за укрывательство беглых кары. Скрывались они и в императорских имениях. Так, известно, что многие рабы, бежавшие в императорские хозяйства при Коммодe, были возвращены своим господам Пертинаксом¹³.

Некоторым беглым удавалось так удачно скрыть свой статус, что они даже достигали высоких должностей. Домициан выявил и вернул господину раба, ставшего центурионом¹⁴. Юрист Помпоний упоминает претора Барбария Филиппа, оказавшегося беглым рабом. Что случай этот не единичен, показывают комментарии Ульпиана, задающегося вопросом, аннулируются ли распоряжения магистрата, если выяснилось, что он беглый раб? По его мнению, распоряжения должны оставаться в силе, дабы не пострадали те, кто успел ими воспользоваться (Dig., I, 14, 3). Рабов, «бесстыдно помогающих почетных должностей», упоминает Диоклетиан (CJ, VII, 16, 11).

Рабы, видимо, нередко бежали за границы империи, к варварам. Павел писал, что, будучи пойманными, такие рабы возвращаются господам (Dig., XLVIII, 15, 19, 5). В рескрипте же Константина на имя Проба говорится, что рабу-перебежчику следует отрубить ногу или сослать его в рудники (CJ, VI, 1, 3). Когда именно был принят новый закон, неизвестно, возможно, в середине или конце III в., когда усилилась опасность перехода рабов на сторону наступавших на империю племен.

Оставаясь в империи, рабы старались уйти в отдаленные ее области, где их труднее было отыскать. Так, в знаменитом рассказе о рабе Андрокле последнего узнал и пощадил на арене лев, которому он был брошен в наказание за бегство; знакомство же его со львом состоялось, когда он скрывался от своего жестокого господина в джунглях Африки¹⁵.

Достоин внимания то место, которое вопросы, связанные с бегством, занимают в упоминавшемся уже списке ответов оракула (§ 77). Часть ответов дается хозяину: «не будь подозрительным, он не убежит»; «он не намерен бежать, не подымай шума»; «если он убежит, ты его не найдешь, стереги его»; «он хочет бежать, но будет пойман в пути»; «тот, о ком ты спрашиваешь, собирается бежать, стереги его»; «тот, о ком ты спрашиваешь, очень предан, не бойся, он не убежит»; «беглый будет

¹³ SHA, Pert., 8, 9.

¹⁴ Dio Cass., 67, 13, 1.

¹⁵ Aul. Gell., V, 14.

найден на возвышенности или вернется, гонимый тяжелой нуждой»; «тот, кто убежал, не сможет скрыться, он или будет найден, или вернется, но не скоро»; «тот, кто убежал, сделал это по наущению, но был обманут и будет найден, однако, с убытком и тяжбой, так как переменил местность»; «беглый не там, где ты подозреваешь»; «беглый скрывается у того, кого ты подозреваешь». Другие ответы предназначены для рабов: «не бойся, тебе не придется бежать»; «ты задумал бегство»; «беги, это необходимо, но ты скоро вернешься»; «не беги и не смущайся»; «беги, не оставайся тут»; «ты легко ускользнешь бегством»; «бежать тебе невыгодно»; «если ты убежишь, тебя поймают»; «если ты убежишь, ты избежнешь гнева»; «если ты убежишь, твое бегство останется скрытым»; «в доме, где ты находишься, у тебя много врагов, опасайся, чтобы они не довели тебя до бегства»; «ты не можешь бежать из дома, в котором находишься»; «тебе надо поискать противоядия, если не хочешь убежать из дому».

✓ Бегство рабов, видимо, сильно пугало хозяев, особенно малосостоятельных. Оно приводило к известной перегруппировке рабочей силы в пользу крупных собственников и увеличивало удельный вес наемного труда, поскольку беглые, если их не ловили, обычно становились наемными работниками. Однако бегство рабов так же старо, как само рабство, и не в нем заключалась та специфическая форма, которую принимали классовые противоречия в ранней империи.

Часто цитируя известное положение Энгельса о всеобщем убеждении в неизбежности господства императорской власти как о моральной основе империи¹⁶, мы все еще не отдаем себе полностью отчета в том огромном значении, которое при империи приобретает моральный фактор, все возрастающие идеологический контроль и нажим на духовную жизнь подданных и, соответственно, роль официальной идеологии и ее пропаганда.

Здесь не место подробному анализу генезиса и эволюции официальной идеологии империи. Мы остановимся лишь на моментах, непосредственно связанных с нашей темой. Как бы ни оценивать характер переворота, приведшего к установлению империи, и роль в нем римского плебса, все же нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что Цезарь и его наследник Октавиан, во всяком случае, начинали, как вожди популяров, и выступали под соответственными лозунгами. И как бы ни действовал на практике Октавиан, превратившись в Августа, он не хотел или не мог окончательно отказаться от некоторых из этих лозунгов, пусть не воплотившихся в жизнь, но использовавшихся в широко применявшейся им социальной демагогии. Помимо таких мероприятий, как забота о развлечении и прокормлении плебса, предоставлении ему заработков на строительных работах, восста-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 310—311.

новление коллегий, включение компитального культа в официальный и привлечение к нему представителей свободной бедноты, либертинов и рабов, необходимо сказать и о том значении, которое Август и его преемники придавали своему званию народного трибуна, делавшему их представителями народа и носителями его власти. Мысль эта отразилась в известном законе об империи Веспасиана: «пусть то, ...что было сделано, предпринято, приказано императором Цезарем Веспасианом Августом или по его поручению, будет так же законно и незыблемо, как если бы было совершено по приказу народа или плебса» (CIL, VI, 1232). Особенно ярко она сформулирована в «Институциях» Юстиниана: воля принцепса имеет силу закона, так как законом, вынесенным об его власти, народ уступил ему и перенес на него всю свою власть и могущество (Instit., I, 2, 6).

Таким образом, император с начала и до конца существования империи представлялся персонификацией народа и его верховной власти, и в этом смысле как бы осуществлялась программа популяров, выступавших именно за господство воли народа, за всемерное повышение власти народных трибунов, которые, по определению Плутарха, ссылавшегося на Куриона, обуздывают чрезмерную власть магистратов, олицетворяют силу народа и, ненавистные для других, всегда готовы к услугам плебеев¹⁷.

Соответственно считалось, что Август и его преемники осуществили чаяния плебса и даровали ему тот идеальный строй, тот «золотой век», о котором он мечтал и за который боролся. Как известно, лозунг «золотого века» занимал большое и все возрастающее место в императорской пропаганде. С ним был связан и лозунг справедливости. Как он толковался, мы видели из приводившегося выше замечания Веллея Патеркула: власть имущие стоят впереди низших, но не презирают их; низшие поддерживают высших, но не боятся их (II, 126, 2). Такое толкование, вероятно, в какой-то мере отвечало представлениям популяров времен республики, выступавших не против социального и имущественного неравенства как такового, а скорее против замкнутости, исключительности высших и их злоупотребления своим положением.

Лозунг справедливости в подобной интерпретации дополнялся не вызывавшими никакого протеста императорской цензуры, варьировавшимися на все лады обличениями жадных, обижающих бедняков богачей. Особенно характерны в этом смысле сборники риторических упражнений, где тема вражды между подлым и низким богачом и честным, благородным бедняком была одной из самых любимых и где она нередко трактовалась в духе речей ораторов-популяров конца республики. Выше уже приводилось мнение Сираго, считающего, что правительство

¹⁷ *Plut., Quaest. Rom.*, 81.

Юлиев — Клавдиев поощряло такого рода сочинения, ибо они, так сказать, подводили идеологическую базу под его борьбу с крупными собственниками из числа сенатской аристократии. Однако обличение богатства и прославление бедности характерны не только для времени правления Юлиев — Клавдиев, но и для всей ранней империи. Мы найдем их и у Ювенала, и у Лукиана, и у Апулея, и в многочисленных эпитафиях, о которых мы уже имели случай подробно говорить в другом месте. Тема эта связана не столько с политикой каких-то отдельных императоров, сколько со всем направлением официальной пропаганды, в которой идея главы государства как персонификации народа, защитника его интересов, посланца богов, осуществившего народные чаяния, играла ведущую роль.

Отсюда происходили и такие принятые государственной идеологией положения, как верховная собственность императора на землю, его право распоряжаться имуществом, трудом, самой жизнью подданных, обязанных ему не только повиновением, но и беспредельной преданностью, готовностью на любые жертвы, т. е. тем же, чем некогда гражданин был обязан коллективу сограждан, народу, полису. Так «величество римского народа» превратилось в «величество императора» со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В неразрывной связи с этой метаморфозой стояла и вторая краеугольная идея официальной «системы ценностей» — непреходящее, вечное и благодетельное господство Рима, римского народа, т. е. опять-таки, персонифицирующего его главы. Идея «вечного Рима» предопределяла культ традиции, старины, «нравов предков», неподвижности. Все цели представлялись достигнутыми: римский народ осчастливил мир, которым правит к его же благу, а сам, достигнув в лице императора верховной власти, наслаждается счастьем, покоем, изобилием, справедливостью — словом, «золотым веком». Бороться ему больше не за что, никакие перемены уже невозможны. Поддержание соответственной уверенности в подданных, т. е. укрепление моральной опоры империи, было одной из важнейших причин роста значения идеологического фактора во время империи.

Но причина эта — не единственная. Она переплеталась с другой, чем далее, тем более приобретающей определяющее значение.

Если мы попытаемся проследить в самой общей, абстрагированной от специфики исторических периодов, конкретных особенностей и т. д. форме соотношение между идеологическим фактором и способом эксплуатации, то мы увидим некую, тоже самую общую, но, по-видимому, реально существующую закономерность. Когда эксплуатируемый класс лишен средств производства и принуждается к труду непосредственным, прямым насилием, как раб, или экономическим насилием, как наемный ра-

бочий, его положение относительно господствующего класса определяется реальным соотношением сил, выступающим неприкрыто и незавуалированно. Раб трудится, пока хозяин в силах его заставить, пока ему не удастся освободиться тем или иным «законным» или «незаконным» путем. Рабочий, пока существует капиталистическое общество, борется за улучшение своего экономического и политического положения и добивается или не добивается его в зависимости от силы и организованности рабочего класса. Обе стороны ясно осознают, на чем основаны их взаимоотношения, и, хотя и здесь пропаганда и идеологическая обработка пускаются в большей или меньшей мере в ход, роль их сравнительно не очень велика, а идеологический контроль в общем сравнительно слаб.

Иное положение складывается в тех обществах, где основная масса непосредственных производителей наделена средствами производства, где она состоит из земледельцев и ремесленников, прикрепленных к земле и объединяющим их и несущим определенные функции организациям (общины, коллегии, цехи), к своему статусу, профессии и т. д. Здесь, помимо прямого принуждения к труду, огромное значение — на это неоднократно указывал Маркс — имела традиция, обычай, а следовательно, идеологический фактор, превращавшийся в один из важных рычагов всего механизма выжимания и присвоения прибавочного труда и его продуктов отдельными собственниками или государством. Принудительный труд в той или иной мере маскировался под добровольный: низший работал на высшего в силу некогда связывавших их патриархальных отношений (если традиция восходила к тем временам, когда этот высший был главой рода, клана, фамилии) или сакрального долга относительно главы култовой общины зарождавшегося государства (если традиция складывалась, когда прибавочный труд и прибавочный продукт выделялись в пользу таких глав действительно добровольно). Отсюда то огромное место, которое занимала идеология в политике господствующих классов древневосточных и феодальных обществ, жесткий контроль над духовной жизнью общества, борьба с отступлениями не только от смысла, но и от буквы установленных догм. Проявление свободомыслия в любой области могло подорвать всю систему идеологического господства правящей верхушки. Когда эта система рушилась, когда крестьянин терял веру в помещика как своего естественного главу, «отца и благодетеля» и в непогрешимый авторитет священника, существующим отношениям вскоре приходил конец. Напротив, там, где эта вера продолжала жить, разрушить их было крайне трудно, примером чему может служить упорное сопротивление крестьян Вандеи революционным преобразованиям.

В древнейшем патриархальном Риме элемент освященной религией традиции, в основном известной нам из отношений патро-

нов и клиентов, был, видимо, достаточно силен, но с эмансипацией клиентов, развитием классического рабства и денежной аренды оказался значительно ослабленным, если не исчез полностью. Вместе с тем контроль над умонастроением граждан свелся лишь к требованию исполнения установленных официальной религией обрядов и борьбе с чужеземными культами, отправление которых могло повести к каким-нибудь резко выходящим за общепринятые рамки эксцессам, как в случае с вакханалиями. Что на самом деле думали, во что верили и чему учили те или иные граждане, по существу никого особенно не волновало.

Когда же при империи чем далее, тем более стал возрастать удельный вес труда работников, наделенных средствами производства — ремесленников и земледельцев, обязанных государственными повинностями, колонов-издольщиков разных категорий, precarious держателей, «соседей», под которыми, как мы видели, теперь подразумевали так или иначе зависимых от крупного собственника маленьких людей, клиентов и т. п., — когда начали оживать или вновь воссоздаваться общинные отношения, а коллегии стали превращаться в замкнутые наследственные корпорации, значение идеологического фактора неизмеримо возрастает. В Риме отсутствовали или давно утрачены были традиции, действовавшие в древневосточных или феодальных государствах со времени их возникновения из доклассовых обществ. Они сохранялись еще в провинциях в той мере, в какой в них сохранялись элементы старых, доримских отношений. В общем имперском же масштабе соответственные традиции создавались постепенно и заново на базе той официальной идеологии, которая стала формироваться вместе с самой империей, питаясь ею и, в свою очередь, укрепляя и поддерживая ее.

Преданность вечному Риму и божественному императору, вера в наступивший «золотой век» становились все более и более обязательными, отступления от установленного мировоззрения начинали казаться все более опасными и все более решительно подавлялись. Свое завершение этот процесс нашел во время домината, когда государство получило мощную поддержку такого закаленного в боях с инакомыслящими аппарата, каким к тому времени стала церковь. Но и в последнее столетие ранней империи идеологический нажим стал достаточно ощутимым, что особенно ясно видно из некоторых законов второй половины II и III в.

Пророков, пишет Павел, которые делают вид, что исполнены божества, следует изгонять из города, дабы они, пользуясь людской доверчивостью, не портили общественные нравы надеждою на что-нибудь и чтобы таким образом не смущали душу народа. Сперва их следует высечь и изгнать из города, а упорствующих заключить в оковы или выслать на острова. Те, кто вводит но-

вые, непривычные или неизвестные религии, приводящие в смятение души людей, если они из благородных, должны быть высланы, если же из простонародья, караются смертью (Sent., V, 21). В «Сентенциях» Павла к этому параграфу непосредственно примыкает раздел об инициаторах мятежей и «поджигателях» народа, которые также, в зависимости от их сословной принадлежности, высылаются на острова или распинаются на кресте (V, 22). Ульпиан, ссылаясь на многочисленные древние и подтвержденные почти всеми принципами законы против математиков, халдеев, гадателей, прибавляет, что среди считающихся пророками надо наказывать тех, кто использует недозволенные знания против общественного спокойствия и власти римского народа. В подтверждение он приводит рескрипт Антонина Пия о наказании людей, под предлогом боговдохновенности что-либо возвещающих, а также пример Марка Аврелия, сославшего какого-то человека, пророчествовавшего и говорившего как бы по вдохновению во время мятежа Авидия Кассия (Mos. et Rom. leg. coll., XV, 2).

Видимо, искони существовавшие строгие законы против магии и чародейства стали толковаться весьма расширительно и постепенно дополнялись новыми, направленными уже не только против лиц, виновных в подстрекательстве к мятежу свободных и рабов, оскорблении словом и делом императора и тому подобных реальных действий, предусмотренных еще законами Августа, но и в весьма неопределенном «смущении душ народа». По этой статье, если бы она существовала в I в. до н. э., можно было бы привлечь любого оратора-популяра, не исключая и самого Цезаря. Но в том-то и дело, что тогда она существовать не могла.

Гонения на проповедников «неизвестных и непривычных религий» обуславливались отнюдь не приверженностью императоров к традиции и старине. Достаточно известно, какое широкое покровительство оказывали императоры конца II и III в. иноземным, особенно восточным солярным культам, дававшим новое обоснование божественности монархической власти. Борьба шла не с новыми учениями и верованиями как таковыми, а с настроениями и течениями, не санкционированными сверху, с проявлениями самостоятельности в идеологической сфере, с попытками выйти из повиновения и уйти из-под контроля в этой области. Постоянные и также приобретающие постепенно все большее значение апелляции императоров к богам как к своим особым личным покровителям или даже родителям, императорский культ с его обожествлением умерших и живых правителей придавали во время империи особое значение религии, которого она не имела в прошедшие времена. Святотатство сливалось с оскорблением величества, уклонение от официальных обрядов с мятежом, сомнение в установленной религии с сомнением в providенциальной роли Рима и т. д. Выдвигая на первый план

религию, императоры сами готовили то поле, на котором им мог быть дан бой.

Процессы, шедшие в общегосударственном масштабе, были теснейшим образом связаны с аналогичными явлениями внутри фамилий. И здесь моральный фактор приобретает значение, какого не имел при республике. Во II—I вв. до н. э. господа мало задумывались над духовной жизнью рабов и лишь в очень незначительной мере пытались замаскировать свои с ними взаимоотношения, основывавшиеся на прямом насилии и принуждении. Правда, городские рабы привлекались к участию в культовых коллегиях и отправлению компитального культа, но меры эти носили скорее организационный характер. К тому же городские рабы находились в ином положении, чем сельские. Вообще же с разложением патриархальных отношений, когда рабы могли в какой-то мере рассматриваться как младшие сородичи, они были поставлены вне организации, определявшей самые основы духовного бытия римского гражданина — родовых святынь и священных действий. В неоднократно цитировавшейся контрверсии Сенеки Старшего, посвященной предполагаемому браку хозяйской дочери с рабом, одним из важных аргументов, приводившихся ораторами республиканского времени против подобного брака, была ссылка на отсутствие у раба родичей, семейных обрядов и святынь, к которым муж приводит новобрачную и которые имеются даже у самого бедного свободного. В крайнем случае, говорит оратор, свободного зятя можно было бы в этом смысле приобщить к семье жены, чего нельзя сделать в отношении раба.

Рабам доступен был только культ Ларов; связующий свободных членов фамилии культ Гения ее главы был для них закрыт. Сельские рабы отстранялись и от участия в других культах. Хозяин считал себя обязанным заботиться о физическом благополучии рабов — и только.

При империи положение начинает постепенно меняться. В первую очередь изменения были вызваны уже неоднократно упоминавшимся разрывом между потребностью в более квалифицированных и инициативных работниках и опасениями хозяев, что такие работники окажутся строптивыми и непокорными. Отсюда стремление обеспечить преданность рабов. Вначале это касалось преимущественно поместной администрации. Как мы помним, Колумелла писал, что все знания и опытность виллика ничего не дадут, если он не питает любви и преданности к господину. Затем попытки морального воздействия распространились и на рядовых рабов. Как мы пытались показать, программа обращения с рабами, выработанная Сенекой, заключалась главным образом в добровольном моральном подчинении рабов более знающему, мудрому, а следовательно, со стоической точки зрения, и более добродетельному господину на той же основе, на какой клиент подчиняется патрону. Мы видели также, что в

домах и имениях повсеместно организуются рабские коллегии, в которых рабы отправляли почетные должности, в частности и жреческие, и где объектом культа являлись не только Лары, но и Гений господина. По мере распространения издольного колониата и вовлечения в сферу влияния магнатов «соседей» такие коллегии становятся ядром, вокруг которого группируются все так или иначе зависящие от главы фамилии лица, именующие себя его обожателями, почитателями его Гения, Ларов, изображений его предков. Иногда богатые и влиятельные люди сами организуют коллегии, дионисовские фиасы, которыми руководят как мисты высших степеней, тогда как их клиенты, отпущенники и рабы, являются рядовыми сочленами или мистами низших степеней, что должно было связывать их с господами и патронами дополнительными духовными узами.

Вместе с тем фактически снимается запрещение с участия рабов в дозволенных государством общих культах. Число сакральных надписей как городских, так и сельских рабов постепенно множится. Видимо, господа осознали возможную роль религии в моральном воздействии на рабов. Вера в богов, пишет Плутарх, священнодействия и праздники гораздо больше, чем: знатым и богатым, дают беднякам, плебеям и рабам. Участвуя в шествиях и жертвоприношениях и наемники, и рабыни, мелющие на мельницах, чувствуют, что их души приближаются к богам¹⁸.

Гораздо настороженнее, чем раньше, господа относились теперь к духовному облику рабов. По закону курульных эдиров времен республики при продаже раба следовало предупредить покупателя о физических его недостатках и гарантировать, что раб — не беглый, не бродяга и не совершил никакого преступления, ответственность за которое несет не только старый, но и новый господин¹⁹. Юристы времен империи добавляют к этому списку другие, в основном моральные пороки раба, рассматривая, может ли быть из-за них аннулирована его продажа, если продавец не предупредил о них покупателя (Dig., XXI, 4, 4). К порокам души, дававшим основание для иска покупателя, юристы относили лень, легкомыслие, склонность к азартным играм, зрелищам, любовным похождениям, расточительство, дерзость, вспыльчивость, склонность к меланхолии и отчаянию. К добродетелям раба причислялись: трудолюбие, умеренность, постоянство, настойчивость в накоплении пекулия, бдительность, послушание. Особо отмечалось, что нельзя обманывать покупателя, скрыв, что раб прибегал к императорским статуям с жалобой на владельца, а также выдавать раба-ветератора за новичка, т. е. раба, занимавшего какую-нибудь административную

¹⁸ *Plut.*, Non posse suav. vivere secta Epicuri, 21, 7.

¹⁹ *Aul. Gell.*, IV, 2; Dig., XXI, 1, 1, 1.

должность или обученного свободным искусствам, за рядового и необученного, так как последнего, как более покорного и «способного к службе», покупали охотнее (Dig., XXI, I, 18; 19, 1; 37; 65, 2).

Особенно любопытны рассуждения юриста Вивиана. Он спрашивает, является ли поводом для иска продавцу обнаружившаяся у раба склонность впадать в обществе других фанатиков или перед алтарем в вакхический экстаз, вертеть головой и пророчествовать и давать ответы на вопросы в качестве оракула, и отвечает, что если все это происходит не часто, то обращать внимания вообще не следует, если же такой раб по своей испорченности постоянно ведет себя, как сумасшедший, то вчинить иск можно (Dig., XXI, I, 1, 9—10).

Соответственно расширялся закон, позволявший вчинить иск за «порчу раба». Сюда относились действия и слова, вследствие которых чужой раб становился вором, совершал мошенничество, влезал в долги, пристращался к зрелищам, женщинам, бежал, начинал поступать и думать дерзко, презирать господина и замышлять мятеж (Dig. II, 14, 50; XI, 3, 1, 3—5; 3, 2; 10; 15). По словам Ульпиана, закон сурово обращается и против того, по чьему наущению раб прибегнет к статуям «в посрамление господина» (Dig., XLVII, 11, 5). Закон, каравший раба, гадавшего о здоровье господина, тоже по существу относился не к материальным, а моральным преступлениям, как и законы, направленные не против акта бегства, а против намерения раба бежать.

В главе «Рабский вопрос» мы уже останавливались на значении рассказов и стихов о преданных рабах и взаимной любви господ и рабов. К тому же комплексу идей относится и особый интерес, проявлявшийся во время империи к Сатурналиям. Какое бы ни было происхождение Сатурналий, думается, что исследования Бёмера²⁰ убедительно опровергают распространенные представления об их исконной связи с легендой о «золотом веке», якобы отражавшей во все время существования античности чаяния рабов и бедноты. Соответственных представлений о Сатурналиях мы не найдем у авторов времен республики. Они появляются при империи, когда самая идея «золотого века» была в достаточной мере скомпрометирована ее использованием в официальной пропаганде, так же как и учение о преимуществах общей или государственной собственности над частной, служившее для обоснования неограниченных прав императора распоряжаться имуществом и трудом подданных. Недаром против этого учения выступал, между прочим, Ориген, доказывая, что каждый имеет право владеть тем, что добыл своим трудом и что за его труд предоставлено ему богом. Истолкование Сатурналий как символа взаимной привязанности рабов и господ, впервые, по-

²⁰ F. Bömer. Untersuchungen..., t. III, S. 173—189.

жалуй, данное Сенекой²¹, а затем широко распространившееся (наиболее полная сводка — у Макробия в первой книге его «Сатурналий»), вряд ли могло найти отклик у рабов и, несомненно, исходило из лагеря господ. Обязанность прислуживать господам во время пиров, на которых сотрапезники вели себя весьма несдержанно, была для рабов очень унижительна. Об этом говорит в том же письме Сенека, и комментатор Ювенала (Schol. vet. in Iuven., V, 66), и Афиней, приводя в подтверждение ряд цитат из греческих авторов (VI, 262). От себя он замечает, что всегда удивлялся, видя, с каким пренебрежением рабы смотрят на лежащие на столе яства, не притрагиваясь к ним, даже если могут это сделать безнаказанно. Известно, что по обычаю остатки господской трапезы раздавались рабам и что этот обычай, так же как Сатурналии, толковался как проявление гуманности, делающей, таким образом, рабов сотрапезниками господ²². Плутарх, ссылаясь по этому поводу на пример персидских царей, кормивших около своего стола рабов и собак, замечает, что те, чьими трудами они пользовались, становились участниками их трапез (Conv. Quaestion., VII, 4, 5). Макробий же пишет, что в марте, в праздник Анны Перенны, матроны угощали рабынь, как в Сатурналии господа рабов, дабы в начале года оказанной почестью поощрить рабов к усердной службе, а по окончании работ поблагодарить их (Sat., I, 12, 7). Можно полагать, что рабы с отвращением смотревшие на объедавшихся господ и не желавшие притрагиваться к их изысканным блюдам, с таким же отвращением относились и к подачкам после пиров, и к идее общности интересов господ и рабов, лежавшей в основе интерпретации как этих подачек, так и Сатурналий. Именно поэтому Сатурн не пользовался в Италии среди рабов популярностью. Ни рабы, ни свободные бедняки ни разу не посвятили ему ни дара, ни надписи.

Приведенные данные показывают, как важно для господ времен Империи было обеспечить себе преданность рабов и держать под контролем их духовную жизнь. В этом смысле политика главы государства и глав «маленьких республик» — фамилий полностью совпадала. И в обоих случаях идеологический нажим с течением времени становился все более гнетущим и охватывал все большие круги лиц. Когда Деций в середине III в. приказал всем жителям империи засвидетельствовать свою лояльность жертвоприношением богам, от этой повинности не был избавлен никто. В фамилиях же, как мы видели, культ Ларов и Гения их главы становился обязательным не только для рабов и отпущенников, но и для всех так или иначе зависимых от *pater familias* лиц, прославлявших его с тем же стандартизованным низкопоклонством, с каким граждане более высокого ранга прославляли

²¹ Seneca. Ep., 47.

²² Ibidem; Plut., Quaest. Rom., 64.

в то время не только императоров, но и всякого мало-мальски влиятельного чиновника или военачальника.

Но политика эта в конце концов оказывалась безуспешной. И свободная беднота, и рабы, которых в данном случае нельзя резко отделять друг от друга, так как они не были разделены и в действительности отвечали на нее все растущим, хотя и пассивным, но достаточно эффективным сопротивлением. Правительственная пропаганда, утверждавшая, что народ достиг всего, чего хотел, привела к полной дискредитации старых плебейских лозунгов времен республики, ставших официальными лозунгами империи. Вопиющие противоречия между официальной картиной мира и действительностью, использование таких некогда близких массам идей, как верховная власть народа, государственная собственность на землю, ограничение богатства и т. п., для фактического подчинения народа императорам и их ставленникам, знатым и богатым патронам и «благодетелям» отвратили народ от желания участвовать в политической жизни и политической борьбе с большим успехом, чем это мог бы сделать любой террор. Укрепилась уверенность, что, как писал Федр, «когда сменяется тот, кто занимает первое место среди граждан, для бедняков не меняется ничего, кроме имени господина» (I, 15). Но зато чем дальше, тем больше беднота и рабы отворачивались от официального мира и от официальной идеологии, которой господствующие классы столь активно стремились их подчинить.

Презрение к миру выражалось часто в пренебрежении к своему здоровью, потомству, самой жизни. Дидн Хрисостом жалуется, что господам приходится иметь специальных надзирателей при больных рабах, так как рабы обычно пренебрегают своим здоровьем и предписаниями врачей, будто бы считая, что если с ними что-нибудь случится, то это нанесет ущерб не им, а владельцам (Orat., X, 9). По его же словам, рабыни часто уничтожают своих детей до или после родов, если могут рассчитывать на безнаказанность, так как не хотят в дополнение к тому, что терпят в рабстве, еще нести труд по воспитанию детей (Orat., XV, 8).

Видимо, обычны были самоубийства рабов. Сколь много рабов, пишет Сенека, сбросилось с крыш, чтобы не слышать вечно-го ворчания господина, или пронзило внутренности железом, чтобы не быть возвращенными из бегства (Ер., 4). Он приводит в пример бестиария, покончившего с собой на арене, чтобы не сносить рабства; раба, который должен был сражаться в навархии и пронзил себя выданным ему копьем; обращенного в рабство грека, разбившего себе голову о стену, когда у него потребовали унижительных услуг (Ер., 70; 77). Рабы гневливого господина или бегут от него, или кончают с собой (De ira, III, 5); ведь немало есть рабов, предпочитающих розги пощечине и смерть оскорбительным словам (De const. phil., 4).

По-видимому, к самоубийству призывали наиболее близкие народу киники. Ритор Фортунатиан рассматривает случай, когда наслушавшиеся речей такого философа рабы повесились и господу привлекли его к суду за причиненный им ущерб, он же оправдывался тем, что таково учение его школы (*Ars rhet.*, I, 14). Казус, конечно, анекдотический, но самосожжение Перегринна, столь карикатурно описанного враждебным простонародным киникам Лукианом, очевидно, имело целью подкрепить личным примером соответствующие призывы. Дион Кассий рассказывает, как раб Махаон в первый день нового, 38-го года взобрался в храм на ложе Юпитера, произнес много страшных пророчеств, убил принесенную с собой собаку, а затем покончил с собой (59, 9, 2). Это самоубийство несколько напоминает смерть Перегринна.

Сюда же относится стойкость в перенесении мучений. Многие, пишет Плутарх, молчат, когда их режут, бьют, пытаются, не издают ни звука, терпят мучения от тиранов и господ, ибо их душа, оставаясь нечувствительной ко всему этому, умеряет силу мук (*An vicietas ad infelic. suffic.*, 2). Как мы помним, о стойкости рабов говорит Эпиктет, непосредственно связывая способность к такой выдержке с духовным освобождением из-под власти того, кто хочет навязать человеку свои суждения, управлять его свободным внутренним миром. Подобные акты свидетельствуют о такой силе накала ненависти к угнетателям, какого, возможно, не знали даже участники восстаний последних веков республики, и, как мы видели выше, правящий класс отлично сознавал, что ненависть рабов «повсюду следует за господином».

К внутренней свободе стремились более или менее осознанно маленькие люди и рабы, и не доходившие до таких крайних средств, как самоубийство, но отрицавшие всю систему ценностей, на которой зиждилась официальная идеология. Это было присуще тем киникам, которых Лукиан и Апулей презрительно называют беглыми рабами, сапожниками и трактирщиками. Киникам, между прочим, посвящена и одна из Псевдоквинтилиановых декламаций — речь отца, отрекающегося от сына-кинника. Он упрекает сына за то, что тот называет безумцами и глупцами всех тех, кто защищает и охраняет достоинство республики и ее символы — римский форум и т. п.; за то, что он не желает принимать что-либо от отца, считая нужным терпеть голод и холод, дабы закалиться против превратностей судьбы. Киники, говорит оратор, стараются вызвать восхищение своей нищетой (*miseria admirationem captant*), а услужливость и почтительность бесстыдно объявляют преступлением²³. Ритор Виктор разбирает казус, в котором женщина, примкнувшая к киникам, обвиняется в безнравственности, причем обвинитель доказывает, что она избрала кинизм, чтобы, избавившись от опеки и надзора, вести свободную

²³ *Quintil.*, Declam., 283.

жизнь²⁴. Киники — «беглы рабы» Лукиана — тоже водили с собой женщину, ушедшую от семьи и бродившую в мужской одежде. Видимо, протест против таких устоев, как государство, семья, отношения к высшим, обычно формулировавшийся как долг услужливости, составлял часть учения киников, наиболее близких бедноте и рабам. Как мы видели в главе о «рабском вопросе», можно полагать, что и в отношении к рабству киники занимали крайнюю позицию.

Но и не принадлежавшие к киникам маленькие и зависимые люди постепенно освобождались от духовного гнета верхов. Соответствующие факты с доступной нам полнотой, были собраны в нашей монографии о морали и религии угнетенных классов. Они показывают, что беднота и рабы отворачивались от основных аспектов идеологии, насаждавшейся сверху. Отстраняемые от ставшей «культурой элиты» культурной жизни, они противопоставляли ей немудрое простосердечие, трудолюбие, простой физический труд; официальным добродетелям — свои добродетели: милосердие, кротость, готовность помочь другу и простить врага; создаваемым для них организациям, коллегиям и корпорациям, стоявшим под контролем государства и патронов, — ассоциации близких друзей, маленькие кружки единомышленников; «социальной гармонии» и обязательному почтению к вышестоящим — твердую уверенность, что не какой-то отдельный, обличаемый сатириками и риториками богач, а всякий знатный и богатый человек — негодяй, общение с которым отвратительно; учению о верховной собственности императоров на землю и имущество граждан — представление о некоем идеальном строе равных мелких собственников, живущих своим трудом и гарантированных от всяких посягательств на свое достояние; проповеди обязательной службы Риму и императору — презрение к высокому положению, чинам и званиям.

В религии, приобретающей все большее значение, не только потому, что она давала утешение обиженным и униженным, а и потому, что на нее все большее внимание обращали и императоры и господа, и патроны, народ создавал собственных богов, не входивших в официальный пантеон. Это были боги, с одной стороны, могучие, владыки земли и космоса, с другой — труженики, близкие простым людям, сами некогда бывшие людьми и удостоившиеся бессмертия за труды и подвиги. Их почитатели верили, что и сами после смерти за справедливую и праведную жизнь получают награду и счастье, независимо от того положения, которое занимали на земле. Чем далее, тем более боги официального пантеона, олимпийцы, как божества неба, эфира, далекие от всего материального, противопоставлялись «черни земных бо-

²⁴ *Iul. Victor. Ars Rhet.*, IV, 5.

гов», как называл Марциан Капелла божества, почитавшиеся народом. Разрыв между религией знати и религией народа отражал разрыв между высшими и низшими во всех областях идеологической жизни. В баснях и пословицах вновь и вновь подчеркивается мысль, что «не может быть дружбы между рабом и господином», что простому человеку следует опасаться дружбы сильного и доверять лишь равному, так как власть имущий всегда обманет слабого и употребит во зло его доверие.

Так всем попыткам господствующего класса духовно подчинить себе бедноту и рабов противопоставлялась все растущая тенденция к внутренней независимости, внутренний уход от мира насилия и несправедливости, лжи и ханжества.

И в общегосударственном, и в семейном масштабе вопросы идеологии оказывались в центре внимания, идеологическая борьба приобретала роль, какой не имела в предыдущие периоды истории античного мира. Значение этого факта нельзя недооценивать. Вряд ли справедливо ходячее мнение, будто растущий интерес к религиозным и этическим вопросам и равнодушие к вопросам социальным и политическим лишь отвлекали рабов и бедноту от активной борьбы, и, следовательно, играли только отрицательную роль. Думается, что к вопросам классовой борьбы надо подходить более гибко, без раз навсегда данных стандартов, всегда учитывая особенности того или иного периода. Во времена ранней империи восстания рабов были бы легко подавлены и оказались бы менее результативными, чем сицилийские или спартаковское. Напротив, малозаметная, но все нараставшая борьба в идеологической сфере, духовный абсентеизм, моральный анахоресис масс, в то время как правящий класс и государство были особенно заинтересованы в их идеологическом подчинении, медленно, но верно подрывали весь фундамент рабовладельческого общества и в известной мере закрывали ему непосредственный выход из того тупика, в который завели его обостряющиеся противоречия. Репрессии здесь оказывались бессильными, так как они могли принудить людей к внешнему послушанию, но не способны были заставить их верить в то, во что они не верили. Правительство под давлением обстоятельств шло на некоторые уступки, усиливало социальную демагогию, но все это мало помогало. Пропась, отделявшая верхи от низов, все углублялась, и именно это казалось особенно опасным наиболее дальновидным представителям господствующего класса.

Наиболее полное и последовательное выражение все отмеченные процессы нашли в раннем христианстве.

Глава девятая

ХРИСТИАНСТВО И РАБСТВО (по данным новозаветной литературы)

Тема рабства в раннехристианской литературе неоднократно привлекала внимание современных исследователей. Различные оттенки отношения к рабам и рабству, нашедшие свое отражение в канонических и апокрифических текстах, воспринимались как ключ к датировке произведений¹. Анализ интерпретации этой темы служил основой для того, чтобы решать, в какой среде возникла христианская литература². Вопрос о рабстве и свободе как один из центральных в христианстве побуждал под его углом рассматривать не только этику, но и всю религиозную систему. Постоянно обращались к проблеме того влияния, которое оказало христианское учение на эволюцию института рабства в Римской империи³.

Интерпретация данных, раскрывающих отношение к рабству в произведениях, которые вошли в Новый завет или были с ним непосредственно связаны⁴, видимо, во многом зависит от общих принципов работы. Поэтому представляется целесообразным начать с некоторых предварительных замечаний, чтобы объяснить, чем руководствовался автор в выборе определенного пути изучения темы.

¹ См., например, Р. Ю. Вуннер. Возникновение христианской литературы. М.—Л., 1946, стр. 226—227.

² Там же, стр. 47 слл., 214 и др.; Я. А. Ленцман. Происхождение христианства. М., 1958, стр. 143—144, 157 и др.

³ Труд Уестерманна: W. L. Westermann. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity, Phil., 1955, ch. XXIII—XXIV) содержит обзор основных мнений, высказанных по этому поводу на Западе в XIX—XX столетиях. Существенные расхождения во взглядах авторов не скрывают, однако, известного единства в убеждении большинства из них относительно разрушительной роли, которую сыграли христианские идеи в судьбе института рабства в древности.

⁴ Касаясь в настоящей работе христианства времени возникновения Нового завета, идей и произведений, относящихся к периоду I—II вв., мы применяем выражение «раннее христианство». Так как это выражение обычно связывают с историей христианства в период более длительный, вплоть до принятия этой религии римскими императорами, мы предупреждаем читателя о том ограниченном значении, в котором нами употребляются слова «раннее христианство» в дальнейшем.

Датировка новозаветной литературы до настоящего времени ставит исследователей в тупик. Ни одна не может претендовать на то, чтобы считаться более или менее общепринятой. Колебания с амплитудой в целое столетие не представляют исключения. Они вызваны тем, что наиболее ранние христианские произведения, многократно переделываемые в древности, дошли до наших дней, за незначительным исключением, лишь в сравнительно поздних рукописях и потому всегда оставляют возможность не считать ту или иную дату их составления установленной окончательно. Вступив на путь гипотез, исследователи могут оправдать свою датировку только одним способом: связав ее с некоторыми общими представлениями о возникновении христианства. Но, как известно, эти последние у разных авторов диаметрально противоположны. Отсюда и редкостный разбой в датировках, редкостный даже для древней истории, в которой вообще лишь немногие даты можно считать единодушно принятыми.

Это побуждает думать, что при разработке подобной темы возможны два подхода. Первый предполагает изучение письменных свидетельств в строго хронологической последовательности. Для этого надо предварительно решить вопрос о времени не только создания тех или иных памятников круга новозаветной литературы, но часто и их источников. Именно решить, а не воспользоваться уже достигнутыми ранее результатами, поскольку, как уже сказано, в настоящее время едва ли можно говорить о каких-то безусловных датах, связанных с историей этой литературы⁵.

Второй подход — это пренебречь разницей во времени создания отдельных произведений, рассматривать новозаветную литературу с точки зрения ее целостности, сосредоточить внимание не на хронологических поисках, а на выявлении тех тенденций, которые присущи трактовке темы в этой части раннехристианской традиции.

Не одно только сознание трудности датировок заставляет нас следовать вторым путем и смотреть на новозаветную литературу как на нечто единое, допускать сопоставление источников, возможно, расходящихся во времени их возникновения более чем на столетие. Главная причина — в другом. Распространяясь на обширных территориях Римской империи, привлекая к себе людей разного общественного положения, христианское учение неизбежно менялось. Переносимое на новую почву, оно вступало в соприкосновение с различными религиями Востока, с греко-римской философией. Что-то утрачивая под этим влиянием, что-то вбирая в себя, оно приобретало иные черты. К тому же чем шире была зона его распространения, тем многообразнее были формы, в которые оно выливалось. Однако ни пестрота

⁵ С. И. Ковалев. Основные вопросы происхождения христианства. М.—Л., 1964, стр. 27.

конкретных воплощений раннехристианского учения, ни эволюция отдельных положений его, которая сопутствовала пропаганде христианства в новой среде, не противоречат утверждению о единстве этого учения. В сложных сочетаниях, где дает знать о себе влияние самых различных философских и религиозных течений, явственно ощутим некий, более или менее постоянный компонент — тот набор представлений и образов, который позволяет говорить о раннехристианском учении, как о чем-то цельном.

Поэтому анализ отношения к рабству авторов круга Нового завета мы не строим под углом зрения того, как менялось это отношение в пределах I—II вв. Мы в первую очередь стремимся выделить общие черты в трактовке темы рабства в различных сочинениях этого типа, стремимся найти объяснение им в ключевых идеях раннего христианства. Первоочередность этой задачи, разумеется, не исключает интереса, насколько это допускает уровень наших знаний, к изменению взглядов раннехристианских авторов на проблему рабства.

Чтобы представить христианское учение эпохи формирования Нового завета, надо отрешиться от современных понятий, пожалуй, в большей степени, чем при изучении любой другой темы истории древности, забыть на время о христианстве, превратившемся при Константине в государственную религию, судить о первых веках его существования без учета того, чем стало оно в дальнейшем. Но создать эту умственную преграду, этот барьер между первоначальным христианством и более поздним — трудно. Ведь христианство продолжает жить и сегодня — в виде церковной организации и религиозных убеждений людей, в виде того немалого влияния его, которое обнаруживают различные области культуры — в первую очередь этика и искусство.

Но помимо того, что многие черты современной политической и культурной жизни обязаны своим происхождением этому отдаленному периоду и порой нелегко отделить явления позднейших эпох от их истоков, увидеть принципиальную разницу между ними, и самая тема — история христианства времени создания новозаветной литературы, — сохраняя постоянную притягательную силу в течение ряда столетий, вызывает не только академические диспуты. К раннему христианству за своеобразной идейной поддержкой обращались и обращаются мыслители самых различных эпох и направлений — вплоть до наших современников философов-экзистенциалистов, которые видят в Иоанне и Павле прямых своих предшественников. Прибегая к авторитету раннего христианства, называя себя наиболее последовательными выразителями его идей, откалывались от господствующей церкви бесчисленные группы верующих, поражающие несходством общих убеждений и целей, но с одинаковой нетерпимостью претендующие на исключительное право истолкования священных текстов. В этих спорах христианство времени сложения Нового завета

переставало быть историей: оно превращалось в действенное оружие в идеологической и политической борьбе.

Однако, даже избавившись от ассоциаций с более поздним христианством, исследователь зачастую остается во власти устойчивых представлений общего характера, навеянных современностью, например о методах социального протеста, о формах классовой борьбы. Нередко, не отдавая себе ясного отчета, мы подходим к жизни Римской империи первых веков нашей эры с мерками нового времени.

Странной кажется человеку XX столетия такая форма классовой борьбы, как анахоресис, которая, когда приобретала массовое распространение, в корне подрывала экономику, лишала правителей покоя. При капитализме с сопутствующей ему потенциальной безработицей такая форма индивидуального протеста, как бегство работника с места работы, едва ли может пугать предпринимателей и правительство. Но в условиях Египта эллинистического и римского времени анахоресис способствовал разрушению хозяйства страны, была своеобразным выражением протеста в связи с тяжелыми условиями жизни. И современный историк, который находит в документах описание многих случаев бегства рабов и зависимых бедняков-земледельцев, отдававших себя под защиту храма, окончательно порывавших со своим хозяйством, — не проходит мимо них. Но если он, описывая древность, не может отрешиться от системы отношений нового времени, то в этой рожденной своеобразными условиями античного хозяйства и неповторимой в дальнейшем форме классовой борьбы — анахоресисе — он склонен видеть забастовку или стачку.

Анахоресис — далеко не самый яркий пример того, как под влиянием современных условий классовой борьбы определенное явление античной истории может получить превратное истолкование: исследователи не спорят о том, что анахоресис — выражение протеста; они расходятся лишь относительно того, как его понять.

Но если обратиться к раннему христианству, к его проповеди смирения, то первоначальный смысл ее — как вызов обществу, как вызов существующему миру с его материальными и духовными ценностями — казалось бы, еще меньше отвечает нашим представлениям о формах идейного протеста. Однако именно эта проповедь в период возникновения христианства была выражением глубокой неудовлетворенности действительностью, попыткой в наиболее острой для античности форме противопоставить личность существующему обществу с его государством, имущественным неравенством, социальной иерархией, религией, ее освящавшей, культурой в целом, которая отвечала основным принципам этого общества. Гневное осуждение реального мира с его порядками, несущими порабощение людям, сочеталось в раннем христианстве с попыткой противопоставить этому воз-

возможность их внутреннего освобождения. Сторонники и противники новой религии понимали подобную ее направленность. Одним христианское учение давало возможность преодолеть сознание собственного бессилия перед властью богатства и знатности, перед подавляющей мощью государства с его изнуряющими поборами, назойливым контролем над всеми областями человеческой жизни, найти ту точку опоры, которая бы не зависела ни от кого и ни от чего, кроме самого субъекта; другим учение воспринималось как выражение крайней враждебности к их власти, чуждости их жизненным устоям.

Среди тех аспектов, в которых изучается религия, социально-политический принадлежит к числу важнейших. Любая религия подготавливается сдвигами в области общественного сознания и возникает как ответ на вопросы, всего сильнее волнующие современников, отталкивается от определенного социального и культурного опыта людей, является реакцией на существующие системы ценностей — развивает ли она их или полемизирует с ними. Поэтому и раннее христианство, подобно другим религиям, представляет интерес с точки зрения того, какие явления в области духовной жизни масс ему предшествовали и чем они были обусловлены, какие проблемы современности и в какой форме оно подняло, а также в каком отношении оно оказалось к другим идейным течениям, распространенным в данном обществе, к принятым в нем системам ценностей.

Христианское учение возникло на почве отвращения людей к идеям, официально пропагандируемым, и полного неверия в возможность найти в окружающей действительности, в сфере социально-политической жизни, пути для коренного изменения существующих условий. Оно было сложным во многих отношениях, причем в первую очередь обязано этой сложностью тем разнообразным потребностям, которое призвано было удовлетворить. Христианское учение давало пищу и рассудку, и эмоциям. Проповедь христиан адресовалась людям самым разным по их общественному положению, складу, уровню культуры, традициям, интересам и т. д. С ней обращались и к аудитории, философски подготовленной, к тем, кто был склонен к отвлеченному мышлению, для кого диспуты об общих проблемах бытия являлись родной стихией, и к той аудитории, где разбуженное непосредственное чувство могло сделать больше любого хитроумного аргумента из области абстрактного мышления. Среда, из которой выходили раннехристианские авторы; упор на традицию, связанную с иудейским сектанством, восточными религиями или греко-римской идеологией; литературные вкусы авторов — все это не могло не наложить отпечатка на форму изложения основных идей. Естественно, что она не была одинаковой в так называемых Посланиях апостола Павла, которые обнаруживают несомненное знакомство их автора или авторов с греческой

идеалистической философией, и в Откровении Иоанна Богослова — произведении, органически связанном с традицией ветхозаветной апокалиптики.

В Новом завете мы постоянно с этим сталкиваемся. Памятник содержит ряд основных идей, разработанных по-разному. Но в чем-то совпадают по сути богословские рассуждения, понятные во всех их тонкостях, очевидно, лишь немногим, и рассказ о жизни, страданиях и смерти Иисуса, рассказ, действовавший на чувства простых людей, рассчитанный на самую широкую аудиторию. Разной среде, в которой складывались отдельные части Нового завета, соответствует богатство форм этого памятника, множественность приемов убеждения. Синоптические евангелия и отчасти евангелие от Иоанна посвящены жизни Иисуса и изложению его учения. Но почва, с которой были связаны авторы евангелий, даже наиболее близких друг к другу в формальном отношении — синоптических, повлияла на то, как они передали проповедь Иисуса и рассказали о его жизни. В том, как по-разному трактуют некоторые сюжеты синоптики, сказывается, по признанию исследователей, преимущественное влияние среды (иудейской — на авторов евангелий от Матфея и Марка и греко-римской — на автора евангелия от Луки).

В Деяниях апостолов, приближающихся по своему характеру к историческому повествованию о том, как распространялось христианство в Восточном и Западном Средиземноморье, различают семитическое влияние. Послания — как Павла, так и апостольские — содержат разработку христианского учения в теологическом плане. Но своеобразие отдельных посланий столь ощутимо, что оно дало основание исследователям нового времени видеть глубокие противоречия, объяснимые, по их мнению, связью Посланий апостола Павла с языческой средой (павлинизм), апостольских посланий — с иудейской (петраизм). О составленном в духе иудейской визионерской литературы Откровении Иоанна Богослова, откровении, призванном поразить воображение людей картиной неизбежного будущего, уже упоминалось. Всего лучше, однако, сложность вопроса о тех влияниях, которые отражены в Новом завете, иллюстрируют ожесточенные споры, ведущиеся вокруг IV евангелия. Помимо высказанного ранее предположения о связи евангелия от Иоанна с греческой философией, платонизмом или стоицизмом, мы находим в литературе последних десятилетий указания на влияние на евангелие от Иоанна эллинистического язычества⁶, восточного гностицизма⁷, палестинского сектантства, о котором стало известно благодаря кумранским находкам⁸.

⁶ C. H. Dodd. *The Interpretation of the Fourth Gospel*. Cambridge, 1953; G. K. Barrett. *The Gospel According to St. John*. — СПСК, 1955.

⁷ R. Bultmann. *Das Johannesevangelium*, Göttingen, 1941.

⁸ Статьи: K. G. Kuhn, in: «*Zeitschrift für Theologie und Kirche*», 47, 1950; 49,

Обратимся к основному содержанию раннехристианского учения. Оказывая богатству, знатности, славе, даже свободе в их безотносительной значимости для людей, отвергая в качестве конечных такие цели своих современников, как, например, власть или избавление от нищеты и рабства, противопоставляя «земным сокровищам» «сокровища духовные», завершая свое учение проповедью покорности перед любыми властями во имя внутреннего освобождения, проповедью, в которой отчетливо звучало пренебрежение этими властями как таковыми, ранние христиане решительно отрицали систему ценностей, принятую в том самом обществе, к смиренному выполнению требований которого они же и призывали. Как ни парадоксально звучит это утверждение, оно отвечает действительности. Проповедь покорности земным властям была для христиан формой своеобразного бунта против них, так как значительными эти власти признавались уже не сами по себе, а лишь постольку, поскольку та или иная связь с ними могла способствовать изменению внутреннего строя человека, его духовному освобождению или порабощению.

Христиане резко осуждали активное отношение к внешнему миру, отношение, которое свидетельствовало о признании самостоятельной ценности того, что было с этим миром связано. Они осуждали погоню за богатством, стяжательство, воинственность, превозносили смирение, кротость, милосердие. Но и последнее восхвалялось не потому, что давало какие-то реальные результаты, а потому, что подтверждало силу приверженности данного человека идеям христианской религии, его способность подчинить им свои привязанности во внешнем мире⁹.

Стремление выдвинуть на первый план внутреннюю жизнь человека, перенести в область религии и этики разрешение социальных проблем господствует в раннехристианском учении. Богатство и бедность, свобода и рабство, неправое и самовластие — эти и многие другие оппозиции, мучившие своей полной неразрешимостью современников ранних христиан в социально-политическом плане, в их системе были спиритуализованы, перенесены в область духовной жизни людей. Намерение приравнивалось к самому действию¹⁰, прощение грехов проповедовалось вместо наказания¹¹, духовное служение богу противопоставля-

1952; M. Burrows. *The Dead Sea Scrolls*, 1955; W. F. Albright. *Recent Discoveries in Palestine and the Gospel of St. John*. — «The Background of the New Testament and its Eschatology», ed. W. D. Davies and D. Daube. Cambridge, 1956; O. Culmann. *The Scrolls and the New Testament*, ed. Krister Stendahl. SCM Press, 1958; B. Reicke. *Traces of Gnosticism in the Dead Sea Scrolls?* — NTS, I, 1954 и др.

⁹ См., например, новозаветный рассказ о богатом юноше (особенно Матф., 19, 21—24 и 29, а также: Марк, 10, 21—23 и 29—30; Лука, 18, 22—25 и 29—30). Ср. Евр., 13, 16.

¹⁰ Матф., 5, 27—28.

¹¹ Матф., 6, 12 и 14—15 (ср. Марк, 11, 25—26) и Матф., 18, 21—35 (ср. Лука, 17, 3—4).

лось религиозной обрядности, выполнению правил «закона»¹². Разрыв с обычными для времени раннего христианства нормами отношений между людьми получил свое, пожалуй, наиболее яркое выражение в призыве любить врагов своих¹³. Эта построенная на контрасте с общепринятыми нормами идея предполагала рассмотрение отношений между людьми в рамках новой религиозной системы, признание определенных религиозно-этических ценностей, победу иного модуса поведения, чем те, которые были усвоены в тогдашнем обществе¹⁴.

Отрицание обычных целей, к которым в своей общественной и политической жизни стремились люди; осуждение их столь полное, что исключалась не одна какая-то цель и выдвигалась вместо нее другая, из той же области, но изменялись принципы, на которых строилась самая система ценностей; проведение мысли о подчиненном месте всех прежних ценностей по отношению к иным, подлинным, открываемым христианским учением, — объясняют противоречивые, на первый взгляд, суждения, имеющиеся в раннехристианской литературе. Так, в синоптических евангелиях мы постоянно находим суровый приговор господствующим ценностям то в более общей форме — в виде контраста тела и мира, с одной стороны, и души, с другой¹⁵, «сокровищ земных» и «сокровищ небесных»¹⁶, то определеннее — в виде противоположности «заботы века сего и обольщения богатства» «слову» (τὸν λόγον)¹⁷, т. е. учению Иисуса. Достаточно прозрачен и иносказательный язык притч (например, притча о Лазаре¹⁸). Но вместе с тем у тех же синоптиков повторяется рассказ об Иисусе, не отказавшемся платить подать Цезарю¹⁹. Едва ли следует видеть в этом отступление от сказанного выше. Это был способ продемонстрировать глубочайшее равнодушие к политике, показать, что новые ценности от нее не зависят.

Мы намеренно привели пример из синоптических евангелий, а не из посланий, хотя в последних идея непротивления властям развита обстоятельнее и ярче. Поскольку в посланиях эта идея в значительной мере связана с проблемой рабства, о ней подробнее будет сказано дальше. Но так как проповедь покорности в той ее части, которая касается рабов, не может быть интерпретирована без предварительного представления о том, чем была

¹² Матф., 23, 23—26 (ср. Лука, 11, 37—42); Матф., 12, 1—7 (ср. Марк, 2, 23—27; Лука, 6, 1—4) и мн. др.

¹³ Матф., 5, 44; Лука, 6, 27.

¹⁴ Это противопоставление ясно звучит в словах нагорной проповеди у Матф., 5, 43—44.

¹⁵ Матф., 10, 28; Лука, 12, 4—5 и Матф., 16, 25—26, ср. также: Лука, 9, 25; Марк, 8, 35—37.

¹⁶ Матф., 6, 19—21.

¹⁷ Матф., 13, 22; ср. Марк, 4, 19.

¹⁸ Лука, 16, 19—31.

¹⁹ Матф., 22, 17—21; Марк, 12, 14—17; Лука, 20, 22—25.

она в целом, в каком отношении стояла к принятой в обществе системе ценностей, к способу ее отрицания у ранних христиан, мы сделали замечания общего характера.

Не только отдельные суждения, встречаемые в Новом завете, но и самая драма Иисуса, так, как она в нем представлена, склоняют к тому, чтобы толковать проповедь смирения в указанном выше смысле.

Как ни смотреть на проблему историчности Иисуса, нельзя не видеть скрытого смысла в том факте, что центральным в христианской религии является образ человека, гонимого официальными властями, преданного унижительным пыткам, распятого как раб на кресте, иначе говоря, человека, подвергнутого самым тяжелым испытаниям, на которые могло обречь его общество. Окружив ореолом славы не реальную победу над враждебными Иисусу силами, над его преследователями, а мучения и позорную смерть его, ранние христиане выразили сущность своего учения. В евангельских рассказах о жизни и смерти Иисуса постоянно оттеняется добровольность, с которой он идет на страдания, терпеливая покорность, с которой переносит он гонения властей. Но также постоянно говорится и о том, что значит такое смирение: это — не признание капитуляции перед властью имущими, а, напротив, победа над ними, это — восхваление ценностей иных, чем ценности «мира сего, лежащего во зле». Моущество этих ценностей обнаруживает себя в том, что они дают силу с безразличием переносить самые тяжкие лишения, самые жестокие испытания в существующем мире. Более того, испытания, на которые обрекает человека жизнь в обществе, могут лишь способствовать завоеванию этих новых религиозно-этических ценностей.

Так интерпретировать раннехристианскую проповедь смирения заставляет и то общее соображение, что иначе остается необъяснимым факт поразительного успеха христианского учения именно среди эксплуатируемых, среди «черни». Что, как не ощущение некоего выхода, избавления от гнета бедности и духовной приниженности, от безнадёжного отношения к мрачной действительности, заставляло эту «чернь» следовать христианскому учению не только когда оно было вне закона, но и когда христианская проповедь смирения стала сильнейшим орудием церковной и государственной эксплуатации? Все дело в том, что подобная проповедь была находкой для этих людей, благодаря ей в самых тяжелых условиях они приобретали необходимое им сознание осмысленности их жизни и страданий, получали нравственное удовлетворение от уверенности в том, что тот, кто их угнетает, стоит бесконечно ниже их.

Проповедь заключала в себе возможность различной ее интерпретации. Христианское учение возникло в значительной мере как реакция общественных низов на жестокость законов, гос-

подставляющих в окружающем мире, но скоро оно было использовано церковью и государством в целях обоснования нерушимости этого мира, в качестве одного из наиболее действенных средств для поддержания отношений неравенства и угнетения. Если для одних проповедь смирения означала осуждение мира зла и несправедливости, глубокое неверие в возможность его совершенствования, безразличие к нему, доходящее до полной покорности его законам, возможность внутреннего освобождения, не зависящую от положения в обществе, то другие обращались к этой же проповеди, чтобы требовать безоговорочного подчинения существующим властям.

Допустимость различного толкования проповеди смирения приходится постоянно иметь в виду, чтобы любой текст, имеющий к ней отношение, не трактовать лишь в одном возможном смысле — как средство укрепить основы существующего строя, подавить сопротивление эксплуатируемых. Тенденция именно так использовать христианское учение сказалась в отношении к церкви государства. Но о том, что смирение могло осмысляться людьми и по-другому, говорят успехи христианской проповеди в период гонений, ее популярность именно в среде эксплуатируемых, бедняков, стонущих под двойным гнетом бесправия и нужды.

Личная этика как средство внутреннего освобождения человека, спиритуализация существующих общественных отношений — эти элементы раннехристианского учения не были новыми для своего времени. Несомненна близость христианства философским течениям греко-римского мира, в первую очередь кинизму и стоицизму. То, что христианство, отвечавшее настроениям тех, кто был в оппозиции к существующему порядку вещей, многими чертами своими напоминает философию Эпиктета, также отразившего эти настроения, естественно. Но не могут удивлять и общие моменты с философскими системами, возникшими на совсем иной социальной почве, чем философия Эпиктета. Христиане говорили на языке своих современников, пользовались до известной степени общими с ними понятиями, образами, приемами рассуждений, черпали из одного источника — богатого культурного наследия греко-римского и восточного миров. Поэтому так много общего находят исследователи у христианства с античными философскими системами и религиями Востока. Но для понимания христианства в его индивидуальности важнее говорить о том, что отличало его от наиболее близких ему по духу учений и что вместо с тем сообщало ему популярность в массах, жизнеспособность.

По отношению к стое, даже в лице такого ее представителя, как Эпиктет, можно отметить ряд пунктов, в которых христианство расходилось с ней. Вот некоторые из них.

Прежде всего — религиозно-этическая общность, которую обещало верующим христианское учение. Оно не только имело целью освободить человека от любых связей с современным обществом, не только низводило отношения зависимости во внешнем мире до уровня безразличных, но шло дальше, предлагая иные связи между людьми, построенные на противоположных господствующим в окружающем мире принципам — на началах равенства и любви.

Этим христианство в большей мере, чем стоя, удовлетворяло социальным запросам людей.

Другой пункт — отношение к богу, которое также мыслилось как поддержка человека в его безотрадном существовании во внешнем мире. Христианское учение обещало ту близость к богу, то слияние с ним, которого не давало учение стоиков о всеобщем разумном законе, управляющем вселенной. Это отношение к богу, своим эмоциональным содержанием скорее напоминавшее религиозные культы Востока, давало чувствам людей тот выход, которого они не находили в реальной жизни. Учение о боге, принявшем образ человека, который прошел через самые тяжелые испытания существующего мира, сильно действовало на воображение людей, таких же униженных и гонимых как почитаемое ими божество.

Третий пункт — эсхатологические представления христиан, согласно которым избавление мыслилось весьма конкретно и в более или менее ближайшем будущем. Усвоив и переработав эсхатологическую традицию восточных религий, в частности иудейской, христиане выигрывали в сравнении со стоиками с их умозрительной теорией периодического воспламенения мира. И в этом случае христианская проповедь с ее весьма конкретными образами страшного суда, воздаяния за страдания в этом мире и кары за несправедливые поступки говорила чувствам угнетенных гораздо больше, чем стоическая идея *ἀναισχυντία*.

Наконец, четвертый пункт, в котором раннее христианство расходилось со стоей, — путь, суливший спасение людям, — путь веры, а не познания. Христианство тем самым снова противопоставляло себя реальному миру с логикой его законов, с рассудочной философией и этим отрицанием привлекало к себе симпатии оппозиционно настроенной аудитории.

Приведенное сравнение говорит в пользу того, что даже такие в чем-то близкие друг другу явления в культурной жизни одной эпохи, как раннее христианство и поздняя стоя, если рассматривать их в целом, оказываются принципиально разными.

То же можно сказать о соотношении раннехристианского учения и в большей или меньшей степени напоминающих его различных восточных религий. Снова мы имеем дело со сходством, никогда не превращающимся в тождество. Это естественно, поскольку, как бы ни были те или иные элементы в сравниваемых

религиях близки друг другу, отпечаток, накладываемый на них религиозной системой в целом, иначе говоря, связь с системой, в которую они входят, делает эти элементы сходными между собой только до какой-то границы.

Так, выше упоминалось о влиянии восточных культов на представление ранних христиан о возможности для человека приблизиться к божеству. Но если в религиях Востока эта возможность распространялась на людей, принадлежавших к определенной народности, касте, на тех, кто овладел знаниями, доступными немногим, — в раннем христианстве всякая исключительность, обусловленная внешними обстоятельствами жизни, отсутствовала. Именно эта особенность обеспечила раннему христианству популярность в среде тех, кто по национальным или социальным признакам оказывался вне более или менее узкого круга людей, которые по установлениям других религий могли рассчитывать на спасение.

Говорилось также об эсхатологических представлениях в раннем христианстве, которые напоминают иудейские. Но если по иудейским верованиям судьбу людей решало исполнение народом, избранным богом, «закона», не отделимого от множества обрядов, то в раннем христианстве картина страшного суда ставилась в зависимость от соблюдения людьми известных, равных для всех нравственных принципов. К тому же вере в грядущее царствие божие, следовавшее за страшным судом, до некоторой степени противоречила идея внутреннего перерождения каждого человека, которая сочеталась в раннем христианстве с эсхатологической концепцией.

Раннее христианство не только продемонстрировало силу недовольства всем строем жизни — общественным, политическим, культурным — широких масс населения Римской империи, но явилось для людей и выходом, который они настойчиво искали.

Тот, факт, что выход был найден в своеобразной форме — в религии с чрезвычайно развитым этическим учением, в тех условиях вполне естествен.

Раннехристианское учение сродни другим идейным течениям античности тем, что в нем освобождение человека рассматривалось не в плане всеобщего уравнивания в экономических или общественно-политических правах, а в чисто духовном — религиозном, этическом.

Причину этого, видимо, следует искать в современной этому учению действительности.

Весь жизненный уклад античного общества подводил к идее неизбежности отношений принуждения. Могли меняться своими местами угнетатели и угнетенные, но характер связей от этого не менялся. Идеализировали нравы предков или соседних варваров: полагали, что в отдаленном прошлом или у окраинных

племен, не знакомых с деньгами, не развращенных роскошью, могли существовать чистые нравы, интересы, чуждые погони за наживой, отношения равенства. Но были убеждены, что неизбежное следствие развития культуры — жестокая междоусобная борьба, господство одних и подчинение других.

С другой стороны, ощущение зависимости — от господина, от вышестоящего магистрата, от всемогущей государственной власти — до некоторой степени уравнивало людей в их собственных глазах. Частые перемещения в силу превратностей судьбы вниз и вверх по общественной лестнице также способствовали тому, что мысль о равенстве людей от природы, популярная еще в эллинистический период, привлекала к себе все более и более. Но это равенство мыслилось реально осуществимым только в тех областях, которые не являлись собственно областями государственной жизни, — в этике, философии, религии. Раннехристианское учение являлось завершением поисков освобождения человеческой личности в этом направлении²⁰. Признав неизбежность неравенства в общественной и политической жизни, ранние христиане отстаивали равенство людей перед богом — в религии, свободу выбора — в этике.

Путь освобождения человека как личности, представленный в раннем христианстве, был путем, утверждавшим значимость духовной деятельности человека, привлекавшим к себе равной возможностью, которая открывалась перед каждым, кто вступал на него. Духовная эволюция человека как единственное условие его освобождения противопоставлялась иным формам его активности. Этот своеобразный абсентизм, проявлявшийся в раннехристианском учении с необычайной силой, уход людей от общественно-политической жизни в религию, можно рассматривать как симптом глубокого кризиса социальной системы Римской империи. Это был показатель того, что в противоположность прежним временам в политике, в общественном быту люди не могли уже найти необходимого материала для конструирования духовных ценностей, не могли, как некогда, связать с социальной деятельностью цель своей жизни.

Отрицая существующий мир, противопоставляя реальному познанию — веру, действительным социально-политическим связям — их спиритуализацию, подлинному рабству — рабство перед богом, неправедным судьям на земле — праведность небесного судьи, осуждению за грехи — покаяние и прощение, обреченным на разрушение земным сокровищам — нетленность ре-

²⁰ Акцентируя свое внимание на том, какова была социальная значимость раннехристианского учения, и в первую очередь, идеи смирения, в период становления религии, мы не касаемся здесь вопроса, не менее существенного для понимания этой идеи, — о генезисе ее, о том, наследием и развитием каких именно элементов культуры предшествующих веков она явилась.

лигиозных ценностей, внешней обрядности — нравственное очищение, жестокой борьбе за власть — мир и любовь, на которых должно строиться отношение к ближним, неравенству между людьми в его различных проявлениях — равенство в вере, раннее христианство не могло не отвечать, пусть в негативной форме, на запросы тогдашнего общества, не могло не выработать правил поведения в нем, связанных с общей его оценкой. Отсюда — та двуплановость в социальных вопросах, которая присуща раннехристианской литературе.

С одной стороны, воплощенный в религии идеал раннего христианства. Он строился на противопоставлении реальному миру с его законами, но был выражен в понятиях, которые отвечали социальному опыту людей, в привычных образах рабства и свободы, зависимости и равенства и т. п. С другой, указывая на религию как на путь преодоления несовершенства этого мира, как на средство освобождения личности, раннехристианское учение все же стояло перед необходимостью руководить верующими в их поведении в этом мире, среди реально существующих господ и рабов. Эту двуплановость христианства, связанную с общим характером его идей, приходится непременно принимать во внимание, чтобы каждое упоминание о рабах и рабстве не интерпретировать в прямом, узко практическом смысле, как программу положительного или отрицательного отношения к существующему в действительности институту рабства.

* *
*

Темой, которую раннехристианские писатели трактовали в самой тесной зависимости от основных положений всей религиозной системы, было рабство. К этой теме постоянно возвращались и авторы Нового завета, и отцы церкви, и авторы апокрифов, испещряя свои произведения упоминаниями о рабах и рабстве. Однако их установка при этом не была одинаковой. Тема рабства занимала в сочинениях разные места — от второстепенного до основного, когда она вырастала до размеров общей проблемы — рабства и свободы. Во избежание смешения разнохарактерных сведений мы разделим имеющиеся в нашем распоряжении данные на несколько групп. К первой мы отнесем те сведения, которые можно назвать нейтральными. Эти сведения приводятся в источниках, собственно, не ради них самих, но с целью осветить иные вопросы, причем их роль — только вспомогательная.

К числу таких нейтральных по отношению к существованию института рабства мест принадлежат упоминания о рабах в эпизодах, связанных с жизнью Иисуса. Евангелие от Матфея (8,5—13) и евангелие от Луки (7,1—10) содержат рассказ о чуде, которое совершил Иисус в Капернауме, исцелив раба

сотника²¹. Хотя здесь речь идет о судьбе раба, самый эпизод характеризует не отношение к нему Иисуса, а служит раскрытию образными средствами многократно повторяемой мысли о могуществе веры.

Раб первосвященника встречается во всех канонических евангелиях²². Данные о том, как один из спутников Иисуса отрубил этому рабу ухо, синоптические евангелия повторяют в почти неизменном виде (несколько отличается от него версия евангелия от Иоанна). Что эпизод этот занимает не случайное место в евангелиях, убедиться нетрудно: он служит как бы поводом к тому, чтобы высказать некоторые идеи общего порядка, но форма их выражения различна. В евангелии от Матфея Иисус, остановив нападавшего, говорит, что все, взявшие меч, мечом и погибнут (26, 52), самое же пленение свое расценивает как исполнение божественного предначертания (26, 53—56). В евангелии от Луки тот же в сущности смысл раскрывается в действиях Иисуса, который, как пишет евангелист, коснувшись уха раба, исцелил его (22, 51), а также в словах Иисуса, обращенных к пришедшим взять его: «Каждый день бывал я с вами в храме, и вы не поднимали на меня рук; но теперь ваше время и власть тьмы» (22, 53)²³. В евангелии от Иоанна²⁴ приводится версия, более подробная, чем у синоптиков; эпизод осмыслен следующим образом: «Но Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны; неужели мне не пить чаши, которую дал мне отец?» (18, 11).

Служители (Матф., 26, 58; Марк, 14, 54; см. Иоанн, 18, 22) и служанка²⁵ названы в сцене отречения Петра, основное содержание которой не имеет прямого отношения к статусу этих лиц.

Деяния апостолов несколько раз упоминают рабов. Особенность этой части Нового завета как произведения, до некоторой степени воспроизводившего черты сочинения на исторические темы, выразилась в более конкретной характеристике действующих лиц, их поведения. Но и в Деяниях отдельные эпизоды изложены в непосредственной связи с основными религиозными идеями, которые пронизывали произведение, призванное прославить победное распространение христианства в среде иудеев

²¹ Ср. версию евангелия от Иоанна (4, 46—53) об исцелении Иисусом сына царедворца; в качестве оповещающих царедворца о совершившемся названы рабы.

²² См. Матф., 26, 51; Марк, 14, 47; Лука, 22, 50; Иоанн, 18, 10.

²³ Русский перевод Нового завета дается по изданию: «Новый завет». Издание Московской патриархии. М., 1956. Греческий текст приводится по кн.: Das Neue Testament griechisch nach Tischendorfs letzter Recension... Leipzig, 1881.

²⁴ «Симон же Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо. Имя рабу Малх» (18, 10).

²⁵ Матф., 69; Марк, 14, 66 и 69; Лука, 22, 56. В евангелии от Иоанна вместо служанки упомянут один из рабов первосвященнических, родственник тому, которому Петр отсек ухо (18, 26).

и язычников. Все же здесь образы рабов менее статичны, чем в евангелиях. Двое из слуг Корнилия, сотника Италийского полка (Деян., 10, 7), выступают в качестве лиц, пользовавшихся полным доверием Корнилия. Они принимают живое участие в событиях, связанных с его религиозной миссией, которая способствовала принятию христианства язычниками в Кесарии (Деян., 10). Служанка Рода (Деян., 12, 13), из дома Марии, матери Иоанна, называемого Марком (12, 12), видимо, и сама ревностная сторонница нового учения, приветствует апостола Петра, освобожденного ангелом из темницы. Туда его, преследуя христиан, заточил царь Ирод (Деян., 12, 4). Наконец, в Македонии над служанкой (16, 16), прорицавшей о Павле и его спутниках как о вестниках пути спасения, совершает чудо этот апостол (Деян., 16, 16—19).

Нетрудно заметить, что в тех единичных случаях, где в Деяниях упоминаются рабы, они оказываются более или менее тесно связанными с христианскими проповедниками. Но против скороспелых выводов о непременно дружеском характере этих связей как бы предупреждает Мученичество Поликарпа, самое раннее из известных нам произведений этого жанра христианской литературы. В нем на долю двух мальчиков-рабов выпала миссия предать в Смирне Поликарпа в руки преследователей²⁸.

Приведенные выше примеры дают возможность составить некоторое представление о том, под какими углами зрения рассматривали раннехристианские писатели рабов в качестве персонажей, по их мнению, реально существовавших. Были ли это безликие образы рабов в евангелиях или несколько более яркие в других сочинениях, преобладал ли при этом момент повествовательный или нравоучительный (речь может идти только о разнице в степени последнего, так как и в Деяниях апостолов и в Мученичестве Поликарпа вся композиция в конечном итоге подчинена идеям религиозно-дидактическим), — тщетно пытаться искать в этих произведениях какие-то обобщения или намеки на линию поведения обрисованных персонажей, которая была бы обусловлена их принадлежностью к рабскому сословию. Те же общие мысли, которым подчиняются отрывки, упоминающие этих рабов, ни в коей мере не связаны с «рабской проблемой».

К той же нейтральной группе относится, по нашему мнению, и ряд притч, главными или второстепенными действующими лицами которых были рабы. Притчи — источник чрезвычайно интересный, но, подобно басням, требующий удвоенной осторожности при интерпретации их. Только предельно ясное понимание того, что они собой представляют, зачем последовательная нить авторских рассуждений нередко прерывается введением посто-

²⁸ Mart. Polyc., XI, 1, 2—VII, 1.— «The Apostolic Fathers», v. II, London, 1965.

ронных, на первый взгляд, сюжетов, может спасти от ложных умозаключений. Остановимся сначала на притчах, в которых рабы играют первые роли.

В притче о рабе пасущем или пашущем (Лука, 17, 7—10) описаны два приема у господина, ожидающих раба по возвращении его с поля. Первый: вернувшийся раб, только после того как он прислужит за столом господину, получает от него разрешение приняться за пищу, причем не рассчитывает услышать от него слова благодарности. Второй: господин приглашает возвратившегося раба тотчас сесть с ним за стол. Призвав первый прием обычным, второй же — невероятным, евангелист дает толкование притчи, сводящееся к тому, что подобным образом — как на свой долг людям — следует смотреть на исполнение повелений бога.

В притче о бодрствующих рабах (Лука, 12, 36—38) рабы, терпеливо ожидающие возвращения господина своего с брачной церемонии, чтобы отворить ему, оказываются вознагражденными им: «...он препояшется, и посадит их, и, подходя, станет служить им. И если придет во вторую стражу, и в третью стражу придет, и найдет их так, то блаженны рабы те» (12, 37—38). Нетрудно обнаружить смысл этой притчи: он в призыве Иисуса к постоянной готовности, поскольку час прихода сына человеческого неведом (12, 40).

Сравним притчи. Если, вырвав эпизоды из контекста, судить о них как о протокольном описании действительности и упустить из поля зрения цель, с которой эти эпизоды введены, легко прийти к выводу, что они стоят в известном противоречии друг к другу. В первой притче вернувшийся с работы усталый раб не должен и помышлять о благодарности господина: он исполняет долг, служа ему. Во второй же рабы могут рассчитывать на признательность господина: здесь последний в свою очередь станет прислуживать им за столом. Однако, анализируя содержание этих маленьких сцен, мы не должны забывать, что введены они в евангелие не ради них самих, а с целью как можно понятнее выразить две достаточно отвлеченные и, хотя прямо не связанные, но и не противоречащие друг другу, идеи религиозного порядка.

Доходчивый язык притч — порой импровизация, навеянная окружавшей действительностью, порой же, возможно, свободное следование популярным сюжетам устной и письменной литературы — был подчинен одной цели: в образной форме раскрыть идеи общего порядка; заинтересовав близким аудитории примером, упростить усвоение этих идей. Нужна была в первую очередь слаженность двух компонентов притчи — самого рассказа и той общей мысли, которую он был призван воплотить. Расцветшая бытовыми подробностями, воспринимаемая то как нечто хорошо знакомое из жизни, то как привычный литературный об-

раз, притча задерживала на себе внимание и облегчала автору изложение отвлеченных идей. Сосредоточиваясь на них, он не стремился в притче непременно к реалистическому изображению условий, в которых жил. Он пользовался свободой художника и не задавался целями историка. Поэтому при анализе притч приходится постоянно помнить об их подчиненном положении относительно ведущих идей евангелий, следить за развитием этих идей и не смотреть на притчи как на некие снимки с натуры, уличая автора в том, что один в чем-то противоречит другому. Какими бы ни были образы притч первоначально, из каких бы источников их ни заимствовали, каким бы задачам они тогда ни удовлетворяли, если мы можем установить, что перед нами притча, об этих образах надо судить сообразно с той целью, ради которой они введены, с тем смыслом, который они одновременно и обнаруживают и укрывают.

Притча — уже не притча, если за ней нет какой-то иной мысли, иногда открываемой в ее истолковании, иногда понятной из общего содержания произведения, куда она включена, иногда же так до конца не улавливаемой нами. Одно лишь можно сказать определенно: самый прием притчи исключает понимание ее, ограниченное только рамками занимательного рассказа. Можно колебаться относительно первоначального смысла притчи, можно обдумывать вопрос о том, использован ли в христианской проповеди более древний образец и приспособлен к новым идеям, или это — притча, сочиненная впервые; можно сомневаться относительно того, сопровождалась ли притчи в наиболее ранних вариантах проповеди толкованием или последнее только подразумевалось (как в ранних баснях) — все это ничуть не меняет того, что мораль притчи не тождественна самому рассказу, что она рождалась одновременно с притчей, могла меняться, но не исчезала, пока притча оставалась притчей²⁷. Поэтому, анализируя притчи, в которых участвуют рабы, мы только тогда приблизимся к правильной их интерпретации, если будем видеть в них ту назидательную цель, с которой они приведены. Именно этот скрытый смысл, а не образ сам по себе говорит о том, что волновало ранних христиан, об их исканиях.

²⁷ Из литературы о притчах назовем фундаментальную работу Юлихера (A. Jülicher. *Die Gleichnisreden Jesu*. Tübingen, I (1888¹, 1899²), II (1899)). Ее автор видит разницу между притчей (басней, сравнением) и аллегорией. Если смысл притчи, выраженный в образной форме, ясен и единствен, то аллегория — символична, смысл сознательно затемнен с расчетом на понимание ее лишь в узком кругу посвященных. По мнению Юлихера, притчи аутентичны, аллегоризирующие же добавления принадлежат евангелистам. Нам представляется, что грань между притчей и аллегорией провести трудно, поскольку всякая притча аллегорична, речь может идти лишь о том, какого рода смысл она подразумевает. Из более поздних работ укажем C. H. Dodd. *The Parables of the Kingdom*. L. and New York, 1935, 1936², 1961³; J. Jeremias. *The Parables of Jesus*. London, New York, 1954¹, 1963²; N. Perrin. *Rediscovering the Teaching of Jesus*. London, 1967.

Притча о рабе-домоправителе рисует раба, назначенного быть господином над слугами, чтобы раздавать им пищу²⁸. Раб, строго исполняющий возложенные на него обязанности, вознаграждается господином, который ставит его во главе всего имения. В противном же случае, если раб, понадеявшись на отсутствие господина, принимается за пьянство или избивание товарищей по рабству (Матф., 24, 49), его ждет строгое наказание от господина, возвратившегося, когда его не ожидают. В этой своей части сюжет почти без изменений повторяется в евангелиях от Матфея (24, 45—51) и от Луки (12, 42—46), будучи как бы иллюстрацией уже знакомой нам идеи о неведении в отношении часа прихода сына человеческого (Матф., 24, 44; Лука, 12, 40). Однако версия у Матфея не полностью тождественна версии у Луки. Последняя детализирует участь, ожидающую неисполнительного раба. Зная волю господина и не следовавший ей будет избит сильнее того, кто не знал и делал достойное наказания (Лука, 12, 47—48). Это уточнение позволяет евангелисту провести еще одну общую мысль о том, что кому много дано, от того много и потребуются (12, 48).

Сравнив две версии притчи, мы можем убедиться, насколько свободно относились их авторы к образной части, легко приспосабливая ее к тем идеям, которые притча должна была воплотить. Тип раба-надсмотрщика, его поведение, как и поведение хозяина, занимали их не сами по себе. Какие бы то ни было оценки, которые выдали бы подобную их заинтересованность, отсутствуют.

О роли образных элементов притч можно судить по притче о рабах и талантах. В каноне это — рассказ, связанный с определенными религиозными идеями, которому, однако, даже если рассматривать его независимо от них, нельзя отказать в известной законченности.

Версии евангелий от Матфея (25, 14—30) и от Луки (19, 12—27) несколько различаются между собой. В евангелии от Матфея речь идет о человеке, отправившемся на чужбину и завещавшем своим рабам состояние. Рабы, получив различные суммы, поступили по-разному. Те, у кого оказалось пять и два таланта, употребив их в дело, увеличили капитал. Тот же раб, которому господин дал один талант, закопал его. Возвратившись, господин наградил первых двух рабов. Выслушав же объяснения третьего («Господин! Я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоившись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое». — Матф., 25, 24—25), он сказал, что рабу следовало бы отдать деньги в рост, чтобы вернуть их с прибылью. В наказание господин повелел отнять у раба талант и отдать его имеющему десять талантов, «ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отни-

²⁸ Матф., 24, 45; Лука, 12, 42.

метса и то, что имеет» (Матф., 25, 29), а самого негодного раба бросить «во тьму внешнюю». В версии евангелия от Луки преобладает несколько иной колорит. Здесь фигурирует человек высокого рода, отправившийся в дальнюю страну, чтобы добыть себе царство. Граждане ненавидели его и вслед за ним выслали посольство, сказав: «Не хотим, чтобы он царствовал над нами» (Лука, 19, 14). Таланты заменены на мины. Благодарность к рабам (Лука, 19, 15) выражается в том, что им отдают в управление города. Однако при разнице в деталях направленность рассказа и заключительные слова господина в обоих канонических евангелиях сходны.

В притче представлен интересный сюжет, обработка которого хранит индивидуальные черты манеры каждого из евангелистов. О происхождении этого сюжета, вернее — той версии его, которая использована в каноне, сказать что-то определенное нельзя. Есть в канонической версии некоторые детали, как будто указывающие на первоначально самостоятельное существование рассказа о рабах и талантах. Быть может, он пользовался популярностью в тех кругах, где с удовольствием слушали обвинения несправедливости господина, исходившие из уст умного раба. Общая сентенция (если она относилась к этому рассказу) могла звучать трагически безнадежно для этих людей и вместе с тем могла восприниматься имущими, господами, как красноречивое утверждение их власти. Но все это только домыслы. К тому же, подчеркнем, домыслы, не имеющие непосредственного отношения к содержанию данного сюжета в рамках евангелий. Ведь евангельский контекст полностью исключает буквальное осмысление этой притчи. Вся притча, как и общая сентенция об имущем и неимущем, встречаемая в Новом завете и вне этой притчи (Марк, 4, 25; Лука, 8, 18), имеют целью констатацию не имущественного неравенства, а неравенства в религиозном смысле, неравенства в шансах на спасение, когда явится сын человеческий.

Притча о рабах и талантах известна не только по каноническим евангелиям. Она дошла и в апокрифическом евангелии от евреев (XXV, 14—30)²⁹. Если в каноне ее версии в существенных моментах одинаковы, то в апокрифе она выглядит иначе. Угроза направлена не против скрывшего талант, а против того, кто распутничал, промотал его. Из трех рабов — спустившего состояние с блудницами, приумножившего его и скрывшего — один прощен, другой лишь порицаем, а третий закован в цепи. Иная установка автора притчи сказалась на обработке образной части. Поведение рабов охарактеризовано по-другому, приговор господина

²⁹ В евангелии от Луки (16, 1—8) эта притча приводится в сильно измененной форме с иной моралью, причем в качестве действующих лиц в ней названы господин, его управитель и должники господина.

также существенно отличается от тѣго, который представлен в каноне.

Сопоставление канонических и апокрифической версий делает наглядной зависимость образной части притчи от общих идей и показывает ту легкость, с которой автор притчи, используя привычный сюжет, мог повернуть его в нужном направлении, руководствуясь соображениями, непосредственно с данным сюжетом не связанными.

В притче о злом рабе (Матф., 18, 23—35) неясно, имеются ли в виду под словами «рабы» подданные царя или собственно рабы. Здесь описаны прощение государем долга рабу и отмена им решения после того, как государь убедился, что прощенный им раб не прощает долгов своим товарищам. Вся сцена подчинена идее, выраженной в словах, следующих за известием об отдаче господином злого раба на истязание: «Так и отец мой небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его» (Матф., 18, 35).

Мы не разбираем здесь двух притч о хозяине виноградника из евангелий и Пастыря Гермы, где рабы выступают в главных ролях, — о них будет сказано в другой связи. Теперь же перейдем к притчам, в которых рабы фигурируют, но на втором плане.

Притча о пире. В ней, по Матфею (22, 2), царство небесное сравнивается с царем, устроившим брачный пир для своего сына. Рабы (22, 3) приглашают на пир, выполняя волю царя. Приглашенные оскорбляют их и убивают. Услышав об этом, царь в гневе истребляет убийц и сжигает их город. Дальше снова говорится о рабах, которые действуют по приказу царя, созывая на этот раз на брачный пир всех, кого нашли на дорогах. Притча, содержащая еще один эпизод о человеке, одетом не в брачную одежду, подводит к выводу, сформулированному в § 14: «Ибо много званых, мало избранных».

В версии, изложенной в евангелии от Луки (14, 16—24), действует один раб, причем эпизоды преследования его со стороны приглашенных и их наказания, так же как и последний эпизод — с человеком не в брачной одежде — отсутствуют.

Первый из опущенных у Луки эпизодов напоминает соответствующую часть притчи о хозяине виноградника³⁰, где рассказано о виноградарях, которые за исполнение воли хозяина виноградника преследовали его рабов и сына-наследника, а затем потерпели суровое наказание. Подмеченное сходство, как и разница в версиях двух канонических евангелий, обусловленная наличием или отсутствием целых сцен, не случайны. Это, как представляется, снова указывает на возможную многосоставность образной части притч. Отдельные элементы образной части могли, видоизменяясь, переходить из одной притчи в другую, по-

³⁰ См. Матф., 1, 33—41; Марк, 12, 1—9; Лука, 20, 9—16; Фома, log. 69.

являться и исчезать в зависимости от того, в каком виде и с какими акцентами хотел автор сформулировать общую идею.

Притча о пире приведена и в апокрифическом евангелии от Фомы (log. 68). Здесь, как и у Луки, фигурирует один раб; эпизод преследования раба и наказания приглашенных, а также сцена с человеком не в брачной одежде отсутствуют. Бóльшая, чем у евангелия от Матфея, близость евангелия от Луки к апокрифу сказывается и в разработке некоторых деталей. У Матфея об отказе от пира званых сказано немного: «Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою» (22, 5); при цовом приказе позвать на пир рабы отправляются на дорогу и собирают «злых и добрых» (22, 10). У Луки подробнее говорится о причинах поведения приглашенных: они ссылаются на конкретные обстоятельства — покупку земли и необходимость осмотреть ее (14, 18), покупку пяти пар волов (14, 19), женитьбу (14, 20). Хозяин, отправляя вторично раба своего, наставляет его: «Пойди скорее по улицам и переулкам города и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых» (14, 21). И хотя резюме у Луки (14, 24) звучит так же, как у Матфея (22, 14), смысл его получается иным: у Луки избранными оказываются последние, у Матфея же — поскольку резюме следует за расправой с одним из наполнивших пиршественный зал злых и добрых, с человеком не в брачной одежде, — оно, очевидно, связано с содержанием этого образа.

В евангелии от Фомы сцена отказа описана еще подробнее, чем у Луки. Мотивируя свои действия, один из приглашенных ссылается на необходимость встретиться с торговцами в связи с денежной ссудой, другой — на покупку дома, третий — на брак своего друга, где должен быть устроителем пира, четвертый — на приобретение деревни и сбор с нее подати. После короткого требования господина — идти на дорогу и привести тех, кто там, — дано резюме, которое на этот раз сформулировано иначе, чем в каноне: «Покупатели и торговцы не войдут в места моего отца».

Разница в версиях очень точно соответствует разнице в общих идеях, которым подчинены притчи. Религиозно-нравственная направленность ощущается в версии Матфея и в рассказе о страданиях рабов и их отмщении, и в делении приглашенных на злых и добрых, и в аллегорическом образе человека не в брачной одежде (т. е. чуждого новому учению). Те же детали были бы неуместны в версии евангелия от Фомы. Все изложенное в ней выдержано в той социально-конкретной плоскости³¹, в которой дан вывод (осуждены лица, связанные с торговлей).

³¹ Заметим, что подобная конкретность присуща в евангелии от Фомы обработке отдельных сюжетов, имеющих и в каноне. Этот апокриф отличается от канона контрастным сочетанием *logia* этого рода с другими — полностью отвлеченного характера.

С другой стороны, в версии евангелия от Луки религиозно-нравственное содержание раскрывается несколько в ином плане, чем в евангелии от Матфея. Здесь избранными оказываются страдающие, что вполне согласуется с отсутствием эпизода с человеком не в брачной одежде.

В притче о блудном сыне (Лука, 15, 11—32) упоминаются рабы, но роль их, как и в притче о добром семени (Матф., 13, 24—30), эпизодическая.

Наконец, в евангелии от Филиппа в притче о владельце дома (Spr., 119) также участвуют рабы. Притча известна лишь по этому недавно открытому в числе хенобоскионских документов апокрифу. Она повествует: «Один владелец дома приобрел все вещи, будь то дитя, будь то раб, будь то скот, будь то собака, будь то свинья, будь то пшеница, будь то ячмень, будь то мякина, будь то трава, будь то кости, будь то мясо и желуди. Он был умный человек и знал пищу каждого. Детям он предложил хлеб и оливковое масло, рабам же — касторовое масло, мясо и муку. А скоту он бросил ячмень, мякину и траву, псам — кости, свиньям же — желуди и хлебные объедки». Образная часть притчи прерывается ее истолкованием. Владелец дома уподобляется ученику господу, который, постигнув свойства души каждого, каждому воздает по заслугам. И снова — иносказательная речь: «Есть много зверей в мире, которые имеют человеческий образ. Если он их познает, он бросит свиньям желуди; скоту же он будет бросать ячмень, мякину и траву; псам он будет бросать кости. Рабам он будет давать прежде всего. Детям он будет давать напоследок». Притча интересна бытовыми подробностями, которые сопровождают сравнение; местом (между детьми и скотом), которое при перечне приобретений домовладельца занимают рабы. Но, разумеется, в этой притче, подобно всем рассмотренным выше, образ реального раба служит не самоцелью, а способом раскрыть совсем иное содержание, коснуться другого вопроса.

Итак, мы изложили ряд притч, персонажами которых являлись рабы. Рассмотрение сцен в контексте, сопоставление разных версий притч позволяет считать, что на образную их часть, в которой, собственно, были представлены рабы, авторы смотрели как на вспомогательную и свободно изменяли ее в зависимости от требований общей идеи. Необходимо постоянно иметь в виду, что, именно формулируя эту идею, автор говорил о наиболее его волновавшем, сознательно отказывался от каких-то представлений или наоборот, принимал их — словом, выражал в полной мере свою индивидуальность. В образной же части он хотел быть понятным аудитории, переходил на ее язык, приспособлял общую идею к уровню этой аудитории. Поэтому несколько не преуменьшая значение образной части притч как источника, позволяющего судить об общих мнениях и вкусах людей данной эпохи, о подробностях быта и жизни их, мы не должны смотреть

на них как на буквальное выражение поставленных автором проблем или, шире, идейных исканий ранних христиан. Рабы в тех притчах, о которых мы говорили выше, были для их авторов чем-то вроде зерна горчичного, «которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Матф., 13, 32). Нужно было поразить воображение — и автор, не смущаясь, рисовал невероятную с точки зрения ботаники картину. И подобно тому, как едва ли верным было бы на основании этой притчи заключить о наличии в евангелии проблемы культивации злаков, столь же сомнительно считать, что упоминание рабов в рассмотренных выше притчах свидетельствует о существовании «рабского вопроса» в идеологии ранних христиан.

Близки притчам по тому месту, которое занимает в них образ раба, более краткие сравнения, приводимые раннехристианскими авторами, чтобы ярче выразить основную мысль. Так, в евангелии от Луки мы читаем: «Никакой слуга не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить богу и маммоне» (Лука, 16, 13; ср. Матф., 6, 24). Более равернутую версию дает евангелие от Фомы: невозможно одному человеку сесть на двух лошадей, стрелять из двух луков и невозможно слуге служить двум господам: или же он будет почитать одного и ненавидеть другого» (log. 52). Невысказанной, однако, остается в апокрифе мысль, ради которой приведен этот образ, о толковании можно только догадываться.

Промежуточное звено между притчей и более лаконично выраженной аналогией составляет следующий отрывок из евангелия от Филиппа: «Раб стремится только к тому, чтобы быть свободным, но не стремится к обладанию имуществом своего господина. Сын же есть не только сын, но он приписывает себе наследие отца» (Srg. 2). Как и притчи, эти и подобные им сентенции³² появлялись в произведениях с назидательной целью — лишь постольку, поскольку они раскрывали какую-то лежащую вне их идею автора, была ли она высказана прямо или подразумевалась.

Чтобы закончить обзор тех упоминаний о рабах и рабстве в новозаветной литературе, которые, тем не менее, нельзя отождествить с «рабским вопросом» как ясно сформулированной проблемой, волновавшей умы ранних христиан, надо сказать о соответствующих местах из Откровения Иоанна Богослова. В эсхатологической картине, нарисованной автором Откровения, трижды названы рабы (6, 15; 13, 16; 19, 18) в контексте, не оставляющем

³² См., например, Поппинг, 105, 8. — «Die Apostolischen Väter», v. I. Berlin, 1956.

сомнения насчет цели, с которой они упомянуты. Когда автор указывает на судьбу, одинаковую для всех, он прибегает к приему развернутого перечисления тех, кто имеется в виду. Ангел снимает шестую печать, происходит великое землетрясение: «И цари земные и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор...» (6, 15). О звере, принявшем образ ангела, сказано: «И он сделает то, что всем малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их» (13, 16). Ангел созывает птиц к сражению воинства небесного и земного: «Чтобы пожрать трупы царей, трупы сильных, трупы тысяченачальников, трупы коней и сидящих на них, трупы всех свободных и рабов, и малых, и великих» (19, 18). Автор Откровения не имеет в виду говорить о рабах как таковых: его перечень — не более, чем дань литературному приему.

Сравнительно многочисленные сведения раннехристианской литературы о рабах не доказывают того, что «рабский вопрос» в качестве социального, т. е., связываемого со сферой общественных отношений, занимал умы ранних христиан. Хотя в приведенных текстах говорится о рабах, сам по себе общественный статус персонажей не привлекал к себе внимания авторов. К существованию рабов они относились как к чему-то извне данному, всякому хорошо знакомому, а потому не требующему пояснений. Когда же речь заходила у них о той градации людей, которую они признавали подлинно важной, решающей, которая, так сказать, исходила от них самих, — социальные деления, в том числе и на рабов и свободных, отступали на второй план.

Отсутствие в новозаветной традиции «рабского вопроса» как вопроса, отражающего определенную социальную программу, вполне естественно; это связано с тем, что раннехристианское учение было ориентировано на перевод проблем внешнего мира (в первую очередь общественно-политических) в плоскость внутренней жизни каждого человека — религиозной и этической³³. Эта принципиальная установка вела к тому, что не только избавление от всех человеческих страданий мыслилось в области религии и этики, но и сам человек воспринимался не как существо социальное, а как религиозно-нравственное прежде всего. Отсюда и те деления людей по религиозно-нравственным признакам, которые мы находим в произведениях ранних христиан и которые кажутся им основными, фундаментальными.

³³ В этом отношении критика А. Гарнаком тех, кто пытается увидеть в Иисусе образ социального реформатора, представляется убедительной и не утратившей своего значения до настоящего времени. См. А. Гарнак. Сущность христианства. — «Общая история европейской культуры», т. V. СПб., стр. 76. См. также W. L. Westermann. *Op. cit.*, p. 2.

Бунт против идейных устоев тогдашнего общества, вызванный к жизни рядом причин чисто социальных, вылился в форму отрицания конечной значимости каких бы то ни было ценностей — социальных или политических. Отсюда как выражение пренебрежительного отношения к месту, занимаемому человеком в обществе, возник принцип деления людей по признаку их приверженности новому учению, их способности во имя него отказаться от любых интересов — семейных, имущественных и т. п. Это деление источники повторяют на разные лады: мы читаем о противоположности тех, кто от мира и кто не от мира (Иоанн, 15, 19; ср. 17, 14—16), живущих по плоти и живущих по духу (Рим., 8, 5)³⁴, детей божьих и детей дьявола (I Иоанн, 3, 10) и т. п. Разные образы отвечают одному содержанию — делению людей на сторонников и противников нового учения. Рубеж проходит между праведниками и грешниками (Матф., 9, 13; ср. Марк, 2, 17; Лука, 5, 32), праведниками и творящими беззаконие (Матф., 13, 43 и 41), праведниками и злыми (Матф., 13, 49).

Эти понятия раскрываются в соответствии с общей религиозно-нравственной направленностью учения. Раннехристианские авторы охотно возвращаются к перечислению тех добродетелей и пороков, которые побуждают относить обладающих ими людей к той или иной группе. «Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное. Предваряю вас, как и прежде предварял, что поступающие так царствия божия не наследуют. Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона» (Галат., 5, 19—23). Такие категории, как «любовь», «согласие», «мир» и др., служат в раннехристианской литературе темой отвлеченных рассуждений, замысловатых изысканий. И хотя однообразные и напыщенные обвинения и похвалы, расточаемые авторами, нередко оставляют впечатление привычных фраз и едва ли даже приблизительно отвечают индивидуальности лица, к которому они относятся, — сложившийся штамп не случаен. Не случайна та религиозно-этическая плоскость, в которой трактуются основные понятия «праведники» и «грешники». Именно она, судя по целому ряду мест Нового завета, была предметом спора между сторонниками учения, связанного с именем Иисуса, и приверженцами господствовавшего направления в иудейской религии.

Но как бы часто ни сталкивались мы в раннехристианской литературе с градацией людей по религиозно-нравственному признаку, нельзя обойти молчанием то обстоятельство, что в тех

³⁴ Ср. также I Кор., 2, 14—15; 3, 1.

же текстах можно встретить вполне конкретные социальные обозначения. Нет ли здесь противоречия сказанному нами о доминирующей роли религиозно-нравственного принципа?

Рассмотрим для примера соответствующие места из синоптических евангелий, где упоминаются мытари — сборщики налогов, профессия которых, сулившая богатство, пользовалась, тем не менее, дурной славой: от мытарей зависели, но смотрели на них с презрением и ненавистью. Мы неоднократно читаем об обвинении Иисуса фарисеями в том, что он друг мытарям и грешникам (Лука, 7, 34), ест и пьет с ними (Матф., 9, 10, 11; Марк, 2, 15—16; Лука, 5, 29—30; 15, 1—2). Первосвященникам и старейшинам народа Иисус с укором противопоставляет мытарей и блудниц (Матф. 21, 31—32). Сборщик податей назван в числе тех, кто последовал за Иисусом (Матф., 9, 9; Марк, 2, 14; Лука, 5, 27—29). Переданный в евангелии от Луки (19, 2—10) эпизод с Закхеем, начальником мытарей и человеком богатым, заканчивается тем, что Иисус обещает спасение дому Закхея. В притче о мытаре и фарисее (Лука, 18, 9—14) мытарь оказывается оправданным.

Налицо, казалось бы, не раз засвидетельствованная симпатия Иисуса к определенному общественному слою, симпатия, как бы прямо говорящая о социальной ориентации основателя учения на имущих. Но вывод этот оказывается совершенно беспочвенным, если внимательно рассмотреть контекст, в котором содержатся упоминания о мытарях. Суть притчи о мытаре и фарисее не в том, чтобы возвысить мытаря как такового, а в том, чтобы показать значение нравственного акта (покаяния), который даже такого грешника, как мытарь, делает выше фарисея, чуждого этому требованию нового учения и остающегося на почве соблюдения обрядов. Та же идея — подчеркнуть роль нравственного перерождения — объясняет присутствие в евангелии от Луки эпизода с Закхеем. Подобным образом и другие места евангелий, где сказано о мытарях в связи с жизнеописанием Иисуса, в конечном итоге подчинены цели не восхвалить мытарей как таковых, в качестве представителей определенной социальной группы, но — с помощью введения хорошо знакомого, конкретного образа — раскрыть один из главных тезисов вероучения, снова вернувшись к основным религиозно-этическим категориям: «праведники» и «грешники» («Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию». — (Марк, 2, 17; ср. Матф., 9, 13; Лука, 5, 32).

Мы говорим о религиозно-нравственном существе раннехристианского учения, опираясь в основном на Новый завет, но, быть может, это — не более, чем творчество позднейших интерпретаторов и редакторов, вольно обошедшихся с первоначальной традицией и внесших в нее принципиально новое содержание? Не на это ли указывают отличающиеся друг от друга формули-

ровки? Не сохраняют ли некоторые из них по недосмотру церковников воспоминание о самом раннем этапе вероучения, совсем не похожем на дальнейшие?

Нагорная проповедь Иисуса, имеющаяся в двух вариантах в Новом завете³⁵, служила в этом отношении несчетное число раз объектом наблюдений. Сопоставляли слово за словом отдельные параграфы, отмечали крупные и мелкие расхождения, строили предположения о той среде, в которой писали евангелисты, о том, какой из вариантов можно назвать более древним. В настоящий момент благодаря находке коптского текста апокрифического евангелия от Фомы поле для сравнений увеличилось. Рассмотрим черты отличия трех редакций некоторых параграфов.

Нагорную проповедь в обоих канонических евангелиях открывают так называемые заповеди блаженства, перечень тех, кому обещано спасение от бога. Выделение этих людей из общей массы, видимо, отвечает кардинальным принципам учения. В евангелии от Матфея мы читаем о нищих духом, плачущих, кротких, алчущих и жаждущих правды, милостивых, чистых сердцем, миротворцах, изгнанных за правду, наконец, о тех, кого ожидают гонения за причастность к проповеди Иисуса (Матф., 5, 3—11). Религиозно-этическое начало ясно обнаруживает себя в каждом из девяти параграфов: блаженство даровано тем, кто наделен наиболее почитаемыми добродетелями или кто является прямым сторонником нового учения.

Несколько иная картина в евангелии от Луки. Здесь вместо нищих духом — просто нищие (6, 20), вместо алчущих и жаждущих правды — просто алчущие (6, 21). Ряд категорий опущен, зато, в отличие от евангелия от Матфея, где обозначен только один член общего деления — те, кто причислен к блаженным, в евангелии от Луки есть и второй член: «Напротив горе вам, богатые. Ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! Ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! Ибо восплачете и возрыдаете. Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! Ибо так поступали с лжепророками отцы их» (6, 24—26).

С евангелием от Луки перекликается апокриф. В нем нагорная проповедь в целом отсутствует; есть, однако, отдельные изречения, напоминающие ее. Так, в евангелии от Фомы мы читаем: «Иисус сказал: Блаженны бедные, потому что ваше — царствие небесное» (log. 59). «Иисус сказал: Блажен человек, который страдал. Он нашел жизнь» (log. 63); «Иисус сказал: Блаженны вы, когда вас ненавидят, когда вас преследуют и не найдут места, где вас преследовали» (log. 72). «Иисус сказал: Блаженны те, которых преследовали в их сердце; это те, которые

³⁵ Матф., 5, 3 слл.; Лука, 6, 20 слл.

познали отца воистину. Блаженны те, которые голодны, потому что они наполнят свой живот по своему желанию» (log. 73).

Нищие, бедные, голодные, жаждущие и алчущие, преследуемые — это категории иного порядка, чем те, которые мы видели в евангелии от Матфея. Не указывают ли они на то, что первоначально в христианстве преобладала обнаженно социальная постановка вопросов, лишь впоследствии вытесненная моральной?³⁶ В настоящий момент нам представляется, что дело обстоит несколько иначе.

Оба основных варианта проповеди подчинены одной задаче — охарактеризовать тех, кто, согласно новому учению, мог быть причислен к блаженным. Эта характеристика построена на высказанном прямо (евангелие от Луки, апокриф) или подразумеваемом (евангелие от Матфея) противопоставлении блаженных — тем, чья участь иная. Характер связи людей с миром определяет оба основных деления. В рассмотренных выше отрывках нагорной проповеди евангелия от Луки и евангелия от Фомы отражено деление людей по признаку отношения к ним этого мира, их места в нем. Мир осужден — это ясно из того, что все, кто в нем обделен, кто не пользуется его ценностями, на этом основании обладают преимуществом в новой религии, отнесены к блаженным. Но характер связи людей с миром лежит в основе не только этого деления. Не отношение мира, но отношение к миру — принцип деления, прослеживаемого в нагорной проповеди евангелия от Матфея. Ведь здесь, где все построено на том, принято ли новое учение, выполняются ли диктуемые им нравственные догмы, выражено в сущности определенное отношение к тому же миру, отрицательная реакция на него, на господствующие в нем нормы поведения.

Таким образом, в основе сформулированного в обоих вариантах нагорной проповеди деления людей лежат отношения избранных и мира, освещаемые с разных сторон³⁷. Но сохранившиеся образцы нагорной проповеди близки друг другу не только этим, не только равно отрицательной реакцией на мир. Мы отмечали, что презрение к ценности мира выразилось в евангелии от Матфея в религиозно-нравственной форме. Думается, что деление, представленное у Луки и у Фомы, не противоречит этому. И здесь протест против установленных в мире норм в конечном счете переносится из сферы социальной в моральную. Страдание как известное нравственное состояние, как переживание человека,

³⁶ Дань такому толкованию отдал и автор настоящей работы в статье «Из истории идеологии II века до н. э.» (ВДИ, 1962, № 4, стр. 84).

³⁷ Что оба принципа деления не противоречили друг другу, доказывает их совмещение в таком раннехристианском сочинении, как *Didache*. Мы читаем в нем: «Пусть душа твоя не привязывается к гордецам, но обращается среди праведников и бедняков» (III, 9). Праведники и бедняки воспринимаются автором *Didache* как нечто единое.

свидетельствующее о враждебности к нему мира,— именно оно заставляло выделять нищих, бедных, голодных и пр. Важно не то, что новозаветные авторы в своих сочинениях упоминали те или иные социальные группы. Ради чего они делали это, был ли социальный план первым, отвечавшим конечному авторскому замыслу, или второстепенным,— вот что чрезвычайно существенно для характеристики раннехристианской системы идей в целом.

То обстоятельство, что религиозно-этический план—ведущий, обнаруживает себя в странном, на первый взгляд, но часто повторяющемся в наших источниках перечислении в качестве категорий одного порядка нищих, увечных, хромых, слепых, узников, вдов, сирот³⁸. Неоднородность составляющих частей в социальном, семейном, физическом отношениях бросается в глаза. Есть только одно общее качество, присущее всем этим группам: они относятся к категории страдающих. Конкретные социальные термины не должны вводить нас в заблуждение: называя те или иные общественные группы, авторы связывают их не с социальными, а с религиозно-этическими проблемами. Когда же мы встречаем выражения, в которых прямо не раскрыто, о ком идет речь (как, например, «трудящиеся и обремененные» — Матф., 11, 28), тем более опасно толковать их только в одном, социальном смысле.

Несколько смутные, как кажется сначала, формулировки, в которых упоминания о жертвах социальной несправедливости перемежаются с упоминаниями о калеках, вдовах, сиротах, появились не потому, что четкие социальные определения были стерты, заменены нейтральными, а потому, что эти расплывчатые в социальном плане обобщения вполне последовательны с точки зрения их религиозно-этического содержания. Уход же от политики в область религии и этики, формирование новой системы ценностей были сами по себе, как мы не раз уже говорили, формой социального протеста. Но поскольку социальные убеждения раннехристианских авторов заявляли о себе не языком политических программ, а в преобразованной форме религиозно-нравственных поисков, мерить последние той меркой, с какой мы подходим к политическим программам, вряд ли правильно, как, видимо, неверно во всем, где нет строгого соответствия принципам социальной и политической классификации, видеть непременно порчу текстов или компиляцию. На почве общественных антагонизмов родился, например, следующий отрывок из I послания к коринфянам: «Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных. Но бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых; и немощное мира избрал бог, чтобы

³⁸ См., например, Лука, 4, 18; 14, 13 и 21; 7, 22; *Ignatius. Smirnaeis*, VI, 2.

посрамить сильное; и незнатное мира и униженное и ничего не значащее избрал бог, чтобы упразднить значащее» (I, 26—28). Но если «сильные», «благородные» и пр. мы будем толковать как обозначение конкретных социальных категорий, мы безнадежно ошибемся.

Пожалуй, наиболее ярким примером того, как вопрос социальный превращался в умах ранних христиан в вопрос этический, может служить вопрос о богатстве и бедности. Переданный во всех синоптических евангелиях и апокрифе — евангелии от евреев — рассказ о богатом юноше заканчивается осуждением богатства. Это высказано Иисусом в форме запоминающейся и лаконичной: «Как трудно имеющим богатство войти в царствие божие! Ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царствие божие» (Лука, 18, 24—25; ср. Матф., 19, 23—24; Марк, 10, 24—25). Притча о нищем Лазаре и богаче (Лука, 16, 19—31), повествующая о том, как, умерев, нищий был взят на лоно Авраамово, богач же обречен мучиться, звучало неумолимым приговором над богачом, отделенным от Лазаря непроходимой пропастью. Общие сентенции, направленные против богатства, которые в изобилии встречаются в новозаветной литературе, сопровождают призывы к богатым раздавать милостыню, отказываться от своего имущества. Казалось бы, на сей раз налицо не только остро поставленная социальная проблема, но и достаточно определенно намеченный в рамках реальной жизни путь ее разрешения. Но несмотря на то, что именно так, вероятно, нередко воспринимала данную проповедь ранних христиан их аудитория, несмотря на то, что и в дальнейшем тексты, обличающие богачей, становились лозунгами тех, кто видел свою цель в социальных переменах, — собственно в рамках раннехристианской системы идей все эти и подобные им выражения означали иное.

Слова из евангельского рассказа о богатом юноше, что трудно богатому войти в царствие небесное, следуют за реакцией этого юноши на совет Иисуса, как достичь совершенства. Узнав от юноши, что он следует пяти ветхозаветным заповедям, Иисус сказал ему: «...все, что имеешь, продай, и раздай нищим, а будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за мной. Он же, услышав сие, опечалился, потому что был очень богат»³⁹. Если не упустить связи последующей реплики Иисуса⁴⁰ с этим текстом, нетрудно заметить, что смысл ее — не в том, чтобы осудить богачей как таковых. Ее цель — указать, что богатство, будучи пределом человеческих стремлений, — помеха на пути внутреннего совершенствования людей. Об этом говорят и встречаемые несколько дальше у синоптиков слова Иисуса о вознаграж-

³⁹ Лука, 18, 22—23; ср. Матф., 19, 21—22; Марк, 10, 21—22.

⁴⁰ Лука, 18, 24—25; ср. Матф., 19, 23—24; Марк, 10, 24—25.

дении вечной жизнью тех, кто способен во имя него оставить дом, семью, землю⁴¹.

Толкование притчи о сеятеле, также содержащейся у синоптиков, дано в том же ключе. Семя, упавшее в тернии, уподоблено в ней слову божью. Его слушают те, которые, «отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода»⁴². Снова богатство отвергается за то, что оно наряду с другими жизненными интересами может отвлечь человека от служения новому учению.

Та же мысль выражена в I послании к Тимофею (6, 9—10), где речь идет о желающих обогащаться. Они «впадают в искушение, и в сеть, и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и в пагубу. Ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям».

Осуждение любостяжения служит темой притчи о богатом человеке, собравшем хороший урожай. Эта притча, открывавшаяся прямым предостережением: «...берегитесь любостяжения, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имущества» (Лука, 12, 15), подчинена стремлению доказать эфемерность земного богатства.

Призыв к богатым невысоко думать о себе и уповать не на неверное богатство, а на бога, дающего все обильно для наслаждения, находим мы в I послании к Тимофею (6, 17). Мысль о суетности богатства как такового повторяется в новозаветной литературе многократно⁴³.

Как бы другой стороной отрицания богатства в качестве конечной цели человеческого существования кажется требование, предъявляемое к богачам: благотворить, раздавать свое имущество в виде милостыни беднякам. Подобно тому, как богатство расценивается с точки зрения влияния его на внутренний строй человека и сурово осуждается за то, что способно отвратить его от служения более высоким целям, милостыня рассматривается в первую очередь не как средство улучшить условия жизни неимущего, принимающего ее, а как путь нравственного совершенствования подающего.

Типичен в этом отношении тот же рассказ о богатом юноше, где раздача имущества рассматривается только под одним углом — как освобождение от мирских обязанностей. Крайнее выражение этого взгляда на богатство — только в плане воздействия его на духовные качества субъекта, располагающего им, — мы находим в евангельском рассказе о бедной вдове. Речь здесь идет, правда, не о милостыне бедным, а о даре в сокровищницу храма, но суждение, высказанное при этом, имеет более общее значение.

⁴¹ Лука, 18, 29, 30; Матф., 19, 29; Марк, 10, 29—30.

⁴² Лука, 8, 14; ср. Матф., 13, 22; Марк, 4, 18—19.

⁴³ Лука, 9, 25; ср. Матф., 16, 26; Марк, 8, 36; Иаков, 1, 9—11 и др.

Сравнив богатые дары, положенные богатыми, с друмя лептами бедной вдовы, Иисус, как сказано в евангелиях, заметил своим ученикам, что бедная вдова положила больше всех клавших в сокровищницу: «Ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила все, что имела, все пропитание свое»⁴⁴.

Вопрос о богатстве и бедности, о милостыне, раздаче имущества, когда мы вчитываемся во многие тексты, трактующие его, не воспринимается в качестве социальной проблемы. Он предстает в виде вопроса религиозно-этического, который по характеру постановки не выпадает из рамок раннехристианской системы идей в целом. Настоятельно звучит призыв благотворить безвозмездно (например Лука, 14, 12—14), но не ради тех, кто нуждается в помощи, а для того, чтобы подающие могли представить доказательство своей приверженности новому учению, веры в воздаяние от бога, продемонстрировать безразличие к принятым в мире ценностям как к самостоятельно значимым. Снова протест против окружающего мира выражается в форме отказа принять его основные ценности. Очевидно стремление убедить, что такая ценность, как, например, богатство, сама по себе — ничто и приобретает какое-то значение лишь в связи с духовной эволюцией человека.

Не случайно, что как бы пространно и красноречиво ни осуждали богачей новозаветные писатели, их критические замечания, их терминология довольно неопределенны с точки зрения конкретных социальных условий. Это понятно, поскольку то, что кажется малоудовлетворительным для использования в целях социально-политической борьбы, достаточно ясно и сильно, если иметь в виду воздействие на внутренний склад человека, его мораль.

Естественно, однако, что обличение богачей, смысл которого в раннехристианской системе мы пытались уяснить, современники далеко не всегда воспринимали только как проповедь с моральными целями. Какой была реакция слушателей, мы не знаем. Но по тому, какую форму приобретал иногда традиционный сюжет осуждения богатства, можно предполагать, что и разрабатывавшие его авторы, видимо, если и не забывали об отвлеченно-нравственных задачах проповеди, все же прибегали к образам, отражавшим картины реальной нужды, бесправия простого люда. Вот как обрабатывался в евангелии от евреев известный сюжет о богатом юноше: Иисус усовещает богача, говоря, что многие братья его, сыны Авраамовы, умирают голодной смертью в навозных кучах, дом же его полон всяческого добра, и ничто оттуда не перепадает беднякам. А вот, как видно, один и тот же текст, вошедший в послание Варнавы и в Дидахе. Он содержит гневное обличение преследующих воздаяние, не подающих нище-

⁴⁴ Марк, 12, 44; ср. Лука, 21, 4.

му, не трудящихся за измученного трудом, отвернувшихся от нуждающегося, мучающих гонимого, утешителей богатей, несправедливых судей бедняков, исполненных греховности⁴⁵. Хотя проповедь в целом выдержана в присущей раннехристианским авторам довольно обобщенной манере, бесстрастное отвержение богатства уступает место живому состраданию к угнетенным и ненависти к их притеснителям.

Симпатия к беднякам, желание улучшить их жизнь, несмотря на то, что бедность — добродетель перед богом, дают знать о себе в Пастыре Гермы, где тема богатства и бедности — одна из ведущих (17, 2 слл.; 45, 1; 51, 5 слл.; 97, 1 слл.; 107, 4—5, 114, 2 слл.). Мы бы ошиблись, увидев в призывах, к благотворительной деятельности, с которыми автор не раз обращается к богатым, только один смысл — избавиться от искушения. В Пастыре содержится пространное рассуждение о гармоничном сочетании интересов богатых и бедных (51, 5 слл.): богатые и бедные нуждаются друг в друге, бедным необходима материальная поддержка со стороны богатых, богатым же — молитва бедных, которой они сильны перед богом и которой могут оплатить полученное. Правда, хотя милостыня рассматривается здесь не только как путь нравственного совершенствования для подающих ее, но и как необходимая помощь беднякам, самая мысль о том, в чем и как примиримы интересы богатых и бедных, непосредственно связана с основными положениями раннехристианского учения. Вера в воздаяние от бога служит основой, на которой строится эта гармония (51, 5 слл.). Требование вырвать бедняка из нужды диктуется тем, что, доведенный до отчаяния, он может лишиться себя жизни, и тогда богатч несет ответственность за его кровь — помощь бедному превращается, как мы не раз уже видели, в моральную проблему, стоящую перед богачом (114, 2 слл.).

Все, что говорилось о религиозно-этических принципах ранних христиан, о том, как определенные общественные отношения трактовались ими в качестве второстепенных и приобретали известное значение лишь постольку, поскольку могли оказать воздействие на мораль человека, заставляет считать естественным их общее представление об отношении религиозных ценностей к социальной дифференциации, в частности к делению людей на рабов и свободных. Трижды в посланиях апостола Павла мы встречаемся с одной и той же мыслью хотя и несколько по-разному выраженной: I Кор., 12, 12—14: «Ибо как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос. Ибо все мы одним духом крестились в одно тело, иудеи или эллины, рабы или свободные, и все напоены одним духом. Тело же не из одного члена, но из многих»; второй раз — Гал., 3, 26—28: «Ибо все вы — сыны божии по вере

⁴⁵ Didache, V, 2; ср. Ep. Barnabae, XX, 2. — «The Apostolic Fathers», v. 1.

во Христа Иисуса; все вы, во Христе крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже ни иудея, ни эллина⁴⁶; нет раба, ни свободного, нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе»; третий раз — «А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу создавшего его, где нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и все всем Христос» (Кол., 3, 8—11).

Эти тексты очень ясно отразили то, как ранние христиане воспринимали отношение пропагандируемой ими религии к любым социальным различиям. Провозглашенное равенство было равенством только в религиозной области и отнюдь не означало требования уравнивать людей в их общественных и политических правах. Чтобы не исказить позицию ранних христиан в этом случае, мы не должны упускать из виду характер декларированного в посланиях равенства. По отношению к религиозным ценностям, которые ранние христиане считали конечными в жизни человека, единственно сулившими ему спасение, они стояли за равенство, пренебрегая социальными и другими преградами между людьми.

О том, что уход от общественно-политической борьбы в сферу религии и этики был формой социального протеста, уже говорилось выше. Протестом было отстаивать в этой сфере прямо противоположные общепринятым принципы отношений между людьми. Идея равенства, равенства в главном, как утверждали раннехристианские проповедники, была по душе всем тем, кто чувствовал себя ущемленным, кто испытывал на себе последствия социального, политического, культурного, религиозного неравноправия.

Путь спасения, путь завоевания новых ценностей мыслился в религиозно-нравственном совершенствовании человека. Этот путь и по форме и по существу являлся также выражением протеста; он был прямо противоположен путям, усвоенным в тогдашнем обществе. По форме — потому, что духовное развитие человека, его самосознание, нравственная эволюция ставились выше деятельности, направленной на внешние цели. По содержанию — потому, что в этой внутренней сфере культивировались как раз те качества, которые должны были принизить значение богатства, знатности, славы — всего того, что, приобретя конкретную форму, становилось жизненной целью многих людей, населявших империю.

Но как ни возвеличивали ранние христиане религиозно-нравственную сторону в человеческом существовании, как ни стреми-

⁴⁶ В греческом тексте: ο ὅδε ἔλλην; в цитируемом нами русском переводе: «ни язычника».

лись убедить в ее доминирующей роли по сравнению с общественно-политической деятельностью, живя в империи, будучи связанными бесчисленными нитями с римским государством, его институтами, установлениями, они не могли следовать своей программе религиозно-нравственного совершенствования иначе, как выработав вполне определенный модус поведения по отношению к современному строю, обществу, обычаям и пр. Этот вопрос, вопрос о том, как в условиях социального, политического и другого неравенства людей реализовать их всеобщее право на религиозное спасение, был принципиально иным, чем первый — о том, на кого это право распространяется. Разница между ними в сущности сводится к разнице между вопросами: «кто?» и «как?» (кто может спастись и как может спастись?) Отвечая на первый вопрос, все без исключений ранние христиане отнюдь не предрешили тем самым своей позиции по отношению ко второму вопросу. Провозглашение равенства людей в праве на спасение нельзя смешивать с тем ответом, который должны были дать и давали ранние христиане на вопрос, как вести себя в чуждом их религиозным идеалам, но реально существовавшем и ежечасно вторгавшемся в их жизнь мире, как вести себя по отношению к постоянно дававшим знать о себе социальным перегородкам, по отношению к реальному делению на рабов и свободных. И в своем парадоксально звучащем ответе на этот вопрос — проповеди покорности — они оставались верны как духу презрения к окружавшему их миру, так и выбранной по контрасту с ним религиозно-этической арене борьбы.

Мы подошли к наиболее сложной проблеме, которую ставит перед нами система идей ранних христиан, к толкованию тех мест в наших источниках, в первую очередь в Посланиях, которые дали возможность одним — превратить раннехристианское учение в орудие эксплуатации, другим — воспринимать раннее христианство именно в качестве этого орудия, третьим — предполагать пропасть между евангельской формой учения и Посланиями. Мы не случайно отнесли эту проблему к концу исследования, так как хотели подготовить читателя знакомством с некоторыми особенностями системы в целом к нашему пониманию этой проповеди. Наше глубокое убеждение состоит в том, что сколько-нибудь верно понять историческое значение этой проповеди, понять то, что означала она в момент своего возникновения, в сочинениях, где была первоначально запечатлена, нельзя вне представления о раннехристианской системе идей в целом. Именно это представление должно стать руководящим при анализе проповеди, должно помочь избежать ложных умозаключений, подсказанных эволюцией, которую претерпела проповедь покорности в дальнейшем.

В самом деле, что как не чувство глубокого разочарования испытывает человек, читая — после знакомства с цитированными

отрывками из Посланий (I Кор., 12, 12—14; Гал., 3, 26—28; Кол., 3, 8—11) — в I Петр., 2, 18: «Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым»; в Кол., 3, 22: «Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти»; в Эфес., 6, 5: «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти»⁴⁷; наконец, обнаруживая в Рим., 13, 1—4 ту же идею беспрекословного повиновения, выраженную в самой общей форме?⁴⁸ Что как не ощущение недоумения появляется от, казалось бы, столь вопиющего противоречия, пропущенного многочисленными редакторами Нового завета, составные части которого, прежде чем были канонизированы, тщательно изучались и отбирались отцами церкви? Но именно эта явная нелепость и должна удержать нас от слишком быстрых выводов, заставить задуматься: не принимаем ли мы за противоречие то, что в действительности им не являлось?

Прежде чем приступить к интерпретации проповеди покорности, отраженной в Посланиях апостола Павла и некоторых апостолических посланиях, постараемся ответить на вопрос, содержат ли евангелия отмеченное противоречие или оно присуще только Посланиям. То, что мы условно называем противоречием, есть в евангелиях, хотя и совсем в ином виде, чем в Посланиях. Разница в форме раннехристианской проповеди в евангелиях и Посланиях сказалась и тут. В евангелиях мы не найдем той отточенной формулировки равенства с упоминанием рабов и свободных, которая есть в Посланиях. Зато весь рассказ о миссии Иисуса служит как бы иллюстрацией идеи равенства людей перед лицом провозглашенного Иисусом учения. Нет в евангелиях и проповеди покорности в форме, в которой бы страстность, доходящая до исступления, сочеталась с доводами чисто рассудочного характера. Вместо этого — два эпизода⁴⁹, подчиненных задаче продемонстрировать лояльность к властям основателя учения, а также рассказ о страданиях Иисуса, возвеличивающий сознательное нежелание Иисуса оказать сопротивление тем, кто обрек его на мучения и гибель.

Таким образом, было бы едва ли верно только на том основании, что в евангелиях и Посланиях форма проповеди не сходна (конкретно-образная и отвлеченная), считать разным и

⁴⁷ См. также Тит., 2, 9; I Тим., 6, 1.

⁴⁸ «(1) Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от бога; существующие же власти от бога установлены. (2) Посему противящийся власти противится божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. (3) Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу за нее. (4) Ибо начальник есть божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он божий слуга, отмститель в наказание делающему злое».

⁴⁹ Матф., 22, 17—21, ср. Марк, 12, 14—17 и Лука, 20, 21—25, а также Матф., 17, 24—27.

идейное содержание этих частей Нового завета. Поэтому, найдя объяснение смущающим видимой своей противоречивостью утверждениям в Посланиях, мы можем распространить это объяснение *mutatis mutandis* и на евангелия. Итак, рассмотрим это противоречие на основании текстов Посланий, где о нем можно судить на основании более четких по сравнению с евангелиями формулировок, более определенно расставленных акцентов. Вернемся снова к цитированным отрывкам, где речь идет о равенстве рабов и свободных, чтобы, перебрав одно за другим те звенья в цепи рассуждений, которые приводят раннехристианских авторов к проповеди покорности, увидеть внутреннюю связь идей.

Как уже говорилось, провозглашенное равенство было равенством в праве людей, на спасение, без различия в их социальном положении. Спасение мыслилось не в сфере изменения внешних условий жизни, а в сфере религиозно-этической. Путь спасения предполагал для всех: 1) отказ от того, чтобы на эти внешние условия смотреть как на конечные ценности в жизни человека; 2) веру в воздаяние от бога. Иначе говоря, веру в то, что в религии могут быть найдены конечные ценности, что в религии получают окончательное разрешение все проблемы, в том числе и проблемы, связанные с внешним миром, которые надо постоянно расценивать как подчиненные религии. Это могло быть реализовано при полном смирении по отношению к внешним обстоятельствам жизни, благоприятны они или нет. Смирение, по мнению ранних христиан, больше, чем сопротивление, служило, с одной стороны, доказательством безразличия к этим обстоятельствам как к таковым, с другой же — становилось с помощью нравственного самосовершенствования путем спасения, достижения подлинных ценностей — религиозных.

С этим связана проповедь непротивления внешним обстоятельствам жизни, распространявшаяся одновременно и на рабов, и на господ. Повсюду в Посланиях, где она отражена, мы находим ее связанной с представлением о боге. Покорность — во имя служения богу, с верой в воздаяние от него. Рабам: Кол., 3, 22 — 25: «(22) Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но от души, боясь бога. (23) И все, что делаете, делайте от души, как для господ, а не для человеков, (24) зная, что в воздаяние от господ получите наследие; ибо вы служите господа Христу. (25) А кто неправ поступит, тот получит по своей неправде; у него нет лицепрятия». Господам: Кол., 4, 1: «Господа, оказывайте рабам должное и справедливое, зная, что и вы имеете господ на небесах»⁵⁰. Рабам: Эфес., 6, 5 — 8: «(5) Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и

⁵⁰ Ср. Didache, IV, 10; Ep. Barnabae, XIX, 7.

трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, (6) не с видимой только услужливостью, как човекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, (7) служа с усердием, как господу, а не как человекам, (8) зная, что каждый получит от господина по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный». Господам: *Эфес.*, 6, 9; «И вы, господа, поступайте с ними так же, умеряя строгость, зная, что и перед вами самими, и над ними есть на небесах Господь, у которого нет лицемерия».

В *I Кор.*, 7, 20—24 мы снова читаем о равенстве в праве на спасение. Это осуществляется в том, что всякий может спастись, независимо от его звания, раб он или свободный, обрезанный или необрезанный. Более того, он будет спасен, только если не будет стремиться выйти из своего звания, если не станет преследовать эту цель как таковую. «(20) Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучше воспользуйся. (22) Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов. (23) Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков. (24) В каком звании кто призван, братья, в том каждый и оставайся перед Богом». Форма, в которой выражен совет стать свободным, говорит не о нежелании его автора быть определенным в этом вопросе, а о стремлении его убедить тех, к кому он обращается, не смотреть на освобождение как на конечную жизненную цель, заставить поверить, что этот вопрос играет подчиненную роль в преследовании более общей цели — спасения путем внутреннего совершенствования⁵¹.

О том, что поучения в *Кол.*, 3, 22—4, 1 и *Эфес.*, 6, 5—9 не были попыткой поставить «рабский вопрос» как самостоятельную социальную проблему, говорит, помимо прочего, контекст, в котором эти поучения содержатся. Сначала речь идет о взаимном долге жен и мужей, детей и родителей, после этого — рабов и господ. Иначе говоря, речь идет о конкретизации нравственных обязательств, налагаемых на людей новым учением, а не о поисках решения социальной проблемы.

Еще острее суть проповеди покорности была выражена в текстах, содержащих похвалу несправедливому страданию. «(18) Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым. (19) Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо. (20) Ибо что за похвала, если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите,

⁵¹ Этот же подход к вопросу об освобождении, с той только разницей, что речь обращена не к рабу, а к его хозяину-христианину, отражен в *Филим.*, 1, 10—21.

это угодно богу» (I Петр., 2, 18—21)⁵². Этому призыву близка по смыслу евангельская проповедь «любите врагов ваших» (Матф., 5, 44; Лука, 6, 27), так же как и требование, высказанное в Рим., 12, 14: «Благословляйте гонителей ваших, благословляйте, а не проклинаяте». Вера в воздаяние от бога определяет логически эти поучения. Она скрепляет моральные правила ранних христиан, она объясняет, ради чего человек должен терпеть, сносить без сопротивления любые невзгоды.

Тема повиновения властям разрабатывается в Рим., 13. Здесь основное внимание уделено связи положения о необходимости быть послушным всякому начальству с общим представлением ранних христиан об отношениях бога и человека, бога и мира. Понять § 1—4 гл. 13 из Послания к римлянам Павла нельзя вне текста, в который эти параграфы включены. В § 1 выражена мысль о божественной сущности мироустройства («...нет власти не от бога...»)⁵³. Отсюда возникает тезис о необходимости смиряться перед властью («Посему противящийся власти противится божию установлению» — § 2), ибо начальник есть исполнитель воли бога (§ 4)⁵⁴. Осознание того, что земные вопросы, в том числе вопрос послушания властям, причастны к общей проблеме отношения человека к богу, должно побудить к повиновению не только из страха наказания, но и по совести (§ 5). Центральная идея проповеди сформулирована в § 7 и 8 гл. 14: «(7) Ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя, (8) А живем ли — для господ живем; умираем ли — для господ умираем: и потому живем ли или умираем — всегда господни».

Обращая внимание на связь § 1—4 гл. 13 с предыдущим и последующим текстом, мы убеждаемся, что их содержание ни в коей мере не чуждо тому общему духу раннехристианской проповеди покорности, о котором неоднократно говорилось выше. Разница не в существе проповеди, а в особенностях того, как развивается тема. Выдвинутая на первый план идея божественности миропорядка⁵⁵ напоминает мысли стоиков о мировой гармонии. Это совпадение не удивительно. Ведь раннехристианские проповедники, пропагандируя учение в самой различной среде, должны были к ней принаравливаться и не могли не испытывать на себе ее влияния. Следы этого духовного воздействия мы постоянно обнаруживаем и в Новом завете, и в сочинениях отцов церкви, и в апокрифах. Оно особенно часто дает знать о себе в тех пунктах, в которых раннехристианская система

⁵² Ср. I Кор., 6, 7; II Кор., 11, 20.

⁵³ Ср. Кол., 1, 17.

⁵⁴ Сходную постановку вопроса мы находим и в I Петр., 2, 13—17 о необходимости для господ быть покорным всякому человеческому начальству — царю ли, или правителям. См. также I Фессал., 4, 3.

⁵⁵ Ср. *Клим. Рим.*, I Кор., XX.

идей оказывалась близкой к другим современным ей философским и религиозным системам. Но важным представляется не самый факт близости или даже заимствований из нехристианской литературы, а то, ради чего наши авторы к этому прибегали, иначе говоря, та функция, которую эти изъятые из других зданий кирпичи должны были выполнить в новом сооружении — раннехристианской религии.

Мы пытались показать тот путь рассуждений, которым ранние христиане смогли прийти от мысли о равенстве людей перед лицом религии к проповеди покорности, к идеализации безропотного подчинения. Мы полагаем, что если смотреть на эти два положения как на положения разного порядка, отвечающие на разные вопросы,⁵⁶ то едва ли останется возможность признавать их противоречащими друг другу. Но, говоря о разной роли их в общей системе идей, мы хотели бы обратить внимание на то, что, занимая в логическом отношении разные ступени, по своей исторической значимости они были в известной мере одинаковы. Это вполне естественно, поскольку, рассматривая проповедь покорности не как нечто самостоятельное и противоречащее остальному учению, а как звено в общей цепи рассуждений, как часть всей системы, мы должны распространить наше суждение о значимости системы в целом и на ее часть. Одинаковым протестом против привычных представлений звучали обещание равенства в религии и проповедь покорности. Настаивая на том, что смирение перед земными властями означает служение высшим ценностям, победу над давящими условиями обыденного существования, ранние христиане обнаруживали, с какой целью и кому предназначалась их проповедь. Жертвы строя — в самом широком смысле слова — могли найти в раннем христианстве выход как своей враждебности настоящему, так и неверию в возможность радикальных перемен в мире в будущем. В форме переосмысления привычных ценностей, в форме утверждения новой точки зрения на человека, его место в мире, его поведение в нем получала свое разрешение неудовлетворенность людей господствующими порядками во всех сферах жизни.

Не может быть названа случайной по отношению к основному содержанию новой религии вера ранних христиан в то, что бог, сделавшись подобным людям, принял образ раба (Филип., 2, 7). Не случайно возвеличена смерть Иисуса на кресте как раба. Не случайно, наконец, то, что в некоторых из притч героизируются именно рабы. Их рабский статус, в отличие от притч, рассмотренных раньше, видимо, не безразличен основной идее притчи.

В притче о хозяине виноградника⁵⁷ на долю рабов (или раба)

⁵⁶ См. стр. 256 сл.

⁵⁷ Матф., 21, 33—41; Марк, 12, 1—9; Лука, 20, 9—16.

выпадает страдательная роль. Виноградари их (или его) избивают и уничтожают. Хозяин виноградника посылает за плодами своего сына-наследника, с которым виноградари расправляются таким же способом. За это хозяин подвергает жестокому наказанию виноградарей, а виноградник передает другим. Эта притча была введена не только во все синоптические евангелия, но и фигурировала в апокрифической литературе (евангелие от Фомы, log. 69). Заметим, что сын-наследник, под которым подразумевают Иисуса, разделяет судьбу пострадавших рабов хозяина виноградника.

В Пастыре Гермы также есть притча о хозяине виноградника⁵⁸, но изложена она иначе. Притча в сюжетном отношении распадается на две части. Первая посвящена деятельности раба на винограднике во время отсутствия господина, вторая — поведению раба на пиру. Притча снабжена подробным толкованием, из которого, помимо прочего, следует, что хозяин виноградника — это творец, раб — сын божий, а виноградник — народ, насаженный богом. Автор передает вымышленную им беседу с пастырем, который, по его словам, рассказал ему притчу. На вопрос автора, почему сын божий представлен в образе раба, пастырь ответил, что хотя он и представлен в образе раба, но имеет великое могущество и власть. Далее пастырь пояснил свою мысль: сын, много потрудившись и пострадав, очистил грехи своего народа и показал ему путь жизни.

Тот факт, что, раскрывая наглядными средствами суть нового учения, ранние христиане использовали образ раба как наиболее выразительный, видимо, имеет прямое отношение к одному из тех явлений в жизни общества, которые способствовали рождению этой религии. О том, что противоречие между рабами и свободными оказало несомненное влияние на формирование нового учения, говорит и нашедшая свое многократное отражение спиритуализация отношений рабства.

В соответствии с основной тенденцией раннехристианского учения, направленной на то, чтобы отвлечь внимание от проблем внешнего мира и сосредоточить его на внутренней жизни человека, спиритуализация означает попытку переосмыслить реально существовавшие в этом мире отношения, отыскать их в религии и этике. С помощью спиритуализации ранние христиане пытались снять не только социальные конфликты. Самые общие проблемы бытия, например вопрос о жизни и смерти, они трансформировали таким образом.

Среди вопросов, постоянно подвергавшихся спиритуализации, одно из первых мест занимает вопрос о свободе и рабстве. Множество понятий, так или иначе касающихся проблемы рабства, приобретали в раннехристианской литературе новый смысл. Раб-

⁵⁸ Ποιμήν, v, 55, 2 сл.

ство, рабы, отпущенники, свобода, свободные, порабощение, выкуп, освобождение — этими, как и подобными им словами, пестрят наши источники. При всем разнообразии контекстов, в которых встречаются одни и те же термины, при всем несходстве содержания, им отвечающего, можно все же выделить более или менее устойчивый комплекс представлений и образов, связанных с по-новому интерпретируемыми в раннехристианской литературе понятиями «рабство» и «свобода».

Несчетное число раз повторяются выражения «раб божий» (соответственно «раб Христов») по отношению к последователям нового учения. С другой стороны, та же группа терминов «раб», «рабство» и др. очень часто наполняется совсем иным содержанием: речь идет о «рабах дьявола»⁵⁹, «рабах смерти»⁶⁰, «рабах похотей»⁶¹, «рабах греха»⁶² и т. п. Понятие «свобода» связывается с представлением о познании истины⁶³. Вместе с тем путь к свободе мыслится через страдание⁶⁴.

В том, как ранние христиане понимали рабство и свободу, было бы неверно видеть столь обычное в истории перенесение старой терминологии на новое содержание. Такой процесс мы наблюдаем постоянно, поскольку это новое содержание на первых порах обычно выражают в старой форме. Последняя может сохраняться очень долго, постепенно все более и более утрачивая связь с первоначальной своей природой. Так, современные социологи, говоря о проблеме освобождения человека как о задаче покорения сил природы, освоения ее законов, применяют хорошо знакомый нам социальный термин «освобождение», к собственно естественным наукам отношения не имеющий.

«Свобода» и «рабство» не в узко социальном смысле встречаются у античных авторов, живших задолго до ранних христиан. Тем не менее переосмысление этих понятий в раннехристианской литературе не есть лишь дань традиции или простое перенесение привычной терминологии в новую область. Это именно спиритуализация реально существовавших отношений зависимости. В источниках настойчиво проводится мысль, что истинные свобода и рабство — не те обычные для римского общества отношения между людьми, которые ущемляли одних и возвышали других, а нечто совсем иное, что искать их следует не во внешнем, а во внутреннем мире человека.

О спиритуализации рабства и свободы говорят формулировки, как бы построенные на контрасте, формулировки, в которых религиозный смысл понятий отчетливо противопоставляется со-

⁵⁹ Ποιῦν, 48, 4.

⁶⁰ Ep. Barnabae, XVI, 9.

⁶¹ Тит., 3, 3.

⁶² Рим., 6, 16 (по контрасту с «рабами праведности» — 6, 18).

⁶³ Иоанн, 8, 32, ср. Евангелие от Филиппа, 110.

⁶⁴ Ignatius. Romanis, IV, 2, 3.

циальному⁶⁵. В сложном процессе спиритуализации тема свободы и рабства служит как бы центром внимания, о рабах и свободных в новом, переносном смысле мы встречаем у раннехристианских авторов больше всего упоминаний. Но попутно переосмыслению подвергаются и другие понятия вполне конкретного характера, касающиеся различных общественных отношений, имущественного или семейного положения людей. Мы читаем о бедняках, которые избраны богом быть богатыми верою и наследниками царствия (Иаков, 2, 5), о бедности, которая трактуется в строго религиозном плане⁶⁶. Поля, дома, имущество, богатство, отечество — все эти понятия спиритуализируются (см., например, Пастырь Гермы, 50, 1 слл.). Родственные узы также толкуются в новом смысле («... мать моя и братья мои суть слушающие слово божие и исполняющие его»)⁶⁷.

Раннехристианские тексты изобилуют примерами перевода социальной проблематики в плоскость религиозно-этическую. Это вполне естественно, поскольку спиритуализация отвечала характеру нового учения. Она как бы позволяла людям уйти от того, что угнетало их в реальном мире, создавала форму разрешения мучивших их конфликтов. Важно не то, что ранние христиане восхваляли «рабов божиих» или порицали «рабов греха», — сами по себе эти постоянно встречающиеся в текстах суждения не служат ни оправданием, ни отвержением реального рабства. Существенно другое: условия, в которые был поставлен человек, отношения между людьми, определявшие его положение в обществе, актом спиритуализации как бы отвергались, низводились до степени второстепенных, и место их занимала сфера религии и этики.

Число упоминаний о рабах и рабстве в переносном смысле значительно превосходит число мест, говорящих о реальных рабах и реальном рабстве. Тем не менее, как уже было сказано, самый факт спиритуализации рабства знаменателен. Хотя перед нами и не «рабский вопрос», сформулированный как вопрос социальный, настойчиво повторяемые попытки именно в понятии «рабство» различить новое религиозно-этическое содержание — обязаны не столько тому переносному значению, в котором «рабство» употреблялось и прежде, сколько существованию и в эпоху раннего христианства известного антагонизма между рабами и свободными, антагонизма, привлекавшего к себе внимание.

⁶⁵ См., например, I Кор., 7, 22; *Ignatius. Ad Polycarpum*, IV, 3 и мн. др.

⁶⁶ «Иисус сказал: «Если те, которые вас ведут, говорят вам: Вот царство в небе, тогда птицы небесные опередят вас; если они говорят, что оно — в море, тогда рыбы вас опередят. Но царство — внутри вас и оно — вне вас. Когда вы познаете себя, тогда вы будете узнаны и узнаете, что вы — дети отца, который жив. Но если вы не познаете, себя, тогда вы — в бедности (hip umintheke), и вы — бедность (tmintheke)» Фома, log. 2—3.

⁶⁷ Лука, 8, 21; ср. Матф., 12, 49—50; Маек, 3, 34—35.

Мы перебрали множество сведений о рабах и рабстве в памятниках раннехристианской литературы, причем обращали внимание на различную обработку этих сведений, на цель, с которой они были привлечены, на место, которое заняли в общей композиции трудов. Сведения распадаются на две основные группы: касающиеся реального рабства и рабства в переносном смысле. Мы имели возможность убедиться, что упоминания о реальном рабстве при всем их видимом разнообразии встречаются там, где задачей авторов было проиллюстрировать или раскрыть те или иные общие религиозно-этические положения нового учения; упоминания же о рабстве в переносном смысле свидетельствуют также не о чем ином, как о замене социальных категорий категориями религиозно-этическими. Мы многократно ощущали религиозно-этическую доминанту, дававшую знать о себе в пересмотренных нами текстах, касавшихся темы рабства. Поэтому у нас нет решительно никаких оснований «рабский вопрос», который современники ранних христиан обсуждали как вопрос социальный, видеть выраженным и в сочинениях этих последних.

Это не значит, что объективно существовавшее противоречие между рабами и свободными или дебатировавшийся в обществе «рабский вопрос» не способствовали, как и многое другое, возникновению этой религии, появлению в ней тех или иных специфических черт. Приходится отличать плод от почвы, на которой он вырос, но вместе с тем приходится помнить, что вырос он именно на этой почве. Нет надобности искать в раннехристианском учении сколько-нибудь четко поставленный в социальном плане вопрос о рабах и рабстве, чтобы утверждать, что это учение было формой ожесточеннейшего социального протеста. Отсутствие в раннем христианстве «рабского вопроса», сформулированного в виде вопроса социального, уход от дискутирования общественно-политических проблем в религию и этику, проповедь покорности земным властям, произносимая с целью доказать их незначительность по отношению к ценностям высшего порядка, — все это было в первые века нашей эры формой, в которую выливалось недовольство людей всем строем их жизни, ее социальными и политическими условиями, культурой.

Пример того, как освещалась тема рабства в раннехристианской литературе, убеждает, что судить следует не по взятым изолированно отдельным положениям, а по отношению, в котором они пребывали ко всей системе идей ранних христиан. Последняя, в свою очередь должна расцениваться не с позиции раз и навсегда установленной истины, которая в конечном счете есть истина сегодняшнего дня, но по сравнению с духовными запросами того времени, с официальной идеологией Римской империи первых веков нашей эры, с культурными и социальными процессами, тогда протекавшими.

Именно поэтому мы видим в христианском учении периода его появления протест против тогдашнего порядка вещей, идейный и эмоциональный выход, удовлетворявший запросы людей различного склада, происхождения и положения в обществе. Переворот, которым было учение ранних христиан, хотя и был переворотом в умах, хотя и означал попытку преодолеть противоречия внешнего мира с помощью новой точки зрения на этот мир, тем не менее являлся для своего времени настоящим переворотом.

Будучи явлением очень сложным, многосоставным, раннее христианство открывало широкую возможность для эволюции его в самых различных направлениях. Отдельные элементы этого учения, поставленные в несколько иные связи, чем те, о которых мы говорили, могли привести к прямо противоположным результатам.

С момента возникновения христианского учения в нем была заложена возможность толкования его, так сказать, в сугубо реалистическом смысле. При обилии оттенков существовали два крайних выражения этой тенденции: с одной стороны, точка зрения некоторых христианских сект, воспринимавших учение как конкретную революционную политическую программу; с другой, противоположная ей точка зрения государственной власти, приспособлявшей то же учение для укрепления основ существующего строя. Обе крайности неоднократно обнаруживали себя в ходе многовекового развития христианства, господствовавшей церкви и откалывавшихся от нее сект. Это не должно влиять на наше понимание основного содержания раннехристианского учения: его цель заключалась не в защите данного строя и не в практической борьбе с ним, его ниспровержении, отмене рабства и т. п. Это был протест, оформившийся в виде новой религиозно-этической системы, протест, объяснение которого следует искать в современных ему исторических условиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытаемся подвести некоторые итоги. Хотя более или менее полно фундированные выводы о закономерностях истории рабства при империи смогут быть сделаны лишь при учете соответственных данных по провинциям, предварительные наброски возможны и на материале Италии, поскольку именно здесь античное рабство достигло наиболее полного развития и прошло, так сказать, наиболее классический путь. Состояние источников не дает возможности проследить его во всех деталях и ответить на многие возникающие вопросы, но общие контуры картины все же вырисовываются и кое-что допустимо утверждать с известной долей вероятности.

1. История рабовладельческого способа производства связана с историей не крупного, а мелкого и среднего производства. В противоположность общепринятой до недавнего времени точке зрения, развитие рабства не было обусловлено ростом латифундий. Напротив, оптимальными возможностями для применения рабского труда располагали владельцы вилл средней величины, в которых рабы могли быть наиболее рационально организованы и поставлены под эффективный контроль. В таких виллах было возможно максимально использовать преимущества кооперации и специализации работников, что делало этот тип хозяйств более производительным, чем мелкие крестьянские хозяйства. В крупных хозяйствах рабский труд был выгоден в скотоводстве, поскольку пастухи пользовались большей самостоятельностью. Земледельческие же латифундии, распространившиеся в начале империи, долго на рабском труде просуществовать не могли из-за невозможности организовать большие массы рабов и постоянных опасений, что сконцентрированные в одном месте рабы восстанут. В латифундиях труд рабов всегда сочетался с трудом колонов, сперва вносивших определенные денежные и натуральные платежи, затем переведенных на издольщину и, видимо, отработки. Последняя форма эксплуатации с ростом крупного землевладения чем дальше, тем больше вытесняет эксплуатацию рабов.

Хотя о движении рабочей силы в ремесле мы имеем значительно меньше материала, чем о сельском хозяйстве, на основании данных керамических клейм можно полагать, что и здесь дело обстояло аналогичным образом. Мастерские художественной керамики, кирпичей, черепиц и т. п. с многими десятками рабов были единичны и тоже недолговечны. Массовое производство художественной посуды в Италии просуществовало не более половины столетия. Черепичные же мастерские в значительной мере сконцентрировавшиеся ко II в. в руках императоров, распадаются на более дробные производственные ячейки, сдававшиеся в аренду императорским рабам, отпущенникам и свободным людям. Съемщики вели дело при посредстве рабов или, в свою очередь, пересдавали субарендаторам. Весьма вероятно, что дело так же обстояло и в других отраслях ремесла. Например, возможно, что компании предпринимателей, насчитывавшие иногда, как мы видели выше, до двух десятков человек, возникали именно потому, что один владелец не был в состоянии вести крупную мастерскую и брал компаньонов или политоров, в известной мере уподоблявшихся компаньонам, или сдавал отдельные части мастерской в аренду лицам, становившимся как бы сотоварищами.

Крупное, чисто рабовладельческое производство, видимо, было невозможно ни в сельском хозяйстве, ни в ремесле. И в той и в другой отрасли оно могло быть устойчивым лишь в мелких и средних производственных ячейках. Следовательно, одним из непеременимых условий развития и процветания рабства было преобладание мелких и средних вилл и мастерских и, соответственно, «средних слоев» в экономической и социальной жизни. При концентрации средств производства рабовладельческое хозяйство оказывалось нерентабельным. Крупные предприятия так или иначе дробятся. Все большее значение приобретают различные формы аренды, от крупной, сочетающейся с субарендой, до мелкой; от денежной до издольной; от аренды, в которой контрагенты, по крайней мере юридически, равноправны, до соответственных отношений между патронами и отпущенниками, господами и рабами. Съемщиками мастерских, лавок, менялен, судов становятся инститоры; имений — виллики и акторы, отдельных участков — посаженные на землю отпущенники и рабы.

2. Распространение аренды подводит нас к вопросу о соотношении развития рабства и товарно-денежных отношений. Во введении мы уже упоминали, что подъем рабовладельческого и развитие товарного хозяйства в Риме параллельны и взаимобусловлены лишь до известного предела, в противоположность рабству нового времени, когда наличие мирового капиталистического рынка непрерывно стимулировало развитие рабовладельческого производства в работавших на этот рынок отраслях до тех пор, пока сама специфика рабского труда не стала тор-

мозом для успешной конкуренции рабовладельческих хозяйств с капиталистическими. В Риме распространение и углубление товарно-денежных отношений обуславливались не только экономическими, но и политическими факторами, игравшими не меньшую, а в последний период его истории, пожалуй, и большую, роль.

К экономическим факторам относились в первую очередь расширение емкости рынка в результате известной специализации как отдельных хозяйств, так и целых областей Италии и провинции; умножение числа городов с населением, занятым в ремесле, сфере обслуживания, политической и культурной сферах, а также живущим, хотя бы частично, за счет субсидий и подачек государства и городских магистратов; общее повышение уровня жизни, спроса на предметы роскоши — от изысканных овощей и фруктов, выращивавшихся в пригородных имениях, до драгоценных камней и шелковых тканей, импортировавшихся из далеких восточных государств. Все это, с одной стороны, вызывало потребность в деньгах, с другой — давало возможность ее удовлетворить, улучшая собственное хозяйство, наиболее рационально его организовывая, повышая его доходность за счет применения наиболее совершенных для своего времени методов, повышения как нормы эксплуатации рабов, так и их специализации, разделения труда, выгод, дававшихся кооперацией, что стимулировало рабовладельческое производство, способствовало его развитию до наивысшего возможного уровня.

Политические факторы определялись как общей спецификой античного мира и античной формы собственности, сохранявшейся, хотя бы и в модифицированном виде, и в период империи, так и особыми условиями этого периода. Первая предопределяла наличие городской организации, с хотя бы видимым единством гражданства, что требовало значительных затрат на оказываемую в той или иной форме помощь бедноте, затрат, непрерывно возраставших с ростом городского населения, обострением социальных противоречий и угрозой мятежей городских низов. Вторые вели ко все увеличивавшимся притязаниям фиска. Хотя в Италии не было поземельного налога, другие налоги, экстраординарные поборы, взносы за взятую в краткосрочную и долгосрочную аренду городские земли, были достаточно велики. Со времени учреждения алиментарного фонда прибавилась еще выплата процентов на полученные под залог имений ссуды. Рост задолженности отдельных лиц и городов Италии со II в. общеизвестен. Постоянной потребностью в наличных деньгах объясняется отчасти и распространение аренды. Но оно, давая на первых порах известные выгоды владельцу, в конце концов ложилось тяжелым бременем на хозяйство, так как арендаторы и субарендаторы должны были извлекать из него больший доход, чтобы обеспечить себе прожиточный минимум, и, кроме того,

вносить плату своим контрагентам. Задолженность арендаторов, как мы помним, постоянно упоминается в Дигестах, а нехватка наличных денег стала лейтмотивом во многих сочинениях конца I и II в.

Экономические факторы способствовали развитию рабовладения, так как благоприятствовали умножению числа тех более или менее специализированных, максимально связанных с рынком мелких и средних имений и мастерских, в которых труд рабов и был господствующим. Напротив, политические факторы вели к переобременению их владельцев и арендаторов денежными платежами, частично изымавшимися из сферы производства. К тому же с течением времени все большая часть произведенного в их хозяйствах продукта присваивалась государством или городами внеэкономическим путем натуральных поставок или установления максимальных цен. Восполнить потребность в деньгах становилось все труднее, тем более что извлекавшиеся в период поздней республики частными лицами доходы от эксплуатации провинций, при империи почти прекратились. Муниципальные собственники разорялись, их имущество переходило в руки крупных владельцев, и перевес склонялся на сторону типа хозяйства, не совместимого с рабовладельческим способом производства. Расширение товарно-денежных отношений из стимула его развития превращалось в одну из важных причин его разложения, так как при существующей тогда производительной силе общественного труда повышать денежные поступления с рабовладельческих вилл можно было лишь в известных, узких пределах.

3. Что же являлось тормозом для дальнейшего развития производительных сил, или, что то же самое, рабовладельческого способа производства? Что привело его к кризису и конечной гибели? Как известно, на этот вопрос давались и даются различные ответы. Наиболее распространены такие мнения.

1) Рабство пришло в упадок в связи с прекращением наступательных войн, сокращением числа пленных, поступающих на рабские рынки, и удорожанием рабов, которых теперь приходилось выращивать дома, что ложилось дополнительным бременем на хозяйство. Теория эта несостоятельна, так как не учитывает многообразия источников рабства как при республике, так и при империи, относительной стабильности цен на рабов в последние два века до и первые два века после нашей эры, отсутствия данных о падении численности рабского населения, которое, судя по обилию надписей либертинов во многих районах Италии, было и во II в. н. э. весьма значительно. Изменение внешней политики при империи повлияло на рабовладельческий способ производства не потому, что сократился приток пленных, а скорее потому, что иссякло поступление материальных ценностей, за счет которых частные лица пополняли свои денежные

запасы, хотя бы частично вкладывавшиеся в расширение и усовершенствование принадлежавших им вилл, мастерских и т. п.

2) Упадок рабства обуславливался распространением стоической и христианской морали, осуждавшей рабство, как противное природе и естественному или богом установленному равенству и братству людей. Отсюда гуманное отношение к рабам, ограничение власти господ, развитие отпущенничества и наемного труда. Мнение это несостоятельно потому, что основано на умозрительных заключениях, без учета всей сложности и многообразия реальных процессов. Как мы видели, отношение к «рабскому вопросу» различных слоев было далеко не одинаково и в конечном счете определялось не абстрактными доктринами, а конкретными интересами этих слоев, положением дел в их хозяйствах и представлениями о возможных путях преодоления надвигавшегося кризиса. Правительство же в своей политике относительно рабов и отпущенников руководствовалось как точками зрения тех или иных социальных групп, так и общими соображениями, требовавшими, с одной стороны, чтобы оно брало на себя функцию подавления несвободнорожденных сословий, ставшую непосильной отдельным главам фамилий, а с другой, чтобы оно предотвращало острые классовые конфликты, ограничивая самоуправство господ, и защищало интересы всего класса собственников, даже если они принадлежали к несвободнорожденным сословиям. Интенсивное расслоение рабов и отпущенников, выделение из их среды групп владельцев средств производства и рабов, работников управленческого аппарата, обусловило не только различное фактическое, а часто и юридическое положение сочленов этих сословий, но и различное к ним отношение как господствующего класса, так и правительства. Говорить о рабах и отпущенниках как о единой массе, судьба которой изменялась одинаково, совершенно неправомерно.

3) В нашей литературе преобладающей является концепция несоответствия производственных отношений рабовладельческого общества достигнутому в нем уровню производительных сил, концепция, основанная на общих представлениях о законах движения формаций. При этом развитие производительных сил обычно понимается как развитие техники. В любом общем курсе по истории Рима можно найти данные о новых плугах, жатках, прессах, якобы слишком сложных, чтобы ими могли манипулировать не заинтересованные в труде рабы, что и вынудило их господ перейти от рабства к колонату. В этом тезисе дает себя знать определенная тенденция к — конечно бессознательной — модернизации римской истории, к перенесению на нее законов эпохи развитого капитализма, когда производительные силы растут главным образом за счет быстрого прогресса техники. В период империи после упомянутых нововведений, падающих на начало нашей эры, никаких заметных усложнений в мертвом

инвентаре имений не было. Набор его у Варрона, Колумеллы, в Дигестах и у Палладия, писавшего во второй половине IV в., остается примерно идентичным. Как мы видели выше, некоторые более сложные орудия производства, например жнейка, применялись мало, в основном в латифундиях, где потери в урожае значили меньше, чем экономия в рабочей силе. Наконец, колоны более сложную технику и не получали от землевладельцев, и не имели возможности приобрести сами, так что переход к колонату мог только понизить, а не повысить техническую оснащенность хозяйства. Развитие производительных сил шло в Риме за счет накопления и осмысления агротехнического опыта (что ясно видно хотя бы из сравнения упомянутых трактатов) и неразрывно связанного с ним повышения квалификации работников, а также дальнейшего разделения труда и совершенствования организации рабочей силы.

Именно такой путь развития производительных сил и приходил в неразрешимое противоречие с производственными отношениями.

Как мы видели выше, владельцы, с одной стороны, стремились дать рабам, занятым как в производстве, так и в администрации, необходимые познания, но, с другой стороны, относились подозрительно к чрезмерно знающим и инициативным рабам. Колумелла предпочитал, чтобы даже его идеальный вилик, сочетавший обширнейшие агротехнические познания с необычайной преданностью господину, был неграмотным. Рабы, в конце республики игравшие столь заметную роль в культурной жизни Рима, теперь от нее отстранялись. В этом смысле очень характерен приводившийся выше эдикт Домициана. Правда, видимо, он не имел значительных последствий, так как отказаться от услуг рабов-врачей и педагогов богатые люди не хотели, но видных деятелей культуры рабского происхождения империя почти не знала. Очевидно, владельцев наиболее устраивало положение, при котором рабы превосходно знали бы свою узкую специальность, но были бы неразвиты во всех остальных отношениях и неспособны к самостоятельному мышлению. Однако совместить то и другое вообще невозможно. Без повышения общего культурного уровня работник не может стать достаточно квалифицированным и инициативным и в своей узкой специальности.

Что касается самих рабов, то они отнюдь не стремились прилагать к делу свои знания, не будучи заинтересованы в труде и зная, что проявленная ими смекалка может навлечь на них неприятности. «Опасно для низших и вредит низкопоставленным превосходить других в искусствах»¹ — этот афоризм прекрасно отражает то настороженное отношение к миру господ, которое так характерно для низших классов времен империи. Получался

¹ *Porphyr.*, Ep., II, 1, 13.

заколдованный круг. Выход из него искали в разных направлениях, отразившихся в теории и практике разрешения «рабского вопроса». Как мы помним, в ремесле, где требовалось высокое мастерство исполнителей, практические поиски начались уже при республике. Отсюда сдача рабов на сторону, предоставление рабам-ремесленникам пекулия, развитие инстинторства, отпущенничества, поощрение участия рабов в общественной и религиозной жизни городов в качестве членов и министров коллегий. В первый век империи движение продолжалось в том же направлении, что давало свои результаты. Ремесло процветало, и, по свидетельству Сенеки, различные изобретения и усовершенствования в ремесле делались «презреннейшими рабами».

Однако техническому творчеству был положен довольно узкий предел. Отношение к нему высших классов определялось их презрительным отношением к физическому и, особенно, ремесленному труду. Соответственно, как видно на примере карьеры Лукиана, мало-мальски способные люди и из средних и низших сословий вкладывали свои силы в «свободные искусства». Даже те, кто занимались «точными науками», изучали теорию и отгораживались от практики. На собственно ремесленников несомненно влиял тот же дух, которым веет от приводившегося выше афоризма. Все усиливавшаяся зависимость «маленьких людей» от вышестоящих сковывала их инициативу. Наконец, немалое значение должны были иметь и те взгляды на технические новшества, которых придерживалось правительство и которые отразились в упоминавшихся уже анекдотах о Тиберии и изобретателе небьющегося стекла, о Веспасиане и конструкторе машины для переноски тяжелых блоков и колонн. Императоры опасались изобретений, способных «лишить простой народ заработка» и умножить число претендентов на государственную субсидию. Представления, сложившиеся на основе господства античной формы собственности, лимитировали инициативу граждан, если она, как казалось, шла в разрез с интересами всего гражданского коллектива. Таким образом, в ремесле методы стимуляции развития производства потерпели неудачу, что и стало одной из причин упадка ремесла и прикрепления ремесленников к их коллегиям.

Сходные методы с I в. н. э. начинают применяться и в сельском хозяйстве. На положение инстинторов и арендаторов переводятся виллики и акторы, затем — на положение колонов рядовые рабы и посаженные на землю отпущенники. Все большее значение приобретает фактор морального поощрения — организуются фамильные и поместные коллегии с некоей видимостью самоуправления, расширяется участие рабов в различных культах. Теоретически новая практика оформляется в новых концепциях рабства и взаимоотношений рабов и господ, которые, согласно наиболее передовым воззрениям того времени, должны были

строиться на принципах взаимоотношения патронов и клиентов, т. е. не на открытом принуждении, а на милостивом покровительстве одних и самоотверженной преданности других.

Как патронат и клиентелла нередко оформлялись и связи между землевладельцами и колонами, втягивавшимися в фамильные коллегии почитателей гениев и ларов господ. Все это должно было возродить или, вернее, воссоздать традиции древнего патриархального Рима, замаскировать в какой-то мере принудительный труд под добровольный, принудительные поборы — под добровольные дары. Застрельщиками тут выступали сами императоры, начиная с Августа, подававшие пример прочим землевладельцам, перенося методы общегосударственной социальной демагогии в свои имения. Однако создать искусственно традицию, которая может сложиться лишь естественно, вырастая из реальных отношений, если уже и не существующих, то хотя бы существовавших на предшествующем этапе исторического развития, невозможно. В данном же случае соответственные попытки находились в особенно остром противоречии со всем предыдущим и настоящим опытом как земле- и рабовладельцев, так и рабов и колонов. Противоречия между классами и разделяющая их пропасть становились все глубже. Вопреки всем теориям, «благородные» сословия относились к «простонародью» и рабам со все большим презрением и недоверием. Не только рабы, но и отпущенники оказывались фактически во все большей изоляции, все меньше, за исключением их высших слоев, участвовали в организациях и жизни свободных. Сами же они, так же как и трудящаяся беднота, на попытки господ и патронов подчинить себе их души и «суждения» отвечали растущим отчуждением от их мира, замыкались в себе, создавали свои духовные ценности, противоположные официальным. Таким образом, воздействие морального фактора не только не давало ожидаемого властимущими результата, но, напротив, лишь ускорило разложение имперской идеологии, подрывая и сужая ее социальную базу.

Что касается попыток заинтересовать рабов материально, то и они дали лишь кратковременный эффект, в значительной мере в связи с упоминавшимся выше переобременением хозяйства денежными повинностями, усугублявшимся распространением аренды и субаренды. Задолженность арендаторов из числа виликов и акторов стала столь же массовой, как задолженность колонов. Получив на тех или иных условиях виллу, часть дохода с которой причиталась владельцу, вилик или актор вели хозяйство, используя труд сельской фамилии, т. е., так же, как собственник, а следовательно, испытывая те же трудности. Наделенный же маленьким участком раб оказывался в том же положении, что и свободный колон. И первое дошедшее до нас упоминание посаженных на землю рабов как раз связано с рассмотрением вопроса об их долгах господину. То же относится и к

посаженым на землю отпущенникам, хотя, если им передавалось целое имение под условием неотчуждаемости наделов, т. е. воссоздавалось некое подобие общины, они имели определенные преимущества, используя совместно инвентарь имения, его пастбища, леса и водные источники, чего были лишены индивидуально арендовавшие участки рабы и свободные колоны. При скудости наших данных мы не можем сказать, падала ли в тех или иных типах хозяйств производительность рабского труда, оставалась неизменной, или возрастала даже в период наступления кризиса. Но, пожалуй, несомненно, что она становится к этому времени недостаточной для удовлетворения растущей потребности собственников в наличных деньгах.

Общее экономическое положение в империи предопределяло натурализацию хозяйства. Начало ее достаточно ярко зафиксировано в письмах Плиния Младшего. Результаты хорошо известны по материалам поздней империи. Знаменательны в этом смысле слова одного из рескриптов Константина: «Деньги, в которых древние полагали всю силу имущества, непрочны и недолговечны и часто сводят на нет все имущество» (CJ, V, 37, 22). Натурализация хозяйства была неразрывно связана с концентрацией земли и крупным землевладением в сочетании с мелким производством, что, в свою очередь, предполагало преобладание зависимых мелких держателей, обязанных натуральной и отработочной рентой. Средние рабовладельческие виллы в таких условиях удержаться не могли, так как не могли превратиться в самодовлеющие, не связанные с рынком организмы.

С этой точки зрения интересен трактат Палладия, итальянского землевладельца второй половины IV в. Палладий многое заимствовал у Колумеллы, дополнив его ссылками на греческих авторов и на сочинение Гרגилия Марциала о плодовых деревьях, но он учитывал также собственный опыт и опыт своих современников, советы которых неоднократно приводит. В отличие от Катона, Варрона и Колумеллы, для Палладия соображения о возможности выгодно продать свою продукцию на каком-нибудь рынке сбыта и закупить необходимое для персонала имения никакой роли не играют. Он не только советует иметь своих кузнецов, плотников, бочаров и горшечников, чтобы сельские работники (*rustici*) не отвлекались от работы в связи с необходимостью отлучаться в город, но и дает подробные наставления, как строить господское жилище и хозяйственные помещения и как изготавливать нужные для этого материалы, вплоть до свинцовых водопроводных труб². Очевидно, решительно все здесь производилось собственными силами. Почти нет у него речи и о продаже своих продуктов в городах или на сельских ярмарках. Лишь два-три раза говорится о продаже соседям ненужных в хозяйстве ягнят, поросят и т. п.

² *Pallad., De re rustica*. I. 6; 9—20.

Упоминаемые Палладием полевые и садово-огородные культуры, породы скота и птицы весьма многочисленны, но ни одна из них не выделена как основная, товарная. И в этом отношении господствует, видимо, принцип самоудовлетворяемости. Но, хотя Палладий, придерживаясь традиции своих предшественников, замечает, что небольшое, хорошо обработанное имение лучше большого, но запущенного, совершенно очевидно, что небольшое имение, классическая вилла, таким автаркичным производственным организмом быть не могла.

Самое характерное в трактате Палладия, что резко отличает его от Катона, Варрона и Колумеллы,— это игнорирование проблемы рабочей силы и ее организации. Судить о том, кто были упоминаемые им землекопы, жнецы, косцы или, как он именует их в общей форме, сельчане (*rustici*), не представляется возможным. О рабах он говорит дважды: советуя не ставить виликом избалованного господином городского раба и характеризуя свое общее отношение к рабам. Я предпочитаю, пишет он, лучше дожидаться работы рабов, чем ее бояться. Не знаю, обще ли это всем господам, но мне лично трудно находить способ умерять дарования рабов. Ведь очень часто природа портит то, что полезно, и смешивает желаемое с противоположным. Расторопность оборачивается злодейством, лень же принимает вид добродушия и настолько же далека от активности, как и от преступления (I, 6; 9—20). Что касается собственно сельских работников, Палладий замечает только, что тот, кто сдает имение или участок собственнику или колону, имеющему землю по соседству, хлопочет лишь о том, чтобы приобрести тяжбы (I, 6). Здесь перефразируется мысль Колумеллы относительно городских арендаторов, с которыми у владельца неизбежно возникнут конфликты. Палладий, видимо, приспособил ее к своему времени, когда владельцы были особенно заинтересованы в том, чтобы иметь наследственных, неимущих, полностью зависимых от них колонов. Можно полагать, что они и составляли основную рабочую силу имения, трудясь под руководством состоявшей из рабов администрации. Из ее членов, помимо вилика, Палладий упоминает сторожа, наблюдающего за вскапыванием виноградников (II, 10). Термин *rustici*, употребляемый Палладием, обозначал колонов еще у Плиния Младшего; в таком же значении он встречается в петиции колонов Бурунтапского сальтуса, в биографии Гордианов, в императорских рескриптах IV в. Вместе с тем возможно, что в имениях, подобных описанному Палладием, рабы применялись не только в администрации, но и на работах, требовавших более высокой квалификации,— как ремесленники, садовники, огородники и т. п.

Хотя данные Палладия о рабочей силе имения более чем скудны, самое его равнодушие к столь острому для его предшественников вопросу организации сельской фамилии позво-

ляет заключить, что рабский труд даже в хорошо поставленном италийском имении IV в. ведущей роли не играл, как не играло значительной роли и производство для рынка. Два этих факта находятся в теснейшей взаимосвязи. Типичные рабовладельческие виллы, очевидно, к натуральному хозяйству приспособиться не могли, и устояли только те, которые так или иначе смогли перейти на самоудовлетворимость и на использование труда колонов. Но таких, несомненно, было меньшинство.

4. Говорить о начале кризиса рабовладельческого способа производства для Италии можно с середины II в. Но это не означает, что рабы уже тогда были вытеснены из производства колонами, хотя для латифундий соответственная тенденция и тогда достаточно ясно обозначилась. Как мы видели, в крупных имениях население становится очень смешанным: рабы-ремесленники и квалифицированные работники сельского хозяйства; обслуживающий персонал; рабы, занятые в администрации, и их викарии; колоны разных категорий из рабов, отпущенников, свободных арендаторов и субарендаторов, находящиеся на разных ступенях зависимости и обязанные разными повинностями; прекарные держатели; кабальные, отрабатывавшие свои долги. В дальнейшем тенденция к слиянию всех этих групп укреплялась и фактически, и юридически. Это не значит, что различие между свободными и рабами исчезло. Напротив, меры, принимавшиеся против рабов в IV в., стали значительно более решительными и жестокими, чем раньше. Так, по рескрипту Константина, за попытку бежать к варварам раба ссылали в рудники или отрезали ему ногу (CJ, VI, 1, 3). За предоставление беглому рабу убежища по закону 317 г. взимался штраф, равный его стоимости, а по рескрипту 332 г., за попытку обойти этот закон или призвать раба к свободе полагалась порка и пытка (CJ, VI, 1, 6). В 320 г. Константин распорядился, чтобы признанные судом неблагодарными отпущенники возвращались в рабство и могли вновь получить свободу лишь по особому ходатайству патрона (CJ, VI, 7, 2). За связь со своим рабом, по закону того же императора, женщина приговаривалась к бичеванию или сожжению, а донесший на нее раб получал свободу (CJ, IX, 11, 1). В 319 г. Константин разъяснил, что господин привлекается к ответственности только за сознательное убийство раба, но не отвечает, если раб умрет от порки или заключения в оковы (CJ, IX, 14, 1; CTh, IX, 12, 2). В 314 г. Константин приказал вешать рабов, обвинявших господ в оскорблении величества (CJ, IX, 5, 1). Рескрипт Грациана от 382 г. позволял рабам доносить на господ по делам об оскорблении величества, но за доносы по любым другим поводам предписывал рабов наказывать жестоко «на страх всем предателям», даже если донос оказывался правдивым (CTh, IX, 6, 2; X, 11, 6).

Весьма знаменательно, что именно со времени Константина появляются многочисленные рабские ошейники (CIL, VI, 7171—7194) с надписями, указывавшими по какому адресу вернуть раба, если он убежит. Иногда встречались некоторые дополнения. Например: «По приказу наших трех государей никто не смеет принимать беглого раба» (CIL, VI, 7171); «Азелл, раб Пэекта, официала префекта анноны; я ушел за ворота в стене, держи меня, ибо я бежал, и приведи меня к храму Флоры у цирюльников» (CIL, VI, 7172); «Минервиан, беглый раб Италика, солдата тессерария XII Городской когорты» (CIL, VI, 7175); «Я беглый, приведи меня на Авентин в дом светлейшего мужа Потива у Децианских терм» (CIL, VI, 7181); «Я бежал, держи меня; когда вернешь меня моему господину Зонику, получишь солид» (CIL, VI, 7194).

Усиление мер, принимавшихся против рабов и для упрочения власти над ними владельцев, должно было способствовать подчинению и других зависимых людей. Они не означают, что в IV в. имело место оживление или возрождение рабовладельческих отношений. В кодексах рабы как основная рабочая сила с IV в. связываются в основном с имениями декурионов и ветеранов, владевших средними виллами (CTh, VII, 20, 8; XII, 1, 6). В большинстве же случаев сельские рабы фигурируют наряду с колонами разных категорий, с которыми они все более сливаются: те и другие вносились в опись имения; сельских рабов запрещалось продавать без приписанных к ним участков, как и колонов; беглые колоны, как и беглые рабы, возвращались господам; имущество колонов приравнивалось к рабским пекуниям, и им было запрещено продавать что-либо без разрешения господина (CJ, IX, 49, 7; XI, 47, 2; 3; 6; 7; 11; 12; XI, 49, 2; CTh, V, 17, 1; 19, 1; XI, 3, 2).

Установившееся было в начале империи относительное единообразие методов эксплуатации в крупных, средних и мелких имениях с началом кризиса снова нарушается. Виллы оставались в основном рабовладельческими, латифундии переходили к издольному колонату. И хотя число рабов, принадлежавших отдельным владельцам, особенно рабов-слуг, могло быть весьма велико (см., например, Ам. Магс., XIV, 6; XXVIII, 4), в имениях магнатов они уже не составляли основного контингента работников — их использовали в администрации и на работах, требовавших более высокой квалификации. Характерно, что в рескрипте от 369 г. относительно порядка описи конфискованных имений предписывалось учитывать профессии городских и сельских рабов, тогда как для колонов отмечалось их юридическое положение (CJ, IX, 49, 7). В IV в. все эти явления выступают вполне наглядно, но зарождаются они уже раньше, с середины II в.

5. Перестройка методов эксплуатации оказывала большое влияние на все стороны жизни общества. Возрождение мелко-го, хотя бы и не самостоятельного, и свободного хозяйства в сочетании с крупным землевладением было немыслимо без возрождения угодий — выпасов, лесов, водных источников, которыми владельцы либо держатели земли могли пользоваться сообща, что предопределяло возрождение той или иной формы общины, стимулировавшееся также фискальными интересами как государства, так и землевладельцев. Община, связанная круговой порукой, была более надежным плательщиком налогов и рент, чем индивидуальные, быстро разорявшиеся держатели. И действительно, мы видим, что с начала III в. политика правительства относительно общин меняется. Если в период развития рабовладельческого способа производства государство поощряло разрыв общинных связей и ограждало интересы выделившихся из общин собственников, то теперь оно санкционирует различные формы этих связей и притязания общин на контроль за их сочленами. В том же направлении действовало и предпринимавшееся по частной инициативе ипотечное на земле отпущенников, конституированных в общину. Уже очень рано в императорских, а впоследствии и в частных сальтусах появляются элементы видимого самоуправления сидевшего на их землях населения, подобного самоуправлению свободных общин. Оживление или воссоздание общин, натурализация хозяйства, преобладание натуральной и отработочной ренты над денежной в сочетании со все возрастающим удельным весом императорской собственности обуславливали те процессы в социальной и политической жизни, которые обычно суммарно обозначаются терминами «ориентализация» или «варваризация» империи. Проявления их общеизвестны: упадок роли городов и возрастание значения латифундий, сальтусов и еще сохранявшихся свободных сел; обострение граней между сословиями и вместе с тем их разложение, знаменовавшееся, между прочим, и нарушением одного из основных принципов античного мира — запрещения порабощения сограждан; прикрепление людей к их профессиям и статусам; крайнее усиление бюрократического аппарата; теократическое оформление императорской власти; растущий идеологический нажим и контроль, осуществляемый вступившими в союз государством и церковью. Трансформация базиса в направлении эллинистических или даже древневосточных форм вызывала и соответствующую трансформацию надстройки.

Однако в разных областях империи и даже в отдельных более мелких ее районах процессы эти шли неодинаково, хотя, пока государство оставалось единым, различия эти затемнялись эволюцией самого государства и политики императоров, естественно выступавших для наблюдателя на передний план.

На деле же ход и результаты упомянутых процессов во многом определялись той первоосновой, на которой развивались в той или иной области или районе империи рабовладельческие отношения: наслаивались ли они на формы собственности и эксплуатации уже до римского завоевания сложившихся классовых обществ, или возникали на базе какого-либо этапа разложения первобытнообщинного строя, в большей или меньшей степени уничтожив его пережитки. В полной мере своеобразие развития каждой из областей римского мира можно выявить лишь путем тщательного их изучения. Но и материал, собранный в настоящей книге, дает право заключить, что даже Италия не была в указанном отношении однородной. В данной связи перед нами встает важнейший вопрос о путях и возможностях преодоления кризиса, охватившего античный мир.

Большей частью, изучая то или иное общество докапиталистической эпохи, мы склонны основное внимание уделять форме эксплуатации непосредственных производителей в сочетании с их юридическим положением. Но, как выясняется, «чистые», «классические» формы прослеживаются довольно редко. Для нашей темы особый интерес в этом смысле представляет посаженный на землю раб, квазиколон. Юридически он остается рабом, но в аспекте экономическом он далеко отстоит от раба в представлении Катона или Колумеллы. Он наделен средствами производства, иногда и рабами-викариями, выплачивает денежную или натуральную ренту и, следовательно, подобен скорее крепостному. Допустимо ли, однако, основываясь на этом, предположить возможность, так сказать, мирного перехода от античного мира к феодальному путем, например, превращения всех рабов в квазиколонистов? По-видимому, нет. В своем исследовании истории Греции императорского времени О. В. Кудрявцев со всей убедительностью показал невозможность такого пути для греческих полисов с высокоразвитым рабством. То же мы видим и на примере Италии. При всей неполноте приводившихся выше данных общая картина все же выглядит более или менее достоверно. В тех районах, где рабство достигло наибольшего расцвета, с началом кризиса, несмотря на все попытки так или иначе его преодолеть, наступает застой и упадок. Новые формы эксплуатации практически ничего не дают. Дело, видимо, заключалось в том, что определяющей являлась не форма эксплуатации, а форма собственности. Оптимальным условием развития было максимальное соответствие той и другой, т. е. совпадение абсолютного преобладания античной формы собственности, реализуемой в античном городе, и эксплуатации лишенного средств производства и юридических прав раба, который сам представлял собой безусловную собственность и средство производства своего господина. Когда эта форма эксплуатации себя изжи-

вает и вытесняется иной, сходной с крепостничеством, соответствие с формой собственности нарушается, так как крепостничество развиться полностью может при форме собственности не античной, а феодальной. Так, отпущенный на оброк и нанятый на мануфактуру крепостной при всем сходстве с пролетарием капиталистического мира таковым еще не является, поскольку капиталистический строй предполагает наличие как капиталистической собственности, так и свободного рабочего.

Античный город, базирующийся на античной форме собственности, лимитировал права входящих в число его граждан-землевладельцев и налагал на них различные обязательства. Вместе с тем он ставил раба вне каких бы то ни было социальных институтов, тогда как феодально-зависимый крестьянин все же оставался членом общества, входя в церковную и общинную организацию, а иногда и обладая некоторыми правами, сохранившимися со времени, когда он еще был равноправным членом рода, племени, общины и т. п. Различие генезиса рабовладельческих и феодальных отношений постоянно сохраняло большое значение. Изменение характера эксплуатации рабов, оказывая колоссальное влияние на жизнь общества, само по себе не могло разрушить античную форму собственности, так как для городской организации, для коллектива граждан не имело значения, каким образом его сочлены используют своих рабов, к этому коллективу никоим образом не причастных. В орбиту своего влияния рабов постепенно, в известной мере, втягивало-центральное правительство, но не города. С другой стороны, и колонат, каким бы экономически подчиненным и униженным ни становилось положение колонов, не мог сам по себе привести к победе феодальных отношений, пока античная форма господствовала. Колоны оставались гражданами городов, а следовательно, землевладелец не мог получить над ними ни юридической, ни политической власти, подтверждением чему служит известное замечание Фронтинана о спорах, возникших между земельными магнатами и городами о правах тех и других на население сальтусов. Если городские власти решались претендовать на колонов экзимирированных, а иногда и императорских сальтусов, то собственники вилл, входивших в городские территории, никак не могли противопоставить свои права на колонов правам муниципальных магистратов. И хотя колоны в конце концов оказались обязанными натуральной рентой и отработками, подобно феодально-зависимым крестьянам, они таковыми не становились, поскольку в рамках античной формы собственности феодальным отношениям не могло быть места.

Зародиться и в какой-то мере развиться они могли лишь там, где по той или иной причине античная форма собственно-

сти или вовсе отсутствовала (например там, где оставались не вошедшие в состав городской территории земли, отведенные их прежним владельцам), или вне сферы ее воздействия оказывались те или иные слои населения и их земля: сенаторы, владевшие экзимирированными сальтусами, и свободные крестьяне, хотя, возможно, и приписанные к городам, но практически с ними не связанные, сохранившие свои старые организации — паги, села и общинные институты. В основном такое крестьянское население имело в провинциях. В Италии свободное крестьянство, более тесно связанное со своими особыми коллективами, чем с городами, было немногочисленно. При империи в большинстве случаев паги, еще игравшие некоторую самостоятельную роль при республике, превращаются в простые территориальные округа.

Мелкие земельные собственники так же как и раньше, рассматриваются как граждане городов, на территории которых располагались их участки, хотя в некоторых случаях они и отличались от собственно городского населения, как *plebs rustica*. Но только впоследствии, при поздней империи, сельский плебс был противопоставлен городскому официально как в Италии, так и в провинциях.

Однако, как можно заключить из приводившихся выше надписей, и в некоторых районах Италии сохранялось крестьянство со значительными пережитками старых отношений. То были области марсов, френтанов, вестинов, сабинов и транспаданские области. Паги и села оставались здесь реально функционировавшими организациями, а на севере, в районах со значительными прослойками лигурийского и кельтского населения, кое-где сохранялись и родо-племенные общины с соответствующими культами, подобными аналогичным культам Галлии и Испании. И опять-таки по далеко не полному свидетельству надписей, именно в этих районах развивается крупное землевладение с отличными от рабовладельческих отношениями.

Для западной части Центральной Италии в этом смысле характерен Беневент, о котором сохранилось больше данных. К концу II и в III в. здесь выделяется несколько связанных между собою родством влиятельных семей земельных магнатов, вокруг которых группируются коллегии их «почитателей» и «обожателей», т. е. их клиентов, тем или иным путем попавших от них в зависимость. Мы видели, что такие знатные крупные собственники часто выступают в качестве «благодетелей» сел и пагов; сущность же взаимоотношений «благодетелей» с их «меньшими друзьями», «соседями» и т. п. достаточно хорошо известна из современных источников. Тот же процесс шел в транспаданской области. Уже из писем Плиния Младшего видно, как распространялось влияние сенаторов, по самому своему положению владевших экзимирированными землями, на

всю округу, включая и небольшие города, наследственными патронами которых они нередко становились.

Действенным орудием подчинения городов было, между прочим, и поселение там богатых и влиятельных отпущенников таких крупных собственников. С течением времени влияние последних усиливалось, и все большая часть мелких земельных собственников становилась их клиентами со всеми вытекавшими отсюда последствиями, материальными и моральными. И прежде слабо связанные с городами, они окончательно от них отрывались, подпадая под власть своих патронов и «благодетелей». Городские магистраты небольших соседних городков вряд ли решались оспаривать права магната на его колонов, даже если и могли доказать их принадлежность к городскому гражданству. В таких сальтусах уже могли формироваться отношения, предвосхищавшие феодальные, так как здесь сочеталась поземельная и личная зависимость держателей земли от неограниченного городом и обязанного лишь государству землевладельца. И именно в этих районах наименее заметен кризис, охвативший те области Италии, в которых наиболее сильна и живуча была античная форма собственности и неразрывно связанные с нею рабовладельческая вилла и муниципальный строй. Только там, где их сковывающее влияние было менее сильно, открывались возможности для развития иных отношений, так сказать, мирным путем, еще в рамках империи. Там же, где это влияние было определяющим, новое могло проложить себе путь лишь насильственным уничтожением всех порожденных античной формой собственностью институтов.

Античный способ производства не давал возможности непосредственно перейти к феодализму. Дело в античном мире обстояло совсем по-иному, чем при смене феодализма капитализмом, когда предпосылки последнего складывались уже в последний период существования феодализма за счет его разложения и перед буржуазными революциями стояла задача сменить феодальные порядки и поставить у власти класс, способный создать государство, максимально стимулирующее дальнейшее развитие капитализма. Развитие здесь шло по непрерывно восходящей линии. Напротив, в период кризиса античного мира возможности нового пути складывались вне античной формы собственности, там, где сохранялись иные отношения, иные классы и социальные группы, хотя бы и испытывавшие сильное влияние римских порядков. На западе, включая и Италию, то были классы и группы, характерные для последнего периода истории первобытнообщинного строя — крупные, не связанные с муниципальной организацией землевладельцы и крестьянство, с большими или меньшими пережитками общины. За счет вовлечения последнего тем или иным путем в сферу влияния земельных магнатов и складывались предпосылки фе-

одализации. Развитие шло не по восходящей прямой, а как бы возвращалось назад, к эпохе, предшествовавшей окончательному генезису античной формы собственности и античного государства. Только отсюда движение снова могло стать поступательным. Задачей революции в данном случае было не столько разрушить те элементы старого строя, которые тормозили развитие сложившегося в его же недрах нового, сколько смести этот строй до основания, чтобы на его развалинах могли прогрессировать иные, возникавшие вне его отношения.

Но раз античное рабство, достигшее своего наиболее полного развития в Италии, именно там оказалось бессильным само по себе и из себя породить силы для дальнейшего прогрессивного развития, ставшего возможным лишь в результате кажущегося многовекового регресса, то вряд ли можно считать античный рабовладельческий способ производства обязательным этапом на магистрали всемирно-исторического развития. Скорее он был ответвлением, порожденным специфическими условиями исторической среды, в которой возник. Эти условия предопределили пути генезиса римского государства и римской античной формы собственности, формировавшихся в ходе борьбы патрициев и плебеев. Победа последних, хотя и менее полная, чем победа афинского демоса, была все же достаточной, чтобы устранить те формы эксплуатации, которые всегда зарождались на последнем этапе разложения первобытнообщинного строя и узаконивались и укреплялись там, где государство складывалось как орган родо-племенной знати, превращавшейся в господствующий класс становящегося классового общества.

Долговая кабала и долговое рабство, прикрепление к земле клиентов, передача частным лицам политической и юридической власти над какими-то территориями и группами населения и полномочий по сбору превращавшихся в ренту налогов — все это оказалось невозможным в ставшей государством гражданской общине политически равноправных землевладельцев и воинов. Единственной формой эксплуатации в массовом масштабе, а не в виде исключений из общего правила, могла здесь стать только эксплуатация стоявших вне этой общины иноземцев и их потомков, т. е. рабов, лишенных политических и гражданских прав.

Возникнуть непосредственно из отношений, при которых главным объектом эксплуатации были сородичи, соплеменники или даже прикрепленные к земле общины побежденного населения, эта форма не могла. Требовался обусловленный победой плебса решительный переворот, представлявший собой не общее правило, а сравнительно редкое исключение даже для античного мира, где вне наиболее развитых городов-государств Малой Азии, Греции и Италии сохранялись и многие другие отношения типа илотии, пенестии и т. п. Не могла без такого

переворота сложиться и античная форма собственности, предполагавшая, между прочим, и осуществлявшееся теми или иными методами наделение земель максимального числа граждан и эмансипацию неимущих клиентов. В Риме, правда, пережитки переплетающейся с колонатом клиентеллы на землях знатных родов сохранялись очень долго. Но все же чем далее, тем более, ведущими становились отношения рабовладельческие.

Характер их определялся спецификой генезиса формы собственности и государства, мощный же толчок их дальнейшему развитию дал огромный приток военной добычи, стимулировавший расширение и углубление товарно-денежных отношений и выдвижение многих «новых людей», новых владельцев небольших и средних вилл. Обычно, изучая историю республики, мы сосредоточиваем внимание на росте крупных состояний и обезземеливании крестьян, поскольку эти факторы в основном определяли перипетии гражданских войн. Умножение же числа средних собственников остается вне поля зрения. Между тем, и этот процесс несомненно имел место. Достаточно известно свидетельство Полибия о многочисленных слоях римского населения, извлекавших выгоду из обогащения государства, так или иначе участвуя в откупках, подрядах и т. п. На эксплуатации провинций наживались не только командиры и наместники, но и множество их приближенных, служащих администрации, купцов, ростовщиков и тому подобных дельцов разных масштабов с их штатом. Богатели владельцы ремесленных мастерских, судов, лавок, аукционисты. Нажитые деньги сплошь да рядом вкладывали в землю. Имена приобретали не только такие ставшие крупнейшими государственными деятелями «новые люди», как Катон или Цицерон, но и такие выбившиеся своим трудом свободнорожденные и несвободнорожденные «маленькие люди», как отцы Вергилия и Горация. Так множилось число мелких и средних вилл, в которых господствовал рабский труд. Если новый собственник по тем или иным причинам оказывался вынужденным продать свою виллу, она переходила в руки более богатого человека, владевшего многими аналогичными виллами, но сохранялась как единый производственный организм с теми же методами хозяйства. Рабский труд становился господствующим и в земледелии, и в ремесле, а быстрый рост культурных запросов и потребность в знающих, толковых и преданных деловых и политических агентах обусловили проникновение рабов во все сферы жизни тогдашнего общества.

Аграрные мероприятия триумвиров и Августа резко умножили число мелких и средних вилл и подорвали позиции старой знати, имевшей на своих землях наследственных клиентов, что благоприятствовало дальнейшему внедрению рабского труда в производство. Усиление же бюрократического аппарата

вызвало к жизни многочисленные слои занятых на государственной службе рабов и отпущенников. В это же время появляются редкие при республике рабовладельческие латифундии выдвинувшихся при империи сподвижников Августа и его преемников. Однако крупное хозяйство, основанное на рабском труде, оказалось нестабильным, и когда оно вытесняет мелкие и средние виллы, рабовладельческий способ производства клонится к упадку. Выхода из охватившего его кризиса не было, и развитие новых отношений стало возможным лишь в результате разрушения античной формы собственности и римского государства и как бы возвращения к тому исходному моменту, с которого начался генезис античной формы собственности и римского государства. Движущие силы этого переворота были связаны с иными, лежавшими вне античных, отношениями. Внутри империи то были владельцы экзимирированных салтусов и свободное, закабаляемое крестьянство. Вовне — варвары, вступавшие попеременно в союз то с земельными магнатами, то с эксплуатируемым сельским населением.

Но были и силы, подрывавшие изнутри институты, порожденные античной формой собственности и античным государством. Расслоение его сословий — неизбежный результат углубления кризиса, — превращение части рабов в свободных, а части свободных — в рабов создавали широкие возможности для сплочения низших слоев трудящегося населения и для распространения в его среде протеста против господствующих классов, государства и идущего сверху идеологического нажима. Моральная опора императорской власти, городского патриотизма подтачивалась все более и более и, в конце концов, несмотря на все попытки спасти ее, рухнула, что в значительной мере облегчило победу внешних сил.

Сложное переплетение различных отношений, форм классовой борьбы внутри составлявшей единое государство империи, правительство которой, ориентируясь то на одни, то на другие социальные группы, все же должно было в какой-то мере учитывать интересы всех слоев господствующего класса, делает особенно сложным изучение падения античного мира. В связи с обнаружившейся несостоятельностью концепции «революции рабов», снова ставится вопрос, можно ли вообще говорить о революции при переходе от античного мира к феодализму. Думается, что при всем несходстве с революциями буржуазными, не говоря уже о социалистических, все же этот переход может квалифицироваться как революция. Комбинированные действия восставших против центральной власти земельных магнатов крестьян, подымавшихся как против римского государства, так и против закрепощавших их крупных землевладельцев, и варваров, устанавливавших новые порядки в захваченных ими областях, насильственно положили конец существованию антич-

ной формы собственности и всех связанных с нею институтов — от муниципального строя до опиравшегося на него государства, расчистив таким образом путь для развития феодальной собственности. Рабство этой революцией уничтожено не было — число рабов кое-где было довольно значительно, даже когда феодализм окончательно сложился, — но оно было поставлено, так сказать, в новый контекст, в новую общественную структуру, в которой уже не играло прежней первенствующей роли.

Путь античного рабовладельческого общества, несмотря на созданную им блестящую культуру и на его влияние на последующую историю и культуру Европы, возможно, был путем тупиковым. Думается, что данные по истории римского рабства в достаточной мере рисуют его характер и специфику.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — Вестник древней истории

A. e. — L'Année épigraphique

F. Buecheler — F. Buecheler. Carmina Latina epigraphica. Lipsiae, 1895, 1897, 1926.

CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum

CJ — Codex Justinianus

CTh — Codex Theodosianus

Dig. — Digestae

Fontes — Fontes juris Romani antejustiniani, v. I—III. Florentiae, 1940—1942

Fragm. jur. Rom. Vat. — Fragmenta juris Romana Vaticana.

Gram. Lat. — Grammatici Latini

JDAI — Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts

Mos. et Rom. leg. coll. — Mosaicorum et Romanorum legum collatio

NTS — New Testamentum Studies

Porphy. Horat. — Pomponii Porphyrii Commentarii in Q. Horatium Flaccum

SHA — Scriptores Historiae Augustae

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН АНТИЧНЫХ АВТОРОВ

- Авл Геллий, писатель II в. 16, 22, 169, 185, 235, 243
 Альфен Вар, Публий, юрист I в. 195
 Аммиан Марцеллин, историк IV в. 307
 Алпиан, историк II в. 171, 185
 Апулей, писатель II в. 238, 247
 Артемидор, писатель II в. 68, 74, 108, 109, 136
 Атей Филолог (Атей Претекстат, Луций), ритор и грамматик I в. до н. э. 133
 Афиней, писатель III в. 174, 176, 179, 180, 245
 Валерий Максим, ритор и историк I в. 134, 170, 174, 183—185
 Варнава, раннехристианский писатель 282, 283, 287, 292
 Варрон (Теренций Варрон, Марк), писатель и ученый II—I вв. до н. э. 30, 35, 36, 301, 304, 305
 Веллей Патеркул, историк I в. 183, 202, 237
 Ветулей Сатурнин, юрист II—III вв. 211, 212
 Вергилий Марон, Публий, поэт I в. до н. э. 31, 314
 Вивиан, юрист II в. 71, 234, 244
 Гай, юрист II в. 18, 19, 21, 54, 70, 74, 88, 98, 99, 105, 107, 199, 200, 207, 208, 212
 Гален, врач и философ II в. 74, 133
 Гаргилий Марциал, сельскохозяйственный писатель III в. 304
 Гермогениан, юрист III—IV вв. 88
 Геродиан, историк III в. 159, 178, 233
 Горацій Флакк, Квинт, поэт I в. до н. э. 25, 28, 30, 36, 57, 76, 89, 131, 169, 171, 172, 314
 Диодор Сицилийский, историк I в. до н. э. 174
 Дион Кассий Кокпейян, историк II—III вв. 14, 15, 89, 97, 118, 133, 145, 158—160, 178, 185, 192, 193, 196, 198, 201, 202, 207, 231, 233, 235, 247
 Дион Хрисостом, оратор и философ I—II вв. 18, 132, 177, 246
 Дионисий Галикарнасский, историк I в. до н. э. 170, 198
 Дионисий Катон, поэт II—III в. 175
 Донат, Элий, грамматик и ритор IV в. 169
 Евтропий, историк IV в. 15, 24
 Зосим, историк V в. 15
 Игнатий, раннехристианский писатель 279, 292, 293
 Иосиф Флавий, историк I в. 15
 Кальпурний Флакк, ритор II в. 21
 Кассий Лонгин, Гай, юрист I в. 32
 Катон (Порций Катон Старший, Марк), писатель и историк III—II вв. до н. э. 35, 36, 168, 180, 181, 183, 304, 305, 309, 314
 Квинтилиан (Фабий Квинтилиан, Марк), ритор I в. 100, 169
 Климент Римский, раннехристианский писатель 289
 Колумелла (Юний Модерат Колумелла, Луций), сельскохозяйственный писатель I в. 10, 11, 22, 25, 28—32, 34—40, 47, 53, 54, 56, 167, 242, 301, 304, 305, 309
 Ксенофонт, историк V—IV вв. до н. э. 181
 Лабен (Антистий Лабен, Марк), юрист I в. до н. э.—I в. н. э. 33, 34, 47, 54, 70, 71, 195, 196
 Лактанций Плацид, грамматик V—VI вв. 171

- Лампридий, Элий писатель III в. (?) 74
- Ливий, Тит, историк I в. до н. э.—I в. н. э. 170
- Лукиан, писатель II в. 101, 170, 173, 176, 177, 238, 247, 248
- Макробий (Амвросий Макробий Феодосий), грамматик V в. 185, 245
- Марк Аврелий, император, философ-стоик II в. 188
- Марциал (Валерий Марциал, Марк), поэт I в. 25, 31, 47, 75, 76, 90, 110, 157, 185, 189
- Марциан, юрист III в. 23, 95, 226
- Марциан Капелла, ученый и писатель V в. 249
- Мацер, юрист III в. 88
- Мела (Помпоний Мела), писатель и географ I в. 74
- Менандр, комедиограф IV—III вв. до н. э. 159
- Модестин (Геренний Модестин, Элий Флориан), юрист III в. 23, 223, 226
- Мусоний Руф, Гай, философ I в. 18, 187—189
- Нератий Приск, юрист II в. 34, 73
- Ориген, раннехристианский писатель I—III вв. 244
- Орозий, христианский писатель V в. 170
- Офиллий, юрист I в. до н. э. 211
- Павел (Юлий Павел), юрист III в. 19, 33, 34, 42, 43, 55, 58, 61, 62, 70, 74, 99, 100, 106, 107, 181, 193, 195, 204, 207, 220—224, 235, 240, 241, 252—255, 289
- Павел, автор посланий 265, 283, 286
- Палладий (Эмилиан Палладий, Рутилий), сельскохозяйственный писатель IV в. 38, 301, 304, 305
- Папиниан (Эмилий Папиниан), юрист III в. 23, 41, 55, 62, 226
- Петроний Арбитр, Гай, писатель I в. 25, 47, 49, 75, 76, 85, 91, 111, 112, 179
- Плавт, Тит Макций, комедиограф III—II вв. до н. э. 214
- Плиний Младший (Плиний Цецилий Секунд, Гай), государственный деятель и писатель I—II вв. 9, 28, 29, 33, 41, 47, 49, 50, 54, 58, 87, 89, 97, 102, 104, 109, 110, 133, 134, 157, 186, 187, 203, 209, 210, 233, 304, 305, 311
- Плиний Старший (Плиний Секунд, Гай), писатель-энциклопедист I в. до н. э. 11, 29, 31, 32, 35, 40, 41, 68, 75, 90, 91, 132, 133, 136, 141, 156, 179, 193, 197, 204
- Плутарх, писатель и историк I—II вв. 16, 168—170, 177, 179, 189, 237, 243, 245, 247
- Полибий, историк II в. до н. э. 314
- Поллукс (Юлий Поллукс), ритор и филолог II в. 58, 130
- Помпоний, Секст, юрист II в. 22, 54, 211, 213, 235
- Порфирион (Помпоний Порфирион), грамматик III в., схолиаст 30, 169, 178, 301
- Посидоний, историк и философ II—I вв. до н. э. 174
- Прокул (Семпроний Прокул), юрист I в. 206, 211, 234
- Псевдоакрон, грамматик II в. 58
- Псевдоквинтиллиан, ритор I в. 17, 20, 21, 105, 170, 175, 247
- Сабин (Мазурий Сабин), юрист I в. 32, 33, 54, 206
- Сазерна, сельскохозяйственный писатель II в. до н. э. 35
- Светоний Транквилл, Гай, историк I—II вв. 14, 24, 68, 132—134, 143, 158, 196, 198, 202, 205, 207, 208, 231
- Сенека Младший (Анней Сенека, Луций), писатель и философ-стоик I в. 9, 31, 67, 75, 76, 90, 91, 107, 108, 155, 156, 167, 168, 171, 178—183, 185—188, 190, 193, 196, 204, 213, 233, 245, 246, 302
- Сенека Старший (Анней Сенека, Луций), ритор I в. до н. э. 18, 103, 123, 133, 169, 170, 175, 242
- Сервий Мавр Гонорат, грамматик IV в. 31, 33, 39, 73, 169
- Сикул Флакк, землемер I в. 27
- Стаций (Папиний Стаций, Публий), поэт I в. 157
- Страбон, географ I в. до н. э. 14, 16, 90
- Сцевола (Муций Сцевола, Квинт), юрист I в. до н. э. 34, 41—43, 50, 61, 70, 72, 98, 200, 215
- Тацит (Корнелий Тацит, Публий), историк I—II вв. 14, 16, 17, 55, 76, 89, 107, 108, 125, 133, 143, 156, 158, 169, 171, 172, 179, 185, 193, 204, 205, 231—233
- Теренций Афер, Публий, комедиограф II в. до н. э. 169
- Требатий Теста, Гай, юрист I в. до н. э. 19, 33, 34

Ульпиан, Домиций, юрист III в. 18—20, 22, 23, 32—34, 43, 51, 54, 55, 62, 71—74, 98, 100, 105, 136, 198—200, 214, 220—222, 225, 226, 234, 235, 241, 244

Фаворин, оратор и философ I—II вв. 16, 168

Федр, баснописец I в. 132, 246

Филострат, Флавий, писатель III в. 17, 76, 161

Флор (Анней Флор, Луций), историк II в. 174

Фортунатин, ритор 22, 247

Фронтин (Юлий Фронтин, Секст), писатель I в. 310

Целий, юрист II в. 234

Цельс (Ювентус Цельс, Публий), юрист I—II вв. 54, 72, 214

Цицерон (Туллий Цицерон, Марк), оратор и писатель I в. до н. э. 181, 184, 194, 314

Эзоп, баснописец VI в. до н. э. 101

Эпиктет, философ-стоик I—II вв. 109, 111, 132, 155, 187—190, 234, 247, 259

Эпикур, философ-материалист IV—III вв. до н. э. 181

Ювенал (Юний Ювенал, Децим), поэт-сатирик I—II вв. 9, 30, 50, 74—76, 89, 111, 171, 173, 208, 238, 245

Юлиан (Сальвий Юлиан Эмилиан, Луций), юрист II в. 19, 54, 104, 226

Юлий Виктор, Гай, юрист IV в. 247, 248

УКАЗАТЕЛЬ ПРОФЕССИЙ И ДОЛЖНОСТЕЙ РАБОВ И ВОЛЬНООТПУЩЕННИКОВ

авгур 162

августал (член коллегии культа Августа) 113, 114, 116, 149, 154, 163, 164, 201

аквариум (смотритель за водопроводом) 69

актер 69, 70, 73, 75, 76, 79, 82, 103, 139, 140, 149, 150, 160, 165

актор (заведующий делами) 41, 42, 44—46, 49, 55, 56, 59, 63, 64, 78, 81, 85, 86, 116, 141, 144, 146, 152, 154, 163, 164, 297, 302, 303

акценз (чиновник для поручений) 113, 147, 201

аппаритор (низший служащий, состоящий при государственном чиновнике) 77, 123, 124, 145

аргентарий (меняла, банкир) 69, 114, 121, 145

аркарий (казначей, кассир) 47, 48, 76, 77, 80—83, 101, 139, 141, 143, 145, 154, 162—164

архивариус 163

архитектор 69, 114, 118, 140, 141

аукционист 120

банщик 72, 76, 77, 79, 81, 89, 141

бестиарий (щарковой боец, сражающийся со зверями) 164, 199, 211, 246

библиотекарь 76, 78, 79, 121, 137, 139, 140

бронзовщик 75, 118

булочник 161

бурдючник 121

васкулярный (мастер, изготавливающий металлические сосуды) 110

весовщик 48

весталка 201

вестилика (камеристка) 76, 82

вестовой 121, 123

ветеринар 69, 82, 126

виатор (посыльный) 110, 123—125, 147, 149, 151

виктимарий (помощник жреца при жертвоприношениях, поставщик жертвенных животных) 139—141

вилки 8, 11, 12, 29, 32, 33, 36, 36—39, 41—49, 55—57, 63, 64, 77, 81, 86, 94, 101, 137—144, 153, 154, 162, 163, 165, 168, 175, 208, 218, 297, 302, 303, 305

виноградарь 25, 35, 37—39

виноторговец 126

водонос 89

водопроводчик 77, 139, 140, 142

возничий 89, 139, 160

воспитатель 110, 160

врач 76—79, 81, 82, 101, 104, 114, 121,

137, 139, 140, 145, 165
вышивальщик 77

гардеробщик 79, 141, 145
гарусник 124
гвоздарь, гвоздовщик 110, 118
геммарий (резчик гемм) 69
геркуланий (член коллегии культа Геркулеса) 164
гладиатор 15, 25, 101, 127, 164, 165, 174, 199, 232
глашатай 80, 123, 124, 141
гончар 33, 68, 69, 77
горничная 69, 75, 78, 81, 82, 94, 139—141
гравер 118
грамматик 82, 121, 132, 133
гребец 202

дворецкий 78, 79, 81, 137—139, 141
декурион 43, 44, 76, 77, 79, 82, 90, 94, 110, 116, 123, 127, 131, 137, 138, 140, 141, 149—151, 153
диспенсатор (управляющий, казначей) 44, 47, 48, 56, 57, 64, 76, 78—81, 85, 86, 90, 93, 95, 101, 111, 123, 137—139, 141, 143—146, 153—156, 163, 222
диетарх 140, 141
домоправитель 268
дровосек 34
дубильщик 120, 127
дуумвир 116, 201

жемчужник см. маргаритарий —
живописец 69, 77, 81, 137, 139, 141
жрец, жрица 76—78, 115, 130, 138, 140, 153, 154, 162

заведующий
винными складами 141
зерном 138
императорской канцелярией 160
кухней 140
лазаретами 138, 141
мастерской 140, 141
продовольствием 141
утварью 139
закупщик провизии 79, 140
землекоп 34
зеркальщик 78, 119
золотошвей 119
золотых дел мастер 110, 118, 119, 127, 139—141

инкрустатор 77, 119
инститор (устроитель) 8, 41, 69, 71—74, 96, 101, 104, 221
инсуларий (управляющий доходным

домом, сдающий внаем квартиры) 77—79, 81, 83, 139, 141

казначей 47, 81, 149
каменщик 112, 137, 140
камердинер 78, 81
кассир см. аркарий
кваттуорвир 114, 116, 163
квестор коллегии 77, 79, 82, 90, 114, 116, 119, 138, 151
квинквеннал 94, 110, 115, 119, 127, 130, 131, 137, 138, 149, 150, 163
кирпичник 118, 137, 138
кифаред 78, 121
кладовщик 78, 81, 137, 139, 141
клеевар 137
колесник 110, 118
кольцовщик 119
кондитер 75, 89
консул 160
контролер 78, 164
конюх 77, 79, 139—141
коринтиарий 137, 140, 141
кормилица 34, 77—79, 82, 98, 140
кравчий 82, 138—141, 147, 157
красильщик 79, 119, 120, 139
кубикULARий (спальник) 76—82, 90, 101, 139—141, 145, 147, 156, 159, 160
кузнец 33, 34, 118, 127, 137
куратор 79, 94, 131, 163
курьер 79, 140, 141
кучер 165

ламповщик 141
легат 160
лектикарий (носильщик) 75, 76, 78—82, 139—141
лесоторговец 114, 118, 134
либрарий (переписчик, книгопродавец) 82, 137
ликтор 123, 124, 147
литейщик 69, 118
лодочник 150

магистр коллегии 39, 44, 45, 48, 73, 76, 77, 79, 82, 90, 92—95, 110, 114—116, 119, 126, 128—131, 137, 141, 149, 150, 153—155, 196, 197
маргаритарий (жемчужник) 69, 119, 139
массажист 79, 82, 139—141, 147
мастер по водяным трубам и органам 118
мастер по выделке мечей 118
мастер по изготовлению труб 139
математик 121
медиастин см. чернорабочий
межевщик 78, 79, 137, 163
мельник 33

меняла 110, 121, 126
механик 69
мешочник 140, 149
мим, пантомим 104, 156
министр коллегии 92—94, 128, 130, 196, 197, 206
монетарий 153
монитор (надсмотрщик) 33
мраморщик 69, 79, 81, 83, 118, 127, 140
музыкант 76, 79, 139, 140
мясник 126

наварх 145
надзиратель[ница] 48, 49, 69, 78, 79, 139, 140, 142, 163
наездник 165
наложник, наложница 76, 89, 160
наместник 160
начальник
 бань 137, 147
 виктимариев 141
 врачей 144
 зеркальщиков 138
 конюхов 141
 кухни 141
 над арендаторами стад 144
 позолотчиков 141
 ремесленников 141
 сервировщиков 141
негоциатор (торговец, банкир) 47, 78, 85, 141, 145
номенклатор 77, 82, 140, 156, 176, 231
носильщик 159
нотарий (писец, секретарь) 89
нуммуларий (меняла, монетный контролер) 121, 137, 138

обжигатель извести 118
огородник 305
октовир 116
олеарий (маслобойщик, торговец маслом) 69
оптион (помощник начальника центуриона) 123
откупщик пошлин 164
охотник 33, 44, 64, 65, 89

парфюмер 51, 69, 110, 119, 129, 139
пастух 10, 25, 33, 48, 64, 139, 159, 173, 234, 266, 296
пахарь 34, 35, 39
певица 78, 140
педагог 76, 78, 79, 81, 82, 98, 101, 121, 139—141, 158
педисеква (слуга, сопровождающий господина) 77, 79, 82, 137, 139—141, 145, 151, 153

21 Е. М. Штаерман, М. К. Трофимоза

пекарь 33, 73, 77, 79, 81, 137, 139, 140, 168

переводчик 121
писец 78, 140, 141, 151
письмоводитель 103, 123, 124, 163
плетельщик венков 69
плотник 34, 69, 79, 81, 94, 114, 115, 118, 119, 127, 139, 140, 150
повар 69, 72, 75, 77, 79—81, 89, 101, 115, 121, 140, 141, 145, 168, 176
повивальная бабка 77, 79, 121, 140
погонщик (мулов, быков) 25, 33, 39, 69, 75, 77, 89, 146, 173
потребщик 33, 44, 45
подметальщик 33
подрядчик 118, 141, 150
позолотчик 119, 139
политор (издольный земледелец) 81, 137
понтифик 147
портной 69, 71, 77, 80, 101, 120, 139—141
посудник 119
прачечник 163
прегустатор 140, 141
презид провинции 160
претор 116, 133, 235
префект 77, 131, 137, 140, 145, 147, 201
привратник 33, 76, 79, 82, 139, 141, 156, 165, 184
принцепс коллегии 126
прокуратор 64, 78, 98, 122, 124, 137, 140—147, 149—154, 202
промагистр 82
промагистр-судья 90
проститутка 25
прядильщик 79
пряжа 33, 69, 79
птичник 72, 139, 140
пурпурарий 129

рационал (счетовод, казначей) 153
резчик 119, 141
ректор (управляющий) 144
ременщик 120
рисовальщик 77, 119
ростовщик 121
рыбак 72, 80

сагарий (мастер, изготавливающий плащи) 119
садовник 33, 69, 78, 79, 137, 139—141, 305
сальтуарий (лесничий, пастбищный сторож) 33, 41, 47—49, 64
сандальщик 120
сапожник 70, 79, 80, 101, 117, 120, 126, 139, 155, 165
сборщик (при аукционах) 133, 143

321

- свинцовщик 139, 140
 севир 113, 116, 149, 163
 севир-августал 112, 114, 115, 117, 118, 129, 150, 216
 седельщик 120
 секретарь 76, 78, 79, 82, 139, 140, 145, 158, 160, 202
 сенатор 133, 134, 156, 160
 сервировщик 75, 79, 82, 137—141, 173
 серебряник 77, 118, 139—141
 силентиарий (раб, обеспечивающий тишину в доме) 79
 скорняк 120
 скотник 48
 скульптор 119, 141
 служитель
 при лазаретах 140
 при палестре 77
 при погребениях 129
 смотритель 165
 стекольник 137, 140
 стенограф 80, 101
 сторож 79, 81, 137, 139—141, 143, 156, 165, 305
 стражник 79, 124, 202
 строитель 69, 114, 137, 139—142
 струптор (каменщик, кровельщик) 81
 стряпуха 33
 стряпчий 114, 121
 субвилик 137
 субпрефект 140, 147
 субпрокуратор 137
 судья 82, 127
 сукновал 34, 69, 71, 78, 79, 117, 119, 1427, 139, 161, 164
 счетчик 76, 82, 103
 табелларий (посыльный, гонец) 79, 82, 123
 табуларий (делопроизводитель, счетовод, казначей) 78, 81, 126, 137, 139, 141, 143, 144, 146, 147, 154, 162, 163
 театральный регент 127
 тессерарий 118, 123, 140
 ткач, ткачиха 33, 69, 71, 79, 110, 119, 137, 139, 151
 торговец 114, 115, 118—120, 127
 трагик 132, 157, 223
 трактирщик 117, 120
 трибун коллегии 77, 131, 133, 151
 триерарх 145
 триклинарх 141
 триумвир 82, 151
 трубач 124
 турарий (занимающийся благовоин-ями) 69
 уборщик 137
 управляющий 104, 143, 156
 упряжник 141
 учитель 77, 160
 фиктор 114
 философ 187
 хлебопек 69, 121
 хормейстер 114
 хорреарий (смотритель за амбарами, кладовыми) 78, 79, 81, 139, 141, 163
 хрустальщик 140
 целларий (кладовщик, эконом) 47
 цензор коллегии 127
 центонарий (портной-штопальщик) 110, 119, 127, 150
 центурион 235
 цирульник 33, 68, 79, 80, 82, 101, 119, 139, 140
 чеканщик 69, 74, 118, 139
 чернорабочий, 34, 35, 69, 74, 76, 81, 140, 222
 чесальщик шерсти 69, 119, 127
 чтец 139
 швея 69, 79, 80, 120, 139, 140
 шерстобит 127
 штукатур 79, 81, 140
 шут 80, 165
 эдил 201
 эдил коллегии 81, 90, 116
 ювелир 69, 71, 139

О Г Л А В Л Е Н И Е *

Введение	5
Глава первая	
Источники рабства	14
Глава вторая	
Рабство в сельском хозяйстве	27
Глава третья	
Рабство в ремесле. Городские фамилии	67
Глава четвертая	
Частные вольноотпущенники	97
Глава пятая	
Императорские и городские рабы и отпущенники	136
Глава шестая	
«Рабский вопрос»	167
Глава седьмая	
Политика правительства в отношении рабов и либертинов	192
Глава восьмая	
Классовая борьба	230
Глава девятая	
Христианство и рабство (по данным новозаветной литературы)	250
Заключение	296
Список сокращений	317
Указатель имен античных авторов	318
Указатель профессий и должностей	319

* Введение, главы I—8 и заключение написаны Е. М. Штаерман, гл. 9 написана М. К. Трофимовой

*Елена Михайловна Штаерман,
Марьяна Казимировна Трофимова*

**Рабовладельческие отношения
в ранней Римской империи (Италия)**

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории АН СССР*

Редактор издательства *Ф. Н. Арский*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*

Сдано в набор 8/XII-70 г. Подписано к печати 19/III-71 г.
Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 20,25. Уч.-изд. л. 21,4.
Тираж 2600 экз. Бумага № 2. Тип. зак. 4413. Т-04078.
Цена 1 р. 51 к.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

